

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 0130-3864

В НОМЕРЕ:

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТНИКОВ НЕМЕЦКИХ
КНЯЗЕЙ В ГОДЫ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ (1618–1648)

КОРРУПЦИОННЫЕ СКАНДАЛЫ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА
У.С. ГРАНТА

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ XVIII века:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

МАЛЫЕ ВОЙНЫ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ: Ч.Э. КОЛЛВЕЛЛ И
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОМПАРАТИВНОМ ИЗМЕРЕНИИ

ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1922 года ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ
АНАРХИСТОВ

НАВСТРЕЧУ РАПАЛЛО: ПЕРСПЕКТИВА ГЕРМАНО-СОВЕТСКОГО
СБЛИЖЕНИЯ В КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
МЁЛЛЕРА ВАН ДЕН БРУКА

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ «ЕДИНОГО ФРОНТА»
КОМИНТЕРНА НА ФОНЕ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
1921–1922 годов

ИНТЕГРАЦИЯ СССР В МЕЖДУНАРОДНУЮ
ПАТЕНТНО-ЛИЦЕНЗИОННУЮ СИСТЕМУ В КОНТЕКСТЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
(1950-е – начало 1970-х годов)

«СЕНДЕРО ЛУМИНОСО» В ПЕРУ: ТЕРРОР И ЕСТЬ РЕВОЛЮЦИЯ

ПРАВИТЕЛЬСТВО МАЛУНИ И ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА
КАНАДЫ В АРКТИКЕ В 1980-е годы

2

2023

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

НОВАЯ II НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**№ 2
МАРТ–АПРЕЛЬ**

2023

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор В.С. Мирзеханов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Одд Арне Вестад (США), **А.Б. Давидсон** (Россия), **Штефан Карнер** (Австрия),
Элен Каррер д'Анкосс (Франция), **Николаус Катцер** (Германия), **Доминик Ливен**
(Великобритания), **Г.Ф. Матвеев** (Россия), **В.С. Мясников** (Россия), **В.В. Наумкин** (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), **А.О. Чубарьян** (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Йорг Баберовски (Германия), **Л.С. Белоусов** (Россия), **Д.М. Бондаренко** (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), **Владислав Зубок** (Великобритания), **Суви Кансикас** (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), **М.А. Липкин** (Россия), **Леонид Люкс** (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), **Мари-Пьер Рей** (Франция),
Дональд Рейли (США), **Л.П. Репина** (Россия), **И.М. Савельева** (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), **В.В. Согрин** (Россия), **Грегори Фриз** (США), **Б.Л. Хавкин** (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), **Франтишек Штеллнер** (Чехия)

Ответственный секретарь И.А. Фадеев

*Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru*

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 2
MARCH–APRIL
2023

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL OF EDITORS

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Hélène Carrère d'Encausse (France), **Nikolaus Katzer** (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Видничук А.О. Женская преступность в России XVIII века: постановка проблемы	5
Малкин С.Г. Малые войны великих держав: Ч.Э. Коллвелл и Российская империя в компаративном измерении	21

НОВОЕ ВРЕМЯ

Лазарева А.В. Дипломатическая деятельность советников немецких князей в годы Тридцатилетней войны (1618–1648)	34
Тихонова А.В. Швейцарская колония Шабо (Шабар): путь к экономическому успеху	47
Алентьева Т.В. Коррупционные скандалы в период президентства У.С. Гранта	61

XX ВЕК

Павлов А.Ю. Граф де Люберсак: миссия в России, 1916–1919 годы	73
Дамье В.В. Генуэзская конференция 1922 года глазами российских анархистов	86
Артамошин С.В. Навстречу Рапалло: перспектива германо-советского сближения в консервативной публицистике Мёллера ван ден Брука	100
Шубин А.В. Формирование политики «единого фронта» Коминтерна на фоне советской внешней политики 1921–1922 годов	108
Заводюк С.Ю., Занин С.В. Интеграция СССР в международную патентно-лицензионную систему в контексте международного технологического сотрудничества (1950-е – начало 1970-х годов)	122
Щелчков А.А. «Сендеро Луминосо» в Перу: террор и есть революция	134
Волюдин Д.А. Правительство Малруни и проблема суверенитета Канады в Арктике в 1980-е годы	149

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

Науменко Т.В., Тимахов К.В. Саудовская Аравия и Египет: два столпа Ближнего Востока	162
---	-----

СООБЩЕНИЯ

Арабаджян А.З. Противоречия между Кубой и СССР после Карибского кризиса: от международной политики до политической экономии	178
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Короленков А.В. Новые книги о Тридцатилетней войне (А.Ю. Прокопьев. Тридцатилетняя война. СПб., 2020; Vor 400 Jahren. Der Dreißigjährige Krieg / Hrsg. R. Rebitsch, L. Höbelt, E.A. Schmidl. Innsbruck, 2019)	191
Родин Д.В. Великобритания в «балканском лабиринте» накануне Первой мировой войны (О.И. Агансон. В поисках равновесия. Великобритания и «балканский лабиринт», 1903–1914 гг. СПб., 2022)	198
Туминская О.А. Музееведческая мысль. Истоки (В.Г. Ананьев. Институт истории искусств как центр музееведческой мысли Петрограда – Ленинграда конца 1910-х – 1920-х гг. СПб., 2021)	203
Хрулёва И.Ю. Экономические причины возникновения холодной войны (К.В. Минкова. Экономические истоки холодной войны: советско-американские экономические отношения в 1943–1947 гг. СПб., 2021)	207
Черноперов В.Л. Германская история XX века в отражении российской исторической памяти (Б.Л. Хавкин, К.Б. Божик. Российское зеркало германской истории. XX век. М., 2021)	211

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Фомин А.М. На грани и за гранью войны. Конференция на историческом факультете МГУ ...	216
Лазарев А.В., Боркунов Н.В. Всероссийская научная конференция африканистов.	220

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Vidnichuk A.O. Female Criminality in Eighteenth-Century Russia: Formulating a Research Problem	5
Malkin S.G. Small Wars of the Great Powers: Charles Edward Callwell and the Russian Empire in Comparative Perspective	21

MODERN HISTORY

Lazareva A.V. Diplomatic Activities of Councillors to the German Princes During the Thirty Years' War, 1618–1648	34
Tikhonova A.V. Swiss Colony Shabo (Shabag): The Way to Economic Success	47
Alentieva T.V. Corruption Scandals During the Presidency of Ulysses Grant	61

20th CENTURY

Pavlov A.Yu. Count de Lubersac: Mission in Russia, 1916–1919	73
Damier V.V. The Genoa Conference of 1922 Through the Eyes of Russian Anarchists	86
Artamoshin S.V. Towards Rapallo: The Prospect of German-Soviet Rapprochement in the Conservative Opinion Journalism of Moeller van den Bruck	100
Shubin A.V. The Formation of the “United Front” Policy of the Comintern and Soviet Foreign Policy of 1921–1922	108
Zavodyuk S.Yu., Zanin S.V. Integration of the USSR into the International Patent-Licensing System in the Context of International Technological Cooperation (1950s – early 1970s)	122
Schelchkov A.A. Sendero Luminoso in Peru: Terror is Revolution	134
Volodin D.A. The Mulroney Government and the Problem of Sovereignty of Canada in the Arctic in 1980s	149

CONTEMPORARY HISTORY

Naumenko T.V., Timakhov K.V. Saudi Arabia and Egypt: Two Pillars of the Middle East	162
--	-----

MESSAGES

Arabadzhyan A.Z. Tensions Between Cuba and the USSR After the Cuban Missile Crisis: From International Politics to Political Economy	178
---	-----

REVIEWS

Korolenkov A.V. New Books on the Thirty Years' War (A.Ju. Prokopjev. The Thirty Year's War. Saint-Petersburg, 2020; Vor 400 Jahren. Der Dreißigjährige Krieg / Hrsg. R. Rebitsch, L. Hobelt, E.A. Schmidl. Innsbruck, 2019)	191
Rodin D.V. Great Britain in the “Balkan Labyrinth” on the Eve of the Great War (O.I. Aganson. In Search of Equilibrium: Great Britain and the “Balkan Labyrinth”, 1903–1914. Saint-Petersburg, 2022)	198
Tuminskaya O.A. Museological Thought: the Origins (V.G. Ananyev. Institute of Art History as a Center of Museological Thought of Petrograd – Leningrad of the Late 1910s–1920s. Saint-Petersburg, 2021)	203
Khruleva I.Yu. Economic Causes of the Cold War (K.V. Minkova. Economic Origins of the Cold War: Soviet-American Economic Relations in 1943–1947. Saint-Petersburg, 2021)	207
Chernopetrov V.L. German History of the Twentieth Century in the Reflection of Russian Historical Memory (B.L. Khavkin, K.B. Bozhik. The Russian Mirror of German History. XX Century. Moscow, 2021)	211

ACADEMIC LIFE

Fomin A.M. On the Brink and Beyond the Brink of War: A Conference at the Faculty of History of Moscow State University	216
Lazarev A.V., Borkunov N.V. All-Russian Conference of Africanists	220

DOI: 10.31857/S013038640021537-8

© 2023 г. А.О. ВИДНИЧУК

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ XVIII века: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Видничук Анастасия Олеговна — младший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Москва, Россия).

E-mail: avidnichuk@hse.ru

Researcher ID: AAC-6690-2020

В статье использованы результаты проекта «Вестернизация как описательная модель истории России Нового времени: критика и поиск альтернатив», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

Аннотация. Историки утверждают, что Новое время было переломным периодом для женской части населения европейских стран. Ренессанс, Реформация, научная революция и другие события и процессы изменили гендерные роли и расстановки в обществе. Чтобы отследить качественные характеристики этих изменений, ученые обращаются к разным сферам и аспектам жизни женщин прошлого: семье, сексуальности, работе, религиозности. Одной из таких сфер изучения в последнее время стала преступность. История женской преступности на Западе сегодня является развитым и актуальным направлением исследований. В предлагаемой статье анализируется западная историография по данной проблематике, выявляются особенности исторического контекста, источников и методов работы с ними, а также намечаются возможные подходы к изучению женской преступности в России Нового времени. Изучение женской преступности в России XVIII в. не только возможно, но и вполне перспективно. Тем не менее необходимо учитывать и постоянно держать в уме разницу между российским и европейским историческим контекстом, равно как и между характером источников. При правильном подходе изучение женской преступности в России и сопоставление ее с европейской открывает для историка возможность взглянуть на российское общество и государство означенного периода под новым углом. Кроме того, изучение женской преступности дает богатый материал по практике правоприменения, а также позволяет значительно дополнить и расширить существующее представление о той роли, которую играла женщина в русском обществе XVIII в.

Ключевые слова: женская преступность, Новое время, петровские реформы, историография, судебные материалы.

A.O. Vidnichuk

Female Criminality in Eighteenth-Century Russia: Formulating a Research Problem

Anastasia Vidnichuk, Higher School of Economics (Moscow, Russia).

E-mail: avidnichuk@hse.ru

Researcher ID: AAC-6690-2020

The article uses the results of the project “Westernization as a descriptive model of the History of Modern Russia: Criticism and the search for Alternatives”, carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Program in 2022.

Abstract. Historians argue that the Modern Era was a turning point for the female population of European countries. The Renaissance, the Reformation, the Scientific Revolution and other major events

and processes changed gender roles and social customs. To trace the qualitative characteristics of these changes, scholars examine different areas and aspects of women's lives in the past: family, sexuality, work, religion, and crime. The history of female criminality in Europe is now a well-developed and highly relevant field of research. In this article the author analyses Western historiography on the subject, identifies peculiarities of the historical context, sources and methods of processing them, and outlines possible approaches to the study of female criminality in modern Russia. The study of female criminality in eighteenth-century Russia is not only possible but also very promising. Nevertheless, scholars need to take into account the difference between the Russian and European historical contexts, as well as the nature of the sources. If properly approached, the study of female criminal behaviour in Russia and its comparison with European experience offers the historian an opportunity to look at Russian society and government in the period in question through new perspectives.

Keywords: female criminality, Modern Era, Petrine reforms, historiography, court documents.

Изучение женской преступности находится на стыке двух исторических дисциплин, зародившихся во второй половине прошлого века и развивавшихся сначала обособленно, но довольно скоро вошедших в тесное взаимодействие — новой социальной истории и гендерной истории.

Новая социальная история обратилась к изучению структуры и механизмов функционирования общества, индивидуальных стратегий исторических акторов, способам восприятия явлений и повседневным практикам¹. Основная заслуга переродившейся дисциплины состояла в том, что она усомнилась в четкости, простоте и статичности картины мира прошлого, созданной предшествующими поколениями историков, и выдвинула предположение, что общество было гораздо более сложно устроенным, дифференцированным, изменчивым и неоднородным, чем считалось. Такой подход не только позволял ввести в фокус изучения социальные группы, которым ранее не отводилось хоть сколько-то значимое место в исторических исследованиях, но и прямо требовал этого. Одной из таких групп были преступники.

К тому времени, как историки начали интересоваться преступностью как социальным феноменом прошлого, криминологи, социологи и антропологи уже накопили значительное количество объяснительных теорий: о физиологической склонности индивидов к преступности², о преступности как признаке здоровья общества и канале выхода негативной энергии³, о преступности как следствии невозможности достижения культурно значимых целей посредством доступных институционализированных средств⁴, о преступности как способе разрешения существующих в обществе социальных и экономических противоречий⁵, о социальном контроле как потенциальном источнике расширения девиации⁶ и т.д.

Задача историков состоит не столько в попытках выявления причин преступности, сколько в выяснении роли этого феномена в функционировании общества прошлого, в демонстрации его социальной значимости, а также изменчивости и ситуативности самого понятия «преступное» на протяжении исторических эпох. Кроме того, изучение преступности позволяет исследователю увидеть отклонение от нормы, установленной государством, проследить персональную историю, судьбу конкретного человека, степень

¹ Об этом процессе см., например: *Уваров П.Ю.* Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015.

² *Ломброзо Ч., Ферреро Г.* Женщина преступница и проститутка. Киев; Харьков, 1897; *Тарновская П.Н.* Женщины-убийцы. Антропологическое исследование с 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. СПб., 1902.

³ *Дюркгейм Э.* Правила социологического метода. М., 2021. С. 120–121.

⁴ *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология власти. 2010. № 4. С. 212–223.

⁵ *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002.

⁶ *Becker H.S.* Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York, 1963.

интегрированности делинквентов в социум и уровни дифференциации внутри криминального сообщества.

Что касается гендерной истории, то она проделала долгий путь от амбициозных попыток пересмотреть существующую периодизацию и «написать особую “женскую историю”» до изучения режимов взаимодействия мужчин и женщин внутри общества и влияния гендерного фактора на решения людей в прошлом⁷. Иными словами, постепенно исследователи осознали, что наиболее плодотворный подход — писать не историю мужчин или историю женщин, а использовать категорию «гендер» для анализа общества наряду с категориями «класс», «сословие», «раса» и др.⁸ В соответствии с этим подходом работает, например, германский историк Улинка Рублак, изучившая «женский опыт столкновения с законом». В своей монографии о женской преступности в Германии раннего Нового времени она показывает, «как гендер формировал конфликт» в обществе и «как жили женщины, оказавшиеся на обочине жизни общества»⁹.

Женская преступность интересует гендерных исследователей как одна из немногочисленных сфер, где можно «услышать» голос обычно безмолвной части населения, увидеть реальную степень вовлеченности женщин в жизнь государства и общества. Почерпнутая из источников информация помогает преодолеть ложные стереотипы и воссоздать «многомерность» и неоднозначность многих социальных процессов в прошлом.

Между тем выражение «женская преступность» при всей своей внешней очевидности представляет терминологические трудности. В историографии оно используется как для обозначения преступлений, совершаемых женщинами (*female crimes*) (это касается и преступлений, которые принято считать исключительно женскими, как, например, детоубийство, и преступлений, в которых обвиняемыми выступают женщины), так и для совокупности тенденций, статистических показателей, общей направленности преступности, специфического поведения преступниц и т.д. (*female criminality*). Но уже постольку, поскольку оно существует, в нем заложена концептуальная составляющая: оно противопоставляется мужской преступности и манифестирует особенность женской преступности, ее непохожесть на мужскую. Но одного различия по полу, думается, мало для того, чтобы делать вывод о несомненной разности поведения, в том числе преступного. Термин «женская преступность» нельзя употреблять как нечто само собою разумеющееся прежде, чем эмпирически будет доказано наличие разницы между сущностью женской и мужской вовлеченности в преступные деяния. Кроме того, существует еще одна опасность непроясненности терминов, которая лежит в методологической плоскости. С одной стороны, женскую преступность сложно, даже практически невозможно изучать «в вакууме», т.е. саму по себе, без сравнения с мужской, с другой стороны, поскольку термины «преступность» и «мужская преступность» вне специальных гендерных исследований обычно не разграничиваются¹⁰, есть риск, что мужская преступность начнет восприниматься как фон, как норма, а женская преступность — как отклонение от нормы.

Новое время — важный этап в изучении преступности в целом и женской в частности. Изменение самого характера преступности¹¹, отношения к этому явлению и способам

⁷ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. 2-е изд. М., 2009. Гл. 4.

⁸ Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории. Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002. Ч. 1. Гл. 1.

⁹ Rublack U. The crimes of women in early modern Germany. Oxford, 1999. P. 2.

¹⁰ Durston G. Victims and Viragos: Metropolitan Women, Crime and the Eighteenth-Century Justice System. Bury St Edmunds (UK), 2007. P. 1.

¹¹ Британский историк Клайв Эмсли, в частности, отмечал, что с развитием экономики и переходом к капитализму появились новые виды преступлений, например банковские аферы, которые было гораздо сложнее расследовать, чем мелкие кражи (*Emsley C. Crime and Society in England 1750–1900*. Harlow; New York, 2005. P. 298). А Грегори Дарстон упоминает о значительном снижении числа убийств в Европе начиная с конца Средних веков и до середины XX в. (*Durston G. Op. cit.* P. 60).

наказания правонарушителей¹², восприятие телесности и физической боли, становление новой системы ценностей, а также возникновение новых институтов — профессиональной полиции, детективных агентств, прокуратуры¹³ и т.д. — все это не просто черты новой современной эпохи, но и одни из первостепенных трансформаций, благодаря которым мы вообще можем говорить о модерности. В то же время женской части общества переход к Новому времени, проявившийся в генезисе капитализма и усложнении общественных отношений, сулил потерю и тех незначительных возможностей, которыми она обладала в Средние века¹⁴. XVIII в. был последним этапом, когда в некоторых европейских странах еще допускалось участие женщин в производстве и денежных операциях, управление собственностью и по крайней мере эпизодическая вовлеченность в публичную сферу. В XIX в. области публичного и частного поляризируются, меняется отношение к браку и женской сексуальности, возникают новые стандарты поведения и новый идеал жены и матери, оформляется иная гендерная идеология, которая одновременно ограничивает сферу женского влияния домашним хозяйством, сильно урезает индивидуальную свободу женщины и понижает ее авторитет внутри семьи.

На сегодняшний день в зарубежной историографии насчитывается несколько сотен статей и монографий, посвященных женской преступности Нового времени, была разработана методология, введено в оборот множество ранее не изученных источников, а уже известные получили новую интерпретацию. Западные исследователи активно осваивают документы Нового времени, сопоставляя женские практики с мужскими и получая результаты, зачастую коренным образом меняющие представления об обществе того времени. Историки работают в разных концептуальных рамках: в рамках социальной, гендерной или правовой истории. Избранным углом зрения определяется используемый инструментарий.

Разумеется, наиболее очевидным источником для изучения женской преступности во все времена и во всех европейских странах являются судебные и следственные материалы. Устройство судебной системы, правила и способы ведения следствия и фиксации показаний участников судебного дела были неодинаковы в разных странах, однако можно выделить некоторые особенности, характерные для европейских судебных документов и правовых систем и представляющие первостепенную важность для историка. Во-первых, довольно высокая степень сохранности документов. Во-вторых, во многих европейских странах уже в XVII в., а зачастую и раньше, существовали низовые местные суды, которые возглавлялись судьей из местных аристократов и в которых разбирались мелкие гражданские иски и назначались легкие наказания вроде штрафа или обязательства соблюдать мир. Участники разбирательств обычно имели возможность лично, в неформальной обстановке поговорить с судьями этих судов, которые в свою очередь были сильно интегрированы в местное сообщество и руководствовались не всегда исключительно буквой закона.

Изучение документов этих местных гражданских судов позволяет работающим с ними исследователям увидеть уровень правовой культуры граждан (иногда они целенаправленно обращались в эти суды, потому что шансы выиграть дело там были выше, пусть и получив меньшую выгоду), обнаружить правонарушения, которые не фигурируют в судах более высокой инстанции (например, брань, мелкие побои), отследить режимы существования отдельного сообщества и т.д.¹⁵ В-третьих, в XVIII в. во многих европейских странах уже был достигнут сравнительно высокий уровень грамотности населения, что позволяло людям активно участвовать в разбирательстве, и практически во всех судебных инстанциях фиксировалась прямая речь участников судебных процессов, так что истцы и обвиняемые могли свободно выстраивать собственные нарративы, использовать те или

¹² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

¹³ Emsley C. Crime and Society in England 1750–1900. Harlow; New York, 2005. Ch. 9; Акельев Е. В. «Сыщик из воров» Ванька Каин: анатомия «гибрида» // Ab Imperio. 2018. № 3. С. 257–304.

¹⁴ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. Гл. 4.

¹⁵ Hurl-Eaton J. Gender and Petty Violence in London, 1680–1720. Columbus, 2005.

иные стратегии защиты и обвинения, и в зависимости от их убедительности судьи принимали решения¹⁶. Эта особенность источников позволяет исследователям анализировать дискурсивные практики исторических акторов.

Здесь же нужно отметить, что существование некоторых преступлений и наказаний обуславливалось культурной спецификой региона/страны. В частности, в большинстве европейских стран в XVIII в. уже не было крепостного права и существовал рынок вольнонаемных работников, что во многом определяло характер преступности в городах (например, часто случались конфликты между хозяевами и служанками). Кроме того, еще со Средних веков европейские города имели особый статус, жить в городе считалось привилегией, и поэтому распространенным видом наказания было изгнание за городскую черту.

Помимо судебно-следственных документов важную, но не очевидную на первый взгляд роль в судопроизводстве играла пресса. Пресса формировала общественное мнение и одновременно служила его рупором. Обличительные статьи, памфлеты, карикатуры — все это пользовалось большой популярностью у населения и могло влиять на ход общественно значимых судебных процессов или выступать карательным механизмом, если правосудие, как считала публика, не восторжествовало.

Третьим важным корпусом источников, специфическим для европейских стран, являются разнообразны́е трактаты, философские, политические, религиозные, правовые и медицинские сочинения, наиболее известные из которых оказывали серьезное влияние на практику судопроизводства. Применительно к женской преступности можно выделить, например, бытовавшие в Англии XVIII в. идеи о том, что женщины, в отличие от мужчин, сильнее подвержены эмоциям, плохо себя контролируют, нуждаются в мужском руководстве и наставлении и т.д. С другой стороны, в это время распространяются популяционистские идеи, связывавшие благосостояние государства с размером населения, и поэтому беременные женщины обладали особенной ценностью в глазах власти. А поскольку медицина в этом вопросе была неразвита и беременность на малом сроке не диагностировалась, это открывало для женщин, как для жертв, так и для правонарушительниц, возможности для спекуляций и получения некоторых преференций¹⁷.

В западной историографии уже пройден этап накопления фактических сведений, и сегодня историков не очень интересуют количественные данные, фиксирующие долю участия женщин в преступной деятельности, наиболее распространенные среди женщин преступления или отношение государства к женской преступности, выражавшееся через соотношение обвинительных и оправдательных приговоров. Тезисы о том, что в целом показатели женской преступности были ниже, чем мужской, что большую часть преступлений женщин составляли кражи и что женщины не склонны к насилию и жестокости, уже являются очевидными для исследователей женской преступности в Европе Нового времени и не нуждаются в дальнейших подтверждениях. Можно выделить следующие вопросы, которые стоят на повестке дня сегодня¹⁸.

О тенденциях женского участия в преступной деятельности. Основная дискуссия по этому вопросу развернулась вследствие появившихся в 1990-х годах исследований М. Фили. Он доказывал, что, начиная со второй половины XVIII в., в Англии женщины исчезают из уголовного процесса. Историк связывал это с процессом индустриализации, разделившим мир на женскую сферу — приватную, домашнюю, и мужскую — публичную, рабочую. В последующих работах, посвященных женской преступности в Англии или других европейских странах, ученые неизменно возвращаются к этому тезису, подтверждая или опровергая его. К примеру, нидерландская исследовательница М. ван дер Хайден установила, что в Голландии «между 1750 и 1850 гг. преступное поведение

¹⁶ Наиболее известный и удачный пример: *Zemon Davis N. Fiction in the Archives: Pardon Tales and their Tellers in Sixteenth Century France*. Stanford (CA), 1987.

¹⁷ *Hurl-Eamon J. Gender and Petty... Ch. 4.*

¹⁸ *Hurl-Eamon J. Female Criminality in the British Courts from the Middle Ages to the Nineteenth Century // Journal of Women's History. 2009. Vol. 21. № 3. P. 161–169.*

женщин колебалось под влиянием различных факторов, таких как война, демография и юрисдикция, но что тенденции к значительному снижению [количества дел с участием женщин] не было»¹⁹.

О женском насилии. Тезис о том, что женщины совершали меньше убийств, грабежей и других преступлений, предполагающих применение физической силы или использование оружия, стал уже общим местом в историографии. Однако, как считают ныне исследователи, имеет смысл не сравнивать количественные данные о совершенных мужчинами и женщинами насильственных преступлениях, а говорить о разных гендерно специфичных видах насилия. Иными словами, если раньше историки констатировали несклонность женщин к жестокости на основании их незначительного участия в насильственных преступлениях, то теперь предлагается сменить угол зрения и, во-первых, переосмыслить наши представления о насилии, включив в это понятие брань и нанесение легких телесных повреждений, и, во-вторых, обратить внимание на другие источники: не на уголовные дела, а на гражданские иски²⁰.

Об особенностях совершения женщинами имущественных преступлений. В связи со сравнительно высокой вовлеченностью женщин в кражи, интеракции с краденными вещами и в другие преступления против собственности историки, как и в случае с насилием, пытаются выявить типичные для женщин и доступные для них способы совершения преступления, специфичное поведение. Если раньше акцент делался на том, что женщины крали, и на том, как это было обусловлено их экономической ролью в обществе²¹, то теперь внимание сместилось на то, какие возможности для совершения преступлений предоставляли женщинам их профессия, одежда, круг контактов и т.д.²²

О криминальных коллаборациях женщин и мужчин. Как пишет английская исследовательница женской преступности Г. Уокер, ранее «женщины в соответствии с их предполагаемой социальной ролью считались в значительной степени зависимыми от руководства мужчин в незаконной деятельности». Однако тщательный анализ источников показывает, что женщины, как правило, совершали преступления в одиночку или кооперируясь с другими женщинами, но не с мужчинами, а значит, «женская преступность не может больше рассматриваться просто как производная от мужской»²³.

Об агентности женщин в суде. Значительное внимание исследователей сосредоточено на выяснении степени самостоятельности женщин в судебном процессе, на их защитных и обвинительных стратегиях, на возможностях влиять на ход дела. Историки, начиная с Н. Земон-Дэвис, пытаются выделить гендерно окрашенные дискурсивные практики и элементы защиты и обвинения, классифицировать стратегии на основании социального статуса и образа жизни женщин. Такие исследования демонстрируют разницу в поведении мужчин и женщин в суде, в языке мужских и женских документов. Кроме этого, историков привлекает образ женщины как вершительницы правосудия: не только то, как женщины пытались защитить себя и свою семью, но и их зачастую внесудебное вмешательство в дела, напрямую их не касавшиеся.

О том, как была устроена система правосудия в гендерном отношении. Долгое время в историографии бытовало утверждение, основанное в большей мере на здравом смысле и современных ожиданиях, что суды более мягко относились к женщинам, чем к мужчинам. Сегодня исследователи, анализируя законодательство, судебный процесс и

¹⁹ *Heijden M.P.C. van der. Women and Crime in Early Modern Holland. Leiden; Boston, 2016. P. 15.*

²⁰ Например: *Hurl-Eamon J. Gender and Petty...; Ingram M. "Solding women cucked or washed": a crisis in gender relations in early modern England? // Kermod J., Walker G. Women, Crime and the Courts in Early Modern England. Chapel Hill, 1994. P. 47–79.*

²¹ *Durston G. Op. cit.; MacKay L. Why They Stole: Women in the Old Bailey, 1779–1789 // Journal of Social History. 1999. Vol. 32. P. 623–639.*

²² *Palk D. Gender, Crime and Judicial Discretion, 1780–1830. Woodbridge, 2006; Walker G. Women, theft and the world of stolen goods // Kermod J., Walker G. Women, Crime and the Courts... P. 81–112.*

²³ *Walker G. Women, theft and the world... P. 83, 86.*

приговоры, пытаются понять, так ли это. Некоторые приходят к выводу, что государство было склонно более сурово относиться к женщинам и считать их априори виновными, «ненадежными, невежественными, ветреными и распутными»²⁴, другие — наоборот, отмечают, что судьи не воспринимали женщин всерьез, часто отказывая им в самостоятельности и перекладывая ответственность на их мужей или отцов²⁵, третьи говорят о влиянии гендерных ожиданий и стереотипов на отношение судей и вердикты. К примеру, Г. Дарстон предположил, что сравнительно большое количество оправдательных приговоров в делах об убийствах, совершенных женщинами, может объясняться тем фактом, что летальное насилие ассоциировалось в обществе с брутальностью и маскулинностью, так что в невиновность женщин верили с большей готовностью²⁶.

Кроме того, в последнее время внимание историков привлекают способы, посредством которых судьи определяли виновность и невиновность обвиняемых: при отсутствии разработанных на тот момент криминологических методов судьи придавали значимость проявлениям эмоций, жестах, естественным реакциям подсудимых²⁷. Учитывая, что женщины считались, с одной стороны, более эмоциональными и психически нестабильными существами, а с другой — более греховными и склонными ко лжи, за их эмоциями наблюдали особенно внимательно.

И, вероятно, наиболее важный для историографии вопрос: насколько гендер влиял на преступность. Как представляется, историки все менее склонны принимать за аксиому утверждение, что гендер преступника являлся первоочередным фактором, определяющим способ, причины и мотивы совершения преступлений, а также наказания за них. Очевидно, что гендерный подход позволил переосмыслить многие исторические факты и причинно-следственные связи, однако на сегодняшний день исследователи начали осознавать не только его возможности, но и ограничения. Кажется, слепое и не всегда плодотворное увлечение анализом явлений прошлого исключительно сквозь призму гендера уходит и начинается постепенная реабилитация значимости социальных, экономических и прочих факторов.

Что касается женской преступности в России Нового времени, то специальные работы по этой проблематике отсутствуют как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Лишь отдельные сюжеты — нарушение брачного законодательства и промискуитет, мужеубийство, колдовство, участие в преступных бандах и имущественные преступления, проституция — затрагивались в работах более общего характера. Следовательно, пропустить этап установления базовых тезисов о женской преступности в России и перейти сразу к актуальным вопросам современной зарубежной историографии не представляется возможным.

Наличие такого пробела в историографии, как представляется, связано прежде всего с особенностями развития отечественной исторической науки. Вплоть до XXI в. феномен преступности России раннего Нового времени в социальном контексте вообще не рассматривался. Нельзя не согласиться с Е.В. Акельевым, который пишет, что в работах историков «отсутствовали сведения о конкретных преступниках и преступных группах», а «конкретно-историческая практика применения правовых норм... почти не рассматривалась». Такую ситуацию можно традиционно связать с наметившимся во второй половине XX в. общим отставанием российской исторической науки от западной. Однако странным представляется тот факт, что российские исследователи, довольно быстро воспринявшие новые веяния и начавшие активно разрабатывать историю повседневности или историю ментальностей (активно привлекая при этом судебно-следственную

²⁴ Walker G. Women, theft and the world... P. 31.

²⁵ Durston G. Op. cit. P. 33–36; Walker G. Crime, gender, and social order in early modern England. Cambridge, 2003. P. 201–206.

²⁶ Durston G. Op. cit. Ch. 3.

²⁷ Rublack U. Op. cit. P. 58–60.

документацию, несмотря на сложности, сопряженные с таким ее использованием), тем не менее практически не заинтересовались всерьез историей преступности.

Гендерная история в России также начала развиваться сравнительно поздно. И хотя на сегодняшний день уже существует немало работ как теоретического плана, так и исследований, основанных на первичных источниках, XVIII в. в гендерной историографии по-прежнему представлен весьма скудно. Между тем XVIII в. в истории России — это период реформ, качественного изменения практически всех сторон жизни общества. Разумеется, преобразования не могли не затронуть и жизнь женской его половины, целенаправленно или в качестве побочного эффекта. Кроме того, как показывают исследования западных историков, война неизбежно влияет на динамику и тенденции преступности внутри страны, ведущей ее. Например, резко меняется количественное соотношение женских и мужских правонарушений в сторону увеличения первых, поскольку значительная часть мужчин находится за пределами страны и участвует в боевых действиях. Соответственно, меняется и видовая структура преступности. Напротив, окончание войны и демобилизация сопровождаются, как правило, резким всплеском преступлений. Поскольку в XVIII в. Россия также вела многочисленные войны в основном за пределами страны и с армией, организованной на иных по сравнению с предыдущим периодом принципах, интересно будет выяснить, действовали ли здесь схожие паттерны в отношении преступности.

Исследователь, обращающийся к теме женской преступности в России Нового времени, не всегда может идти проторенной дорогой: пользоваться методами и инструментарием, разработанными западными коллегами, задавать источникам аналогичные вопросы или применять существующие интерпретационные модели. Сравнить ситуацию в России и в Европе можно лишь со значительными оговорками: необходимо учитывать существенную разницу в структуре и социальной организации общества, а также в устройстве судебной системы и, как следствие, в особенностях источников, находящихся в распоряжении историков. Безусловно, каждый из регионов Европы также обладал политической, социальной, культурной и экономической спецификой, влиявшей на характер преступности и устройство судебной системы, однако существовали и важные факторы, общие для западноевропейских стран, как, например, римское право, лежащее в основе кодексов законов, раннее исчезновение крепостного права, появление рынка свободной рабочей силы, значимость и влияние прессы и общественного мнения, развитая культура рефлексии и письменной фиксации мыслей, выразившаяся в появлении многочисленных философских и иных трактатов, наличие крупных городов с особыми правами и ощутимый контраст между городской и деревенской жизнью, высокий статус Церкви (католической и протестантской) и неподвластность ее государству.

Что касается России, то и в начале, и в конце XVIII в. она переживала серьезные трансформации, касавшиеся и структуры общества, и судебной системы. Тем не менее крепостное право — институт, определявший социальный облик страны и влиявший на все стороны ее жизни, — оставалось нетронутым. Существование крепостного права порождало соответствующие специфические преступления: побеги крепостных от хозяев, бег со сносом, покушения на жизнь помещиков или же попытки их задобрить с помощью «магии», непослушание крепостных и «продерзости» по отношению к господам и т.д. Именно беглые крепостные составляли основу городского преступного мира.

Кроме того, поскольку крепостные считались собственностью помещиков, то последние имели право наказывать провинившихся крестьян самостоятельно, не обращаясь к государству. Иными словами, существование крепостного права фактически выводило от трети до половины населения страны из законных юридических рамок. Это не значит, что дворяне не приводили своих крепостных в судебные органы, напротив, изучение архивных дел показывает, что дворяне охотно прибегали к помощи государства, если видели в этом выгоду. Но это значит, что в отличие от стран Европы, в России значительная часть населения не могла рассчитывать на гарантированное судебное разбирательство

и приговор в соответствии с нормами закона. Для историка это, помимо всего прочего, расширяет «слепую зону» — неизвестное количество случаев, не дошедших до суда, и заставляет в очередной раз оговариваться, что сохранившиеся в архиве и дошедшие до нас дела представляют собой лишь часть, вероятно, малую, всех происходивших конфликтов.

Как известно, Пётр I в начале XVIII в. создал регулярную армию, и это нововведение не было нацелено на изменение социальной структуры общества. Тем не менее фактор крепостного права сказался и здесь, дав неожиданный «побочный эффект». Речь идет о появлении нового и весьма многочисленного социального слоя — военных, в который включались не только военнотруженики, но и их семьи. Рекруты набирались в том числе из крепостных, и по закону и сами новоиспеченные солдаты, и их жены с детьми переставали считаться крепостными. Даже если женщина хотела остаться на прежнем месте жительства, едва ли крестьянская община была заинтересована в такой обузе. Поэтому значительное число женщин, которые остались без мужа, ушедшего на службу, вынуждено было переезжать в города и искать способы прокормить себя и своих детей. Кто-то из них избирал честный заработок, другие вовлекались в незаконные занятия. Новая социальная группа, «солдатки», объединила женщин с разным статусом и материальным положением, а российские города, в особенности Москва, предоставлявшая широкие возможности для трудоустройства, оказались наводнены «мигрантками» из сел и деревень, не вполне понимавшими, как распорядиться обретенной свободой, и особенно уязвимыми для соблазнов городской жизни.

Также нужно сказать и об особенностях организации жизненного пространства в России XVIII в.: если в Европе еще со времен Средневековья город был важным культурным, образовательным, промышленным центром, города имели особый статус и особые права, самоуправление и определенную автономию, то в России схожей городской культуры так никогда и не сложилось. Основная часть населения жила в сельской местности, все города подчинялись единому центру, и до губернской реформы 1775 г. органы самоуправления носили номинальный характер. Москва в это время хоть и потеряла статус столицы, тем не менее осталась крупнейшим и важнейшим городом России, социальный состав которого не был стабилен и однороден. В Москву приходили люди разных социальных и легальных статусов в поиске новой жизни, законного или незаконного заработка, свободы. В силу многочисленности населения здесь легко было затеряться, социальный контроль со стороны сообщества отсутствовал или был минимален из-за частой смены работников и значительных для того времени оборотов экономики рынок труда был сравнительно открытым, наниматели порой не требовали даже минимальной информации о своих потенциальных работниках, а низкий уровень правовой культуры способствовал готовности и тех и других игнорировать государственные установления, касающиеся найма.

В Москве оставались многие властные учреждения, в том числе специализировавшиеся на судопроизводстве, что, казалось бы, должно было обеспечивать большую степень контроля и надзора за маргинальными элементами общества, по сравнению с местными учреждениями (губернскими и воеводскими канцеляриями), в которых судебная власть не была отделена от административной. На практике же в Москве существовали многочисленные профессиональные преступные сообщества, постоянно пополнявшие свои ряды за счет новоприбывших в город «нелегалов», причем основное место дислокации преступников располагалось в нескольких шагах от главного судебно-следственного органа города — Сысского приказа.

Другой особенностью российской ситуации, которую необходимо учитывать при изучении преступности, является устройство судебной системы и специфика правовой культуры. Хотя Нэнси Коллманн в своем исследовании и показала, что судебная система в России функционировала достаточно эффективно, правосудие осуществлялось, судьи действовали в рамках закона, а правовая культура вовсе не была столь отсталой и варварской, как принято было думать, все же, по сравнению, например, с английской

судебной системой, наиболее развитой на тот момент, российская была действительно устроена достаточно архаично и примитивно. Если в Англии судьи уже в XVIII в. часто инстинктивно руководствовались принципом невиновности человека при недоказанности вины, то в России, напротив, действовала презумпция виновности, и не истцу нужно было доказывать факт совершения преступления, а обвиняемому свою непричастность.

В российских челобитных и «расспросных речах» отсутствует рациональная и четко выстроенная система аргументации, судьи не интересовались убедительностью показаний участников судебного процесса, их поведением в суде, эмоциями, жестами и т.д.; важно было лишь, признается обвиняемый в совершении преступления или нет, подтверждает свидетель позицию истца или обвиняемого или нет. В российских судебных процессах практически никогда не запрашивалось экспертное мнение (исключение составляют лишь случаи предполагаемых самоубийств, когда лекарь осматривал тело и делал заключение о характере смерти — насильственная или ненасильственная, а также случаи, когда обвиняемая заявляла о беременности, и староста женской тюрьмы осматривала ее и сообщала о результатах, и случаи, когда палач осматривал обвиняемого и решал, выдержит он пытку или нет).

Никаких улик и вещественных доказательств в ходе дела, как правило, не фигурировало, за исключением дел о краже и грабеже. Профессиональных юристов в России XVIII в. не существовало, судьи, часто бывшие военные или люди, совмещавшие судебную власть с административной, не пытались осмыслить свою деятельность в категориях гуманности, рациональности, эффективности, они не рассуждали о достоинствах и недостатках существующей системы правосудия, у них не возникало соображений о том, что существующее законодательство устарело и перестало отвечать уровню развития общества. Ценность человеческой жизни была довольно низкой, а потому принцип, согласно которому в случае наличия у судей сомнений лучше оправдать виновного, чем обвинить невиновного, в этих обстоятельствах не мог возникнуть.

Третья особенность изучения преступности в России Нового времени связана с характером источников и заключается главным образом в том, что мы не имеем текстов, созданных непосредственно участниками судебных разбирательств. В силу неграмотности подавляющей части населения и установленного порядка судопроизводства челобитные и расспросные речи составлялись исключительно писцом. В тексте допросов обвиняемых и свидетелей, как правило, не прописывались задававшиеся им вопросы, но тем не менее очевидно, что их речь представляла собой именно ответы, а не самостоятельный выстроенный нарратив. С высокой долей уверенности можно предположить, что обстоятельства, не интересовавшие суд и не относившиеся напрямую к преступлению, не заносились в текст допроса. В итоге возможности участников дела выстраивать собственные обвинительные и защитные стратегии сокращались, хотя и не исключались вовсе.

К тому же мы не знаем, существовал ли формуляр допроса, список обязательных вопросов ответчику, нам недоступен конкретный порядок записи показаний. Конечно, указ от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» в общих чертах регламентировал судебный процесс и устанавливал правила подачи челобитных и поведения в суде, запрещая истцу и ответчику говорить «лишнее», но не поясняя, однако, что именно считалось лишним. Таким образом, мы не знаем, какую информацию полагалось опускать за ненадобностью, какова была допустимая степень подробности фиксации показаний, какие правила существовали относительно цензуры, и т.д. Очевидно, что определенная манера записи показаний имела практические цели: далее с этими текстами знакомились судьи, и они должны были получить четкую, ясную, недвусмысленную информацию, которая поможет вынести верное решение по делу. Однако для историка это незнание «правил игры» представляет значительную трудность, так как нет возможности даже предположить, какая часть информации заносится в документ, а какая остается «за кадром».

Кроме того, поскольку мы имеем дело не с прямой речью, а с вольной фиксацией, фактически пересказом показаний допрашиваемого писцом, то мы упускаем

значительную часть индивидуально окрашенной информации и о стратегиях, которые люди закладывали в свои нарративы, можем судить лишь с большой долей допущения. Более тонкая оптика дискурс-анализа, которую, например, использует Г. Уокер в своей монографии (см. прим. 25), нам недоступна. Так, мы не можем анализировать способы построения фраз, использования определенных слов-маркеров, последовательность изложения, принципы отбора информации и т.д.

Итак, очевидно, что имеющийся в распоряжении исследователя женской преступности в России Нового времени материал не позволяет поставить *все* те вопросы, которые ставят западные историки, и дать на них хотя бы приблизительные ответы. Тем не менее это не значит, что изучение данной темы невозможно или бесперспективно. Российский историк О.Г. Усенко предлагает разделять анализ почерпнутой из судебно-следственных документов информации на два уровня: фактологический, относящийся к выделению и интерпретации очевидных, достоверных и конкретных фактов, и концептуальный, относящийся к интерпретации мотивов, побуждений, личностных установок и т.д. Если использовать такое деление, то можно утверждать, что фактологический уровень, на котором происходит сбор данных о том, какие преступления женщины чаще всего совершали и каков был образ их действий (использование оружия, физической силы, специфической одежды и т.д.); как часто женщины совершали преступления совместно с мужчинами или с другими женщинами; как распределялись роли в преступлениях, совершаемых женщинами совместно с мужчинами, будет одинаково доступен для анализа и в российских, и в европейских источниках. Иными словами, особенности источников и исторического контекста не оказывают никакого влияния на возможности получения базовой информации о женской преступности, «имеющей «привязку» к определенному лицу (лицам), моменту времени, месту и ситуации».

Что касается концептуального уровня, то здесь отсутствие прямой речи и самостоятельно построенного нарратива обвиняемого частично компенсируют «проговорки», т.е. информация, не несущая никакой ценности для говорящего и иногда даже не относящаяся напрямую к предмету разбирательства. Как раз те практики, которые кажутся людям XVIII в. настолько привычными и обыденными, что они упоминают о них лишь мимоходом, представляют особую ценность для исследователя. Чтобы верно истолковывать мотивы женщин-преступниц и судить об их психологических особенностях, несомненно, нужно учитывать всю доступную в каждом конкретном деле информацию, а также опыт изучения других подобных дел. Тем не менее ответы на следующие вопросы, независимо от специфики источников, всегда останутся лишь более или менее близкими к истине предположениями: можно ли выделить специфические женские преступления, и если да, то почему; какие мотивы совершения преступлений были наиболее распространены среди женщин; какие качества демонстрировали или, напротив, не демонстрировали женщины-преступницы (жестокость, хитрость и т.д.); как женщины-обвиняемые вели себя в суде, как оправдывались и какие стратегии защиты использовали; существовали ли какие-то специфически женские стратегии поведения в суде.

Для того чтобы понять, ответы на какие еще вопросы могут дать российские источники, необходимо разобраться в том, как устроены эти источники, и отрефлексировать методологию работы с ними.

В России XVIII в. суд и следствие не были институционально разделены. Дело начиналось либо просто с извета обвинителя, либо с привода обвиняемого в соответствующее учреждение обвинителем, либо с привода обоих на съезжий двор дежурным солдатом вследствие уличной потасовки и «кричания «караул»» одним из них. Так или иначе, первый документ, с которым имеет дело историк при изучении судебно-следственного дела, — это показания обвинителя. Далее следуют «расспросные речи», т.е. допрос обвиняемого. Допрос, как уже говорилось выше, представлял собой сплошной текст, повествование в котором начиналось буквально с рождения обвиняемого. Он/она должны были сообщить свое имя, возраст, социальную принадлежность свою и своих родителей, семейное положение,

место рождения, актуальное место жительства и краткую автобиографию, включая данные о предыдущих «приводах». И только после всего этого подьячий, ведущий допрос, переходил к обстоятельствам рассматриваемого дела.

Очевидно, что такая форма допроса расширяет возможности исследователя: данные о личности преступника не ограничены рамками конкретного дела, в нашем распоряжении есть информация, позволяющая реконструировать его/ее обстоятельства жизни и возможные мотивы совершения преступления. Если вернуться к теме женской преступности, то благодаря информации о прошлом преступниц мы можем говорить о том, что подталкивало женщин к совершению преступлений; женщины, принадлежащие к каким социальным и возрастным группам, были более склонны к преступному поведению и почему; влияло ли семейное положение на преступное поведение женщин; существовала ли профессиональная женская преступность; наконец, как устройство общества влияло на тенденции женской преступности и как на них отражались глобальные процессы и внутригосударственные преобразования, и т.д.

Следующим этапом шел допрос свидетелей, которых называли стороны. После этого, за редким исключением²⁸, в деле идут «пыточные речи»²⁹, т.е. показания, данные обвиняемым под пытками. По закону обвиняемый должен был пройти через пытку трижды, чтоб «утвердиться» в своих показаниях. В том случае, если он/она менял(а) показания во время пытки, то процесс начинался сначала и обвиняемому снова предстояло выдержать три пытки. На данном этапе могут быть поставлены новые вопросы касательно поведения обвиняемых в суде и влияния гендера на ход следствия: склонны ли были женщины признавать свою вину; пытались ли они спекулировать беременностью или забеременеть в заключении, чтоб избежать пытки и смягчить наказание; как часто женщины меняли показания; предусматривал ли закон послабления для женщин в отношении пыток и наказания; делалось ли послабление для женщин на практике.

Кроме этих основных этапов и документов, обязательной частью каждого дела являлись: постановление о проведении пытки, осмотр обвиняемого перед ней, выписки из законов перед вынесением вердикта, а факультативной — повторные допросы обвинителя и свидетелей, челобитные обвинителя (например, о том, что он/она отказывается от претензий к обвиняемому, или о том, что дело затягивается без видимых причин), обвиняемого (например, о том, что он/она «безвинно» сидит в колодничьей избе и «помирает голодной смертью») или третьих лиц (к примеру, мужей, заступающихся за своих жен). Все эти дополнительные элементы судебного дела позволяют увидеть за сухими и формализованными допросами и постановлениями реакции, отношения, поведение, стратегии реальных людей, выводят на сцену скрытые до этого интересы, факты и взаимосвязи. Кроме того, как отмечает А.Б. Каменский, когда дело вдруг резко меняет направленность и происходит неожиданная развязка, историк имеет все основания предполагать, что участники дела (или участник дела и служащий судебного учреждения) достигли некоего соглашения, которое не было зафиксировано в деле и скорее всего не являлось вполне законным³⁰. Таким образом, «белые пятна», умолчания в источниках парадоксальным образом сообщают исследователю определенную информацию.

Далее следовали вердикт судей и исполнение приговора. На этом заключительном этапе мы можем узнать, как к женщинам, нарушавшим закон, относилось государство,

²⁸ От пытки освобождались беременные женщины, а также, как правило, малолетние, старики, больные и люди, находившиеся в плохом физическом состоянии. Подробнее см.: *Акельев Е.В., Бабкова Г.О.* Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1730–1750-е годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4 (1). С. 9–22.

²⁹ После 1763 г. пытки постепенно перестают применяться, соответственно меняется и структура судебно-следственного дела. См.: *Акельев Е.В., Бабкова Г.О.* «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают». Эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. № 53/1. С. 15–39.

³⁰ *Каменский А.Б.* Любовь, страсть и отчаяние... С. 99–100, 105–107.

причем нужно разделять законодательные нормы и практику правоприменения. Как показывают Г. Дарстон и К. Каллахан, английские судьи в делах об убийствах были склонны расценивать действия женщин как непредумышленные, в отличие от действий мужчин, часто руководствуясь при этом гендерными стереотипами, представляющими женщину более слабой физически, неразумной и, следовательно, менее опасной для общества, что на практике выливалось в гораздо более высокий уровень оправдательных приговоров для женщин, по сравнению с мужчинами³¹.

Таким образом, изучение женской преступности в России XVIII в. не только возможно, но и вполне перспективно. Эта тема еще совсем не освоена, и берущийся за нее исследователь может и должен обращаться к опыту западных коллег. Тем не менее необходимо учитывать и постоянно держать в уме разницу между российским и европейским историческим контекстом, равно как и между характером источников. При правильном подходе сопоставление женской преступности в России и в Европе открывает для историка возможность взглянуть на российское общество и государство выбранного периода под новым углом. Для этого необходимо выявить, какие виды преступлений и способы их совершения были характерны именно для женской преступности в России и как это было связано с особенностями ее социального, политического и экономического устройства, какие особенности общественных трансформаций способствовали развитию преступности, а какие его тормозили, существовали ли какие-либо особенности в восприятии преступности государством и рядовыми обывателями. Также изучение женской преступности дает богатый материал по практике правоприменения, позволяет проследить, почему одного оправдывали и миловали, в то время как другого осуждали и сурово карали. Наконец, изучение женской преступности позволяет значительно дополнить и расширить существующее представление о той роли, которую играла женщина в русском обществе XVIII в.

Библиография

- Акельев Е.В. Городская преступная среда и опыт борьбы с ней в России и Франции первой половины XVIII в.: сравнительно-историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012.
- Акельев Е.В. «Сыщик из воров» Ванька Каин: анатомия «гибрида» // *Ab Imperio*. 2018. № 3. С. 257–304.
- Акельев Е.В., Бабкова Г.О. Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1730–1750-е годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4 (1). С. 9–22.
- Акельев Е.В., Бабкова Г.О. «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают». Эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. № 53/1. С. 15–39.
- Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.
- Видничук А.О. Штрихи к социальному портрету русской преступницы 30-х гг. XVIII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 6 (92).
- Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002.
- Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.
- Дюркгейм Э. Правила социологического метода. М., 2021.
- Каменский А.Б. Любовь, страсть и отчаяние – русские преступления XVIII века. СПб., 2022.
- Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2007.
- Кивельсон В. Магия отчаяния. Моральная экономика колдовства в России XVII века. СПб., 2020.
- Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016.
- Косарецкая Е.Н. Женская преступность в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
- Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.
- Лаверов А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.
- Ломброзо Ч., Ферреро Г. Женщина преступница и проститутка. Киев; Харьков, 1897.

³¹ Callahan K. Women Who Kill: An Analysis of Cases in Late Eighteenth- and Early Nineteenth-Century London // *Journal of Social History*. Vol. 46. № 4. 2013. P. 1013–1038; Durston G. Op. cit. Ch. 3.

- Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология власти. 2010. № 4. С. 212–223.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Т. 1. СПб., 2000. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 5, 7, 10. СПб., 1830.
- Пушкарёва Н., Белова А., Мицюк Н. Сметая запреты. Очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М., 2021.
- Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории. Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002.
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. 2-е изд. М., 2009.
- Ролдугина И. Открытие сексуальности. Трансгрессия социальной стихии в середине XVIII в. в Санкт-Петербурге: по материалам Калининской комиссии (1750–1759) // Ab Imperio. 2016. № 2. Р. 29–69.
- Смелянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.
- Тарновская П.Н. Женщины-убийцы; Антропологическое исследование с 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. СПб., 1902.
- Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002.
- Тройницкий А.Г. Крепостное население в России по 10-й народной переписи: статистическое исследование. СПб., 1861.
- Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015.
- Усенко О.Г. Примерная стратегия интерпретации следственных материалов по делам о государственных преступлениях в России XVII–XVIII вв. // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. Материалы XVI науч. конференции, Москва, 30–31 января 2004 г. М., 2004.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
- Шербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XIX в. Тамбов, 2004.
- Becker H.S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York, 1963.
- Briggs J. Crime and Punishment in England: an Introductory History. London, 1996.
- Callahan K. Women Who Kill: An Analysis of Cases in Late Eighteenth- and Early Nineteenth- Century London // Journal of Social History. 2013. Vol. 46. № 4. P. 1013–1038.
- Durston G. Victims and Viragos: Metropolitan Women, Crime and the Eighteenth-Century Justice System. Bury St Edmunds (UK), 2007.
- Emsley C. Crime and Society in England 1750–1900. Harlow; New York, 2005.
- Heijden M.P.C. van der. Women and Crime in Early Modern Holland. Leiden; Boston, 2016.
- Hurl-Eamon J. Female Criminality in the British Courts from the Middle Ages to the Nineteenth Century // Journal of Women's History. 2009. Vol. 21. № 3. P. 161–169.
- Hurl-Eamon J. Gender and Petty Violence in London, 1680–1720. Columbus, 2005.
- Ingram M. “Scolding women cucked or washed”: a crisis in gender relations in early modern England? // Kermod J., Walker G. Women, Crime and the Courts in Early Modern England. Chapel Hill, 1994. P. 47–79.
- MacKay L. Why They Stole: Women in the Old Bailey, 1779–1789 // Journal of Social History. 1999. Vol. 32. P. 623–639.
- Muravyeva M. The Culture of Complaint: Approaches to Complaining in Russia – an Overview // Laboratorium. 2014. Vol. 6. № 3. P. 93–104.
- Muravyeva M. “Till Death Us Do Part”: spousal homicide in early modern Russia // History of the Family. 2013. Vol. 18. № 3. P. 306–330.
- Palk D. Gender, Crime and Judicial Discretion, 1780–1830. Woodbridge, 2006.
- Rublack U. The crimes of women in early modern Germany. Oxford, 1999.
- The Oxford Handbook of Gender, Sex, and Crime / eds R. Gartner, B. McCarthy. Oxford, 2014.
- Walker G. Women, theft and the world of stolen goods // Kermod J., Walker G. Women, Crime and the Courts in Early Modern England. Chapel Hill, 1994. P. 81–112.
- Walker G. Crime, gender, and social order in early modern England. Cambridge, 2003.
- Zemon Davis N. Fiction in the Archives: Pardon Tales and their Tellers in Sixteenth Century France. Stanford (CA), 1987.

References

Akel'ev E.V. Gorodskaya prestupnaya sreda i opyt bor'by s nej v Rossii i Frantsii pervoi poloviny XVIII v.: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie: dis. ... kand. ist. nauk [Urban criminal environment and the experience of combating it in Russia and France in the first half of the 18th century: a comparative historical study: dis. ... candidate of Historical Sciences]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Akel'ev E.V. Povsednevnyaya zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina [Everyday life of the thieves' world in Moscow during the time of Vanka Cain]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Akel'ev E.V. “Syschik iz vorov” Van’ka Kain: anatomiya “gibrida” [“Detective from thieves” Vanka Cain: anatomy of a “hybrid”] // *Ab Imperio*. 2018. № 3. S. 257–304. (In Russ.)

Akel'ev E.V., Babkova G.O. Praktika rozysknogo protsessa v Sysknom prikaze (1730–1750-e gg.) [The practice of investigation in the Investigative Chancellery (1730s–1750s)] // *Istoriko-pravovye problemy: Novyj rakurs* [Historical-legal problems: a new perspective]. 2011. № 4 (1). S. 9–22. (In Russ.)

Akel'ev E.V., Babkova G.O. “Daby rozyski i pytki mogli chinittsa poryadochno, kak ukazy povelevayut”: Evolyutsiya teorii i praktiki “rozysknogo” protsessa v Rossii pervoi poloviny XVIII v. [“For the right providing of investigations and tortures, as decrees command”. The evolution of the theory and practice of the “investigative” process in Russia in the first half of the 18th century] // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. № 53/1. S. 15–39. (In Russ.)

Anisimov E.V. Dyba i knut: politicheskij sysk i russkoe obschestvo v XVIII veke [Rack and whip: political investigation and Russian society in the 18th century]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Durkheim E. Pravila sotsiologicheskogo metoda [Rules of sociological method] / per. s frantsuzskogo V. Zhelminova. Moskva, 2021. (In Russ.)

Foucault M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Kamenskiy A.B. Lyubov', strast' i otchayanie – russkie prestupleniya XVIII veka [Love, passion and despair are Russian crimes of the 18th century]. Sankt-Peterburg, 2022. (In Russ.)

Kamenskiy A.B. Povsednevnost' russkikh gorodskikh obyvatelei. Istoricheskie anekdoty iz provintsial'noi zhizni XVIII v. [Everyday life of Russian urban dwellers. Historical anecdotes from the provincial life of the 18th century]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Kivel'son V. Magiya otchayaniya. Moral'naya ehkonomika koldovstva v Rossii XVII veka [Desperate magic. The moral economy of witchcraft in 17th century Russia]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

Kollmann N.Sh. Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni [Crime and punishment in early modern Russia]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Kosaretskaya E.N. Zhenskaya prestupnost' v Orlovskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk [Female criminality in the Oryol province in the second half of the 19th – early 20th centuries: dis. ... candidate of Historical Sciences]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Kosheleva O.E. Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni [People of the St. Petersburg Island of the Petrovsky time]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Lavrov A.S. Koldovstvo i religiya v Rossii. 1700–1740 gg. [Witchcraft and religion in Russia. 1700–1740]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Lombrozo Ch., Ferrero G. Zhenschina prestupnitsa i prostitutka Criminal woman, the prostitute, and the normal woman] / per. (i predisl.) d-ra G.I. Gordona. Kiev; Khar'kov, 1897. (In Russ.)

Merton R. Sotsial'naya struktura i anomiya [Social Structure and Anomie] // *Sotsiologiya vlasti*. 2010. № 4. S. 212–223. (In Russ.)

Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XIX v.). T. 1. [Social history of Russia in the period of the empire (18th – early 19th century)]. Sankt-Peterburg, 2000. (In Russ.)

PSZRI. Sobranie 1-e. T. 5, 7, 10 [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1st. Vol. 5, 7, 10]. Sankt-Peterburg, 1830. (In Russ.)

Pushkareva N., Belova A., Mitsyuk N. Smetaya zaprety. Ocherki russkoi seksual'noi kul'tury XI–XX vekov [Sweeping prohibitions. Essays on Russian sexual culture in the 11th–20th centuries]. Moskva, 2021.

Repina L.P. Zhenschiny i muzhchiny v istorii: Novaya kartina evropejskogo proshlogo. Ocherki. Khrestomatiya [Women and men in history. A new picture of the European past. Essays. Reader]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Repina L.P. “Novaya istoricheskaya nauka” i sotsial'naya istoriya [“New Historical Science” and Social History]. 2-e izd. Moskva, 2009. (In Russ.)

Roldugina I. Otkrytie seksual'nosti: Transgressiya sotsial'noi stikhii v srede XVIII v. v Sankt-Peterburge: po materialam Kalinkinskoi komissii (1750–1759) [Discovery of sexuality. Transgression of the social element in the middle of the 18th century in St. Petersburg: based on the materials of the Kalinkin Commission (1750–1759)] // *Ab Imperio*. 2016. № 2. P. 29–69. (In Russ.)

Scherbinin P.P. Voennyj faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenschiny v XVIII – nachale XIX v. [The military factor in the daily life of a Russian woman in the 18th – early 19th centuries]. Tambov, 2004. (In Russ.)

Smilyanskaya E.B. Volshebniiki. Bogokhul'niki. Eretiki. Narodnaya religioznost' i “dukhovnye prestupleniya” v Rossii XVIII v. [Wizards. Blasphemers. Heretics. Folk religiosity and “spiritual crimes” in Russia in the 18th century]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Tarnovskaya P.N. Zhenschiny-ubiitsy; Antropologicheskoe issledovanie s 163 risunkami i 8 antropometricheskimi tablitsami [Killer women; Anthropological study with 163 drawings and 8 anthropometric tables]. Sankt-Peterburg, 1902. (In Russ.)

- Troinitskii A.G.* Krepostnoe naselenie v Rossii po 10-i narodnoi perepisi: statisticheskoe issledovanie [Serf population in Russia according to the 10th national census: a statistical study]. Sankt-Peterburg, 1861. (In Russ.)
- Tyonnis F.* Obschnost' i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoi sotsiologii [Community and society. Basic Concepts of Pure Sociology] / per. s nemetskogo D.V. Sklyadnaya. Sankt-Peterburg, 2002. (In Russ.)
- Usenko O.G.* Primernaya strategiya interpretatsii sledstvennykh materialov po delam o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii XVII–XVIII vv. [Approximate strategy for interpreting investigative materials in cases of state crimes in Russia in the 17th–18th centuries] // *Narod i vlast': istoricheskie istochniki i metody issledovaniya*. Materialy XVI nauch. konf., Moskva, 30–31 yanvarya 2004 g. [People and power: historical sources and research methods. Materials of the XVI Scientific Conference, Moscow, January 30–31, 2004]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Uvarov P.Yu.* Mezhdru "iezhami" i "lisami". Zametki ob istorikakh [Between hedgehogs and foxes. Notes on historians]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Vidnichuk A.O.* Shtrikhi k sotsial'nomu portretu russkoi prestupnitsy 30-kh gg. XVIII v. [Strokes to the social portrait of a Russian female criminal of the 1730s] // *Ehlektronnyi nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"* [Electronic scientific and educational magazine "History"]. 2020. T. 11. № 6 (92). (In Russ.)
- Vodarskiy Ya.E.* Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka [The population of Russia at the end of the 17th – beginning of the 18th centuries]. Moskva, 1977. (In Russ.)
- Wirtschafter E.K.* Sotsial'nye struktury: raznoochintsy v Rossijskoi imperii [Structures of society: Imperial Russia's "people of various ranks"]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Becker H.S.* Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York, 1963.
- Briggs J.* Crime and Punishment in England: an Introductory History. London, 1996.
- Callahan K.* Women Who Kill: An Analysis of Cases in Late Eighteenth- and Early Nineteenth Century London // *Journal of Social History*. 2013. Vol. 46. № 4. P. 1013–1038.
- Durston G.* Victims and Viragos: Metropolitan Women, Crime and the Eighteenth-Century Justice System. Bury St Edmunds (UK), 2007.
- Emsley C.* Crime and Society in England 1750–1900. Harlow; New York, 2005.
- Heijden M.P.C. van der.* Women and Crime in Early Modern Holland. Leiden; Boston, 2016.
- Hurl-Eamon J.* Female Criminality in the British Courts from the Middle Ages to the Nineteenth Century // *Journal of Women's History*. 2009. Vol. 21. № 3. P. 161–169.
- Hurl-Eamon J.* Gender and Petty Violence in London, 1680–1720. Columbus, 2005.
- Ingram M.* "Scolding women cucked or washed": a crisis in gender relations in early modern England? // *Kermode J., Walker G.* Women, Crime and the Courts in Early Modern England. Chapel Hill, 1994. P. 47–79.
- MacKay L.* Why They Stole: Women in the Old Bailey, 1779–1789 // *Journal of Social History*. 1999. Vol. 32. P. 623–639.
- Muravyeva M.* The Culture of Complaint: Approaches to Complaining in Russia – an Overview // *Laboratorium*. 2014. Vol. 6. № 3. P. 93–104.
- Muravyeva M.* "Till Death Us Do Part": spousal homicide in early modern Russia // *History of the Family*. 2013. Vol. 18. № 3. P. 306–330.
- Palk D.* Gender, Crime and Judicial Discretion, 1780–1830. Woodbridge, 2006.
- Rublack U.* The crimes of women in early modern Germany. Oxford, 1999.
- The Oxford Handbook of Gender, Sex, and Crime / eds R. Gartner, B. McCarthy. Oxford, 2014.
- Walker G.* Women, theft and the world of stolen goods // *Kermode J., Walker G.* Women, Crime and the Courts in Early Modern England. Chapel Hill, 1994. P. 81–112.
- Walker G.* Crime, gender, and social order in early modern England. Cambridge, 2003.
- Zemon Davis N.* Fiction in the Archives: Pardon Tales and their Tellers in Sixteenth Century France. Stanford (CA), 1987.

DOI: 10.31857/S013038640022926-6

© 2023 г. С.Г. МАЛКИН

МАЛЫЕ ВОЙНЫ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ: Ч.Э. КОЛЛВЕЛЛ И РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОМПАРАТИВНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Малкин Станислав Геннадьевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения исторического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, Россия).

E-mail: s.g.malkin@mail.ru

Scopus Author ID: 57193670318; ORCID: 0000-0001-9522-7926; Researcher ID: F-1650-2016
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011.

Аннотация. Статья посвящена смысловым и содержательным аспектам модели анализа колониальных конфликтов, представленной в работе генерал-майора британской армии Ч.Э. Коллвелла «Малые войны. Их принципы и практика», ставшей самым заметным британским сочинением данной тематики на рубеже XIX–XX вв. Отличительной особенностью труда является компаративный подход к анализу колониальных войн Великобритании в Викторианскую эпоху. Установлено, что российский случай (присоединение Средней Азии и умиротворение Северного Кавказа) проходит красной нитью через все разделы работы, выступая, наряду с аналогичными примерами из истории Франции, Испании и США, своеобразным камертоном универсальных принципов успешного ведения малых войн, которые Коллвелл вывел в своей работе. Цель статьи состоит в формировании более предметного представления о значении сравнительного колониализма для военного мышления Великобритании и месте российского опыта в его эволюции. Как показывает публикация «Малых войн», часть британского военного класса готова была видеть в Российской империи обычную европейскую державу, окраинная политика которой с точки зрения практики применения армии основывалась на принятых другими империями приемах и методах. Кроме того, в историографии основное внимание уделяется избирательному подходу Коллвелла к подбору фактического материала и месту его работы в эволюции британского колониального антиповстанчества. В представленной статье основной акцент сделан на выявлении причин различий в формах и способах систематизации опыта малых войн в колониальной и окраинной политике Российской и Британской империй. Особое внимание уделено обстоятельствам, обусловившим постепенную утрату работой Коллвелла ее былого значения накануне и после Первой мировой войны.

Ключевые слова: войны, военная история, колониализм, повстанческое движение, Чарльз Коллвелл, Британская империя, Российская империя, Средняя Азия, Кавказ, имперское строительство, колониальные войны.

S.G. Malkin

Small Wars of the Great Powers: Charles Edward Callwell and the Russian Empire in Comparative Perspective

Stanislav Malkin, Samara State University of Social Studies and Education (Samara, Russia).

E-mail: s.g.malkin@mail.ru

Scopus Author ID: 57193670318; ORCID: 0000-0001-9522-7926; Researcher ID: F-1650-2016
The research was supported by the Russian Science Foundation, grant № 22-18-00011.

Abstract. In this article the author focuses on the semantic and substantive aspects of the colonial conflict analysis model presented in the work of the British Army Major General Charles Edward Callwell, “Small Wars: Their Principles and Practices”, which became the most notable British treatise on the subject at the turn of the nineteenth and twentieth centuries. A distinctive feature of the work is the comparative approach to the analysis of the British colonial wars fought in the Victorian era. It is established that the Russian case (the annexation of Central Asia and the pacification of the North Caucasus) is a golden thread running through all sections of the work, serving, along with similar examples from French, Spanish, and US history, as a kind of tuning fork for the universal principles of successful small warfare that Callwell laid out in his work. The aim of the paper is to form a more substantive account of the significance of comparative colonialism for British military thinking and the place of the Russian experience in its evolution. The study has shown that “Small Wars” reflected a course towards the normalisation of the Russian Empire within a professional discourse. In addition, the historiography focuses on Callwell’s selective approach to the choice of factual material and its place in the evolution of British counterinsurgency. In this article, the author focuses on identifying the reasons for differences in the forms and ways of systematizing the experience of small wars in the colonial and frontier policies of both the Russian and British empires. Particular attention is paid to the circumstances that led to the gradual loss of Callwell’s work to its former importance on the eve and after the Great War.

Keywords: wars, military history, colonialism, insurgency, Charles Callwell, British Empire, Russian Empire, Central Asia, Caucasus, imperialism, colonial wars.

Главным пособием по ведению колониальных малых войн, рекомендованным военным министерством и включенным в военные уставы и учебные программы штабных колледжей британской армии, стал труд генерал-майора сэра Чарльза Эдварда Коллвелла «Малые войны. Их принципы и практика» (1-е изд. 1896 г.)¹. В работе представлен обширный фактический материал, позволивший составить первый комpendиум европейского и американского опыта колониальных конфликтов. Авторитет военного теоретика (лучший автор по военной тематике в рамках конкурса Королевского института объединенных служб — старейшей «фабрики мысли», образованной при военном министерстве Великобритании в 1831 г.)², опыт штабной работы и службы в разведке способствовали тому, что подготовленный Коллвеллом труд был рекомендован военным руководством в качестве полуофициальной доктрины. В предисловии к третьему изданию начальник Генерального штаба и член Военного совета генерал Невилл Джеральд Литтлтон указал, что работа «содержит полезные факты и детали, однако не является набором незыблемых правил и не отражает официальную позицию» военного министерства³. В этом качестве работа восполняла пробел в области теории антиповстанчества, включая герилью как инверсию такого рода конфликтов.

Однако если исходить из того, что военная доктрина — это обязательный для освоения набор действий с целью их практического применения в условиях войны, то в таком случае необходимо констатировать, что на этом уровне опыт империй по организации контрпартизанской борьбы (включая осмысление самой природы конфликтов в колониях) в подготовке британского офицерского корпуса в начале XX в. не просматривается. Первый устав британской армии (1909) не содержал прямых отсылок к работе Коллвелла. Раздел о войнах с «нецивилизованным врагом» появился только во втором издании (1912), и лишь потому, что военные власти британской Индии убедили в его

¹ Callwell C.E. Small Wars. Their principles and practice. General Staff — War Office. London, 1896 [1899, 1906].

² Callwell C.E. Lessons to be Learnt from the Campaigns in which British Forces have been Employed since the Year 1865 // Royal United Services Institution (далее — RUSI). Journal. 1877. Vol. 31 (139). P. 357–412; Whittingham D. “Savage warfare”: C.E. Callwell, the roots of counter-insurgency, and the nineteenth century context // Small Wars & Insurgencies. 2012. Vol. 23 (4–5). P. 591–607.

³ Preface to the Third Edition // Callwell C.E. Small Wars. P. 4; Callwell C.E. Instructions for Intelligence Officers Abroad. London, 1889.

необходимости Генеральный штаб, подразумевая военные действия в приграничных с Афганистаном провинциях⁴. Идеи Коллвелла о герилье «цивилизованных» народов (наиболее частая проблема, встававшая перед Британской империей после Великой войны в сфере внутренней безопасности), концептуально сформулированные в третьем издании на примере событий на Кубе и особенно в Южной Африке на рубеже XIX–XX вв., на доктринальном уровне не получили развития. Военное министерство отдавало приоритет подготовке армии к участию в конвенциональном конфликте не только накануне, но и после окончания Первой мировой войны⁵.

Между тем «Малые войны» получили широкую известность за пределами Великобритании. В предисловии ко второму изданию Коллвелл указывал, что позаимствовал «полезные наблюдения» из комментариев подполковника морской пехоты на французской службе Альбера Септэна к подготовленному им французскому же переводу первого издания «Малых войн»⁶. Примечательно, что работа Септэна имела очевидную практическую направленность — морская пехота Франции выполняла функции колониальных войск со времени ее учреждения в 1622 г., а в начале XX в. этот статус был закреплён официально (1900), теоретически и доктринально. Заметную роль сыграло лоббирование этого решения политически активными представителями французского офицерского корпуса на колониальной службе⁷. Одновременно с первой публикацией «Малых войн» вышел тесно перекликавшийся с ними труд Септэна с говорящим названием: «Английские экспедиции в Африке»⁸. В 1905 г., за год до третьего издания работы Коллвелла, увидел свет французский вариант доктрины ведения колониальных кампаний, разработанный подполковником французской службы Альбером Дитте и содержавший аналогичные отсылки к британскому колониальному опыту⁹.

Не меньшей популярностью знаменитое сочинение Коллвелла пользовалось по другую сторону Атлантики, в США. В 1935 г. был издан устав Корпуса морской пехоты США, в котором рассматривались особенности ведения малых войн¹⁰. С практической точки зрения устав основывался на опыте американского вооруженного вмешательства во внутренние дела стран Карибского моря. А вот в теоретическом отношении его авторы в известной мере опирались на «Малые войны» Коллвелла, находясь под влиянием этой работы, что отразилось на структуре устава и перечне приведенных примеров. Наряду с отсылками к колониальным войнам Великобритании и «индейским войнам» США, в устав вошли эпизоды из истории военных кампаний французов в Северной Африке и Индокитае в XIX — первой четверти XX в., испанцев на Кубе в конце XIX в., самих

⁴ *Moreman T.* “Small Wars” and “Imperial Policing”: The British army and the theory and practice of colonial warfare in the British empire, 1919–1939 // *Journal of Strategic Studies*. 1996. Vol. 19. № 4. P. 109.

⁵ *Gwynn C.W.* Army Training, 1931 // *RUSI. Journal*. 1931. Vol. 76 (504). P. 722–730; *Hudson C.E.* The Tasks of the Army // *Ibid.* 1933. Vol. 78 (512). P. 773–778; *Wavell A.P.* The Training of the Army for War // *Ibid.* 1933. Vol. 78 (510). P. 254–273; *Smith A.B.* The Tasks of the Army // *Ibid.* 1934. Vol. 79 (513). P. 47–54; *Cunningham A.G.* The Training of the Army, 1934 // *Ibid.* 1934. Vol. 79 (516). P. 723–732; *Moreman T.* “Small Wars” and “Imperial Policing”. P. 107–110.

⁶ Preface to the Second Edition // *Callwell C.E.* Small Wars. P. 3; *Callwell C.* Petites Guerres, leur principes et leur execution. Paris, 1899.

⁷ *Lyautey H.* Du Role Colonial de L’Armee. Paris, 1900; *Porch D.* Bugeaud, Gallieni, Lyautey: The Development of French Colonial Warfare // *Makers of Modern Strategy: From Machiavelli to the Nuclear Age* / ed. P. Paret. Oxford, 1986. P. 376–407; *Idem.* Counterinsurgency: Exposing the Myths of the New Way of War. Cambridge, 2013.

⁸ *Septans A.* Les Expéditions Anglaises en Afrique. Paris, 1896.

⁹ *Ditte A.* Observations sur la guerre dans les colonies, organization — execution: Conférences faites à l’Ecole Supérieure de Guerre. Paris, 1905.

¹⁰ Small Wars Operations. Revision / ed. Major H.L. Larsen, the Chief of the Small Wars Section, Marine Corps Schools. Marine Barracks; Quantico; Virginia, 1935 [1938]; Small Wars Manual. United States Marine Corps. United States Government Printing Office. Washington, 1940.

американцев в Латинской Америке в XIX — первой четверти XX в.¹¹ Разбирая примеры участия европейских армий в такой форме вооруженной борьбы, как герилья, авторы устава рационализировали и универсализировали ее в тактическом и оперативном плане, проводя, как и Коллвелл, прямые параллели между характером установления военно-политического контроля европейских держав над Алжиром, Северным Кавказом и Средней Азией в XIX в. и аналогичными процессами на Кубе, американском Западе и в Южной Африке на рубеже XIX–XX вв. (первые публикации в печатном органе Корпуса — «Журнале морской пехоты», появились еще раньше и были включены в учебные планы офицерских школ морской пехоты США)¹².

На этом фоне российский случай выглядит особенным образом. Как некоторое время назад заметил Александр Моррисон, Коллвелл уделил особое внимание продвижению Российской империи в Средней Азии и в меньшей мере на Северном Кавказе: практически в каждой главе «Малых войн» автор обращается к истории покорения этих окраин, где туркестанские сюжеты занимают особое место¹³. При этом Коллвелл вторичен и избирателен. Более последовательный анализ показывает, что такая характеристика подхода автора «Малых войн» применима не только по отношению к российскому случаю. Даже в третьем издании данной работы (1906) нет примеров из колониальной истории Германской империи, хотя они представляли интерес для британских военных¹⁴. Опыт умиротворения французского Алжира, британской Индии и французского Индокитая также не упоминается.

Во-первых, все примеры из истории присоединения восточных окраин Россией, как и другие зарубежные случаи этого рода (прежде всего французский, испанский и американский), позаимствованы им из переводных и обзорных работ, в отличие от британского материала, в основу анализа которого легло его эссе 1887 г., опиравшееся на документальную основу — рапорты и официальные военные истории¹⁵. Хотя и в этом случае присутствует обусловленная концептуальным подходом автора тенденциозность в оценке причин исхода колониальных кампаний. Так, разгром британской бригады при Майване 27 июля 1880 г. в ходе второй Англо-афганской войны 1879–1880 гг. Коллвелл объясняет ошибочным выбором в пользу пассивной защиты. Однако, как показывают современные исследования, роковое значение имели ошибочные разведданные и политическое давление на военных¹⁶. Можно было бы предположить, что дело в недостатке информации, однако автор «Малых войн» с конца 1880-х годов состоял при разведывательном отделе и отделе военного планирования штаб-квартиры, а затем Генерального штаба британской армии, и в этом качестве имел возможность предметно познакомиться с положением дел в данном вопросе.

Во-вторых, за скобками остались страницы покорения Средней Азии и Северного Кавказа, не соответствовавшие представлениям Коллвелла о ключевых условиях успеха

¹¹ Small Wars Operations... Chap. I. Appendix I. Historical Examples of Small Wars Missions. P. 19–21; Chap. II. Appendices. P. 13–16; Chap. IV. Appendix 4. Historical Examples of Factors Influencing Composition of Expeditionary Forces. P. 53.

¹² Ellis E.H. Bush Brigades // Marine Corps Gazette (далее — MCG). March 1921. P. 1–15; Harrington S.M. The Strategy and Tactics of Small Wars // MCG. December 1921. P. 474–491; Utley H.H. An Introduction to the Tactics and Techniques of Small Wars // MCG. May 1931. Vol. 15 (5). P. 50–53; *Idem*. An Introduction to the Tactics of Small Wars // MCG. November 1933. Vol. 18 (3). P. 44–46.

¹³ Morrison A. “The extraordinary success which the Russians have achieved” — the conquest of Central Asia in Callwell’s Small Wars // Small Wars & Insurgencies. 2019. Vol. 30 (4–5). P. 913–936.

¹⁴ A German Colonial Campaign: The Operations against the Bondelszwarts and Hereros from the Beginning of October, 1903, to 31st July, 1905. Compiled by the 2nd Bureau of the French General Staff. Translated, by permission of the French Minister of War, from the Revue Militaire des Armées Etrangères // RUSI. Journal. 1906. Vol. 50 (336). P. 207–214.

¹⁵ Callwell C.E. Military Prize Essay... P. 357–412.

¹⁶ Арбеков А.Б. Колониальные войны Великобритании в 70-х — начале 80-х годов XIX века: военно-политические аспекты английской колонизации: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2021. С. 139–141.

в малой войне, к которым он относил наступательную стратегию, достижение «морального эффекта» в отношении туземцев, определение ясных целей кампании и ее быстрое завершение, пока она не переросла в затяжную герилью. Хивинская экспедиция 1839–1840 гг. оренбургского военного губернатора графа В.А. Перовского и ряд других, менее масштабных предприятий с неочевидным, на первый взгляд, результатом, но составлявших значительную часть истории инкорпорации региона в состав Российской империи, не упоминаются вовсе (хотя многие из них имели наступательный характер и потерпели неудачу из-за проблем с логистикой, а не в результате военного разгрома).

Напротив, взятие Ташкента генерал-майором М.Г. Черняевым в 1865 г. и штурм крепости Геок-Тепе генералом М.Д. Скобелевым в 1881 г. трактуются у Коллвелла как характерные примеры военных усилий Петербурга в Средней Азии. Строительство железной дороги к Геок-Тепе в 1880 г. Коллвелл объявил примером удачного логистического решения и экономии ресурсов за несколько лет до аналогичной меры генерала Герберта Китченера во время кампании в Судане. Однако внушительные финансовые средства для организации и проведения экспедиции против текинцев, которые были предоставлены Скобелеву, позволили ему не считаться с затратами¹⁷.

Таким образом, российское завоевание Средней Азии в интерпретации Коллвелла представляет собой наглядный пример преимуществ, обусловленных тем, что «нецивилизованный» противник не переходит к партизанской войне, цели военной кампании ясны, а решимость (военно-политическая воля) присутствует. При этом военные усилия Петербурга на восточных окраинах автор «Малых войн» сопоставляет с кампаниями против сикхов в 1840-е годы, а не против афганских племен в более поздний период. Коллвелл не аргументирует свой выбор в пользу такого сравнения. Можно предположить, что основная причина — наличие регулярной военной организации у Пенджаба, Бухары, Хивы и Коканда. Однако неясно, почему из этого ряда выпал Афганистан, правители которого тоже располагали регулярными вооруженными силами. Кроме того, иррегулярный характер боевых действий в Средней Азии в целом чаще напоминал военные кампании в «полосе независимых племен» Северо-западной пограничной провинции британской Индии на рубеже XIX–XX вв. (не говоря об очевидной геополитической комплиментарности этих сюжетов в свете «Большой игры» России и Британии в Азии). В этой связи уместно вспомнить, что само понятие «малые войны» для обозначения разнообразных колониальных кампаний Коллвелл счел подходящим «за неимением лучшего»¹⁸. Такая аналитическая рамка изначально предполагала избирательный подход к приведенным в «Малых войнах» случаям.

При этом покорение Северного Кавказа являет собой пример того, как не следует вести малые войны. Этот случай Коллвелл сопоставляет с аналогичным, по его мнению, испанским завоеванием Марокко 1859 г.¹⁹ Указывая на безрезультатные походы в горы и уничтожение заранее покинутых аулов, он игнорирует менее очевидные, но более существенные аспекты Кавказской войны — переплетение государственных императивов и личных мотивов ее непосредственных участников и последующую трансформацию Отдельного кавказского корпуса — его превращение в фактор социально-экономического и военно-политического развития края. Именно эти обстоятельства способствовали скорейшему окончанию конфликта²⁰. Коллвелл вывел за скобки одно из самых существенных отличий малых войн на российских окраинах, заключавшееся в том, что армия являлась едва ли не важнейшим административным ресурсом Петербурга в процессе инкорпорации Кавказа и Средней Азии в состав империи.

¹⁷ Morrison A. "The extraordinary success which the Russians have achieved". P. 913–936.

¹⁸ Callwell C.E. Small Wars... P. 21.

¹⁹ Ibid. P. 101.

²⁰ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 265–278.

Такое положение дел разительно контрастировало с британской практикой колониального правления, для которой было характерно разделение военной и гражданской властей (причем силы безопасности рассматривались в качестве одного из инструментов управления в руках местной администрации). На практике роль военных при принятии решений на местах была заметна и в британском случае, но это обстоятельство становилось менее значимым по мере совершенствования средств связи и коммуникаций, с одной стороны, и повышения эффективности общественного, парламентского и правительственного контроля, с другой стороны (передача всей полноты власти при подавлении восстаний в колониях и на окраинах в руки генералов воспринималась в рамках британской политико-правовой культуры как негативный сценарий — свидетельство потери управления и, следовательно, неэффективности действующей администрации).

Однобокость подхода проявляется и в характеристике завоевания Алжира маршалом Франции Робером Бюжо в 1830—1840-х годах. Особое внимание Коллвелл обратил на заимствование французами туземных методов ведения войны в виде аналогичной кавказским реалиям набеговой практики, утверждая, что в малых войнах, если они перерастают в герилью (и местное население становится опорой для повстанцев), это неизбежный шаг, хотя он и «может шокировать сторонников гуманистических идеалов»²¹. При этом игнорируется, что имамат в Нагорном Дагестане и Чечне при Шамиле фактически являлся таким же военно-теократическим государством, как и в Алжире при предводителе арабских племен и богослове-суфии Абд аль-Кади́ре, столь же романтизированным современниками, хотя это обстоятельство объясняет многие затруднения и достижения Петербурга и Парижа на этих окраинах²².

В этой связи неудивительно, что последнее в истории Российской империи крупное восстание в Царстве Польском, вспыхнувшее в январе 1863 г., могло бы стать, по мнению Коллвелла, более серьезной проблемой для Петербурга, если бы его организаторы обратились к «тактике герильи великого черкесского предводителя Шамиля»²³. При этом в действительности восстание 1863 г. в Польше тем и отличалось от аналогичных событий 1830—1831 гг., что теперь властям пришлось иметь дело не с регулярными подразделениями армейского типа, а с самой настоящей партизанской войной, пользовавшейся народной поддержкой (как вынужден был признать в июне 1863 г. великий князь Константин Николаевич: «Революция, мятеж и измена обняли всю нацию»²⁴). Для офицеров-«кавказцев» такая борьба против местных «шаек» и «банд» (по официальной терминологии) с военной точки зрения была как раз вполне привычна, в отличие от их коллег, не имевших подобного опыта.

Как утверждает британский историк-востоковед российского происхождения Вера Тольц, на рубеже XIX—XX вв. европейские элиты, размышляя об управлении своими империями, оперировали набором типовых понятий и категорий анализа, что позволяло размышлять о строительстве морских и континентальных империй по аналогии²⁵. Подтверждая эту мысль, Моррисон приходит к выводу, что «Малые войны» свидетельствуют

²¹ Callwell C.E. *Small Wars*. P. 40.

²² Бобровников В.О. Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700—1917)* / под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. М., 2010. С. 182—209; Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М., 2007. С. 204—210, 307—317.

²³ Callwell C.E. *Small Wars*... P. 100.

²⁴ Цит. по: Западные окраины в составе Российской империи / отв. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2007. С. 181.

²⁵ Тольц В. Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империях конца XIX — начала XX века // *Imperium inter pares*. С. 266—307; *Ее же*. «Собственный восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013.

о непрерывном обмене информацией среди военного класса европейских империй²⁶. Предложения Коллвелла, по его мнению, стоит рассматривать как универсальный набор техник колониального контроля, а не изложение особого британского пути ведения военных кампаний в колониях. Российские и британские военные за пределами Европы действительно предстают в «Малых войнах» скорее коллегами по цивилизационной миссии на просторах Азии, чем противниками по «Большой игре». Причем не только в культурном, но и в политическом смысле — и те и другие выступают «против различных форм деспотизма, весьма пригодных для руководства имеющимися вооруженными силами во время войны: зулу, Ранджит Сингх, эмир Бухары»²⁷.

В этом смысле появление самого знаменитого сочинения Коллвелла отражало стремление признать Российской империю «нормальной» европейской державой в рамках профессионального британского военного дискурса, превосхитив в двух первых изданиях (и отразив в третьем) изменения в расстановке геополитических сил, увенчавшееся завершением «Большой игры» и фактическим оформлением Антанты в 1907 г. «Русская угроза» в начале XX в. была вытеснена на второй план угрозой германской, причем в британском Генеральном штабе и военном министерстве этот процесс шел быстрее, чем на местах, среди высшего командования и офицерского корпуса англо-индийской армии в целом²⁸. В контексте этой внутрикорпоративной борьбы публикация и последующее распространение «Малых войн» в военной среде играли на руку сторонникам новой оборонной концепции, смещая в рамках британской политики в Центральной и Восточной Азии акценты с традиционного противодействия России на обеспечение колониального контроля в пределах империи.

Институционализация сравнительного колониализма (впервые это понятие ввел французский политический обозреватель П.П. Леруа-Болье) дополнительно создавала благоприятный интеллектуальный фон для благожелательного отношения коллег к «Малым войнам» Коллвелла не только в Британии, но и за ее пределами. В 1894 г. в Брюсселе учрежден Международный колониальный институт, объединивший экспертов из Великобритании, Франции, Нидерландов, Германии, России, США с целью совершенствования управления зависимыми территориями²⁹. Представление об империях как о партнерских державах было воспринято на дипломатическом уровне — в 1902–1907 гг. в российско-британских отношениях произошла революция, итогом которой стало завершение «Большой игры» двух империй³⁰. В рамках межкультурного диалога, отражавшего ситуацию в общественном мнении обеих стран, их схожесть также признавалась, причем задолго до завершения противоборства Лондона и Петербурга в Азии. Комментируя выставку Туркестанской серии в Лондоне в 1873 г., состоявшуюся при организационной и финансовой поддержке российского правительства и посредничестве генерал-губернатора Туркестанского края и командующего Туркестанским военным округом К.П. фон Кауфмана, ее создатель, знаменитый художник-баталист В.В. Верещагин заметил в сопроводительном каталоге, что «чем скорее проникнет туда [в Азию] с одного или другого конца европейская цивилизация, тем лучше»³¹.

²⁶ Morrison A. "The extraordinary success which the Russians have achieved". P. 914–915.

²⁷ Callwell C.E. Small Wars... P. 34.

²⁸ Hevia J. The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia. Cambridge, 2012. P. 221.

²⁹ Linder U. New Forms of Knowledge Exchange Between Imperial Powers: The Development of the Institut Colonial International (ICI) Since the End of the Nineteenth Century // Imperial Cooperation and Transfer, 1870–1930. Empires and Encounters / eds V. Barth, R. Chetkovski. London etc., 2015. P. 57–78.

³⁰ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 261–283.

³¹ Цит. по: Чернышева М.А. Василий Верещагин и Жан-Леон Жером // Василий Верещагин. 1842–1904. М., 2018. С. 34.

В этой связи необходимо отметить, что военный ориентализм присутствовал в России не только как жанр письма, в том числе и художественного, но и как стиль мышления, и как область практического знания. Обучение восточным языкам в империи к началу XX в. велось в 24 военных учебных заведениях и на соответствующих отделениях гражданских образовательных учреждений³². В целом военные власти проявляли очевидный интерес к зарубежному опыту управления новообретенными территориями. Так, например, командующий Отдельным кавказским корпусом генерал Е.А. Головин, военный министр князь А.И. Чернышев и император Николай I обсуждали возможность использовать на Кавказе опыт косвенного управления, применявшийся в британской Индии и французском Алжире³³. Участник завоевания Средней Азии генерал-адъютант А.Н. Куропаткин после окончания в 1874 г. Николаевской академии Генерального штаба был отправлен в научную командировку в Германию, Францию и Алжир, где даже участвовал в экспедиции французских войск в Сахару, суммировав наблюдения в работе «Алжирия» в 1877 г. (ранее такую же ознакомительную поездку в Алжир совершил офицер Генерального штаба генерал-майор А.И. Беренс, опубликовавший в «Военном сборнике» работу «Кабилия в 1857 г.»)³⁴. Возглавив военное министерство в 1898 г., Куропаткин олицетворял «азиатское лобби» в руководстве Главного штаба, образовавшееся при его предшественнике на этом посту генерал-адъютанте П.С. Ванновском в 1880-е годы, активно содействуя развитию военного востоковедения, включая возобновление практики зарубежных командировок офицеров-слушателей³⁵.

С другой стороны, российская военная мысль парадоксальным на первый взгляд образом не проявила заметного интереса к проблематике малых войн в колониальном контексте. На русский язык труд Коллвелла не переводился, опубликованные в империи работы об этой форме вооруженной борьбы имели отношение к организации партизанских действий регулярных армейских частей³⁶. Малые войны рассматривались в них в традиционном смысле слова — в соответствии с европейской военной мыслью в этом вопросе, заложенной еще в эпоху раннего Нового времени. Соображения стратегического и тактического характера относительно военных кампаний Российской империи на восточных окраинах и в сопредельных странах Азии не были систематизированы с точки зрения их местной специфики в форме обобщающего военно-теоретического труда и/или военной доктрины (подобно «Малым войнам» или аналогичным французским и американским работам, санкционированным или одобренным к публикации военным руководством). Несмотря на ряд публикаций в профессиональных военных журналах («Военный сборник», «Кавказский сборник», «Разведчик», «Русский инвалид» и др.), обширную мемуарную литературу, а также описание кампаний в Средней Азии и на Северном Кавказе на страницах полковых историй, попытки систематизировать военный опыт офицеров-«туркестанцев» и «кавказцев» на окраинах империи являлись частной инициативой представителей российского офицерского корпуса, а не целенаправленной политикой официальных военных властей.

Издававшийся Генеральным штабом Российской императорской армии с 1880-х годов «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии» включал переводы иностранных сочинений этого профиля (работы таких видных участников «Большой игры», как, например, вице-король Индии сэр Джордж Натаниэль Кёрзон, офицеры и политические агенты индийского правительства сэр Фрэнсис Эдуард

³² Подробнее см.: *Басханов М.К.* История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018.

³³ *Бобровников В.О.* Указ. соч. С. 205—206.

³⁴ Там же. С. 205; *Басханов М.К.* Указ. соч. С. 38.

³⁵ *Басханов М.К.* Указ. соч. С. 51, 89.

³⁶ *Вуич И.В.* Малая война. СПб., 1850; *Перицониус Г.* Прикладная тактика. СПб., 1872. С. 544—563 [раздел Д — малая война]; *Гершельман Ф.К.* Партизанская война. СПб., 1885.

Янгхасбенд, Роберт Сандеман и др.)³⁷. Однако эти работы, как и труды их российских коллег на страницах этого же сборника, представляли собой главным образом военно-статистические очерки отдельных земель и описания военных кампаний. Специфика малых войн в них была представлена лишь опосредованно. Это, конечно, не означает, что российские военные хуже представляли себе туземных противников на окраинах империи, чем их английские коллеги — во владениях Британии. Речь идет о том, что различались формы фиксации и распространения этого знания.

Причины этих различий — военно-технические, корпоративно-бюрократические и структурно-функциональные — многое проясняют как в вопросах применения вооруженных сил при осуществлении контроля Великобритании и России в Азии на рубеже XIX—XX вв., так и в самой логике функционирования этих империй.

Во-первых, обусловленные местными особенностями стратегические и тактические решения командования Отдельных Кавказского, Оренбургского, Сибирского корпусов и соответствующих военных округов долгое время воспринимались в Главном и Генеральном штабах, а также в военном министерстве как отклонение от нормы, включая правовую регламентацию российского военного присутствия на Кавказе и в Туркестане (с точки зрения европейского военного права аманаты и баранта означали трибунал)³⁸. Целесообразность заимствования некоторых туземных приемов и способов ведения малой войны вступала в прямое противоречие с представлениями столичного военного руководства о форме (в том числе в буквальном смысле слова) и содержании военной подготовки в войсках. Как отмечает М.К. Басханов, объясняя провалы в подготовке офицеров-востоковедов в Российской императорской армии на рубеже XIX—XX вв. на дальневосточном направлении накануне отнюдь не «маленькой победоносной» русско-японской войны 1904—1905 гг., «для Главного штаба Восток все еще был местом “великих географических открытий”, а не ареной возможного масштабного конфликта» с одной из вестернизированных региональных держав, армии же Востока считались «продуктом деградации и упадка»³⁹.

Такой подход заметно контрастировал с системой организации и подготовки офицерского корпуса британской армии к столкновениям с туземными противниками за пределами Европы. В рамках военных реформ государственного секретаря по военным делам Эдуарда Кардюзлла еще в 1871 г. был введен двухбатальонный принцип комплектации полков, при котором один выполнял функцию полкового депо, а другой нес постоянную службу в колониях. Длительное военное присутствие в колониях и протекторатах способствовало складыванию такого варианта имперской школы военной мысли, типическим и одновременно наиболее полным проявлением которой на рубеже XIX—XX вв. стали «Малые войны»⁴⁰. Кроме того, если в российской армии подготовка велась по военным округам (по отдельности), то в пределах Британской империи такая автономия мысли и действия была характерна главным образом для британской индийской армии, но и в этом случае не была абсолютной, а ротация частей из-за частых колониальных кризисов

³⁷ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Генеральный штаб Российской императорской армии. СПб., 1883—1914.

³⁸ Лапин В.В. Указ. соч. С. 265—278.

³⁹ Басханов М.К. Указ. соч. С. 181.

⁴⁰ Малкин С.Г. От малых войн к герилье: имперская школа военной мысли Великобритании в эпоху Интербеллума // Новая и новейшая история. 2021. № 6. С. 22—30; Malkin S.G. From small wars to counterinsurgency: C.W. Gwynn, “Imperial Policing” and transformation of doctrine // Small Wars & Insurgencies. 2019. Vol. 30 (3). P. 660—678; Idem. Transfers of Colonial (dis)Order: Guerrilla Warfare and the British Military Thought after the Great War // Small wars & Insurgencies. 2022. Vol. 33 (8). P. 1421—1443.

осуществлялась на регулярной основе (причем с определенного момента уже вопреки замыслу Кардуэлла)⁴¹.

Во-вторых, необходимо учитывать корпоративные интересы вооруженных сил ведущих европейских держав — в особенности той части военного руководства, которая была вовлечена в колониальные кампании. Последние играли значительную роль во внутри- и межведомственной борьбе за бюджеты, административный ресурс, назначения на руководящие посты как дома, так и за морями. Так, в Париже после поражения во франко-прусской войне 1870—1871 гг. колониальные предприятия позиционировались представителями «колониального лобби» в военном руководстве в качестве своеобразной компенсации за ослабление позиций в Европе и удар по национально-государственному престижу⁴². А в Великобритании бюрократическое соперничество по вопросу о приоритетах в подготовке и применении армии разворачивалось сразу на нескольких уровнях: между военным министерством и командованием англо-индийской армии (о характере военных угроз), между военными и гражданскими чинами (о роли и значении политических офицеров на окраинах империи), между сторонниками различных военно-политических стратегий в Южной Африке в рамках второй англо-бурской войны и на северо-западной границе британской Индии, а после мировой войны — еще и между армией и военно-воздушными силами (об оптимальных формах обеспечения колониального контроля).

Соответственно, «Малые войны» и другие подобные работы необходимо рассматривать именно в этом контексте, учитывая их изначально публичный характер, удивительное совпадение изложенных в них позиций с такими группами влияния в военной среде и участие некоторых авторов в бюрократических баталиях. Такое положение дел многое объясняет в поверхностной трактовке российского опыта покорения Кавказа и Средней Азии Коллвеллом — требовалась не статистическая точность военного востоковеда и специалиста по организации военного дела в российской армии, а внешне непротиворечивый набор убедительных на первый взгляд примеров, подкрепляющих авторскую позицию. То, что Коллвелл состоял на службе в разведывательном отделе Генерального штаба и занимался вопросами сбора, систематизации и анализа сведений о вооруженных силах других государств, подтверждает, что такой избирательный подход к отбору материала для иллюстрации российского случая имел осознанный характер.

В-третьих, ретроспективно малые войны в смысле борьбы с плохо организованными и разношерстными туземными войсками с их методами партизанской борьбы накануне Великой войны представляли собой уходящую натуру с точки зрения ключевых приоритетов, целей и задач, которые перед собой ставили генеральные штабы европейских держав в вопросах стратегии и тактики гипотетических военных действий на Среднем, Ближнем и Дальнем Востоке. Можно предположить вслед за некоторыми коллегами, что отсутствие какой бы то ни было заметной роли «Малых войн» в эволюции отечественного военного востоковедения на рубеже XIX—XX вв. объясняется тем, что российский ориентализм не был таким «плотным», как британский⁴³. Однако факты рисуют более прозрачную картину. В российской армии большее беспокойство вызывала организация во-

⁴¹ Mountain Warfare against Guerilla Enemy. Final Report on Trials by 25 (Experimental) Infantry Brigade. Under Direction 10 Inf. Div. Oct. 1946 — Jan. 1947 and subsequently 7 Inf. Div. // The National Archives [TNA]. War Office [WO] 231/34. Подробнее см.: *Moreman T.* The Army in India and the Development of Frontier Warfare, 1849—1947. London, 1998; *Raghaven S.* Protecting the Raj: The Army in India and Internal Security, c. 1919—39 // *Small Wars & Insurgencies*. 2005. Vol. 16 (3). P. 253—279; *Tripodi C.* Edge of Empire: The British Political Officer and Tribal Administration on the North-West Frontier 1877—1947. London, 2010.

⁴² *Porch D.* Bugeaud, Gallieni, Lyautey... P. 376—407; *Idem.* Counterinsurgency... P. 28—29; *Griffin C.* A Revolution in Colonial Military Affairs: Gallieni, Lyautey, and the “Tache d’huile”: paper prepared for the 2009 British International Studies Association Conference. Leicester, December 14—16, 2009.

⁴³ *Morrison A.* “Applied Orientalism” in British India and Tsarist Turkestan // *Comparative Studies in Society & History*. 2009. Vol. 51. № 3. P. 619—647.

енно-народного управления на Кавказе и в Средней Азии. А после неудачного завершения русско-японской войны и по мере приближения Первой мировой войны на первый план вышла подготовка востоковедов, специализировавшихся на наиболее вероятных противниках среди азиатских держав (Япония, Китай, Османская империя, Иран) — в перспективе подразумевался масштабный конвенциональный конфликт с применением всего спектра современных видов оружия, а вовсе не асимметричные малые войны⁴⁴.

Наконец, первая треть XX в. ознаменовалась новыми вызовами колониальному порядку европейских держав со стороны панисламизма, национализма и коммунизма в сочетании с урбанизацией протестных движений и ростом влияния средств массовой информации и общественного мнения на характер, масштабы и методы борьбы с повстанческими движениями⁴⁵. В российском офицерском корпусе обращали внимание на новый характер потенциальных конфликтов за пределами Европы. Во время разгоревшейся после русско-японской войны дискуссии о военно-востоковедной реформе штабс-капитан Н.В. Терлецкий указывал в 1908 г., что в эпоху народных армий «разгадка иного события» возможна только при знакомстве с «различными социальными течениями, все более и более проникающими в страны Востока»⁴⁶. Схожим образом оценивали значение опыта колониальных войн и в британской армии. Самую известную работу Коллвелла его коллеги вскоре сочли бесполезной. В подготовленном Ирландским командованием во взаимодействии с Управлением военных операций Имперского генерального штаба Великобритании «Обзоре мятежа в Ирландии» (Война за независимость 1919–1921 гг.) это различие зафиксировано даже терминологически: вторую англо-бурскую войну его авторы называли «обычной герильей», а «Ирландскую войну» охарактеризовали как «особый тип герильи»⁴⁷.

Библиография / References

Арбеков А.Б. Колониальные войны Великобритании в 70-х — начале 80-х годов XIX века: военно-политические аспекты английской колонизации: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2021.

Басханов М.К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018.

Бобровников В.О. Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* / под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. М., 2010. С. 182–209.

Вуич И.В. Малая война. СПб., 1850.

Гершельман Ф.К. Партизанская война. СПб., 1885.

Западные окраины в составе Российской империи / отв. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2007.

Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008.

Малкин С.Г. От малых войн к герилье: имперская школа военной мысли Великобритании в эпоху Интербеллума // *Новая и Новейшая история*. 2021. № 6. С. 22–30.

Перицониус Г. Прикладная тактика. СПб., 1872.

Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Генеральный штаб Российской императорской армии. СПб., 1883–1914.

Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М., 2007.

Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.

⁴⁴ Басханов М.К. Указ. соч. С. 326–508.

⁴⁵ См., например: Jeffrey K. The British Army and the Crisis of Empire, 1918–22. Manchester, 1984; *Idem*. Field Marshal Henry Wilson: A Political Soldier. Oxford, 2006; *Idem*. The road to Asia and the Grafton Hotel, Dublin: Ireland and the “British world” // *Irish Historical Studies*. 2008. Vol. XXXVI. № 42. P. 243–256.

⁴⁶ Цит. по: Басханов М.К. Указ. соч. С. 361.

⁴⁷ Historical Record of Rebellion in Ireland. 1920–1921 // TNA. WO 141/93; Record of the Rebellion in Ireland. 1922–1923 // TNA. WO 141/94; Ground Truths: British Army Operations in the Irish War of Independence / ed. W.H. Kautt. Newbridge, 2014. P. 128, 187. Подробнее см.: Malkin S.G. “Lessons learned” during the Interbellum: “Irish war” and British counterinsurgency // *Small Wars & Insurgencies*. 2021. Vol. 32. Iss. 4–5 (Special Issue on insurgency and counterinsurgency in Ireland). P. 598–618.

Толыц В. «Собственный восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013.

Толыц В. Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империях конца XIX — начала XX века // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* / под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. М., 2010. С. 266–307.

Чернышева М.А. Василий Верещагин и Жан-Леон Жером // *Василий Верещагин. 1842–1904*. М., 2018. С. 30–39.

Arbekov A.B. Kolonial'nye vojny Velikobritanii v 70-h — nachale 80-h godov XIX veka: voenno-politicheskie aspekty angliiskoi kolonizatsii [Colonial wars of Great Britain in 70s — the beginning of 80-s of the 19th century: military and political aspects of the English colonization]: dis. ... kand. ist. nauk. Orel, 2021. (In Russ.)

Baskhanov M.K. Istoriya izucheniya vostochnykh yazykov v russkoj imperatorskoj armii [The history of the Oriental languages study in the Russian imperial army]. Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)

Bobrovnikov V.O. Russkij Kavkaz i francuzskij Alzhir: sluchajnoe skhodstvo ili obmen opytom kolonial'nogo stroitel'stva? [Russian Caucasus and the French Algiers: accidental similarity or exchange of experience of colonial development] // *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: the role of the transfers in the history of the Russian empire (1700–1917)] / pod red. M. Austa, R. Vul'pius, A. Millera. Moskva, 2010. S. 182–209. (In Russ.)

Chernysheva M.A. Vasilij Vereshchagin i Zhan-Leon Zherom [Vasilij Vereshchagin and Jan-Gerome] // *Vasilij Vereshchagin. 1842–1904*. Moskva, 2018. S. 30–39. (In Russ.)

Gershel'man F.K. Partizanskaya voina [Partisan war]. Sankt-Peterburg, 1885. (In Russ.)

Lapin V.V. Armiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII–XIX vv. [Russian army in the Caucasus war of the 18th–19th centuries]. Sankt-Peterburg, 2008. (In Russ.)

Malkin S.G. Ot malykh vojn k geril'e: imperskaya shkola voennoi mysli Velikobritanii v epohu Interbelluma [From small wars to guerrilla: imperial school of military thought in Great Britain during the Interbellum] // *Novaya i Noveishaya istoriya* [Modern and Contemporary history]. 2021. № 6. S. 22–30. (In Russ.)

Periconius G. Prikladnaya taktika [Applied tactics]. Sankt-Peterburg, 1872. (In Russ.)

Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. General'nyi shtab Rossijskoj imperatorskoj armii [Collected works on geographical, topographic and statistical materials on Asia. General Staff of the Russian imperial army]. Sankt-Peterburg, 1883–1914. (In Russ.)

Sergeev E.Yu. Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskikh otnoshenii v Central'noi i Vostochnoi Azii [Great game, 1856–1907: myths and realities of the Russian-British relations in Central and Eastern Asia]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Severnij Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii [Northern Caucasus in the Russian empire] / otv. red. V.O. Bobrovnikov, I.L. Babich. Moskva, 2007. (In Russ.)

Tol'c V. “Sobstvennyi vostok Rossii”: politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i ranнесоветский период [“Its own East of Russia”: identity politics and oriental studies in late imperial and early soviet period]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Tol'c V. Rossijskie vostokovedy i obshcheevropejskie tendencii v razmyshleniyakh ob imperiyah konca XIX — nachala XX veka [Russian orientalists and common European tendencies of the thoughts on empires in the end of the 19th — the beginning of the 20th centuries] // *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: the role of the transfers in the history of the Russian empire (1700–1917)] / pod red. M. Austa, R. Vul'pius, A. Millera. Moskva, 2010. S. 266–307. (In Russ.)

Vuich I.V. Malaya voina [Small war]. Sankt-Peterburg, 1850. (In Russ.)

Zapadnye okrainy v sostave Rossijskoj imperii [The Western outskirts in the Russian empire] / otv. red. M. Dolbilov, A. Miller. Moskva, 2007. (In Russ.)

A German Colonial Campaign: The Operations against the Bondelszwarts and Hereros from the Beginning of October, 1903, to 31st July, 1905. Compiled by the 2nd Bureau of the French General Staff. Translated, by permission of the French Minister of War, from the *Revue Militaire des Armies Etrangères* // *Royal United Services Institution. Journal*. 1906. Vol. 50 (336). P. 207–214.

Callwell C.E. Petites Guerres, leur principes et leur execution. Paris, 1899.

Callwell C.E. Instructions for Intelligence Officers Abroad. London, 1889.

Callwell C.E. Lessons to be Learnt from the Campaigns in which British Forces have been Employed since the Year 1865 // *Royal United Services Institution. Journal*. 1877. Vol. 31 (139). P. 357–412.

Callwell C.E. Small Wars. Their principles and practice. General Staff — War Office. London, 1896 [1899, 1906].

Cunningham A.G. The Training of the Army, 1934 // *Royal United Services Institution. Journal*. 1934. Vol. 79 (516). P. 723–732.

Ditte A. Observations sur la guerre dans les colonies, organization — execution: Conférences faites à l'Ecole Supérieure de Guerre. Paris, 1905.

Ellis E.H. Bush Brigades // *Marine Corps Gazette*. March 1921. P. 1–15.

- Griffin C.* A Revolution in Colonial Military Affairs: Gallieni, Lyautey, and the “Tache d’huile”: paper prepared for the 2009 British International Studies Association Conference. Leicester, December 14–16, 2009.
- Ground Truths: British Army Operations in the Irish War of Independence* / ed. W.H. Kautt. Newbridge, 2014.
- Gwynn C.W.* Imperial Policing. London, 1934 [1936, 1939].
- Gwynn C.W.* Army Training, 1931 // Royal United Services Institution. Journal. 1931. Vol. 76 (504). P. 722–730.
- Harrington S.M.* The Strategy and Tactics of Small Wars // Marine Corps Gazette. December 1921. P. 474–491.
- Hevia J.* The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia. Cambridge, 2012.
- Hudson C.E.* The Tasks of the Army // Royal United Services Institution. Journal. 1933. Vol. 78 (512). P. 773–778.
- Jeffrey K.* Field Marshal Henry Wilson: A Political Soldier. Oxford, 2006.
- Jeffrey K.* The British Army and the Crisis of Empire, 1918–22. Manchester, 1984.
- Jeffrey K.* The road to Asia and the Grafton Hotel, Dublin: Ireland and the “British world” // Irish Historical Studies. 2008. Vol. XXXVI. № 42. P. 243–256.
- Linder U.* New Forms of Knowledge Exchange Between Imperial Powers: The Development of the Institut Colonial International (ICI) Since the End of the Nineteenth Century // Imperial Cooperation and Transfer, 1870–1930. Empires and Encounters / eds V. Barth, R. Chetkovski. London; New Delhi; New York; Sydney, 2015. P. 57–78.
- Lyautey H.* Du Role Colonial de L’Armee. Paris, 1900.
- Malkin S.G.* “Lessons learned” during the Interbellum: “Irish war” and British counterinsurgency // Small Wars & Insurgencies. 2021. Vol. 32. Iss. 4–5 (Special Issue on insurgency and counterinsurgency in Ireland). P. 598–618.
- Malkin S.G.* From small wars to counterinsurgency: C.W. Gwynn, “Imperial Policing” and transformation of doctrine // Small Wars & Insurgencies. 2019. Vol. 30 (3). P. 660–678.
- Malkin S.G.* Transfers of Colonial (dis)Order: Guerrilla Warfare and the British Military Thought after the Great War // Small wars & Insurgencies. 2022. Vol. 33 (8). P. 1421–1443.
- Moreman T.* “Small Wars” and “Imperial Policing”: The British army and the theory and practice of colonial warfare in the British empire, 1919–1939 // Journal of Strategic Studies. 1996. Vol. 19. № 4. P. 105–131.
- Moreman T.* The Army in India and the Development of Frontier Warfare, 1849–1947. London, 1998.
- Morrison A.* “Applied Orientalism” in British India and Tsarist Turkestan // Comparative Studies in Society & History. 2009. Vol. 51. № 3. P. 619–647.
- Morrison A.* “The extraordinary success which the Russians have achieved” — the conquest of Central Asia in Callwell’s Small Wars // Small Wars & Insurgencies. 2019. Vol. 30 (4–5). P. 913–936.
- Notes on Imperial Policing. War Office, 1934.
- Porch D.* Bugeaud, Gallieni, Lyautey: The Development of French Colonial Warfare // Makers of Modern Strategy: From Machiavelli to the Nuclear Age / ed. P. Paret. Oxford, 1986. P. 376–407.
- Porch D.* Counterinsurgency: Exposing the Myths of the New Way of War. Cambridge, 2013.
- Raghaven S.* Protecting the Raj: The Army in India and Internal Security, c. 1919–39 // Small Wars & Insurgencies. 2005. № 16 (3). P. 253–279.
- Septans A.* Les Expéditions Anglaises en Afrique. Paris, 1896.
- Small Wars Manual. United States Marine Corps. United States Government Printing Office. Washington, 1940.
- Small Wars Operations. Revision / ed. Major H.L. Larsen, the Chief of the Small Wars Section, Marine Corps Schools. Marine Barracks; Quantico; Virginia. 1935 [1938].
- Smith A.B.* The Tasks of the Army // Royal United Services Institution. Journal. 1934. Vol. 79 (513). P. 47–54.
- Tripodi C.* Edge of Empire: The British Political Officer and Tribal Administration on the North-West Frontier 1877–1947. London, 2010.
- Uitley H.H.* An Introduction to the Tactics and Techniques of Small Wars // Marine Corps Gazette. May 1931. Vol. 15 (5). P. 50–53.
- Uitley H.H.* An Introduction to the Tactics of Small Wars // Marine Corps Gazette. November 1933. Vol. 18 (3). P. 44–46.
- Wavell A.P.* The Training of the Army for War // Royal United Services Institution. Journal. 1933. Vol. 78 (510). P. 254–273.
- Whittingham D.* “Savage warfare”: C.E. Callwell, the roots of counter-insurgency, and the nineteenth century context // Small Wars & Insurgencies. 2012. Vol. 23 (4–5). P. 591–607.

DOI: 10.31857/S013038640023769-3

© 2023 г. А.В. ЛАЗАРЕВА

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТНИКОВ НЕМЕЦКИХ КНЯЗЕЙ
В ГОДЫ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ (1618–1648)**

Лазарева Арина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: unimoskau@yandex.ru

Scopus Author ID: 57219485675; ORCID: 0000-0002-8902-9146; Researcher ID: AAU-6091-2021

Аннотация. Статья посвящена развитию европейской дипломатической службы в раннее Новое время. Важный импульс для появления профессии «дипломата» сыграла Тридцатилетняя война, в годы которой активизация внешнеполитической деятельности небольших немецких княжеств превратилась в одну из насущных потребностей для укрепления властных позиций их правителей. В штате служащих немецких князей в XVII в. еще не существовало специальной должности дипломата, поэтому функции представления монарха на внешнеполитической арене и сбор актуальной информации за пределами их владений, влиявшей на выбор международного курса, входил в обязанности придворных советников. В статье на основе базы данных «Немецкая академия XVII века: Плодоносящее общество», включающей биографии 891 человека, составлен просопографический портрет советников немецких территориальных князей, занимавшихся дипломатической деятельностью в годы Тридцатилетней войны, и выделен круг их основных обязанностей, связанных с дипломатической службой. Для дипломатической карьеры был необходим ряд факторов, среди которых важную роль играли происхождение, образование и кругозор. Практически все советники, представлявшие своего патрона на международной арене, были дворянами, за редким исключением, когда функции дипломата возлагались на представителя бюргерства. Все они имели университетское образование, знали иностранные языки и несколько лет провели, путешествуя за границей. К основной деятельности советников-дипломатов относились сбор информации, постоянно менявшейся в годы войны, и переговоры о потенциальных политических союзах. Особое место среди обязанностей советников-дипломатов занимало заключение династических браков. Одним из важнейших качеств советников-дипломатов, как неоднократно подчеркивалось в их надгробных проповедях, был ярко выраженный патриотизм и «искреннее желание служить своему Отечеству». Сами советники-дипломаты воспринимали свою дипломатическую деятельность как неотъемлемую часть службы на благо отечества. Их патриотизм сыграл важную роль в становлении национальных представлений немцев в эпоху Тридцатилетней войны.

Ключевые слова: дипломатия, дипломатическая служба, Вестфальский мир, германские княжества, Германия, международные отношения, дворянство, Тридцатилетняя война 1618–1648, просопография.

A.V. Lazareva**Diplomatic Activities of Councillors to the German Princes During the Thirty Years' War, 1618–1648**

Arina Lazareva, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: unimoskau@yandex.ru

Scopus Author ID: 57219485675; ORCID: 0000-0002-8902-9146; Researcher ID: AAU-6091-2021

Abstract. In this article the author examines the development of the European diplomatic service during the Thirty Years' War, 1618–1648. There was no diplomatic post on the payroll of German princes in the seventeenth century, so it was left to court counsellors to represent the monarch on the foreign policy stage and gather relevant information from outside their dominions, which would influence the choice of international policies. A diplomatic career required a number of factors, among them ancestry, education, and breadth of vision. Practically all of the councillors who represented their patron on the international stage were noblemen, with a few exceptions where a burgher was entrusted with diplomatic functions. All of them were university educated, knew foreign languages and had spent several years abroad travelling. The core responsibilities of counsellors-diplomats included gathering information, which was constantly shifting during the war, and negotiating potential political alliances. Among the duties of diplomatic counsellors, foreign policy activities relating to dynastic marriages occupied a special place. One of the most important qualities of the councillors-diplomats, as repeatedly emphasised in their eulogies, was a pronounced patriotism. The councillors-diplomats themselves saw their diplomatic service as an integral part of their service to the Fatherland. Their patriotism played an important role in shaping German national ideas during the Thirty Years' War, and gradually became an integral part of service in the diplomatic corps.

Keywords: diplomacy, diplomatic service, Peace of Westphalia, German principalities, Germany, international relations, nobility, Thirty Years' War 1618–1648, prosopography.

Тридцатилетняя война (1618–1648) была первым общеевропейским конфликтом, затронувшим основные государства Европы. Именно поэтому заключение Вестфальского мира в 1648 г. превратилось в первый международный конгресс, в котором участвовало 109 делегаций различных государств¹. Присутствие такого множества дипломатов объясняется прежде всего тем, что впервые Священную Римскую империю представлял не только император, но и имперские чины. Многолетний путь к заключению мирного договора чаще всего объясняется стремлением императора по традиции единолично защищать интересы империи на внешнеполитической арене и его многократные попытки оттеснить представителей имперских сословий от участия в переговорах. Однако из-за беспрецедентной вовлеченности имперских чинов в события войны и изменения их роли как во внутриимперской политике, так и в международных делах план императора Фердинанда III (1637–1657) оказался несбыточным. Закрепленная в Вестфальском мире хрестоматийная истина о праве князей «вести самостоятельную внешнюю политику и заключать союзы как друг с другом, так и с иностранными державами»² наглядно показала новое соотношение сил внутри Империи. Одним из факторов, повлиявших на подобный расклад сил, являлось усиление власти территориальных правителей Империи, к которому привела Тридцатилетняя война³, т.е. во время войны каждый немецкий территориальный правитель старался по мере сил укреплять собственный авторитет и власть. Характерным выражением этих процессов стала активизация межгосударственных контактов. Для успешного ведения внешней политики немецким князьям был необходим штат дипломатов, которые могли бы представлять их интересы и собирать актуальную информацию. Однако эпоха Тридцатилетней войны еще не знала самого понятия «дипломат», поэтому разнообразные межгосударственные поручения князя возлагали на своих советников. Отсутствие специальной терминологии,

¹ *Reppen K. Dreißigjähriger Krieg und Westfälischer Friede / Hrsg. von Ch. Kampmann, F. Bosbach. Paderborn, 2015. S. 427.*

² *Медяков А.С., Кондратьев С.В. и др. История нового времени: 1600–1799 годы: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2007. С. 112.*

³ *Tischer A. Dynamik durch Gewalt? Der Dreißigjährige Krieg und die Wandlungsprozesse der Frühen Neuzeit im Rahmen einer allgemeinen Kriegsgeschichte // Dynamik durch Gewalt? Der Dreißigjährige Krieg (1618–1648) als Faktor der Wandlungsprozesse des 17. Jahrhunderts / Hrsg. von A. Tischer, M. Rohrschneider. Münster, 2018. S. 13–40. Об историографии политических процессов и усилении княжеской власти внутри Империи под влиянием Тридцатилетней войны см.: *Kampmann Ch. Politischer Wandel im Krieg – politischer Wandel durch Krieg? Militärische Gewalt und politische Innovation in der Epoche des Dreißigjährigen Kriegs // Dynamik durch Gewalt? S. 41–70.**

определяющей статус и ранг таких «советников-дипломатов», а также многообразие данных им поручений были характерными чертами истории дипломатии в первой половине XVII в. Изучение большой совокупности биографий советников немецких князей, выполнявших дипломатические обязанности, и составление их просопографического портрета позволяют выделить общие черты в их деятельности и проследить эволюцию постепенной специализации профессии «дипломат», занявшей прочное место среди должностей XVIII–XIX вв.⁴

Для составления коллективного портрета советника-дипломата немецких князей эпохи Тридцатилетней войны можно обратиться к базе данных «Немецкая академия XVII века: Плодоносящее общество», в которой представлены биографии 891 члена «Плодоносящего общества» — первой немецкой академии, созданной в 1617 г.⁵ Общество носило продворянский характер. База данных наглядно демонстрирует служебные связи и карьерные стратегии внутри немецких территориальных государств. Стремление немецких князей к консолидации сил в годы Тридцатилетней войны получило в «Плодоносящем обществе» новый импульс — это было объединение в первую очередь династически и конфессионально близких домов восточных, северных и центральных земель Империи, однако в деятельности первой немецкой академии дал о себе знать новый интеграционный фактор⁶. Оно ставило перед собой национально-патриотические цели, поэтому его можно считать и первым союзом немецких правителей, созданным на надконфессиональной и наддинастической основе. Важнейшим критерием, как значилось в уставе «Плодоносящего общества», было стремление приносить пользу отечеству, под которым понималась совокупность немецкоговорящих земель⁷.

До 1648 г. в «Плодоносящее общество» было принято 521 человек, из которых 449 — это дворяне, занимавшие должность советника⁸. Советники делились на несколько категорий — тайные, надворные, финансовые, просто советники. У всех были достаточно схожие широкие функции. Как правило, они выполняли различные по степени важности поручения своих патронов — от покупки книг до самых секретных миссий, связанных, например, с организацией чеканки монеты⁹. В грамотах о назначении на должность придворного советника спектр будущих обязанностей обозначался лишь в самых общих чертах. Главной задачей считалось «всегда быть преданным и готовым действовать к пользе [своего господина], способствовать [его] благу, всеми своими лучшими силами предотвращать вред и убытки, в первую очередь во время своей службы, или если того пожелают, то безропотно давать в

⁴ Петрова М.А. Статус министра союзного двора в дипломатической литературе и дипломатической переписке XVIII в. // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2020. № 15. С. 67–78.

⁵ База данных «Немецкая академия XVII века: Плодоносящее общество» (Die deutsche Akademie des 17. Jahrhunderts: Fruchtbringende Gesellschaft) размещена на специальной интернет-странице. Она создавалась несколько десятилетий в 1988–2018 гг. научными сотрудниками Библиотеки Августа в Вольфенбюттеле (Германия) и была полностью опубликована в 2015–2018 гг. База данных содержит различные поля, среди которых особую роль для формирования выводов играли: «Жизненный путь» (Werdegang) и «Происхождение/должность» (Stand/Stellung). URL: http://www.die-fruchtbringende-gesellschaft.de/index.php?category_id=15&article_id=16 (дата обращения: 08.12.2022).

⁶ Подробнее см.: Лазарева А.В. «Союз меча и языка». Развитие немецкой национальной идеи в первой половине XVII века // Средние века. Т. 78. № 4. М., 2018. С. 99–118. Ср. с.: Schmidt G. Die Anfänge der Fruchtbringenden Gesellschaft als politisch motivierte Sammlungsbewegung und höfische Akademie // Die Fruchtbringer — eine Teutschhertzigte Gesellschaft / Hrsg. von K. Manger. Heidelberg, 2001. S. 5–37.

⁷ Hille K.G. Der Teutsche Palmenbaum: Das ist, Lobschrift Von der Hochlöblichen, Fruchtbringenden Gesellschaft. Nürnberg, 1647. S. 16.

⁸ Die deutsche Akademie des 17. Jh. Stand/Stellung. URL: http://www.die-fruchtbringende-gesellschaft.de/19-0-Publikationen-.html?category_id=15&article_id=16 (дата обращения: 08.12.2022).

⁹ 181207. Fürst Ludwig an Herzog Johann Ernst d. J. von Sachsen-Weimar // Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen. Die Zeit Fürst Ludwigs von Anhalt-Köthen 1617–1650. Die deutsche Akademie des 17. Jahrhunderts: Fruchtbringende Gesellschaft. Reihe I, Abt. A: Köthen / Hrsg. von M. Birchner, K. Conermann: 9 Bd. Bd. 1. Berlin, 1992–2019. S. 107.

том или другом [вопросе] советы, а также предлагать свои предусмотрительные и разумные суждения»¹⁰.

Дипломатическая деятельность являлась одной из главных обязанностей целого ряда советников, входивших в «Плодоносящее общество». Из 449 дворян, имевших такую придворную должность, принятых в «Плодоносящее общество» до окончания Тридцатилетней войны, 40 человек (9%) исполняли дипломатические поручения¹¹. Так, например, при князе Людвиге Анхальт-Кёттенском (1579–1650), известном меценате, основателе «Плодоносящего общества», состояло не менее 15 человек в статусе «советника». Из них пятерых можно считать «дипломатами», так как именно их князь Людвиг постоянно отправлял с миссиями за пределы своих владений¹². Терминологически в контрактах о найме на должность советника специальных понятий для исполнения дипломатических обязанностей не встречается, однако в косвенных источниках и инструкциях советникам, отправляемым с внешнеполитическими миссиями, идет речь о «посланниках» или «послах» (нем. *Gesandter* или *Abgesandter*), взаимозаменяемых друг друга синонимах¹³. Оба термина не указывают ни на разницу в статусе отправляемого, ни на важность исполняемого им поручения. Отсутствие в эпоху Тридцатилетней войны четких рангов для обозначения «послов» привело к тому, что до сих пор не существует конкретных данных о точном числе дипломатов, принимавших участие в Вестфальском конгрессе. Эта трудность вызвана не только тем, что за долгие годы переговоров, начавшихся еще в 1644 г.¹⁴, в Мюнстере и Оснабрюке сменялась целая череда представителей различных разноречивых государств, но и формальным критерием, который указывал бы на статус отправленного на переговоры представителя того или иного правящего дома¹⁵. Толковые немецкие словари XVII – первой половины XVIII в. для обозначения «посольства» и «посла» использовали латинские термины *legatio* (делегация, посольство) и *legatus* (посол)¹⁶. Во многом это объясняется тем, что некоторые издания появились еще в XVI столетии, когда латынь оставалась основой формирования понятийно-категориального аппарата, а на протяжении XVII в. неоднократно переиздавались, пользуясь большой популярностью¹⁷. Энциклопедист Базилиус Фабер (1520–1576)

¹⁰ 460100. Bestallung Diederichs von dem Werder in kurbrandenburgische Dienste // *Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen*. Bd. 7. Tl. 2. S. 805.

¹¹ Die deutsche Akademie des 17. Jh. Werdegang. Термины «посол» и «дипломат» (*Gesandter*; *Diplomat*). URL: http://www.die-fruchtbringende-gesellschaft.de/19-0-Publikationen-.html?category_id-15&article_id-16 (дата обращения: 08.12.2022).

¹² Ibidem. Ср.: *Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen*. Bd. 1–7.

¹³ В немецком тексте публикации Мюнстерского договора 1648 г. эти термины соседствуют друг с другом. См.: *Friedens-Schluss Zwischen Dero Röm: Käyserlichen und Allerchristl: zu Franckreich Königl: Majestäten/ Wie auch desz H: Röm: Reichs hierzu Abgeordneten/ Chur- und Fürsten/ auch Ständen Gevollmächtigten und Abgesandten/ Zu Münster in Westphalen den 24. Newen/ oder 14. Alten Weinmonats deß 1648. Jahrs unterschrieben und besiegelt*. Gedruckt im Jahr nach Christi Geburt M.DC.XLVIII. § 120 IPM.

¹⁴ *Тюшер А.* Роль Франции в Тридцатилетней войне и Вестфальском мире. 1635–1648 // Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618–1648) в событиях и коллективной памяти Европы / науч. ред., сост. Ю.Е. Ивонин, Л.И. Ивонина. М., 2015. С. 205.

¹⁵ Число дипломатов на Вестфальском конгрессе варьируется от 77 до 176 делегатов, так как разные авторы по-разному вели подсчет посланников. Некоторые, как Иоганн Людольф Вальтер, считали «послами», т.е. тех, кто пребывал в статусе «легата» (*Legatus*). Таких «легатов» от курфюрстов, князей и городов он насчитал 47. В более поздней историографии, вслед за Фрицем Дикманном, существует традиция учитывать всех членов делегаций от разных государств и имперских чинов, согласно которой Франц Босбах насчитал 176 делегатов. См.: *Walther Jh.L.* *Universal-Register über die sechs Theile der westphälischen Friedens. Göttingen, 1740*; *Dickmann F.* *Der Westfälische Friede*. Münster, 1965. S. 16; *Bosbach F.* *Die Kosten des Westfälischen Friedenskongresses*. Münster, 1984. S. 42.

¹⁶ *Faber B.* *Thesaurus Eruditionis Scholasticae*. Lipsia, 1654. S. 515.

¹⁷ Самым характерным примером здесь может служить словарь Базилиуса Фабера, впервые появившийся в 1571 г., а затем переиздававшийся в 1587, 1623, 1625, 1654, 1691, 1749 гг. Подробнее о традициях немецких энциклопедий в раннее Новое время см.: *Enzyklopädien der frühen Neuzeit* / Hrsg. von F.M. Eybl. Tübingen, 1995.

переводил термин *legatus* на немецкий язык как «посол» — *Gesandter*. Он сопровождал понятие цитатами из античных авторов, перевода на немецкий язык устойчивые выражения, характеризующие, по его мнению, дипломатическую деятельность послов: «отправлять посла с инструкцией и полномочиями», «отправлять послов с миром и договором»¹⁸. Даже век спустя в знаменитом «Универсальном лексиконе» Иоганна Генриха Цедлера (1706—1751), одном из самых значимых толковых словарей в Европе своего времени, по-прежнему существовал термин *legatus*, который объяснялся через пространную немецкоязычную статью *Abgesandter* (посол)¹⁹: «посол это такой человек, который следит за делами одного государства в другом, куда его посылают»²⁰.

В документах наем на службу в близкие и отдаленные государства и сбор актуальной информации за пределами подвластных правителью территорий иногда оговаривались специально. Так, например, Мартину Опицу (1597—1639), одному из ведущих поэтов эпохи барокко, у которого, однако, основной источник доходов был связан со службой в статусе советника²¹, значилось: «Если мы (т.е. его патроны, князья Легницкие. — А.Л.) решим отправить его к княжеским и курфюршеским дворам за пределы наших владений или же по нашим делам [с поручениями] в другие места, [вышеназванный Опиц] должен не только без видимых проволочек добровольно взять на себя подобное задание, но и во всем, что ему доверили, действовать со всем прилежанием, предусмотрительностью и скромностью, чтобы исполнять и отправлять эти дела к нашей радости и милостивому удовольствию хорошо, насколько это возможно»²². На практике редко кто из дипломатов в годы Тридцатилетней войны отправлялся действительно далеко за пределы земель своего князя. Такая практика установилась уже в эпоху после Вестфальского мира, когда внешнеполитические амбиции немецких правителей вышли за рамки привычного круга близлежащих соседей²³. Круг поездок определялся задачами, стоявшими перед княжеской внешней политикой, и средствами, которые в годы войны были крайне скудными. Хотя некоторые правители, как, например, гессенский ландграф Вильгельм V (1602—1637), могли позволить себе даже содержать резидента за границей. Его советник Тилеманн фон Польхельм (ок. 1637), а затем его брат Винанд (1612—1657), член «Плодоносящего общества» с 1643 г., были резидентами Гессен-Касселя в Париже на протяжении всех 1630-х годов²⁴.

¹⁸ *Faber B.* Op. cit. S. 515.

¹⁹ *Zedler Jh.H.* Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste. Bd. 16. Halle; Leipzig, 1731—1754. S. 1380.

²⁰ *Ibid.* Bd. 1. S. 117. Далее Цедлер уже предлагает четкую разбивку на посольские ранги, характерную для XVIII в.

²¹ О дипломатической службе Мартина Опица подробнее см.: *Лазарева А.В.* Мартин Опиц (1597—1639): поэт на дипломатической службе в эпоху Тридцатилетней войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 34—46.

²² 330412 rel. Die Herzöge Johann Christian und Georg Rudolf in Schlesien (Brieg) nehmen Martin Opitz in ihre Dienste. 12.4.1633 // *Opitz M.* Briefwechsel und Lebenszeugnisse: kritische Edition mit Übersetzung / Hrsg. von K. Conermann, von H. Bollbuck: 3 Bd. Bd. 2. Berlin; New York, 2009. S. 1140.

²³ Характерным примером здесь может служить карьера дипломата Ганса Адама фон Энде (1633—1706), представителя древнего саксонского дворянского рода. Во второй половине XVII в. он служил целому ряду немецких властителей, в том числе Шлезвиг-Гольштейн-Готторфской династии, а также саксонским и анхальтским домам. На этой службе его неоднократно посылали с различными миссиями, в том числе в Стокгольм. См.: Hans Adam von Ende // Mitgliederdatenbank der Fruchtbringenden Gesellschaft. URL: http://www.die-fruchtbringende-gesellschaft.de/index.php?category_id-4&article_id-16 (дата обращения: 18.12.2022).

²⁴ 450818 n. St. Johann Michael Moscherosch an Georg Philipp Harsdörffer // *Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen.* Bd. 7. Tl. 2. S. 653. О миссии Т. фон Польхельма см.: Kommentar 4 zu 450818 n. St. // *Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen.* Bd. 7. Tl. 2. S. 661. Ср.: *Philippi H.* Eine hessische Gesandtschaft in Paris im 17. Jahrhundert. Die Mission des Johann Caspar von Dörnberg 1646—1651 // *Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte.* 1980. № 30. S. 234—264.

Чтобы удостоиться чести служить в ранге дипломатического агента, княжеские советники должны были соответствовать ряду требований. Характерным примером типичной дипломатической карьеры советников князей, на которых возлагались внешнеполитические миссии, является группа дипломатов князя Людвиг Анхальт-Кёттенского. К ней можно причислить Фридриха фон Шиллинга (1584/1586–1637), Куно Ордомара фон Боденхаузена (1598–1654), Кристиана Эрнста фон Кноха (1608–1655), братьев Генриха (1581/1647) и Курта Кристофа фон Бёрстеля (годы жизни неизвестны). Первым условием для исполнения дипломатических обязанностей было благородное происхождение. В целом из 40 советников-дипломатов, входивших в «Плодоносящее общество» в годы Тридцатилетней войны, лишь четверо (7,5%) – Мартин Милаг(иус) (1598–1657), Магнус Лаурвальдт (даты жизни неизвестны), Кристоф Дайхманн (1576–1648) и Каспар Пфау (1596–1658) – были бюргерами²⁵. Все перечисленные советники князя Людвиг принадлежали к родовой знати Анхальта, традиционно связанной службой с различными ветвями анхальтского дома²⁶. Представители семей Боденхаузен, Кнохов и Бёрстелей занимали как статские, так и военные посты в домах Анхальт-Дессау, Анхальт-Бернбург, Анхальт-Кёттен со второй половины XVI в.²⁷ Близость к династии Анхальта в конфессиональную эпоху определялась, кроме того, вероисповеданием. Советники-дипломаты придерживались кальвинизма, так же как и их анхальтские патроны²⁸. Однако в еще большей степени на возможность получить дипломатические поручения влияло образование и кругозор советника. Безусловно, все перечисленные приближенные князя Людвиг имели университетское образование²⁹. Как правило, они изучали юриспруденцию, философию, теологию. По окончании университетского курса все будущие советники отправлялись в традиционный гранд-тур. Здесь следует особо отметить его значение для будущей дипломатической карьеры. Путешествие Фридриха фон Шиллинга затянулось на 12 лет. Он побывал в Нидерландах, Англии, Шотландии, Ирландии, Венгрии, Испании, Италии, Франции, попал на Восток в арабские страны и Палестину, в Египет, Турцию. В заключительной части тура объехал Польшу, Данию, Швецию, Норвегию. Много путешествовал по Германии³⁰. Пример Шиллинга уникален, однако другие советники-дипломаты провели за границей в среднем не менее трех лет. Некоторые советники-дипломаты совмещали армейскую карьеру с дипломатической. Например, про Курта Кристофа фон Бёрстеля известно, что он был офицером³¹. В целом из 40 дворян,

²⁵ Die deutsche Akademie des 17. Jh. Stand/Stellung. Термин «бюргер» (Bürger). URL: http://www.die-fruchtbringende-gesellschaft.de/19-0-Publikationen-.html?category_id-15&article_id-16 (дата обращения: 08.12.2022).

²⁶ См.: Des Heiligen Römischen Reichs Genealogisch-Historisches Adels-Lexicon / Hrsg. von Jh. F. Gauhe. Leipzig, 1740–1747.

²⁷ Beckmann Jh.Ch. Historia des Fürstenthums Anhalt. Bd. 7. Zerbst, 1710. S. 199–312.

²⁸ Schmidt G. Die Fürsten von Anhalt. Reformierte Konfessionalisierung und überkonfessionelle Einheitsbestrebungen? // Die Fürsten von Anhalt. Herrschaftssymbolik, dynastische Vernunft und politische Konzepte in Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Hrsg. von W. Freitag, M. Hecht. Halle (Saale), 2009. S. 173–186. Cp. Brademann J. Reformierte Konfessionalisierung oder konfessionelle Koexistenz? // Auf dem Weg zu einer Geschichte Anhalts: Tagungsband. Wissenschaftliches Kolloquium zur 800-Jahrfeier des Landes Anhalt. Köthen, 2012. S. 159–192.

²⁹ Die deutsche Akademie des 17. Jh. Bildungsweg. Термин «университет» (U.). URL: http://www.die-fruchtbringende-gesellschaft.de/19-0-Publikationen-.html?category_id-15&article_id-16 (дата обращения: 08.12.2022).

³⁰ Sachse D. LeichPredigt / Bey der Christlichen Leichbegängnüss Des Herren Friedrich von Schilling. Zerbst, 1637. S. 33.

³¹ Kurt Christoph von Börstel // Mitgliederdatenbank der Fruchtbringenden Gesellschaft. URL: http://www.die-fruchtbringende-gesellschaft.de/index.php?category_id-4&article_id-16 (дата обращения: 08.12.2022). Сравни с: Die Mitglieder der Fruchtbringenden Gesellschaft 1617–1650 / Hrsg. von K. Conermann. Leipzig, 1985. S. 528.

которым давались дипломатические поручения, 15 человек (37,5%) находились на постоянной военной службе³².

Жалование советников-дипломатов варьировалось скорее в зависимости от их социального статуса и возможностей их патронов. Дидериха фон дем Вердера (1584–1657), представителя высшей аристократии немецкого северо-востока, курфюрст Бранденбурга нанимал на дипломатическую службу с жалованием в 500 талеров в год и предоставлением ему «ежеквартально дополнительно из казны Кёльна на Шпрее 125 талеров»³³, а контракт Мартина Опица, дипломата князей Легницких, получившего дворянство лишь в 1628 г., предполагал квартиру в Бреславле, финансовое обеспечение во время всех поездок и 200 талеров годового жалования³⁴. Для сравнения: костюм дипломата на Вестфальском конгрессе стоил от 95 талеров³⁵. Дипломатические поездки финансировались князьями. В договоре о найме на службу фон дем Вердера оговаривалось: «Каждый раз, когда мы его будем куда-либо отправлять и когда он по своей надобности, но не более одного раза в год, сам будет приезжать к нам по своим делам, мы будем обеспечивать его каждый раз всем необходимым и позволяем столоваться у нас, а на княжеской службе положено ему обычное жалование и 8 лошадей с провиантом в достаточном количестве»³⁶. Однако князья иногда под разными предлогами уклонялись от выплат денег на расходы и пытались переложить эти расходы «на принимающую сторону». Так, например, в 1639 г. князь Людвиг сообщал, что не сможет оплатить поездку Куно Ордомару фон Боденхаузену, «потому что [расходы] не такие уж и большие, а дорога совсем не дальняя (от Кёттена до Галле расстояние 33 км. — *А.Л.*)», но ему, «без сомнения, [на месте] как посланнику (в тексте *abgesandter*. — *А.Л.*) обеспечат необходимое содержание». Следует заметить, что об этом Боденхаузен узнал, только уже прибыв на место миссии³⁷.

Дипломатов обязывали не разглашать информацию, к которой они получали доступ: «А кроме того держать их в тайне, и не говорить никому кроме тех, кому это знать необходимо»³⁸. Письменные инструкции дипломатов были достаточно четкими, но иногда, помимо инструкции, руководства к дальнейшим действиям передавались не напрямую, а через третьих лиц. В данном случае показателен пример поручения князя Людвиг Боденхаузену, который в 1639 г. был отправлен от всего Анхальта в Галле к новому архиепископу Магдебурга, чтобы передать ему приветствие от анхальтских князей и сословий. Миссия была важной, так как архиепископство Магдебургское являлось стратегическим форпостом протестантизма в Империи. В ходе многочисленных военных перипетий 1630-х годов оно, наконец, вновь оказалось закреплено за протестантами. За миссией Боденхаузена внимательно следили все князья Анхальта, что нашло свое отражение даже в дневнике князя Анхальт-Бернбурга Кристиана II (1599–1656), в котором он записывал лишь

³² Die deutsche Akademie des 17. Jh. Werdegang. Термин «университет» (U.). URL: http://www.fruchtbringende-gesellschaft.de/19-0-Publikationen-.html?category_id=15&article_id=16 (дата обращения: 08.12.2022).

³³ 460100. Bestallung Diederichs von dem Werder in kurbrandenburgische Dienste // Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen. Bd. 7. Tl. 2. S. 806.

³⁴ 330412 rel. Die Herzöge Johann Christian und Georg Rudolf in Schlesien (Brieg) nehmen Martin Opitz in ihre Dienste. 12.04.1633 // *Opitz M.* Briefwechsel. Bd. 2. S. 1140.

³⁵ *Bosbach F.* Op. cit. S. 19.

³⁶ 460100. Bestallung Diederichs von dem Werder in kurbrandenburgische Dienste // Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen. Bd. 7. Tl. 2. S. 806.

³⁷ 390126B. Fürst Ludwig an Diederich von dem Werder // Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen. Bd. 5. S. 145.

³⁸ 330412 rel. Die Herzöge Johann Christian und Georg Rudolf in Schlesien (Brieg) nehmen Martin Opitz in ihre Dienste. 12. 4. 1633 // *Opitz M.* Briefwechsel. Bd. 2. S. 1140.

самые значимые политические события³⁹: «3.2.1639. Боденх(аузен) уже в Галле, приехал с “комплиментами” (complimenten)»⁴⁰. Безусловно, при отправке Боденхаузена в Галле князь Людвиг дал ему специальное разъяснение, что именно посол должен сделать⁴¹. Однако в дальнейшем он писал ему не напрямую, а через Дидериха фон дем Вердера, одного из своих главных единомышленников, друзей и советников. Инструкции Боденхаузену дополнялись, таким образом, не через официальную, а через частную переписку: «Передача приветствия есть первейшая задача, это должно произойти в скорейшее время, без каких-либо проволочек»⁴².

Непосредственно при княжеских дворах советники, бывшие дипломатическими агентами своих патронов, проводили мало времени, находясь в постоянных разъездах с разными поручениями. Одной из важнейших задач, стоявших перед советниками-дипломатами, был сбор информации. Средняя скорость доставки писем в годы Тридцатилетней войны составляла, в зависимости от расстояния, не менее двух недель⁴³. Несмотря на достаточно медленное получение новостей, именно реляции советников определяли внешнеполитический курс их господ. Информация, которую ждали при дворах, была самой разнообразной. Безусловно, ведущая роль принадлежала сведениям о передвижении армий, о состоянии близлежащих земель, о военных потерях⁴⁴.

Дипломатические миссии княжеских советников, как правило, имели значение скорее для региональной, а не для общеимперской внешней политики. Среди традиционно важнейших дипломатических миссий советников князей можно особо выделить поручения, связанные с заключением династических брачных союзов. Заключение браков считалось одной из самых ответственных миссий, для которой подходил далеко не каждый советник. В некоторых случаях могли пригласить человека, находившегося на службе у другого князя. Показателен пример возложения обязанностей для заключения брака между сестрой бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма (1620–1688) и ландграфа Гессен-Касселя Вильгельма VI (1629–1663) на Дитриха фон дем Вердера в 1646 г.⁴⁵ В это время фон дем Вердер состоял на службе у князя Кристиана II Анхальт-Бернбургского, однако пользовался его особым доверием, неоднократно бывал и при дворе в Гессене, и в Бранденбурге⁴⁶. Выбор пал на Вердера не случайно. Он с молодости был связан с домом Гессен-Касселя. Свою юность Вердер провел в Гессене, состоял в ранге камерпажа, после учебы назначен ландграфом Морицем (1572–1632) тайным советником и до 1622 г. неоднократно выполнял его различные дипломатические поручения⁴⁷. Оказавшись в Кенигсберге посланником от Гессен-Касселя для заключения брака, с блеском выполнив возложенные на него обязан-

³⁹ *Schreiber A.* Adel unter Druck. Unmittelbare Erfahrungen kriegesischer Gewalt in den Tagebüchern des Reichsfürsten Christian II. von Anhalt-Bernburg // *Dynamik durch Gewalt?* S. 161–174. Ср.: *Dittmar M.* Aus dem Tagebuche des Fürsten Christian des Jüngeren von Anhalt-Bernburg. Aufzeichnungen, die Zerstörung Magdeburgs, die Unterredung des Fürsten Christian mit dem Administrator Christian Wilhelm von Brandenburg und den Entsatz Magdeburgs durch Pappenheim betreffend // *Geschichts-Blätter für Stadt und Land Magdeburg.* 1894. № 29. S. 90–136.

⁴⁰ *Tagebuch des Fürsten Christian II. von Anhalt-Bernburg: 3. Februar 1639* // *Digitale Edition und Kommentierung der Tagebücher des Fürsten Christian II. von Anhalt-Bernburg (1599–1656)* / Hrsg. von R.G. Asch, P. Burschel. URL: <http://diglib.hab.de/edoc/ed000228/start.htm> (дата обращения: 16.12.2022).

⁴¹ *Beckmann Jh. Ch.* Op. cit. Bd. 5. S. 490.

⁴² 390126B. Fürst Ludwig an Diederich von dem Werder // *Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen.* Bd. 5. S. 145.

⁴³ Письмо из Парижа в Нюрнберг шло три недели. См.: 450818 n. St. Johann Michael Moscherosch an Georg Philipp Harsdörffer // *Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen.* Bd. 7. Tl. 2. S. 659.

⁴⁴ Например: 380320A. Christian Ernst Knoch an Fürst Ludwig // *Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen.* Bd. 4. S. 499–500.

⁴⁵ *Coler G.* Der Vom Vater gegebene / Vom Sohne ausgeführte / Und vom H. Geiste versiegelte Raht des Heils: Bey Hochansehnlicher Leichbestattung Des Herrn Dieterichs von dem Werder. Cöthen, 1658. S. 90.

⁴⁶ Die Mitglieder der Fruchtbringenden Gesellschaft. S. 34.

⁴⁷ *Witkowski G.* Werder, Diederich von dem // *Allgemeine Deutsche Biographie.* № 41. 1896. S. 767–770. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd118767038.html#adbcontent> (дата обращения: 18.12.2022).

ности, фон дем Вердер был особо отмечен курфюрстом Фридрихом Вильгельмом, который предложил ему место в штате своих советников и дипломатов⁴⁸.

Еще одной дипломатической обязанностью советников являлось представление интересов патронов на рейхстаге и собраниях депутатов от сословий. За годы Тридцатилетней войны значимых событий подобного рода было не так уж много. Здесь можно отметить Регенсбургский съезд князей 1636–1637 гг., на котором будущего императора Фердинанда III избрали римским королем, и рейхстаг 1640 г., где предварительно обсуждались условия будущего мира. Князья сами не посещали этих мероприятий, но отправляли на них своих советников. Так, например, Кристиан II Анхальт-Бернбургский послал вместо себя своего советника Ганса Филиппа фон Гойдера (1597–1650)⁴⁹.

Особую роль в годы Тридцатилетней войны играли многочисленные переговоры с иностранными армиями союзников. Некоторые из них имели принципиальное значение для немецких правителей. Так, в 1635 г. переговоры о союзническом договоре от имени знаменитого военачальника Бернгарда Саксен-Веймарского (1604–1639) с французами вел его тайный советник Тобиас фон Поникау (?–1637). Поникау сумел не только подтвердить договоренность о финансировании армии герцога Бернгарда, но и способствовал секретному соглашению о передаче после заключения мирного договора герцогу в управление Эльзаса⁵⁰. Многие советники-дипломаты неоднократно вели переговоры со шведами⁵¹. Их хорошо знали великие политики эпохи Тридцатилетней войны, такие как Аксель Оксеншерна и кардинал Ришелье⁵².

Несмотря на преобладание достаточно однообразной дипломатической рутины, составлявшей основу деятельности советников немецких правителей, среди участников «Плодоносящего общества» есть и два дипломата, которые представляли интересы немецких князей на Вестфальском конгрессе, важнейшем дипломатическом событии эпохи. Первый из них — Матэус фон Везенбек (1600–1659), действительный тайный советник великого курфюрста Бранденбурга Фридриха Вильгельма. С 1645 г. Везенбек был одним из официальных представителей Бранденбурга в Оснабрюке⁵³. Карьерный путь Везенбека развивался не вполне в соответствии с господствующей традицией брать в советники тех, кто был связан с князем в первую очередь поземельными отношениями. Его семья происходила из Брабанта и родовые земли Везенбеков находились близ Брюсселя. Тем не менее в 1630 г. после обучения в университете Франкфурта-на-Одере его приняли на службу в Бранденбурге⁵⁴. Факт приема на должность советника князя «чужака», как называли Везенбека при дворе курфюрста, отнюдь не подчеркивался даже в его договоре о найме на службу к курфюрсту Георгу Вильгельму (1595–1640): «Милостиво принять советником и служащим в наше правительство в Кюстрине, что в Ноймарке, положить ему жалование, несмотря на то что он чужак в курфюршестве и его землях»⁵⁵. Его служба в Кюстрине была успешной, и в 1639 г. его пригласили в Берлин на должность военного советника курфюрста. С этого времени началась дипломатическая карьера Везенбека. В 1640 г. он был послан представлять интересы Поме-

⁴⁸ 460100. Bestallung Diederichs von dem Werder in kurbrandenburgische Dienste // *Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen*. Bd. 7. Tl. 2. S. 805.

⁴⁹ Die Mitglieder der Fruchtbringenden Gesellschaft. S. 350.

⁵⁰ Ibid. S. 214.

⁵¹ 331127 ep. Martin Opitz an die Herzöge Johann Christian und Georg Rudolph in Schlesien. 27.11.1633 // *Opitz M. Briefwechsel*. Bd. 2. S. 1169. Cp.: 440927. Fürst August von Anhalt-Plötzkau an Herzog Wilhelm IV. von Sachsen-Weimar. Bd. 7. Tl. 1. S. 346–347; 320313. Fürst Ludwigs Mandat zur schwedischen Militärverfassung in den Stiften Magdeburg und Neuhaldstadt. Kommentar // *Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen*. Bd. 4. S. 431–437.

⁵² 341000 ep. Martin Opitz an Friherre Axel Oxenstierna. Oktober 1634 // *Opitz M. Briefwechsel*. Bd. 2. S. 1237.

⁵³ Die Mitglieder der Fruchtbringenden Gesellschaft. S. 519–520; *Granier H. Wesenbeck, Mathaeus von // Allgemeine Deutsche Biographie*. 1897. Bd. 42. S. 758–761. S. 759. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd122687981.html#adbcontent> (дата обращения: 18.12.2022).

⁵⁴ Honor Exequialis In piissimos manes Dn. Matthaei von Wesenbeck. [S.l.], 1659.

⁵⁵ Цит. по: *Granier H. Op. cit.* S. 758.

рации в курии князей на Регенсбургском рейхстаге, в 1643 г. курфюрст Фридрих Вильгельм отправил его на съезд депутатов от имперских сословий во Франкфурт-на-Майне. После возвращения Везенбека в Берлин его ввели в Тайный совет курфюрста с тем обоснованием, «что он сведущ как в частном, так и в публичном праве и благодаря своим поездкам в Регенсбург и Франкфурт знает имперское право»⁵⁶. Интересно заметить, что сам Везенбек принял новую должность, надеясь прежде всего на улучшение своего материального положения. В письмах он жаловался, что за годы дипломатической службы, которую сам оценивал как «тяжелую работу», растратив не только собственное состояние, но и приданое жены: «не только полностью поиздержался, но и наделал долгов и здесь, и за пределами этих земель». В 1645 г. он отправился в Оснабрюк, его подпись стоит в ратификационной грамоте от 18 февраля 1649 г. В протоколах работы Тайного совета сохранилась благодарственная запись о деятельности Везенбека на Вестфальском конгрессе: «За огромное усердие, труд, заботу, осмотрительность, которые он днями и ночами беспрестанно выказывал на протяжении четырех лет, он заслужил не только среди живущих сегодня, но и в грядущем бессмертную хвалу и добрую славу»⁵⁷.

Другим членом «Плодоносящего общества», отправленным в качестве «легата» на Вестфальский конгресс, был Мартин Милаг (или Милагиус). Пример Милага и его дипломатическая деятельность уникальны во многих отношениях. В отличие от большинства советников-дипломатов он происходил из бюргерской среды. Благодаря усердию и способностям ему удалось не только закончить университетский курс во Франкфурте-на-Одере, но и получить ученую степень доктора права⁵⁸. С 1626 г. он служил советником вначале у Кристиана I Анхальт-Бернбургского (1568–1630), а после его смерти в 1632 г. перешел на службу к князю Людвигу Анхальт-Кёттенскому, при дворе которого в скором времени получил должность «советника по общим вопросам» (*Gesamtmtrat*). Милаг был хорошо известен всем князьям Анхальта и их родственникам в других землях, поэтому на Вестфальский конгресс его отправили как представителя не только от всего Анхальта, но и как защитника интересов Пфальц-Лаутерна, Пфальц-Зиммерна и Пфальц-Цвайбрюккена. Репутация Милага как дипломата была настолько неоспоримой, что за время Вестфальских переговоров к его дипломатической помощи стремились прибегнуть и ландграф Гессен-Касселя, и курфюрст Бранденбурга, который даже «в начале 1646 г. предложил ему жалование и место тайного советника, ...а его сиятельство Гессен-Кассельский в начале 1647 г. хотел сделать его вице-канцлером, ...от коих предложений он был вынужден отказаться, поскольку его княжеская милость его не отпускал»⁵⁹.

На Вестфальском конгрессе Милаг боролся за возвращение дому Анхальта территории графства Ашерслебен («древней земли Аскании»), считавшейся исконной собственностью династии Асканиев⁶⁰. Проблема Ашерслебена, отчужденного еще в 1322 г. в пользу Брауншвейг-Люнебурга, была для Анхальта одним из краеугольных камней, вокруг которых его правители строили свои внешнеполитические стратегии во время Тридцатилетней войны. Кристиан II Анхальт-Бернбургский даже готов был предложить свою

⁵⁶ Ibid. S. 759.

⁵⁷ Ibid. S. 760.

⁵⁸ *Raumer G. Idea. Boni Consilarii. Das ist: Wahre Abbildung eines guten Rahts: Aus dem Sprüchlein Salomonis: Die zum Frieden rahten/ machen Freude. An dem Exempel des Herrn Martini Milagii, Hochberühmten Icti, Fürstlichen Anhaltischen Gesampten. Als derselbe / im 60. Jahre seines Alters den 28. Junii dieses 1657. Jahres verschieden: und darauff in hochansehnlicher Begleitung zu seiner Ruhe gebracht worden. Cöthen, 1657; Milag, Martin // Allgemeine Deutsche Biographie. № 21. 1885. S. 726–728. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd115795685.html#adbcontent> (дата обращения: 18.12.2022).*

⁵⁹ *Beckmann Jh.Ch. Op. cit. Bd. 7. S. 184.*

⁶⁰ *Milagius M. Vindiciae Anhaltinae seu Manifestum Ascaniense, 1648. Сравни с: Tullner M. Machtpolitische und territoriale Konflikte im Mittelalter während des Dreißigjährigen Krieges // Politische, soziale und kulturelle Konflikte in der Geschichte von Sachsen-Anhalt. Beiträge des landesgeschichtlichen Kolloquiums am 4./5. September 1998 in Vockerode / Hrsg. von W. Freitag, K.E. Pollmann, M. Puhle. Halle (Saale), 1999. S. 117.*

поддержку императору, взамен на передачу Ашерслебена под его власть⁶¹. Однако миссия Милага оказалась невыполненной, и Ашерслебен отошел соседнему Бранденбургу. Несмотря на неудачу, Милаг все равно до конца своей жизни в 1657 г. считался одним из самых успешных советников-дипломатов Анхальта. На его смерть появилось немало прощальных стихов, в которых воспевалась его дипломатическая деятельность⁶².

Сами советники-дипломаты и их окружение воспринимали дипломатические миссии не просто как должностные обязанности, но как служение отечеству, выражение патриотических чувств. В надгробных проповедях княжеских советников-дипломатов эта тема получила особое звучание. О дипломатических поездках упоминалось отдельно и с особым пиететом, при этом практически постоянно в сочетании с идеей о необходимости действовать на благо отечества. Так, например, в надгробной речи Фридриха фон Шиллинга говорилось, что он «отправился для пользы *Отечества* (курсив мой. — *А.Л.*) в далекие страны»⁶³. В надгробной проповеди Дидериха фон дем Вердера обыгрывалось латинское изречение «Отечество тоже хочет получить от нас частицу»: «[Ибо сказано, что] Отечество в праве оставить какую-то нашу часть, поэтому означенный фон дем Вердер неоднократно был легатом к датскому королю, саксонскому и бранденбургскому курфюрстам, герцогам Брауншвейгским... на различные имперские встречи, в том числе был на коронации императора Маттиаса в 1612 г.»⁶⁴. Дипломатическая деятельность фон Боденхаузена получила следующую оценку в его надгробной проповеди: «Не только его близкие, но и князья и вся страна пользовалась его советами по поводу армии в беспокойное военное время. ... Его славные и верные дела [всегда шли] на благо княжества. [Он был] таким преданным патриотом, служившим искренне и верно Отечеству»⁶⁵. Рассуждения о пользе отечеству, приносимой советниками-дипломатами, превратились в лейтмотив их деятельности, став частью своеобразного дипломатического морально-нравственного кодекса чести в эпоху Тридцатилетней войны.

Коллективный портрет советников-дипломатов немецких князей, созданный на основе биографий членов «Плодоносящего общества» — первой надрегиональной научно-просветительской организации в немецких землях раннего Нового времени, отражал характерные особенности развития карьерных стратегий в сословном обществе земель Империи в эпоху Тридцатилетней войны. Большинство рядовых участников «Плодоносящего общества» выполняли обязанности советников князей, задававших общий тон академии. Дипломатическая деятельность и карьера оказались крайне востребованы в годы Тридцатилетней войны. Дипломатическая служба, однако, предполагала наличие ряда неотъемлемых качеств, без которых дорога на этом поприще была закрыта. Важнейшим условием для исполнителя дипломатических поручений, как правило, было дворянское происхождение, так как посланник должен был олицетворять статус своего патрона. Кроме того, дворянское происхождение обеспечивало и возможность самообеспечения дипломатов во время их миссий. Несмотря на то что дипломатическая карьера была почетной, она редко приносила большой доход. Дипломатические задачи, как правило, выполнялись теми дворянами, кто был связан с правящей династией многолетними узами службы. Конфессиональная солидарность с патроном, обуславливавшая большее доверие

⁶¹ Wäschke H. Geschichte Anhalts von der Teilung bis zur Wiedervereinigung. Cöthen, 1913. S. 78–80.

⁶² Beckmann Jh.Ch. Op. cit. Bd. 7. S. 185. Сравни с прижизненным поэтическим прославлением Милага его коллегой по «Плодоносящему обществу», известным немецким филологом эпохи Тридцатилетней войны Георгом Филиппом Гарсдёрффером: 460421. Widmung Georg Philipp Harsdörffers an Martinus Milagius. Friedens-Freude Hoffnung // Briefe der Fruchtbrendigen Gesellschaft und Beilagen. Bd. 7. Tl. 2. S. 967.

⁶³ Sachse D. Op. cit. S. 19.

⁶⁴ Coler G. Op. cit. S. 85.

⁶⁵ Beutnitz M. Mors piorum, finis omnium malorum, Laboris clausula, vitae[ue] principium. Uns Christen ein seliger Tod... Aus den wenigen Worten / welche uns unser Lehrmeister im Gebete / Christus Jesus / gelehret Bey Wohlansähnlicher Leichbestattung Herren Cuno Ordemars von Bodenhausen. 1655. S. 74.

и близость, также способствовала дипломатической карьере. Помимо происхождения, для выполнения дипломатических поручений требовался широкий кругозор, который формировался благодаря университетскому образованию и европейскому гранд-туру.

Из советников немецких князей, участников «Плодоносящего общества», лишь единицы оказались непосредственно вовлечены в Вестфальские переговоры — главное дипломатическое событие эпохи. В большинстве случаев обязанности советников-дипломатов сводились к межрегиональным связям внутри Империи, среди которых особую роль играл сбор актуальной информации, договоры о союзах и династических браках. Из-за отсутствия в годы Тридцатилетней войны четких определений дипломатического статуса, ранга и перечня конкретных обязанностей советников, выполнявших дипломатические поручения, тем не менее этот период способствовал появлению важных характерных особенностей дипломатической службы. Дипломатические поручения воспринимались как знак особого отличия, что превращало советников-дипломатов в особую социальную группу. Личная преданность князю и компетенция постепенно размывали строгие сословные границы, допуская, хотя и очень медленно, на дипломатическую службу не только дворян, но и бюргеров. Патриотизм, отличавший советников-дипломатов, входивших в «Плодоносящее общество», являлся еще одной из основополагающих черт их коллективного портрета. Кодекс «Плодоносящего общества», ставившего во главу угла заботу об отечестве как главного приоритета службы, отразился и в представлениях о пользе, которую должны приносить дипломаты своей деятельностью родине. Эпоха Тридцатилетней войны заметно повлияла на *modus vivendi* дипломатов последующих столетий.

Библиография / References

Лазарева А.В. «Союз меча и языка». Развитие немецкой национальной идеи в первой половине XVII века // Средние века. Т. 78. № 4. М., 2018. С. 99–118.

Лазарева А.В. Мартин Опиц (1597–1639): поэт на дипломатической службе в эпоху Тридцатилетней войны // Новая и Новейшая история. 2021. № 5. С. 34–46.

Медяков А.С., Кондратьев С.В. и др. История нового времени: 1600–1799 годы: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2007.

Петрова М.А. Статус министра союзного двора в дипломатической литературе и дипломатической переписке XVIII в. // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2020. № 15. С. 67–78.

Тишер А. Роль Франции в Тридцатилетней войне и Вестфальском мире. 1635–1648 // Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618–1648) в событиях и коллективной памяти Европы / науч. ред., сост. Ю.Е. Ивонин, Л.И. Ивонина. М., 2016. С. 198–225.

Lazareva A.V. “Soyuzmecha i yazyka”. Razvitie nemetskoj natsional’oi idei v pervoi polovine XVII veka [“The union of the sword and language”. The development of German national idea in the first half of the 17th century] // Srednie veka [Middle Ages]. T. 78. № 4. Moskva, 2018. S. 99–118. (In Russ.)

Lazareva A.V. Martin Opitz (1597–1639): poet na diplomaticheskoy sluzhbe v epokhu Tridsatiletney voyny [Martin Opitz (1597–1639): poet in the diplomatic service during the Thirty Years’ War] // Novaya i noveyschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 34–46. (In Russ.)

Medyakov A.S., Kondrat’ev S.V. (i dr.). Istoriya novogo vremeni: 1600–1799 gody: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy [History of modern times: 1600–1799: textbook for students of higher educational institutions]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Petrova M.A. Status ministra soyuznogo dvora v diplomaticheskoy literature i diplomaticheskoy perepiske XVIII v. [The Status of the Union Court Minister in Diplomatic Literature and Diplomatic Correspondence of the 18th century] // Istoricheskiye issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakul’teta MGU imeni M.V. Lomonosova [Historical research. Journal of the Faculty of History of Moscow State University named after M.V. Lomonosov]. 2020. № 15. S. 67–78. (In Russ.)

Tischer R. Rol’ Frantsii v Tridsatiletnei voine i Vestfal’skom mire [The Role of France in The Thirty Years’ War and the Peace of Westphalia] // Krisis i tragediya kontinenta. Tridsatiletneya voyna (1618–1648) v sobyitiyakh i kollektivnoy pamyati Yevropy [Crisis and tragedy of the continent. The Thirty Years’ War (1618–1648) in the events and collective memory of Europe] / pod red. Yu.Ye. Ivonina, L.I. Ivoninoy. Moskva, 2016. S. 198–225. (In Russ.)

Beckmann Jh.Ch. Historia des Fürstenthums Anhalt. Bd. 7. Zerbst, 1710.

Beutnitz M. Mors piorum, finis omnium malorum, Laboris clausula, vitae[ue] principium. Uns Christen ein seliger Tod... Aus den wenigen Worten / welche uns unser Lehrmeister im Gebete / Christus Jesus / gelehret Bey Wohlanschnlicher Leichbestattung Herren Cuno Orderns von Bodenhausen. 1655.

Bosbach F. Die Kosten des Westfälischen Friedenskongresses. Münster, 1984.

Brademann J. Reformierte Konfessionalisierung oder konfessionelle Koexistenz? // Auf dem Weg zu einer Geschichte Anhalts: Tagungsband. Wissenschaftliches Kolloquium zur 800-Jahrfeier des Landes Anhalt. Köthen, 2012. S. 159–192.

Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen. Die Zeit Fürst Ludwigs von Anhalt-Köthen 1617–1650. Die deutsche Akademie des 17. Jahrhunderts: Fruchtbringende Gesellschaft. Reihe I. Abt. A: Köthen / Hrsg. von M. Birchner, K. Conermann: 9 Bd. Berlin, 1992–2019.

Der Frieden von Münster und Osnabrück. Weichenstellung für Europa / Hrsg. von G. Gehl. Weimar, 1999.

Der Westfälische Friede. Diplomatie, politische Zäsur, kulturelles Umfeld, Rezeptionsgeschichte / Hrsg. von H. Duchhardt. München, 1998.

Des Heiligen Römischen Reichs Genealogisch-Historisches Adels-Lexicon / Hrsg. von Jh.F. Gauhe. Leipzig, 1740–1747.

Dickmann F. Der Westfälische Friede. Münster, 1965.

Dittmar M. Aus dem Tagebuche des Fürsten Christian des Jüngeren von Anhalt-Bernburg. Aufzeichnungen, die Zerstörung Magdeburgs, die Unterredung des Fürsten Christian mit dem Administrator Christian Wilhelm von Brandenburg und den Entsatz Magdeburgs durch Pappenheim betreffend // Geschichts-Blätter für Stadt und Land Magdeburg. 1894. № 29. S. 90–136.

Dynamik durch Gewalt? Der Dreißigjährige Krieg (1618–1648) als Faktor der Wandlungsprozesse des 17. Jahrhunderts / Hrsg. von A. Tischer, M. Rohrschneider. Münster, 2018.

Enzyklopädien der frühen Neuzeit / Hrsg. von F.M. Eybl. Tübingen, 1995.

Faber B. Thesaurus Eruditionis Scholasticae. Lipsia, 1654.

Friedens-Schluss Zwischen Dero Röm: Käyserlichen und Allerchristl: zu Franckreich Königl: Majestäten/ Wie auch desz H: Röm: Reichs hiezü Abgeordneten / Chur- und Fürsten/ auch Ständen Gevollmächtigten und Abgesandten/ Zu Münster in Westphalen den 24. Newen / oder 14. Alten Weinmonats deß 1648. Jahrs unterschrieben und besiegelt. Gedruckt im Jahr nach Christi Geburt M.DC.XLVIII.

Honor Exequalis In piissimos manes Dn. Matthaei von Wesembeck. [S.l.], 1659.

Kampmann Ch. Politischer Wandel im Krieg – politischer Wandel durch Krieg? Militärische Gewalt und politische Innovation in der Epoche des Dreißigjährigen Kriegs // Dynamik durch Gewalt? Der Dreißigjährige Krieg (1618–1648) als Faktor der Wandlungsprozesse des 17. Jahrhunderts / Hrsg. von A. Tischer, M. Rohrschneider. Münster, 2018. S. 41–70.

Opitz M. Briefwechsel und Lebenszeugnisse: kritische Edition mit Übersetzung / Hrsg. von K. Conermann, von H. Bollbuck: 3 Bd. Berlin; New York, 2009.

Philippi H. Eine hessische Gesandtschaft in Paris im 17. Jahrhundert. Die Mission des Johann Caspar von Dörnberg 1646–1651 // Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte. 1980. № 30. S. 234–264.

Reppen K. Dreißigjähriger Krieg und Westfälischer Friede / Hrsg. von Ch. Kampmann, F. Bosbach. Paderborn, 2015.

Sachse D. LeichPredigt / Bey der Christlichen Leichbegängnüß Des Herren Friedrich von Schilling. Zerbst, 1637.

Schmidt G. Die Anfänge der Fruchtbringenden Gesellschaft als politisch motivierte Sammlungsbewegung und höfische Akademie // Die Fruchtbringer – eine Teutschhertzige Gesellschaft / Hrsg. von K. Manger. Heidelberg, 2001. S. 5–37.

Schmidt G. Die Fürsten von Anhalt. Reformierte Konfessionalisierung und überkonfessionelle Einheitsbestrebungen? // Die Fürsten von Anhalt. Herrschaftssymbolik, dynastische Vernunft und politische Konzepte in Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Hrsg. von W. Freitag, M. Hecht. Halle (Saale), 2009. S. 173–186.

© 2023 г. А.В. ТИХОНОВА

ШВЕЙЦАРСКАЯ КОЛОНИЯ ШАБО (ШАБАГ): ПУТЬ К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ УСПЕХУ

Тихонова Анастасия Владимировна — доктор исторических наук, доцент Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия).

E-mail: a.v.tikhonova@gmail.com

Scopus Author ID: 55967112100; Researcher ID: A-9388-2019

Аннотация. Статья посвящена истории становления и успешного развития в первой половине XIX в. единственной на территории Российской империи франкоязычной иностранной колонии, организованной вблизи Аккермана и Одессы швейцарцами из кантона Во. Несмотря на существующую значительную историографию истории колонии Шабо (Шабар), настоящая статья, базируясь на впервые вводимых в научный оборот документах Российского государственного исторического архива (РГИА), демонстрирует конкретные примеры взаимодействия российских властей и колонистов. Основанная в 1822 г. швейцарская колония смогла к середине XIX в. наладить действенное самоуправление и стать успешным винодельческим предприятием на юге Российской империи. Это стало возможным благодаря поддержке, оказываемой колонистам со стороны российских властей всех уровней. Проект Л.-В. Тардана был представлен уже после введения в России запрета на новые переселения иностранных колонистов, но для его инициативы было сделано исключение, чему помогли влиятельные швейцарцы: воспитатель Александра I Ф.-С. Лагарп и врач Л. де Сало. В правление Николая I, так же как и в предшествующий период, при решении проблем, возникавших в жизни колонии, правительство шло навстречу просьбам колонистов, не пренебрегая в то же время интересами местного населения. Такая позиция способствовала поступательному экономическому росту и процветанию Шабо.

Ключевые слова: иностранные колонисты, швейцарцы, Шабо (Шабар), Л.-В. Тардан, Российская империя, виноградарство, виноделие, сельское хозяйство, Юг России, Швейцария.

A.V. Tikhonova

Swiss Colony Shabo (Shabag): The Way to Economic Success

Anastasia Tikhonova, Smolensk State University (Smolensk, Russia).

E-mail: a.v.tikhonova@gmail.com

Scopus Author ID: 55967112100; Researcher ID: A-9388-2019

Abstract. The author explores the history, formation and successful development of the only French-speaking foreign colony on the territory of the Russian Empire in the first half of the nineteenth century, established by the Swiss from the canton of Vaud near Ackerman and Odesa. While there is considerable historiography on the history of the Shabo (Shabagh) colony, this study, based on documents from the Russian State Historical Archive (RGIA) that are being introduced into the academic circuit for the first time, demonstrates concrete examples of interaction between the Russian authorities and the colonists. Founded in 1822, the Swiss colony had managed to establish effective self-government and become a successful wine-making enterprise in the south of the Russian Empire by the mid-nineteenth century. It was made possible by the

support given to the colonists by Russian authorities at all levels. Louis-Vincent Tardent's project is an excellent example of such support, as it received approval despite the fact that it was submitted after the introduction of a new ban on the resettlement of foreign colonists. The authorities made an exception due to the intervention of influential Swiss, namely Louis de Saloz, a physician, and Frédéric-César de La Harpe, Alexander I's tutor. The author shows convincingly that during the reign of Nicholas I, as in the preceding period, the Russian government cooperated with the colonists, helping them to solve everyday problems while taking into account the interests of the local population. These favourable conditions contributed to the progressive economic growth of Shabo, which by the mid-nineteenth century had become a thriving community.

Keywords: foreign colonists, Swiss, Shabo (Shabagh), Louis-Vincent Tardent, Russian Empire, viticulture, winemaking, agriculture, Southern Russia, Switzerland.

История швейцарской колонии Шабо (Шабар), единственного франкоязычного иностранного поселения на юге Российской империи, близ Одессы, привлекала внимание многих швейцарских¹, российских и украинских² исследователей, а также стала полем для осуществления успешных международных научных проектов³. Фундаментально изучались как отдельные аспекты жизни колонии, так и вопросы, связанные с реализацией российской политики в отношении иностранных колонистов. Был опубликован значительный круг источников: документы о российско-швейцарских отношениях в XIX в., включая материалы о Шабо⁴; записки швейцарцев о колонии⁵; переписка Александра I и Лагарпа⁶. Благодаря любителям генеалогии известно, что в Национальном архиве

¹ *Grivat O.* Les vigneronns suisses du Tsar. Chappelle; Vaudanne, 1993; *Collmer P.* Die besten Jahre unseres Lebens: Russlandschweizerinnen und Russlandschweizer in Selbstzeugnissen, 1821–1999. Zurich, 2001; *Bastian J.-P.* Une émigration vaudoise en Nouvelle Russie: la colonisation de Chabag en 1822 // *Revue vaudoise de généalogie et d'histoire des familles*. Vevey, 2016. P. 87–103; *Wunderlin D.* Schweizer am Schwarzen Meer. Eine Auswanderungsgeschichte ohne Happy End // *Alemannisches Jahrbuch*. 2017/2018. P. 41–60. Подробнее обзор швейцарской историографии по проблеме см.: *Коллмер П.* История швейцарской эмиграции в Россию: состояние вопроса и перспективы исследования // Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму (XIX – начало XX века): сборник статей / под науч. ред. Е. Симонато, И. Ивановой. Лозанна; СПб., 2019. С. 8–28.

² *Онопrienko В.Ф.* Шабо // *Дерибасовская-Ришельевская: одесский альманах*. 2007. № 30. С. 36–48; № 31. С. 37–48; *Ее же.* М.С. Воронцов и швейцарские переселенцы на юге России // *Воронцовский сборник*. 2008. Вып. 1. С. 52–65; *Ее же.* «Истинный рай на Шабоской земле...»: документальная история швейцарских колонистов в Бессарабии. Одесса, 2009; *Николаенко П.Д.* Инициативы министра внутренних дел В.П. Кочубея в освоении Юга России // *Клио*. 2011. № 8. С. 75–77; *Боева А.Р.* Из Джерел про історію швейцарських колоністів на півдні України // *Вісник Одеського національного університету*. Сер.: *Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство*. 2012. Т. 17. Вип. 2 (8). С. 23–39; *Кащенко С.Г., Иванова И.С., Кащенко Е.С.* Из истории швейцарской миграции в Северное Причерноморье в начале XIX века (Документы о группе переселенцев Майора Каспара Эшера в российских исторических архивах) // *Былые годы*. 2018. № 47 (1). С. 143–152; и др.

³ *Гётте Г.Л., Молотков Г.С.* Из истории швейцарской колонизации Юга Российской империи // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.В. Вернадского*. Серия: История. 2002. Т. 15 (54). № 1. С. 11–28; *Их же.* Из истории швейцарской колонизации Юга Российской империи // *Историчний архів*. 2014. Вип. 13. С. 127–136; *Их же.* Колонизация юга Российской империи в XVIII–XIX веках: вклад швейцарцев и немцев. Кёльн, 2014; Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму (XIX – начало XX века): сборник статей / под науч. ред. Е. Симонато, И. Ивановой. Лозанна; СПб., 2019.

⁴ *Россия – Швейцария. 1813–1955: документы и материалы*. М., 1995. С. 38–39, 145–147, 162–166.

⁵ *History of the Tardent family / by Henri-Alexis Tardent*, written at Nikolaev near Odessa, 21 February to 11 March 1887, in the form of a letter to his cousin Louis Tardent of Rue de Rome, Paris // URL: http://www.tardent-history.info/Letter_from_Henri.htm (дата обращения: 04.04.2020); *Noir F.-D.* Journal de voyage, Lausanne – Chabag – Odessa. 1822–1825 / présenté et annoté par J.P. Bastian. Bière, 2016; *Diary of Uranie Tardent* // URL: <https://tardent-history.info/Uranie%20Grandjean%20Tardent%20diary.pdf> (дата обращения: 04.04.2020).

Республики Молдова в Кишиневе в фонде Бессарабской казенной палаты сохранились ревизские сказки иностранных колоний Аккерманского уезда за 1835 г., среди них и Шаб⁷.

Тема статьи представляется актуальной в контексте современных научных исследований по экономической истории и изучению исторического опыта успешных инвестиционных проектов, а также проблемам государственного контроля за миграционными процессами и вопросам социальной адаптации переселенцев. Документы из Российского государственного исторического архива (РГИА, ф. 379 — Департамент государственных имуществ Министерства финансов; ф. 383 — Первый департамент Министерства государственных имуществ; ф. 1409 — Собственная его императорского величества канцелярия) позволяют оценить, насколько важной составляющей экономического успеха Шаб⁸ являлась постоянная и действенная поддержка переселенцев со стороны российских властей.

Швейцарская колония Шаб⁹ была создана уже после принятия в 1819 г. российским правительством решений, свидетельствовавших об окончании политики колонизации: 5 августа — Положения Комитета министров «О пресечении дальнейшего переселения в Россию иностранных выходцев»⁸; 25 октября — Высочайше утвержденного Положения Комитета министров «О запрещении российским миссиям давать паспорта переселяющимся в Россию и в Царство Польское иностранцам»⁹. Несмотря на столь категоричный отказ от приглашения иностранных переселенцев, на правительственном уровне продолжали рассматривать поступающие обращения, однако давали на них отрицательный ответ¹⁰. В отношении же организации будущей колонии Шаб¹⁰ было сделано исключение. Такое решение может быть объяснено поддержкой, оказанной этой инициативе со стороны воспитателя Александра I Ф.-С. Лагарпа.

Швейцарские исследователи отмечают следующие причины, побудившие их соотечественников поселиться на юге Российской империи: желание улучшить материальное положение, личные амбиции и надежды на многообещающее путешествие¹¹. Оценивая состояние в кантоне Во, историки обращают внимание на сложную экономическую ситуацию (голод и рост цен в 1816—1817 гг.) и внутривластическую напряженность (желание правительства кантона сохранить некоторую самостоятельность от федеральных властей). К моменту переселения вышеназванные проблемы во многом были решены, тем не менее уроженцу Ормона, воспитаннику И.Г. Песталоцци¹², ставшему учителем в Веде, Луи-Венсану Тардану (Louis-Vencent Tardent) удалось убедить земляков в перспективах эмиграции¹³. Благодаря своему деду — известному учителю и ботанику Давиду Иосиасу Тардан-Мартену (David Josias Tardent-Martin)¹⁴ и обучению в Ивердоне Луи-Венсен также увлекся ботаникой и в 1819 г. вступил в Водуазское общество естествознания¹⁵, членами

⁶ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы: в 3-х т. / сост. А.Ю. Андреева, Д. Тозато-Риго; пер. с фр. В.А. Мильчиной. М., 2014—2017.

⁷ Национальный архив Молдовы. Ф. 134. Оп. 2. Д. 9. Л. 791—802 // URL: <https://forum.vgd.ru/488/37410/30.htm> (дата обращения: 03.04.2020).

⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее — ПСЗ-1). Т. XXXVI. № 27912.

⁹ ПСЗ-1. Т. XXXVI. № 27954.

¹⁰ Кащенко С.Г., Иванова И.С., Кащенко Е.С. Неудавшиеся попытки эмиграции из Швейцарии в южные регионы Российской империи в первой трети XIX в. // Судьбы швейцарских колоний... С. 54—61.

¹¹ Мевли О. Эмиграция в Россию в контексте истории кантона Во // Судьбы швейцарских колоний... С. 33.

¹² Бастиан Ж.-П. Эмиграция из кантона Во в Новороссию: колонизация Шаб¹² в 1822 г. // Судьбы швейцарских колоний... С. 132.

¹³ Мевли О. Указ. соч. С. 36—37.

¹⁴ Бастиан Ж.-П. Указ. соч. С. 129—130.

¹⁵ Там же. С. 133.

которого были Ф.-С. Лагарп и Луи де Сало (он же Жан-Франсуа де Салоз)¹⁶. Знакомство с этими людьми, служившими в России, в будущем очень помогло Л.-В. Тардану.

Лагарп упоминается как «рекомендатель» в прошении Луи-Венсена от 5 (17) января 1820 г., адресованном российскому министру внутренних дел графу В.П. Кочубею¹⁷. В документе отмечено и обращение Тардана к наместнику Бессарабской области в 1816–1820 гг. генералу А.Н. Бахметьеву «с целью заинтересовать его ...проектом»¹⁸: «уступить ...виноградники двадцати–тридцати семьям отобранных молодых, умелых и мужественных виноградарей из кантона Во»¹⁹, чтобы «создать ...прибыльное предприятие на длительную перспективу»²⁰. Совет написать Бахметьеву дал Лагарп, который узнал от де Сало, что «есть в Бессарабии казенные виноградники заброшенные, наши виноделы пожелали свои услуги предложить»²¹. Полученные от Лагарпа рекомендации Тардан в конце 1820 г. в Кишиневе передал главному попечителю и председателю Попечительного Комитета об иностранных поселенцах Южного края России, наместнику Бессарабской области в 1820–1823 гг. генералу И.Н. Инзову²². Задачей Тардана был выбор места для будущего поселения, к этому времени он уже проинформировал о своем проекте винодельческой колонии Государственный совет кантона Во и нашел единомышленников среди соотечественников²³. Свой выбор Тардан сделал в пользу селения Шабаг (Chabag) или Шаба, расположенного недалеко от Аккермана (в 1,6 км) и Одессы (около 40 км) на берегу лимана (при впадении Днестра в Черное море)²⁴. Здесь прежде уже находились турецкие сады и виноградники, ныне заброшенные²⁵.

Швейцарский исследователь О. Грива обратил внимание на похожие по звучанию слова: «лиман» (залив) и Леман (наименование озера, на берегу которого находится Веве)²⁶. Название селения Шабаг (Chabag) или Шаба происходит от турецкого Asa Aba, что означает «нижние сады» (садами называли и виноградники, указание «нижние» обозначает, что они ниже Аккермана)²⁷. Изменение окончания слова на «о» (Шабо) связывают с произнесением его на французский манер²⁸. Именно это название прижилось, в отличие от предлагаемого Л.-В. Тарданом «Гельвецианополиса»²⁹.

Известно, что во время пребывания в Кишиневе в 1821 г. Тардан посещал франко-массонскую ложу № 25 «Овидий» и встречал там сосланного в Бессарабию А.С. Пушкина³⁰. В декабре 1821 г., по свидетельству И.П. Липранди, поэт общался с Тарданом в селении Шабо, и швейцарец, охотно отвечавший на многочисленные вопросы, Пушкину «очень

¹⁶ Луи де Сало (Louis de Saloz, 1774–1851) приехал в Одессу в 1811 г., в 1812 г. во время эпидемии моровой язвы оказывал врачебные услуги, а позднее стал херсонским губернским ветеринарным врачом и получил дворянство. См.: Там же. С. 134; Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Т. 3. С. 801.

¹⁷ Россия – Швейцария. С. 39.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 38.

²⁰ Там же. С. 39.

²¹ Из письма Ф.-С. Лагарпа императору Александру I из Лозанны от 22 декабря 1819 г. // Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Т. 3. С. 298.

²² Подробнее см.: Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России 1799–1876. Аннотированная опись фонда / сост. О.В. Коновалова и др. Т. 1–7. Одесса, 1998–2010.

²³ Бастиан Ж.-П. Указ. соч. С. 135.

²⁴ Там же. С. 134.

²⁵ Бородин М.А. О французской колонии в Шабо // Шишмарев В.Ф. Романские поселения на юге России. Л., 1975. С. 183.

²⁶ Грива О. Швейцарская колония Шабо: история и современность // Судьбы швейцарских колоний... С. 150.

²⁷ Бастиан Ж.-П. Указ. соч. С. 134.

²⁸ Бородин М.А. Указ. соч. С. 183.

²⁹ Бастиан Ж.-П. Указ. соч. С. 147.

³⁰ Там же. С. 143.

понравился»³¹. Тардан жил некоторое время в Шабэг и даже получил успешный опыт изготовления местного вина³². Приехавшие вместе с Тарданом виноделы Жорж-Амеде Тестю (George-Amédée Testuz) и Мермо (Mermoud) остались в Аккермане готовиться к приезду соотечественников³³.

7 августа 1821 г. на Всеподданнейшую записку В.П. Кочубея последовало Высочайшее повеление о принятии швейцарских виноградарей на «общих правилах, что и других колонистов», т.е. они освобождались от податей сроком на 10 лет и от несения воинской повинности, получали свободу вероисповедания и право покинуть Россию³⁴. Новая докладная записка В.П. Кочубея была Высочайше утверждена 25 февраля 1822 г. Согласно ей, переселенцам отводили земли близ Аккермана в Бессарабии из расчета по 60 десятин на семейство и предоставляли «для возделывания сады, принадлежащие казне, отдавая оные по распоряжению Главного попечителя колонистов или всему обществу поселенцев, или по семействам, которые будут в состоянии обрабатывать»³⁵.

Вернувшись в Веце, Тардан активизировал работу по сбору будущих колонистов, убеждая «своих соотечественников не стремиться в пустыни и дебри Америки, а спешить на плодородные земли Новой России, где виноградные лозы, персики, шелковица могут быть культивируемы с большим успехом»³⁶. Луи-Венсен подготовил и подписал у нотариуса соглашение с теми, кто принял решение стать «колонистами Аккермана»³⁷.

19 июля 1822 г. швейцарцы выехали из Веце, в Аванше к ним присоединился Тардан (он начал свой путь из Лозанны 20 июля)³⁸. Всего путешественников было 24 человека (из них 13 детей). Во главе — Луи-Венсен Тардан со своей большой семьей: женой Уранией, урожденной Гранжан (Uranie Grandjean), семерыми детьми в возрасте от 18 месяцев до 15 лет, тестем Шарлем-Огюстом Гранжаном (Charles-August Grandjean), а также слугами: кучером Жаном-Луи Плантенем (Jean-Lois Platen) и садовником семьи Анри Цвики (Henri Zwicky)³⁹. Швейцарцы ехали на четырех крытых подводах с домашним скарбом, захватив посадочный материал и вооружившись карабинами (по одному на каждую семью). Переселенцы взяли с собой Библии (по одной на семью), библиотеку Тардана (400 книг)⁴⁰, его собрание гравюр и эстампов, а также музыкальные инструменты (лиру и скрипку)⁴¹.

В настоящее время напоминанием о том путешествии служит памятник «Обоз надежды» (автор Юго Шар), установленный 30 июня 2019 г. в Шебре — там будущие колонисты сделали первую остановку для того, чтобы напоить лошадей⁴². Тогда, 200 лет назад, путь

³¹ *Липранди И.П.* Из дневника и воспоминаний // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников / сост., прим. В.Э. Вацуро, Р.В. Иезуитовой, Я.Л. Левкович и др. СПб., Т. 1. 1998. С. 306. М.А. Бородин, ссылаясь на исследование А. Ансельма, датировала встречу 14 декабря 1821 г., а Ж.-П. Бастиан ошибочно назвал 21 декабря 1821 г. См.: *Бородин М.А.* Указ. соч. С. 185; *Anselme A.* La colonie suisse de Chabag. Akkerman, 1925. Р. 28; *Бастиан Ж.-П.* Указ. соч. С. 143.

³² *Бастиан Ж.-П.* Указ. соч. С. 136.

³³ Там же. С. 136.

³⁴ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 490. 1821 г. Л. 1—47; Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5576. 1831 г. Л. 10 об.; Россия — Швейцария. С. 39.

³⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5576. 1831 г. Л. 12—12 об.

³⁶ *Шишмарев В.Ф.* Романские поселения на юге России. Л., 1975. С. 132.

³⁷ См. список подписавших соглашение в Веце: *Бастиан Ж.-П.* Указ. соч. С. 137.

³⁸ *Бастиан Ж.-П.* Указ. соч. С. 138—139; *Грива О.* Указ. соч. С. 151.

³⁹ Список первых поселенцев см.: *Бастиан Ж.-П.* Указ. соч. С. 138—139; *Грива О.* Указ. соч. С. 150—151; *Шишмарев В.Ф.* Указ. соч. С. 137.

⁴⁰ *Бастиан Ж.-П.* Указ. соч. С. 138—139; *Грива О.* Указ. соч. С. 151.

⁴¹ *Оноприенко В.* Шабо. № 30. С. 39.

⁴² *Кожухарь Е.* История Bessarabie. Как швейцарцы 200 лет назад стали делать в Молдове вино // URL: <https://newsmaker.md/rus/novosti/istoriya-bessarabie-kak-shveytsartsy-200-let-nazad-stali-delat-v-moldove-vino-44607/> (дата обращения: 04.04.2020).

из Швейцарии в Бессарабию (через Мюнхен, Вену, Брно, Лемберг (Львов), Черновцы) в 2400 км занял 100 дней и завершился в Аккермане⁴³.

По данным администрации кантона Во, «после поездки Тардента в Россию, целью которой было своими глазами увидеть место для колонии в Шабаге, 9 семей, все выходцы из кантона Во, кроме одной из кантона Гларус, эмигрировали и прибыли в Россию 29 октября 1822 г. Весной 1823 г. они обосновались в Шабаге»⁴⁴. На основе рапорта Новоселицкой пограничной таможни генералу И.Н. Инзову, датой прибытия на границу В. Оноприенко называет 25 сентября 1822 г.⁴⁵ Зимой 1822/1823 гг. швейцарцы провели в Аккермане, разместившись благодаря попечению Инзова в домах горожан⁴⁶.

Переселенцы были связаны друг с другом семейными и профессиональными отношениями и, решившись на переезд, оказались способны «оплатить дорогу и обустройство на месте»⁴⁷. Своим руководителем они избрали Тардана; в 1829 г. колонисты создали совет и избрали нового мэра. Заседания совета, как и делопроизводство колонии, велись на французском языке (лишь с 1871 г. документация стала оформляться на русском)⁴⁸.

В распоряжение переселенцев было передано более 36 тыс. poses vaudaises⁴⁹. Уже в первый год жизни колонии швейцарцы посадили новые виноградные лозы (80 тыс. черенков)⁵⁰ и получили хороший урожай. В 1824 г. в письме к соотечественнику Тардан утверждал, что произведенные в Шабо белые и красные вина сравнимы с получаемыми в Бордо и поблизости от него (в Грава). Они «превосходят наши вина из Ля Кот и Лаво» (знаменитые винные регионы Во)⁵¹.

Об успехах колонии было известно Лагарпу⁵², в письме к великому князю Константину от 24 марта 1826 г. он отмечал: «Маленькая колония швейцарская обосновалась в Шабаге, на берегу залива Аккерманского и, кажется, процвела под покровительством генерала Инзова»⁵³. Не только последний, но и генерал-губернатор граф М.С. Воронцов, посетивший колонию осенью 1823 г., высоко оценил усилия швейцарцев. 19 августа 1825 г. Инзов ходатайствовал перед Воронцовым о передаче переселенцам сверх назначенных «36 садов, поступивших уже в колониальное ведомство», еще 76 казенных садов, находящихся поблизости⁵⁴.

И.Н. Инзов и М.С. Воронцов со вниманием отнеслись к проблемам колонии⁵⁵. Среди них — противодействие привычной для местного населения гоньбе скота после снятия урожая. Введение колонистами штрафа за потраву и даже отстрел скота вызывали жалобы местных жителей, но в конфликтных ситуациях власти поддерживали колонистов⁵⁶. Инзов в ноябре 1826 г., информируя исполняющего должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора Ф.П. Палена, видел выход в переселении местных жителей в предместье г. Аккермана. Эту идею поддержал и Комитет министров, но на следующих условиях: достаточного для этого срока, достижения соглашения местного начальства с колонистским управлением, а также предоставления переселяющимся необходимого денежного вознаграждения за их жилища. Из доклада графа Воронцова императору от 5

⁴³ Бастиан Ж.-П. Указ. соч. С. 139.

⁴⁴ Россия — Швейцария. С. 145.

⁴⁵ Цит. по: Оноприенко В. Шабо. № 30. С. 42.

⁴⁶ Там же. С. 43.

⁴⁷ Бастиан Ж.-П. Указ. соч. С. 153.

⁴⁸ Грива О. Указ. соч. С. 151; Бастиан Ж.-П. Указ. соч. С. 134.

⁴⁹ Одна такая мера земли в кантоне Во была равна 4500 кв. м. См.: Бастиан Ж.-П. Указ. соч. С. 134.

⁵⁰ Там же. С. 145.

⁵¹ Там же.

⁵² О роли Ф.-С. Лагарпа в истории колонии напоминала (до середины XX в.) одна из центральных улиц колонии, которая называлась Лягарповской. См.: Шишмарев В.Ф. Указ. соч. С. 145.

⁵³ Бастиан Ж.-П. Указ. соч. С. 146.

⁵⁴ Цит. по: Оноприенко В. Шабо. № 30. С. 45.

⁵⁵ Шишмарев В.Ф. Указ. соч. С. 137–138.

⁵⁶ Цит. по: Оноприенко В. Шабо. № 30. С. 46.

октября 1826 г. известно, что «в селении Шабо находится в домах местных жителей пять семейств швейцарцев и четверо холостых швейцарцев, выбыли из Шабы 34 местных семейства и остается еще 86 местных семейств, для которых переселение в Аккерман или другие земли было бы затруднительно, привело бы к разорению»⁵⁷.

Министр внутренних дел В.С. Ланской составил собственное мнение по данному вопросу на основе сведений, сообщенных ему графом М.С. Воронцовым и И.Н. Инзовым. Оказалось, что местные жители, прежде добровольно соглашавшиеся на переселение из Шабо, стали впоследствии жаловаться на притеснения. Главная же причина состояла в том, что «они сделались очевидными свидетелями, какую пользу может принести бывшая в их владении земля и после возделываемая при постоянной деятельности знающими швейцарцами». Поэтому, «желая воспользоваться обработанными садами и землями», местные жители стали утверждать, что «переселяются... принужденно»⁵⁸. После потока жалоб император Николай I пошел навстречу местным жителям и разрешил им остаться⁵⁹. Количество земли, полагавшееся местному жителю (по 30 десятин) и колонисту (60 десятин), было в дальнейшем четко определено и отмерено уездным землемером. В 1828 г. разграничение коснулось и земли вдоль берега⁶⁰.

Спокойной жизни колонии в малонаселенной местности угрожали бандитизм и эпидемии (главным образом чума). Необходимые медикаменты отсутствовали: единственный аптекарь Берже возвратился на родину в 1825 г.⁶¹ Особенно высокая смертность из-за болезней была отмечена в 1831 г.⁶² Однако самой острой проблемой колонии являлась нехватка рабочих рук. Приток поселенцев из Швейцарии хотя и продолжался, но был незначительным. В период с 1823 по 1846 г. в год прибывало в среднем 2-3 семьи⁶³ главным образом из кантона Во и «лишь несколько человек приехало из Берна, из Эльзаса и Лотарингии (так, например, Коре) и из других мест»⁶⁴.

В число поселенцев в Шабо в 1823 г. входило 17 семейных и одиноких хозяйств (согласно посемейным спискам колонистов, составленным Л.-В. Тарданом⁶⁵), в 1825 г. — «швейцарцев 14 семей, в которых поселенцев обоего пола 39» (по ведомости за июль 1825 г., имевшейся в распоряжении И.Н. Инзова)⁶⁶, или, по сведениям отчета земского приказа, 14 самостоятельных хозяйств из 53 человек (30 мужчин и 23 женщины)⁶⁷. В 1827 г. в Шабо проживало 25 семей швейцарских колонистов⁶⁸, а в 1828 г. в посемейных списках указано 29 семей, 94 колониста (из них 48 мужчин и 46 женщин)⁶⁹. В составленном 11 февраля 1829 г. рапорте титулярного советника Рено графу Воронцову упоминается 21 семья, из которых трое — вновь прибывшие⁷⁰. В 1831 г. — 32 семейства, из них 64 мужчины и 59 женщин⁷¹,

⁵⁷ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4747. 1826 г. Л. 1—4.

⁵⁸ Там же. Л. 16 об.—17.

⁵⁹ Цит. по: Оноприенко В. Шабо. № 30. С. 47.

⁶⁰ Там же. С. 47.

⁶¹ Там же. С. 48.

⁶² Грива О. Указ. соч. С. 152.

⁶³ Фамилии конкретных семей см.: Бородина М.А. Указ. соч. С. 187; Бастуан Ж.-П. Указ. соч. С. 146; Грива О. Указ. соч. С. 152. См. также: Гандер Л. Историческая записка об основании швейцарской колонии Шабо в Бессарабии (Украина). Лозанна, 1908 // URL: <https://soyuz-pisatelei.ru/blog/2017-11-13-37203> (дата обращения: 16.01.2023).

⁶⁴ Бородина М.А. Указ. соч. С. 187.

⁶⁵ Оноприенко В. Шабо. № 30. С. 45.

⁶⁶ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4747. 1826 г. Л. 15 об.

⁶⁷ Оноприенко В. Шабо. № 30. С. 45.

⁶⁸ Бородина М.А. Указ. соч. С. 188.

⁶⁹ Цит. по: Оноприенко В. Шабо. № 30. С. 45.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5576. 1831 г. Л. 6 об.—7.

в 1838 г. — 43 семьи⁷², в 1840 г. — 50 семей⁷³, в 1844 г. в Шабо учтено 184 человека обоего пола⁷⁴, а в 1849 г. — только мужчин 63 человека⁷⁵.

Показательно, что недостаточное число колонистов приводило к переводу садов, первоначально предоставленных швейцарцам, в казенное управление. Так, в 1831 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин, по представлению Бессарабской казенной палаты, вынужден был обратиться в Комитет министров для решения вопроса о двух садах в Аккерманском крае, которые заключали в себе «пространства земли: первой 660, а второй 320 квадратных сажень»⁷⁶. По Высочайшему повелению от 25 февраля 1822 г., эта территория предназначалась для швейцарских колонистов, но Указом Правительствующего Сената от 6 июля 1831 г. сады перешли в ведение дирекции Аккерманских казенных садов⁷⁷.

Фактически одновременно с рассмотрением данного вопроса разворачивалась история, связанная с жалобой колониста из Шабо Роберта Мариона. В документе, поданном на имя великого князя Михаила Павловича в 1830 г., Марион сетовал на недостаточное количество земли и высказывал идею об учреждении для управления колонией особого комитета из поселян.

В расследовании жалобы активное участие приняли чиновники III Отделения е.и.в. канцелярии и Министерства внутренних дел. В 1831 г. чиновник МВД, надворный советник барон Франк выяснил, что в ведении колонии «70 виноградных садов, заключающих более 52 десятин, и сверх того 4122 десятины удобной для хлебопашества земли, коей, полагая по 60-ти десятин на каждое семейство, имеется в излишестве более 2200 десятин. Кроме отведенных садов, занято ими вновь под оные сто десятин»⁷⁸. Неиспользуемая земля сдавалась в аренду под пастбища, ожидая прибытия новых поселенцев из Швейцарии⁷⁹. Колонисты проживали «в домах, купленных ими у старожилов селения Шабы»⁸⁰. У каждого семейства был «особый дом, исключая вновь прибывших», которые проживали «по два семейства в одном доме». Уже были приготовлены материалы для возведения каменного дома для церкви и училища⁸¹. Управление колонии соответствовало инструкции, изданной для новороссийских колоний.

Таким образом, по мнению Франка, все жалобы не соответствовали действительно-сти, а потому чиновник предложил удалять из Шабо людей «беспокойного характера» и «малодушных»⁸². Комитет министров посчитал правильным предусмотреть высылку за границу тех колонистов, которые будут подавать необоснованные жалобы. Земли, выделенные сверх 60 десятин на семейство, предлагалось отдать в оброк, а новым колонистам уже выделять по 40 десятин на семью⁸³. В ответ на данные предложения последовало Высочайшее повеление: вся земля, прежде выделенная колонистам, была им оставлена. Об этом 26 мая 1831 г. было объявлено товарищу министра внутренних дел⁸⁴.

По справке о колонии Шабо, подготовленной 3 мая 1845 г. директором Первого департамента Министерства государственных имуществ: «В колонии Шабо, основанной в 1822 г. близ г. Аккермана швейцарскими виноградарями, состоит 3926 дес. 2084 саж. удобной земли. Душ (находится. — А.Т.) 88, из них 61, вышедших из 10-летней льготы, и 17 из 20-летней. ...у сих колонистов излишней земли более 1500 дес., но весь занимаемый ими

⁷² Бородина М.А. Указ соч. С. 188.

⁷³ Anselme A. La colonie suisse de Chabag. Akkerman, 1925. P. 68.

⁷⁴ РГИА. Ф. 383. Оп. 7. Д. 6375. 1844 г. Л. 1.

⁷⁵ Там же. Оп. 10. Д. 9349. 1847 г. Л. 10.

⁷⁶ Там же. Ф. 379. Оп. 2. Д. 111. 1831 г. Л. 4.

⁷⁷ Там же. Л. 15.

⁷⁸ Там же. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5576. 1831 г. Л. 7.

⁷⁹ Там же. Л. 8.

⁸⁰ Там же. Л. 8 об.

⁸¹ Там же. Л. 9 об.

⁸² Там же. Л. 10—10 об.

⁸³ Там же. Л. 14 об.—16 об.

⁸⁴ Там же. Л. 1.

участок на основании ВЫСОЧАЙШЕГО повеления, последовавшего в мае 1831 г. по докладу Управляющего Министерством Внутренних дел предоставлен в их пользование»⁸⁵. Колонисты освобождались от натуральной дорожной повинности, что было подтверждено решением Совета министра государственных имуществ 11 октября 1849 г.⁸⁶

К середине XIX в. вопрос о нехватке рабочих рук в Шабо удалось решить за счет приглашения уже проживавших в Бессарабии немецких колонистов. С учетом последних в 1852 г. в Шабо проживало 269 человек в 53 хозяйствах (по данным посемейных списков)⁸⁷. В 1862 г. — уже 538 чел., из них 288 мужчин и 250 женщин⁸⁸, но эти цифры включали и жителей соседнего помещичьего урочища Шаболат.

Главным занятием колонии Шабо было виноградарство и виноделие. В 1824 г. шабские колонисты имели 60 тыс. виноградных лоз⁸⁹, в конце 1825 г. — уже 104 тыс. лоз, из них семья Тардана владела 25 тыс. лоз (24%)⁹⁰. Согласно статистическому обозрению колоний иностранных поселенцев в Новороссийском крае, состоявших в ведении ведомства Бессарабской конторы иностранных поселенцев, в 1830 г. в Шабо было 224 тыс. виноградных лоз⁹¹, а по данным же барона Франка — 256 тыс.⁹² Цифры за 1840-е годы, приводимые М.К. Балласом в его историко-статистическом очерке «Виноделие в России», впечатляют: «в колонии Шабо в 1846 г. считалось всего 110 вин. садов; в 1847 — 122; в 1848 — 130; в 1849 — 159; в 1850 — 170. В 1846 г. было посажено вновь 12 000 виноградн. куст., в 1847 — 200 000; в 1848 — 75 000; в 1849 — 235 000; в 1850 — 180 000»⁹³.

Количество вина, производимого в Шабо, росло: в 1824 г. — 2900 ведер вина⁹⁴, в 1825 г. — 2415 (в среднем по 161 ведру на хозяйство)⁹⁵, в 1828 г. — 4930 ведер (в 2 раза больше, чем в 1825 г.)⁹⁶. Цена вина (благодаря высокому качеству) составляла в 1826 г. 5 руб. за ведро, в то время как вино местных жителей оценивалось в 1–2 руб. за ведро⁹⁷. По свидетельству барона Франка, в 1830 г. средняя цена за ведро шабского вина была 3–4 руб. и выше⁹⁸.

В 1847 г. в Кишиневе на первой сельскохозяйственной выставке вина из Шабо получили золотую медаль. Они оценивались как лучшие и на других выставках (в Петербурге, Москве и Херсоне)⁹⁹. По данным профессора Горыгорецкого земледельческого института Э. Рего, в 1853 г. «в Шабо каждый колонист имеет под виноградником от 2 до 6 десятин земли и получает до 1000 ведер вина, которое продается по 1 руб. серебром за ведро»¹⁰⁰.

Славу Шабо составляли и сады, в которых в 1830 г. находилось 5256 фруктовых, 1068 лесных и 185 тутовых деревьев¹⁰¹. Из плодовых — культивировались вишни, яблоки,

⁸⁵ Там же. Ф. 383. Оп. 7. Д. 6375. 1844 г. Л. 3 об.—4.

⁸⁶ Там же. Оп. 10. Д. 9349. 1847 г. Л. 21–22 об.

⁸⁷ Цит. по: Оноприенко В. Шабо. № 30. С. 45.

⁸⁸ Бородин М.А. Указ. соч. С. 188.

⁸⁹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4747. 1826 г. Л. 15.

⁹⁰ Оноприенко В. Шабо. № 31. С. 38.

⁹¹ Там же.

⁹² РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5576. 1831 г. Л. 7.

⁹³ Баллас М.К. Виноделие в России: (Ист.-стат. очерк). Ч. 1–6. Ч. 5. Южная Россия (Бессарабия, Херсонская, Подольская и Екатеринославская губернии). СПб., 1899. С. 22.

⁹⁴ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4747. 1826 г. Л. 15.

⁹⁵ Там же. Л. 15 об.

⁹⁶ Оноприенко В. Шабо. № 31. С. 38.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5576. 1831 г. Л. 7 об.

⁹⁹ Тарнакин В., Соловьева Т. Бессарабские истории. Историко-краеведческие журналистские исследования. Кишинев, 2011. С. 155–156.

¹⁰⁰ Оноприенко В. Шабо. № 31. С. 38.

¹⁰¹ Там же.

груши, шелковица¹⁰². Барон Франк в 1830 г. упоминал, что швейцарцы приступили к за-
севу «лесной плантации»¹⁰³, где высаживали ивы, тополя и орешник¹⁰⁴.

В Шабо колонисты для собственных нужд занимались также хлебопашеством¹⁰⁵ и сы-
роварением¹⁰⁶. Барон Франк утверждал: «Скота у них немного; но они стараются выпи-
сать из Швейцарии¹⁰⁷ коров, устраивая в колонии небольшое заведение для приготовления
швейцарского сыру»¹⁰⁷. В первые же годы существования колонии Л.-В. Тардану удалось
получить для соотечественников право рыбной ловли¹⁰⁸.

В 1829 г. в Шабо была основана церковно-приходская четырехклассная школа (*esole
paroissiale*), где французскому учил сначала один из колонистов, потом стали приглашать
учителей из Швейцарии¹⁰⁹. В 1831 г. в школе обучалось 40 детей¹¹⁰. С 1842 г. в приходской
школе в Шабо работали профессиональные преподаватели (немцы и французы). С 1861 г.
с общего согласия колонии было введено обязательное преподавание русского языка¹¹¹.

Первоначально колонисты не имели своей церкви. По прошению Тардана 1822 г. и по-
следовавшему на него Высочайшему повелению, швейцарцы получили право на ссуду в раз-
мере 20 тыс. руб. (с взиманием процентов) для постройки церкви и аптеки¹¹². С 1832 г. у ко-
лонистов появился свой молитвенный дом¹¹³. 29 сентября 1844 г., на основании ходатайства
Общества швейцарской колонии Шабо, было сделано представление Попечительного Ко-
митета об иностранных поселенцах Южного Края России при Министерстве государствен-
ных имуществ в адрес министра государственных имуществ о дозволении построить церковь
в колонии Шабо. Архитектурный проект и необходимую сумму в 2233 руб. 85 коп. серебром
Общество готово было предоставить¹¹⁴, половина средств уже была собрана за счет отдачи
в оброк «излишней» земли¹¹⁵.

Согласно справке о колонии Шабо, подготовленной Первым департаментом Мини-
стерства государственных имуществ 3 мая 1845 г., в Шабо проживало лишь 184 челове-
ка обоего пола¹¹⁶. В соответствии с Сенатским указом от 19 октября 1828 г. о строении
иноверческих церквей условием положительного решения вопроса являлось наличие не
менее 400 человек или 100 дворов из расчета по 4 души мужского пола на один двор. Тем
не менее, учитывая удаленность колонии от других иноверческих приходов, в 1846 г. Свя-
тейший Синод дал согласие на строительство церкви, не препятствовал этому и министр
внутренних дел Л.А. Перовский. Директор Первого департамента МГИ в своем отноше-
нии № 194 от 23 марта 1846 г. сообщил Попечительному Комитету об иностранных поселе-
нцах Южного Края России о положительном решении вопроса¹¹⁷.

Церковь Святой Троицы (*Le Temple de Trinité*) была построена в 1847 г. и являлась
общей для французских швейцарцев-реформатов и немецких швейцарцев-лютеран
(кальвинистов)¹¹⁸. Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного Края

¹⁰² Там же.

¹⁰³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5576. 1831 г. Л. 8–8 об.

¹⁰⁴ Оноприенко В. Шабо. № 31. С. 38.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5576. 1831 г. Л. 7 об.

¹⁰⁶ Бородин М.А. Указ. соч. С. 188.

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5576. 1831 г. Л. 7 об.—8.

¹⁰⁸ Бастиан Ж.-П. Указ. соч. С. 144.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5576. 1831 г. Л. 9 об.—10.

¹¹¹ Бородин М.А. Указ. соч. С. 188.

¹¹² РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4747. 1826 г. Л. 17 об.

¹¹³ Грива О. Указ. соч. С. 153.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 383. Оп. 7. Д. 6375. 1844 г. Л. 1–10 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 2.

¹¹⁶ Там же. Л. 1.

¹¹⁷ Там же. Л. 11 об.—12 об.

¹¹⁸ Grivat O. Op. cit. P. 144; Gëtteme Г.Л., Молотков Г.С. Колонизация юга Российской империи в
XVIII–XIX веках... С. 144.

России, по просьбе колонистов, обратился с отношением в Первый департамент МГИ от 10 июня 1846 г. за № 3587 «О назначении в колонии Шабо священника»¹¹⁹. Предлагалась кандидатура «проживающего в колонии Шабо единоземца своего Франсуа Луи Бюньона (Bugnion), посвященного в прошедшем году в Женеве в священнический сан и изъявляющего готовность, буде правительство потребует, вступить в Российское подданство»¹²⁰. Вопрос решился положительно¹²¹, но в дальнейшем колонисты признали свой выбор неудачным, и Бюньон покинул Шабо¹²².

Своеобразным памятником его пребыванию стало созданное им в 1846 г. произведение «Бессарабия в прошлом и настоящем»¹²³. В книге главным занятием в Шабо указано виноделие. По словам пастора, вино с успехом продавалось в соседние города, а также колонисты, «избавляя себя от лишних забот», в больших объемах реализовывали сам виноград. Выращивали злаковые, картофель, различные овощи, разводили крупный рогатый скот, занимались сыроделием из коровьего и овечьего молока (большую часть сыров поставляли в Одессу)¹²⁴. О компетентности пастора в данном вопросе говорит факт избрания его в 1849 г. членом Императорского общества сельского хозяйства Южной России¹²⁵.

Записки с хвалебными отзывами о Шабо как процветающем винодельческом поселении оставили инспектор сельского хозяйства Южной России Д.Н. Струков в 1852 г.¹²⁶ и путешественник А.С. Афанасьев-Чужбинский в начале 1860-х годов¹²⁷. Последний высоко оценил работу семьи Тарданов по улучшению сортов винограда и знание швейцарцами современных для своего времени тенденций виноделия¹²⁸.

Действительно, сын основателя колонии Луи-Венсена Тардана — Шарль (Карл Иванович) Тардан — прославился как винодел на всю Российскую империю. Он не только сам преуспел в этом ремесле, но и с успехом ему обучал. Открывшееся в 1832 г. училище виноделия в Аккермане¹²⁹ в 1836 г. стало опытно-показательным хозяйством под руководством К.И. Тардана. Швейцарец мог «вносить в казну половину прибыли от виноградников винами»¹³⁰, настолько они были в цене. Опытный винодел активно публиковал результаты своей многолетней практической работы на страницах «Записок Императорского Общества сельского хозяйства Южной России»¹³¹. Незадолго до смерти Карла Ивановича в 1854 г. вышло в свет первое издание его фундаментального труда «Виноградарство и виноделие»¹³², выдержавшего до конца XIX в. еще два издания. Среди нововведений К.И. Тардана: технология обрезания винограда, использование шпалер, обработка виноградников с помощью конных упряжек, средства защиты от вредных насекомых. Показательно количество сортов винограда, разводимых в Шабо, — около 65¹³³.

¹¹⁹ РГИА. Ф. 383. Оп. 7. Д. 6375. 1844 г. Л. 14—14 об.

¹²⁰ Там же. Л. 14 об.—15.

¹²¹ Там же. Л. 16—20.

¹²² Подробнее о конфликте с пастором Л. Бюньоном см.: Оноприенко В. Шабо. № 31. С. 37.

¹²³ Bugnion M. La Bessarabie ancienne et moderne. Odessa; Lausanne, 1846 // URL: <https://archive.org/details/labessarabieanci00bugn/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 09.04.2020). Краткую аннотацию см.: Драганов П.Д. Bessarabiana. Ученая, литературная и художественная Бессарабия. 1812—1912. Кишинев, 1911. С. 35.

¹²⁴ Bugnion M. La Bessarabie ancienne et moderne. P. 188.

¹²⁵ Боева А.Р. Указ. соч. С. 27.

¹²⁶ Поездка в Бессарабию Д. Струкова // Записки Императорского Общества сельского хозяйства Южной России на 1852 г. 1852. № 1. С. 239—246.

¹²⁷ Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в южную Россию. Ч. 2. Очерки Днестра. СПб., 1863. С. 436.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Оноприенко В. Шабо. № 31. С. 39.

¹³⁰ Боева А.Р. Указ. соч. С. 28.

¹³¹ Обзор публикаций К.И. Тардана см.: Боева А.Р. Указ. соч. С. 23—39.

¹³² Там же. С. 24.

¹³³ См. о сортах винограда в Шабо: Тардан К.И. Виноградарство и виноделие. Одесса, 1874. С. 20—48.

В середине XIX в. колония Шабо находилась на подъеме, за тридцать лет она прошла большой путь от поселения вдалеке от родины первых смельчаков-швейцарцев во главе с Луи-Венсеном Тарданом до уже многочисленной и хорошо обустроенной колонии с самоуправлением, собственной школой и церковью. Умелое ведение хозяйства и в особенности значительные успехи в виноделии сделали Шабо, по словам швейцарского исследователя О. Грива, примером «хорошо развивающейся перспективной колонии, которой завидовал весь Юг России до 1918 г.»¹³⁴.

Архивные документы свидетельствуют, что таким результатам способствовали не только свойственные швейцарским колонистам трудолюбие и умение организовать производство, но и благоприятные условия, созданные им российскими властями всех уровней, своевременное реагирование на обращения, поступавшие от переселенцев, и принятие взвешенных решений с учетом реальной ситуации.

Библиография

Баллас М.К. Виноделие в России: (Ист.-стат. очерк). Ч. 1–6. Ч. 5. Южная Россия (Бессарабия, Херсонская, Подольская и Екатеринославская губернии). СПб., 1899.

Бастиан Ж.-П. Эмиграция из кантона Во в Новороссию: колонизация Шабаг в 1822 г. // Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму (XIX – начало XX века): сборник статей / под науч. ред. Е. Симонато, И. Ивановой. СПб., 2019. С. 124–149.

Бородин М.А. О французской колонии в Шабо // Шишмарев В.Ф. Романские поселения на юге России. Л., 1975. С. 183–191.

Гётте Г.Л., Молотков Г.С. Из истории швейцарской колонизации Юга Российской империи // Историчний архів. 2014. Вип. 13. С. 127–136.

Гётте Г.Л., Молотков Г.С. Из истории швейцарской колонизации Юга Российской империи // Ученые записки Таврического национального университета им. В.В. Вернадского. Серия: История. 2002. Т. 15 (54). № 1. С. 11–28.

Гётте Г.Л., Молотков Г.С. Колонизация юга Российской империи в XVIII–XIX веках: вклад швейцарцев и немцев. Кёльн, 2014.

Грива О. Швейцарская колония Шабо: история и современность // Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму (XIX – начало XX века): сборник статей / под науч. ред. Е. Симонато, И. Ивановой. СПб., 2019. С. 150–162.

Гандер Л. Историческая записка об основании швейцарской колонии Шабо в Бессарабии (Украина). Лозанна, 1908 // URL: <https://soyuz-pisatelei.ru/blog/2017-11-13-37203> (дата обращения: 16.01.2023).

Драганов П.Д. Bessarabiana. Ученая, литературная и художественная Бессарабия. 1812–1912. Кишинев, 1911.

Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы: в 3-х т. / сост. А.Ю. Андреева, Д. Тозато-Риго; пер. с фр. В.А. Мильчиной. М., 2014–2017.

Кащенко С.Г., Иванова И.С., Кащенко Е.С. Из истории швейцарской миграции в Северное Причерноморье в начале XIX века (Документы о группе переселенцев Майора Каспара Эшера в российских исторических архивах) // Былые годы. 2018. № 47 (1). С. 143–152.

Мевли О. Эмиграция в Россию в контексте истории кантона Во // Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму (XIX – начало XX века): сборник статей / под науч. ред. Е. Симонато, И. Ивановой. СПб., 2019. С. 29–45.

Николаенко П.Д. Инициативы министра внутренних дел В.П. Кочубея в освоении Юга России // Клио. 2011. № 8. С. 75–77.

Оноприенко В.Ф. «Истинный рай на Шабской земле...»: документальная история швейцарских колонистов в Бессарабии. Одесса, 2009.

Оноприенко В.Ф. М.С. Воронцов и швейцарские переселенцы на юге России // Воронцовский сборник. 2008. Вып. 1. С. 52–65.

Оноприенко В.Ф. Шабо // Дерибасовская-Ришельевская: одесский альманах. 2007. № 30. С. 36–48; № 31. С. 37–48.

Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России 1799–1876. Аннотированная опись фонда / сост. О.В. Коновалова и др. Т. 1–7. Одесса, 1998–2010.

¹³⁴ Цит. по: Оноприенко В. Шабо. № 30. С. 43.

Роль кантона Во и его представителей в истории и культуре России / под ред. И.В. Карапетянц, О. Мевли. М., 2012.

Россия — Швейцария. 1813—1955: документы и материалы. М., 1995.

Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму (XIX — начало XX века): сборник статей / под науч. ред. Е. Симонато, И. Ивановой. СПб., 2019.

Тарнакин В., Соловьева Т. Бессарабские истории. Историко-краеведческие журналистские расследования. Кишинев, 2011.

Шишмарев В.Ф. Романские поселения на юге России. Л., 1975.

Боева А.Р. Из Джерел про історію швейцарських колоністів на півдні України // Вісник Одеського національного університету. Сер.: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2012. Т. 17. Вип. 2 (8). С. 23—39.

Anselme A. La colonie suisse de Chabag. Akkerman, 1925.

Bastian J.-P. Une émigration vaudoise en Nouvelle Russie: la colonisation de Chabag en 1822 // Revue vaudoise de généalogie et d'histoire des familles. Vevey, 2016. P. 87—103.

Bugnon M. La Bessarabie ancienne et moderne. Odessa; Lausanne, 1846 // URL: <https://archive.org/details/labessarabieanci00bugn/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 09.04.2020).

Grivat O. Les vigneronns suisses du Tsar. Chapelle; Vaudanne, 1993.

Collmer P. Die besten Jahre unseres Lebens: Russlandschweizerinnen und Russlandschweizer in Selbstzeugnissen, 1821—1999. Zurich, 2001.

Wunderlin D. Schweizer am Schwarzen Meer. Eine Auswanderungsgeschichte ohne Happy End // Alemannisches Jahrbuch. 2017/2018. P. 41—60.

References

Ballas M.K. Vinodelie v Rossii: (Ist.-stat. ocherk) [Winemaking in Russia: (Ist.-stat. essay)]. Ch. 1—6. Sankt-Peterburg, 1899. (In Russ.)

Bastian Zh.-P. Emigraciya iz kantona Vo v Novorossiyu: kolonizaciya Shabag v 1822 g. [Emigration from the Canton of Vaud to Novorossiya: colonization of Shabag in 1822] // Sud'by shvejcarskih kolonij v Severnom Prichernomor'e i v Krymu (XIX — nachalo XX veka): sbornik statej [The fate of the Swiss colonies in the Northern Black Sea region and in the Crimea (19th — early 20th century): collection of articles] / pod nach. red. E. Simonato, I. Ivanovoj. Sankt-Peterburg, 2019. S. 124—149. (In Russ.)

Boeva A.R. Iz Dzherel pro istoriyu shvejcars'kih kolonistiv na pivdni Ukraїni [From sources on the history of Swiss colonists in southern Ukraine] // Visnik Odes'kogo nacional'nogo universitetu. Ser.: Bibliotekoзнаvstvo, bibliografознаvstvo, knigoзнаvstvo [Vestnik of Odessa State University. Ser.: Library Science, Bibliography, Book Science]. 2012. T. 17. Vip. 2 (8). S. 23—39. (In Ukrain.)

Borodina M.A. O francuzskoj kolonii v Shabo [About the French colony in Shabo] // Shishmarev V.F. Romanskіe poseleniya na yuge Rossii [Romanesque settlements in southern Russia]. Leningrad, 1975. S. 183—191. (In Russ.)

Draganov P.D. Bessarabiana. Uchenaiia, literaturnaia i khudozhestvennaia Bessarabiia. 1812—1912 [Academic, literary and artistic Bessarabia. 1812—1912]. Kishinev, 1911. (In Russ.)

Gander L. Istoricheskaya zapiska ob osnovanii shvejcarskoj kolonii Shabo v Bessarabii (Ukraina) [Historical note on the founding of the Swiss colony Shabo in Bessarabia (Ukraine)] Lozanna, 1908 // URL: <https://soyuz-pisatelei.ru/blog/2017-11-13-37203> (access date: 16.01.2023). (In Russ.)

Goette G.L., Molotov G.S. Iz istorii shvejcarskoj kolonizacii Yuga Rossijskoj imperii [From the history of the Swiss colonization of the South of the Russian Empire] // Istorichnij arhiv [Historical archive]. 2014. Vol. 13. S. 127—136. (In Russ.)

Griva O. Shvejcarskaya koloniya SHabo: istoriya i sovremennost' [The Swiss colony of Shabo: history and modernity] // Sud'by shvejcarskih kolonij v Severnom Prichernomor'e i v Krymu (XIX — nachalo XX veka): sbornik statej [The fate of the Swiss colonies in the Northern Black Sea region and in the Crimea (19th — early 20th century): collection of articles] / pod nach. red. E. Simonato, I. Ivanovoj. Sankt-Peterburg, 2019. S. 150—162. (In Russ.)

Goette G.L., Molotov G.S. Iz istorii shvejcarskoj kolonizacii Yuga Rossijskoj imperii [From the history of the Swiss colonization of the South of the Russian Empire] // Uchyonye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.V. Vernadskogo. Seriya: Istoriya [Uchenye zapiski Taurida National University named after V.V. Vernadsky. Series: History]. 2002. Vol. 15 (54). № 1. S. 11—28. (In Russ.)

Goette G.L., Molotov G.S. Kolonizaciya yuga Rossijskoj imperii v XVIII—XIX vekah: vklad shvejcarcev i nemcev [Colonization of the South of the Russian Empire in the 18th—20th centuries: the contribution of the Swiss and Germans]. Kyol'n, 2014. (In Russ.)

Imperator Aleksandr I i Frederik-Sezar Lagarp: Pis'ma. Dokumenty: v 3-h t. [Emperor Alexander II and Frederic-Cesar Laharpe: Letters. Documentation: in 3 vol.] / sost. A.Yu. Andreeva, D. Tozato-Rigo; per. s fr. V.A. Mil'chijoj. Moskva, 2014–2017. (In Russ.)

Kashchenko S.G., Ivanova I.S., Kashchenko E.S. Iz istorii shvejcarskoj migracii v Severnoe Prichernomor'e v nachale XIX veka (Dokumenty o gruppe pereselencev Majora Kaspara Eshera v rossijskikh istoricheskikh arhivah) [From the history of Swiss migration to the Northern Black Sea region at the beginning of the 19th century (Documents on the group of settlers Major Caspar Escher in the Russian historical archives)] // *Bylye gody* [Past years]. 2018. № 47 (1). S. 143–152. (In Russ.)

Mevli O. Emigraciya v Rossiyu v kontekste istorii kantona Vo [Emigration to Russia in the context of the history of the canton of Vaud] // *Sud'by shvejcarskikh kolonij v Severnom Prichernomor'e i v Krymu (XIX – nachalo XX veka): sbornik statej* [The fate of the Swiss colonies in the Northern Black Sea region and in the Crimea (19th – early 20th century): collection of articles] / pod nauch. red. E. Simonato, I. Ivanovoj. Sankt-Peterburg, 2019. S. 29–45. (In Russ.)

Nikolaenko P.D. Iniciativy ministra vnutrennih del V.P. Kochubeya v osvoenii Yuga Rossii [Initiatives of the Minister of Internal Affairs V.P. Kochubey in the development of the South of Russia] // *Klio* [Clio]. 2011. № 8. S. 75–77. (In Russ.)

Onoprienko V.F. “Istinnyj raj na Shabskoj zemle...”: dokumental'naya istoriya shvejcarskikh kolonistov v Bessarabii [“True Paradise in Shabskaya Land...”: A Documentary History of the Swiss Colonists in Bessarabia]. Odessa, 2009. (In Russ.)

Onoprienko V.F. M.S. Voroncov i shvejcarskie pereselency na yuge Rossii [M.S. Vorontsov and Swiss settlers in the south of Russia] // *Voroncovskij sbornik* [Voroncovskij sbornik]. 2008. Vol. 1. S. 52–65. (In Russ.)

Onoprienko V.F. Shabo // *Deribasovskaya-Rishel'evskaya: odesskij al'manah* [Deribasovskaya-Rishelyevskaya: Odessa almanac]. 2007. № 30. S. 36–48; № 31. S. 37–48. (In Russ.)

Popechitel'nyi Komitet ob inostrannykh poselentsakh Iuzhnogo kraia Rossii 1799–1876. Annotirovannaja opis' fonda [The Trustee Committee on Foreign Settlers of the Southern Territory of Russia 1799–1876. Annotated inventory of the Fund] / sost. O.V. Konovalova i dr. T. 1–7. Odessa, 1998–2010. (In Russ.)

Rol' kantona Vo i ego predstavitelej v istorii i kul'ture Rossii [The role of the canton of Vaud and its representatives in the history and culture of Russia] / pod red. I.V. Karapetyanc, O. Mevli. M., 2012. (In Russ.)

Rossiya-Shvejcar'ya. 1813–1955. Dokumenty i materialy [Russia-Switzerland. 1813–1955. Documents and materials]. Moskva, 1995. (In Russ., French)

Shishmarev V.F. Romanskije poseleniya na yuge Rossii [Romanesque settlements in southern Russia]. Leningad, 1975. (In Russ.)

Sud'by shvejcarskikh kolonij v Severnom Prichernomor'e i v Krymu (XIX – nachalo XX veka): sbornik statej [The fate of the Swiss colonies in the Northern Black Sea region and in the Crimea (19th – early 20th century): collection of articles] / pod nauchn. red. E. Simonato, I. Ivanovoj. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Tarnakin V., Solov'eva T. Bessarabskie istorii. Istoriko-kraevedcheskie zhurnalistskie rassledovaniya [Bessarabian stories. Historical and local history journalistic investigations]. Kishinev, 2011. (In Russ.)

Anselme A. La colonie suisse de Chabag. Akkerman, 1925.

Bastian J.-P. Une émigration vaudoise en Nouvelle Russie: la colonisation de Chabag en 1822 // *Revue vaudoise de généalogie et d'histoire des familles*. Vevey, 2016. P. 87–103.

Bugnion M. La Bessarabie ancienne et moderne. Odessa; Lausanne, 1846 // URL: <https://archive.org/details/labessarabieanci00bugn/page/n9/mode/2up> (access date: 09.04.2020).

Grivat O. Les vigneronns suisses du Tsar. Chapelle; Vaudanne, 1993.

Collmer P. Die besten Jahre unseres Lebens: Russlandschweizerinnen und Russlandschweizer in Selbstezeugnissen, 1821–1999. Zurich, 2001.

Wunderlin D. Schweizer am Schwarzen Meer. Eine Auswanderungsgeschichte ohne Happy End // *Alemannisches Jahrbuch*. 2017/2018. P. 41–60.

© 2023 г. Т.В. АЛЕНТЬЕВА

КОРРУПЦИОННЫЕ СКАНДАЛЫ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА У.С. ГРАНТА

Алентьева Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, профессор Курского государственного университета (Курск, Россия).

E-mail: alent-tv@yandex.ru

Scopus Author ID: 57263482600; ORCID: 0000-0002-3816-0494

Аннотация. В настоящей статье при рассмотрении вопроса о состоянии коррупции в верхних эшелонах власти в США в период президентства У.С. Гранта (1869–1877) особое внимание уделяется методам борьбы с ней. Актуальность темы обусловлена современной практикой борьбы с коррупцией в мировом масштабе. Борьба с коррупцией в период президентства У.С. Гранта до сих пор не изучалась в отечественной американистике. В американской историографии она неоднократно становилась предметом исследования. В ней существуют различные оценки как самого этого явления, так и роли в нем У.С. Гранта. По-прежнему не решена проблема причастности лично президента к коррупционным схемам. Цель статьи состоит в анализе коррупционных скандалов и успешности борьбы с коррупцией в период президентства У.С. Гранта. Источниковой основой работы послужили документы 18-го президента США, материалы Конгресса, мемуары современников, а также публикации в периодической печати. В исследовании доказываем, что президент У.С. Грант слишком полагался на своих боевых друзей и родственников, но в то же время предпринимал необходимые меры в связи с коррупционными скандалами: увольнял и заменял недостойных руководителей честными и способными администраторами, такими как Б.Х. Бристоу, инициировал судебное преследование и наказание многих виновных. Размах коррупции в США во многом был связан со специфическим состоянием американской экономики после Гражданской войны. Большой эффект в борьбе с коррупцией имели расследования со стороны Конгресса и разоблачения в периодической печати.

Ключевые слова: США, У.С. Грант, президентская власть, Конгресс, коррупция, партийная система.

T.V. Alentyeva

Corruption Scandals During the Presidency of Ulysses Grant

Tatiana Viktorovna Alentyeva, Kursk State University (Kursk, Russia).

E-mail: alent-tv@yandex.ru

Scopus Author ID: 57263482600; ORCID: 0000-0002-3816-0494

Abstract. In this article, while examining the state of corruption in the upper echelons of power in the United States during the presidency of Ulysses Grant (1869–1877), the author focuses on methods of combating it. The topic is a timely one, not least due to the current practice of fighting corruption on a global scale. The struggle against corruption during the presidency of Ulysses Grant has not yet been studied by Russian specialists in American Studies. In American historiography, there are still conflicting assessments of this phenomenon, as well as of the personality of Ulysses Grant himself. The problem of the President's involvement in corruption schemes is still largely unresolved. The purpose of this article is to analyse corruption scandals and the struggle

against corruption during Ulysses Grant's presidency. The source base includes documents and papers of the 18th President, congressional records, memoirs of contemporaries and periodicals. The study shows that as President Ulysses Grant relied too much on his relatives and his comrades-in-arms, yet took the necessary steps to deal with corruption scandals: dismissing unworthy officials and replacing them with honest and capable administrators such as Bristow, prosecuting and punishing the culprits. The scale of corruption was largely attributable to the chaotic state of the economy after the Civil War. Congressional investigations and revelations in the periodical press had a powerful effect in combating corruption.

Keywords: USA, nineteenth century, Ulysses Grant, presidential power, Congress, corruption, Republicans, Democrats.

О вреде коррупции человечество заговорило с возникновением первых цивилизаций и письменных источников. Совершенно очевидно, что эта проблема всегда волновала современников. Изжить ее всегда представлялось сложной задачей, по-разному решаемой, но остающейся животрепещущей проблемой до сих пор. Понять ее истоки в историческом контексте, проследить, как коррупция расцветала пышным цветом в определенные эпохи и какие меры предпринимались властью для борьбы с ней, является важной и актуальной целью для исследователя. По меткому выражению В.О. Ключевского, «история ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Коррупционный аспект периода Реконструкции специально не изучался в отечественной историографии, в то время как в американской историографии существует множество различных точек зрения и полярных оценок. Попытаемся разобраться в них.

Улисс Симпсон Грант принадлежит к числу наиболее дискуссионных персонажей в американской истории. Он считается одним из самых неудачных президентов, чье пребывание в Белом доме сопровождалось множеством политических и коррупционных скандалов. В рейтинге руководителей страны он, по мнению ряда историков, занимает одно из последних мест наряду с Дж. Бьюкененом, Э. Джонсоном, Р. Никсоном¹. Правда, в последнее время в опросах общественного мнения о президентах США рейтинг Гранта заметно вырос². В письмах редактору газеты *Los Angeles Times* под рубрикой «Настало время реабилитировать историческую репутацию Гранта» читатели поддержали эту идею³. По опросам общественного мнения, в 2021 г. он оказался уже на 16 месте по популярности⁴.

У большинства американских историков сложилась концепция, согласно которой Грант был выдающимся военачальником, приведшим Союз к победе, и в то же время неудачным президентом⁵. Действительно, если количество военных биографий Гранта насчитывает сотни, то исследований о нем как о президенте — единицы. Как отмечает Эд. Бонекемпер, Грант был самым успешным генералом Союза в Гражданской войне, разгромив шесть армий Конфедерации и захватив в плен три⁶. У. Макфили, получивший Пулитцеровскую премию за свою критическую биографию Гранта, отмечал важные

¹ *Schlesinger A.M., jr.* Rating the Presidents: Washington to Clinton // *Political Science Quarterly*. 1997. Vol. 112. № 2. P. 189.

² *Washington Post*. 2.XI.2012.

³ *Los Angeles Times*. 17.I.2021.

⁴ The most and least popular US presidents, according to Americans // URL: <https://today.yougov.com/topics/politics/articles-reports/2021/07/27/most-and-least-popular-us-presidents-according-ame> (дата обращения: 28.12.2021).

⁵ *Achenbach J.* U.S. Grant was the great hero of the Civil War but lost favor with historians // *The Washington Post*. 24.IV.2014; *Jones N.* Ulysses S. Grant: A great soldier but a poor president? // *History Today*. 2018. Vol. 68. Iss. 2. URL: <https://www.historytoday.com/reviews/ulysses-s-grant-great-soldier-poor-president> (дата обращения: 30.10.2022).

⁶ *Bonekemper E.H.* A Victor, Not a Butcher: Ulysses S. Grant's Overlooked Military Genius. Washington, 2014. P. 431.

усилия президента в области гражданских прав для черных, но при этом считал его неспособным администратором, нерешительным, постоянно колеблющимся политиком⁷.

Долгое время взгляд на деятельность Гранта оставался негативным, однако в настоящее время дискуссии о характере и результатах его деятельности возобновились⁸. Появляется все больше позитивных оценок. Так, в биографии, написанной Дж.Э. Смитом, утверждается, что те качества, которые помогли Гранту стать выдающимся генералом, были перенесены им в политику⁹. Положительно оценивал деятельность Гранта Г.У. Брэндс. Он утверждал, что главной заслугой президента было возвращение южных штатов в Союз, укрепление мира и безопасности в стране¹⁰. Избежать определенной идеализации президента и в то же время отметить как его достижения, так и просчеты постарался Р.К. Уайт¹¹. В рецензии на его биографию Гранта Дж. Стайлз отметил, что эта книга «укрепляет позитивный имидж» генерала и президента, который приходит на смену карикатурному образу последнего как генерала-мясника и некомпетентного политика, внедрявшегося «в национальную память историками эпохи Джима Кроу»¹².

Наиболее обстоятельной биографией Гранта является книга, написанная обладателем многих престижных наград Р. Черновым¹³. Он ставит Гранта в один ряд с выдающимися президентами-генералами в Белом доме¹⁴. В положительном ключе описывает его деятельность и Ч. Кэлхун¹⁵. В книге П. Кэхэна¹⁶ Грант оценивается как энергичный политик, отстаивавший гражданские права чернокожих, боровшийся с Ку-клукс-кланом, противостоявший коррупции, но не избежавший резкой критики современников. Позитивные оценки господствуют в исследовании Дж. Во «У.С. Грант: американский герой, американский миф»¹⁷. Доказательством успешности его президентства она считает избрание на второй срок. Сам Грант во второй инаугурационной речи подчеркивал, что во время своей военной и политической деятельности был «объектом таких оскорблений и клеветы, которые едва ли встречались раньше в политической истории». Поэтому свою победу на выборах 1872 г. он рассматривал как «вердикт» народа и собственную «реабилитацию»¹⁸.

Источниками для написания статьи послужили законодательные акты и материалы Конгресса США¹⁹, документы президента, труды политических и общественных деятелей, позволившие более четко представить политическую ситуацию в стране, prerogative и полномочия ветвей власти в борьбе с коррупцией. Особую ценность представляет собрание документов разного рода в Papers, поскольку позволяет выявить его личную позицию²⁰. Об остроте политической борьбы в период его президентства можно судить по

⁷ McFeely U.S. Grant: A Biography. New York, 1981. P. 522.

⁸ Waugh J. U.S. Grant: American Hero, American Myth. Chapel Hill, 2009. P. 2; Today's historians have a higher opinion of Ulysses S. Grant // The Economist. Oct. 5. 2017. URL: <https://www.economist.com/books-and-arts/2017/10/05/todays-historians-have-a-higher-opinion-of-ulysses-s-grant> (дата обращения: 20.05.2021).

⁹ Weigley R.F. "Grant" by Jean Edward Smith (Book Review) // The Journal of Military History. 2001. Vol. 65. P. 1104–1105.

¹⁰ Brands H.W. The Man Who Saved the Union: Ulysses S. Grant in War and Peace. New York, 2012. P. 636.

¹¹ White R.C. American Ulysses: A Life of Ulysses S. Grant. New York, 2016.

¹² New York Times. 19.X.2016.

¹³ Chernow R. Grant. New York, 2017.

¹⁴ New York Times. 30.XI.2017.

¹⁵ Calhoun C.W. The Presidency of Ulysses S. Grant. New York, 2017.

¹⁶ Kahan P. The Presidency of Ulysses S. Grant: Preserving the Civil War's Legacy. Yardley (PA), 2018.

¹⁷ Waugh J. Op. cit.

¹⁸ Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. 1789–2001 гг. М., 2001. С. 237.

¹⁹ 40–42 Congress // URL: <http://lcweb2.loc.gov/ammem/amlaw/lwcglink.html> (дата обращения: 15.11.2021); 43–44 Congress // URL: <http://lcweb2.loc.gov/ammem/amlaw/lwclink.html> (дата обращения: 15.11.2021).

²⁰ The Papers of Ulysses S. Grant / ed. J.Y. Simon. Vol. 1–31. Carbondale, 1967–2009.

периодической печати. Несомненно, полезным является обращение к мемуарной литературе, дающей возможность дополнить детали, хотя данный вид исторических источников нуждается в тщательной проверке²¹. Среди визуальных источников особую ценность представляет политическая карикатура.

Цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать коррупционные скандалы в период президентства Гранта, выяснить, какие меры предпринимались для борьбы с коррупцией.

Проблема коррупции возникла в Соединенных Штатах задолго до того, как Грант оказался в Белом доме²². Особенно пышным цветом она расцвела во время Гражданской войны. Война оказалась «золотым дном» для промышленников и торговцев, которые ска-зочно наживались на военных заказах и поставках для армии.

Годы президентства У.С. Гранта (1869–1877) приходится на сложный и драматический период Реконструкции Юга (1865–1877) и частично на время так называемого «позолоченного века» (1870–1900)²³. Это название закрепилось благодаря роману Марка Твена и Чарльза Уорнера «Позолоченный век» (Gilded Age), в котором обыгрывалось понятие «золотого века», так и не наступившего в Америке, поскольку золото заменила позолота, и многие явления американской действительности имели весьма противоречивый характер. Несомненно, что все интерпретации значения «позолоченный век» несут в себе элемент иронии, которая вполне уместна для характеристики этой эпохи с ее резкими контрастами богатства и нищеты, а также появлением «большого бизнеса» и «капитанов индустрии», метко прозванных «баронами-разбойниками». Данный термин появился в газете New York Times в статье об аморальной деловой практике железнодорожного магната Вандербильта²⁴.

Время после Гражданской войны — это очень сложная и драматическая эпоха в американской истории, оценки которого у историков США всегда кардинально различались в зависимости от их принадлежности к различным школам и направлениям.

Сложные модернизационные процессы, успешная индустриализация, рост промышленных и финансовых корпораций и акционерных обществ, бурное железнодорожное строительство, значительные достижения аграрного сектора, спекулятивный ажиотаж, урбанизация, демографический рост в связи с усиливающейся иммиграцией отличали вторую половину XIX столетия для США. Число миллионеров в стране за период «позолоченного века» достигло 380. Среди них Гульд — 77 млн, Вандербильт — 90 млн, Карнеги — 480 млн, Морган — 750 млн долл.²⁵

В этой атмосфере коррупция расцветала пышным цветом, затрагивая как рядовых, так и высших чиновников, а также членов Конгресса. Выбирая в 1869 г. на высший пост страны победоносного генерала Гражданской войны Гранта, американцы надеялись, что в стране будет наведен порядок. Однако, являясь новичком в политике, плохо зная реалии власти, Грант при выборе министров и советников полагался в основном на своих земляков или на тех, кого знал со времен службы в армии. Как отмечал Г. Адамс, «назначения Гранта выдают его с головой, выдают полную его некомпетентность. Великий воин может быть младенцем в политике»²⁶. Еще больше нареканий вызывали непотизм

²¹ Адамс Г. Воспитание Генри Адамса. М., 1988; Dyer D.P. Autobiography and Reminiscences. New York, 1922; Grant J.D. The Personal Memories of Julia Dent Grant. Carbondale, 1975; Butwell G.S. Reminiscences of Sixty Years in Public Affairs. Vol. 1–2. New York, 2016.

²² Алentieva Т.В. Проблема коррупции в США в 1850-е годы и общественное мнение // Российско-американские отношения: конец XVIII — начало XX вв. М., 2008. С. 233–245; Алentieva Т.В., Филимонова М.А. Просветительские идеи и революционный процесс в Северной Америке. СПб., 2021. С. 405–407.

²³ См.: Согрин В.В. Энциклопедия истории США. М., 2018. С. 97.

²⁴ New York Times. 9.II.1859.

²⁵ Байбакова Л.В. Двухпартийная система в период вступления США в индустриальное общество (последняя треть XIX в.). М., 2002. С. 65; Согрин В.В. Исторический опыт США. М., 2010. С. 246–254.

²⁶ Адамс Г. Указ. соч. С. 314.

и кумовство нового президента, хотя назначение родственников на административные посты было весьма распространено и ранее. Двоюродный брат Гранта С. Хадсон получил назначение послом в Гватемале. Его шурин преподобный М.Дж. Крамер стал консулом в Лейпциге. Его зять Дж. Кейси получил должность таможенного инспектора в Новом Орлеане. Ф. Дент, еще один шурин, занимал место помощника в Белом доме. Подсчитано, что 40 родственников Гранта тем или иным образом косвенно преуспели в финансовом отношении, пока он оставался президентом²⁷.

Первый из скандалов, с которым администрация Гранта сумела справиться, было так называемое «золотое кольцо» (gold ring), когда известные дельцы и спекулянты Гульд и Фиск решили обогатиться за счет перепродажи золота, рассчитывая, что правительство останется в стороне. Тщательно подготовив все предварительные условия, злоумышленники 13 сентября 1868 г. начали скупать золото, цена которого все время повышалась.

Гульд и Фиск смогли привлечь шурина Гранта А. Корбина к своей схеме²⁸. Спекулянтам нужна была инсайдерская информация о возможных действиях правительства. Они привлекли друга Корбина героя Гражданской войны Д. Баттерфилда, вручив ему чек на 10 тыс. долл. — сумму, превышавшую его годовое жалованье в 8 тыс., в обмен на правительственную информацию²⁹.

Спекулянты рассчитывали, что Корбину удастся уговорить Гранта, когда тот будет у него в гостях в Нью-Йорке, поддержать их план, якобы способный помочь экономике страны. Но Грант не собирался обсуждать финансовую политику правительства со своим шурином. По своему обычаю он курил сигары и переводил разговор на лошадей. Тогда Корбин решил обратиться к жене президента Джулии, предложив ей половину процентов по облигациям на 250 тыс. долл., которые он купил для своей жены Дженни. Но миссис Грант отказалась³⁰.

Все время дельцы пытались выйти на президента, направляя ему письма, на которые Грант не отвечал. Когда президент 22 сентября вернулся после отдыха в Вашингтон, он с удивлением увидел новые статуи и картины в Белом доме. Проведя небольшое расследование, он понял, что дело нечисто, и приказал упаковать картины и статуи в коробки и вернуть их обратно. Баттерфилд позже засвидетельствовал, что подарки, оцененные в 60 тыс. долл., были от «золотого кольца», явно предназначенные для того, чтобы угодить президенту³¹.

Утром 24 сентября, известного как «черная пятница», торги в зале биржи начались с сильного волнения. Брокеры Фиск и Гульд подняли цену до 150 долл. за унцию и наконец до 160, и по этой стоимости они купили золото на несколько миллионов.

Министр финансов Бутвелл во время совещания у президента предложил продать часть запасов золота из казначейства, чтобы обуздать спекулятивную горячку. Грант спросил министра, на какую сумму он предлагает продать. Бутвелл ответил: «Трех миллионов долларов будет достаточно». Грант, помолчав, сказал: «Я думаю, вам лучше использовать золото на сумму пять миллионов долларов». Бутвелл решил несколько снизить эту цифру и, вернувшись в свой кабинет, послал телеграмму Баттерфилду: «Продайте золото на четыре миллиона долларов и купите на четыре миллиона облигаций»³². Новость тут же стала известной на Уолл-стрит. Последовала мгновенная паника. Цена на золото упала на 20%. Рынок золота рухнул, многие инвесторы были разорены³³. То, что навсегда стало известно как «черная пятница», остановило заговор игроков «золотого кольца» Фиска и

²⁷ *Salinger L.M.* Encyclopedia of White-collar & Corporate Crime. Thousand Oaks (Ca), 2005. P. 374–375.

²⁸ *Harper's Weekly.* 27.VIII.1870; 20.I.1872.

²⁹ *Ackerman K.D.* The Gold Ring: Jim Fisk, Jay Gould and Black Friday, 1869. New York, 2011. P. 35–36, 60.

³⁰ *Congressional Globe.* 41st Congress. 2nd Session. Report No 31. P. 270–271; *New York Sun.* 4.X.1869.

³¹ *The Papers of Ulysses S. Grant.* Vol. 19. P. 244–245; *Congressional Globe.* 41st Congress. 2nd Session. Report No 31. P. 425–426.

³² *Butwell G.S.* Op. cit. Vol. 2. P. 175–176.

³³ *Smith J.E.* Grant. New York, 2001. P. 481–490.

Гульда. *New York Herald* писала: «Возможно, ни одна лавина никогда не обрушивалась с такой ужасной силой»³⁴. Гульд все же успел выскочить из этой аферы вовремя. Возмущенные финансисты Уолл-стрит готовы были его линчевать, но он успел скрыться из своей конторы через черный ход. Баттерфилд вынужден был подать в отставку³⁵.

Грант и Бутвелл остановили панику на бирже, однако президент никогда не афишировал свою роль в предотвращении возможного общенационального финансового кризиса. Он вообще недооценивал роль прессы.

В 1869 г. Конгресс провел расследование обстоятельств «золотой паники». При этом демократы из Комитета по расследованию Палаты представителей пытались выяснить, каким образом нажились на спекуляции золотом члены семьи президента. В частности, выяснилось, что Корбин купил золото по 33 долл., продал по 37, оставив жене президента Джулии прибыль в размере 27 тыс. долл. Ни миссис Грант, ни миссис Корбин так и не предстали перед следственным комитетом. Общественное мнение сложилось не в пользу администрации. Как писал Г. Адамс, «вина явно лежала на ком-то в недрах администрации, и больше ей не на ком было лежать, но след мгновенно терялся и исчезал, как только выходил на кого-то из ее членов... Дж. Гульд сумел набросить свою сеть на ближайшее окружение Гранта». «Золотая афера», по мнению американцев, «замарала исполнительную и судебную власти, банки и корпорации, представителей интеллигентных профессий и простой народ, сввергнув в сточную яму пошлой коррупции»³⁶.

Но самые громкие коррупционные скандалы разразились в период второго срока президентства Гранта. И это было не случайно, поскольку в период выборов 1872 г. ему пришлось столкнуться с новой коалицией партийных сил, которая состояла из отколовшихся либеральных и части радикальных республиканцев, объединившихся с демократами. Все они критиковали ошибки и просчеты Гранта. Видный и уважаемый политик Ч. Самнер даже ввел новый термин, заклеивший кумовство и коррупцию администрации, — «грантизм».

Именно в этот период разразился грандиозный коррупционный скандал с «Кредит Мобилье» (*Crédit Mobilier*), ставший достоянием общественности именно в 1872 г. Истоки скандала относятся к 1864 г., когда Конгресс учредил железнодорожную компанию «Юнион Пасифик» и для ее финансирования — акционерное общество «Кредит Мобилье». Хотя строительство железной дороги стоило всего около 50 млн долл., «Кредит Мобилье» выставила счет на 94 млн долл., и таким образом руководители компании присвоили 44 млн долл. Около 9 млн долл. было использовано для подкупа нескольких вашингтонских политиков, для лоббирования в Конгрессе выгодных законов и нормативных актов. Скандал негативно повлиял на карьеру многих политиков. В последние месяцы кампании газета Ч. Даны *New York Sun*, выступавшая против Гранта, опубликовала репортаж о секретной корпорации «Кредит Мобилье», назвав ее «самой разрушительной демонстрацией официальной и частной коррупции»³⁷. Газета регулярно публиковала статьи, в которых администрация подвергалась критике.

12 декабря 1872 г. Конгресс начал расследование «Кредит Мобилье». В течение всего января 1873 г. зрители стекались, чтобы услышать показания представителей Конгресса, получивших щедрые взятки. Палата представителей передала имена девяти политиков в Сенат для расследования: сенаторы У. Эллисон, Дж. Харлан, Дж. Баярд-младший, Дж. Бутвелл, Г. Уилсон, Р. Конклинг, Д. Логан, Дж. Паттерсон, а также вице-президент Ш. Колфакс. Многие из этих политиков были близки к Гранту. Так, Г. Уилсон выдвигался на должность вице-президента³⁸. Попал под подозрение и спикер Палаты представителей Дж. Блейн. Позже пресса уверяла, что он получил 64 тыс. долл., но это обвинение осталось

³⁴ *New York Herald*. 25.IX.1869.

³⁵ *Congressional Globe*. 41st Congress. 2nd Session. Index of Reports of Committees of the House of Representatives. 1870. P. 332.

³⁶ Адамс Г. Указ. соч. С. 325, 326.

³⁷ *New York Sun*. 4.IX.1872.

³⁸ *Crawford J.B.* The Credit Mobilier of America: its Origin and History. Boston, 1880. P. 126—127.

недоказанным. Расследование затянулось надолго. Оно привело к отставке Колфакса и осуждению двух конгрессменов³⁹.

Скандал нашел отражение в политической карикатуре. В карикатуре Дж. Кепплера «Дядя Сэм предлагает американским конгрессменам, замешанным в скандале “Кредит Мобилье”, совершить харакири» недвусмысленно намекалось на окончание карьеры многих политиков. Другие карикатуры были не менее выразительны. Т. Наст назвал свой сатирический рисунок «Невинные пострадавшие». На ней дядя Сэм ругает участников вечеринки за то, что они едят его торт, который помечен «Кредит Мобилье». Многие поспешили спрятаться. Самым смелым, потянувшимся за солидным куском, оказался вице-президент Ш. Колфакс. В карикатуре «Умершие, умирающие, покалеченные» Наст изобразил конгрессменов, замешанных в скандале, в виде пациентов больницы⁴⁰.

3 марта 1873 г., за день до второй инаугурации Гранта, общественность узнала о прописках Конгресса другого рода. Конгрессмены 42-го Конгресса проголосовали за увеличение вдвое ежегодного жалования президента, с 25 тыс. до 50 тыс. долл., для министров и судей Верховного суда — до 10 тыс., одобрили значительное увеличение заработной платы для самих себя с 5 до 7,5 тыс.⁴¹ Повышение зарплаты президенту казалось уместным, потому что ему приходилось оплачивать расходы по управлению Белым домом из личных средств. Зарплата членов Конгресса не повышалась в течение двух десятилетий. Но когда общественность узнала, что Конгресс сделал повышение зарплат для себя задним числом в конце срока, они выразили возмущение такой жадностью. Только XXVII поправка к Конституции (1992 г.) запретила конгрессменам увеличивать зарплату самим себе. Популярной стала выразительная карикатура, где политики обвиняли друг друга в инициировании данного закона⁴². Пресса окрестила голосование «законом о “незаконно присвоенной” зарплате» (Salary Grab Act)⁴³. Демократические и республиканские газеты одинаково резко осудили закон. Орган демократов высказал мнение, что «это наглое, вызывающее, вопиющее ограбление, особенно та часть закона, которая имеет обратную силу»⁴⁴. Республиканская газета опубликовала редакционную статью, в которой говорилось, что «этот коварный трюк припомнится каждому, кто его поддержал. Они никогда больше не смогут получить должность или пользоваться почетом среди честных людей»⁴⁵. Новый 43-й Конгресс сохранил повышение жалования президенту и судьям Верховного суда, но отказался повысить его конгрессменам.

И это был не единственный скандал, с которым столкнулась администрация. Чиновники М. Гриннелл и Т. Мёрфи, назначенные Грантом в таможенню Нью-Йорка, взымали с импортеров огромные сборы за хранение невостребованных грузов на частных складах. Как только эта практика стала достоянием общественности, министр финансов Бутвелл провел несколько реформ, направленных на пресечение этих злоупотреблений, но уже летом 1872 г. Конгресс продолжил расследование, а противники Гранта раскритиковали президента за его просчеты в назначениях. В ноябре того же года Грант принял отставку Мёрфи (Гриннелл покинул свой пост годом ранее). Президент заменил Мёрфи Ч.А. Артуром, единственным достоинством которого была его близость к влиятельному сенатору от Нью-Йорка Р. Конклингу. В то же время Конгресс расследовал утверждения о том, что генеральный почтмейстер Д. Кресуэлл продавал право на доставку почты по фиктивным маршрутам (Star Route Postal Ring). Обвинения во взяточничестве были распространены повсеместно, и несмотря на то что Конгресс оправдал Кресуэлла в 1872 г., скандал не

³⁹ Trent L.D. The Credit Mobilier. New York, 1981. P. 6.

⁴⁰ Алентьева Т.В. Разящее оружие смеха. Американская политическая карикатура XIX века (1800–1877). СПб., 2020. С. 389–390.

⁴¹ Congressional Globe. 42 Congress. 3rd Session. P. 1234, 1926, 1977.

⁴² Frank Leslie's Illustrated Newspaper. 27.XII.1873.

⁴³ American Citizen. 20.IX.1873.

⁴⁴ Defiance Democrat. 15.III.1873.

⁴⁵ Grand Traverse Herald. 15.III.1873.

утих. В 1876 г. Палата представителей, контролировавшаяся демократами, снова рассмотрела этот вопрос и нашла доказательства того, что на расследование 1872 г. повлияла взятка в размере 40 тыс. долл., хотя к тому времени Кресуэлл покинул свой пост⁴⁶.

В 1873 г. разразился мировой экономический кризис, вызвавший многочисленные банкротства, паралич деловой активности, массовую безработицу, разорение фермеров. В этих условиях правительство оказалось бессильным решить экономические проблемы.

На выборах в Конгресс 1874 г. впервые после Гражданской войны победу одержали демократы. В нижней палате демократическое большинство составило 169 против 109. В Сенате республиканцы потеряли 7 мест, но сохранили большинство.

Пожалуй, самым громким и наиболее грязным коррупционным скандалом периода администрации Гранта стало «кольцо виски» (whiskey ring), разоблаченное министром финансов Б.Х. Бристоу и журналистом М. Колони.

Грант узнал, что производители виски в течение многих лет вступали в сговор, чтобы обмануть федеральное правительство при сборе налогов на спиртные напитки. Чтобы добиться успеха, дистилляторы подкупили агентов Бюро внутренних доходов, чтобы они закрывали глаза на происходящее.

Высоко оценивая заслуги Бристоу в качестве первого генерального солиситора страны, Грант назначил его министром финансов в июне 1874 г. New Orleans Times приветствовала назначение человека, по ее словам, гарантирующего «агрессивную настойчивость» в своей новой должности. За первые 11 месяцев он навел порядок в своем отделе, было уволено от 700 до 800 человек⁴⁷. В помощь Бристоу Грант назначил опытных юристов Д. Хендерсона и Д. Дайера расследовать дело о торговле виски.

За нескольких месяцев Бристоу выяснил, что происходит утечка информации, кто-то близкий к администрации сообщил членам «кольца»: «Чума продвигается на запад. Посоветуйте нашим друзьям покинуть город»⁴⁸.

10 мая Бристоу и адвокат Б. Уилсон наняли секретных агентов для выяснения обстоятельств дела, были организованы рейды в Сент-Луисе, Чикаго и Милуоки, чтобы изъять бухгалтерские книги и документы. Бристоу также закрыл 16 крупных винокурен⁴⁹. Он обнаружил, что за предыдущие 10 месяцев правительство недополучило налогов на сумму до 4 млн долл., причем 1,5 млн ушло на подкуп правительственных чиновников и местных боссов. Только в Сент-Луисе «кольцо виски» истратило на взятки 250 тыс. долл.⁵⁰

Грант назначил Эд. Пирпонта, одного из самых известных юристов того времени, генеральным прокурором. Человек бесспорной честности, Пирпонт в бытность свою прокурором Южного округа Нью-Йорка помог осудить «Босса» Уильяма Твида из Таммани Холл⁵¹.

Грант оказал Бристоу полную поддержку. 13 мая 1875 г. с одобрения президента министр нанес сильный удар по «кольцу», произведя сотни арестов. Среди арестованных оказались назначенцы президента: налоговый агент штата Миссури Д. Джойс, начальник отдела внутренних налогов генерал Д. Макдональд и личные секретари президента О. Бэбкок и Х. Портер. В последующие месяцы Бристоу выдвинул обвинения против 350 производителей спиртных напитков и правительственных чиновников⁵². Общество одобрило ширококомасштабные действия Гранта и Бристоу. Бойнтон, влиятельный

⁴⁶ Kahan P. Op. cit. P. 114–115.

⁴⁷ New Orleans Times. 20.V.1875.

⁴⁸ Boynton H.V. "The Whiskey Ring" // North American Review. 1876. P. 294; Webb R.A. Benjamin Helm Bristow. Border State Politician. Lexington, 1969. P. 192–193.

⁴⁹ New York Tribune. 11.V.1875.

⁵⁰ Nevins A. Hamilton Fish: The Inner History of the Grant Administration. New York, 1936. P. 768–770.

⁵¹ См. об этом: Алентьева Т.В. Борьба с коррупцией в Нью-Йорке // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 3–16.

⁵² McFeely W.S. Op. cit. P. 408–410.

вашингтонский корреспондент, написал статью в *North American Review*, восхваляющую «блестящую и эффективную кампанию министра Бристоу»⁵³.

В разгар своих расследований Бристоу обнаружил таинственные телеграммы, предупреждавшие Макдональда о предстоящих проверках агентами правительства, подписанных именем Сильфида. Он установил, что они были написаны почерком Бэбкока. Бристоу полагал, что в качестве платы за свой инсайдерский доступ Бэбкок получил от своих «друзей» коробки из-под сигар, наполненные тысячедолларовыми купюрами⁵⁴.

Когда генеральный прокурор Пирпонт и госсекретарь Фиш изложили Гранту обстоятельства дела против Бэбкока, он твердо заявил: «Пусть ни один виновный не избежит наказания. Будьте особенно бдительны — или проинструктируйте тех, кто занимается преследованием мошенников, — против всех, кто намекает на то, что они обладают большим влиянием для защиты. Никакие личные соображения не должны стоять на пути выполнения общественного долга»⁵⁵. Грант также сказал Пирпонту: «Если Бэбкок виновен, то нет человека, который хотел бы, чтобы его вина была доказана так сильно, как я, потому что для меня это величайшее предательство, какое только может совершить человек»⁵⁶. Генеральный прокурор настоятельно советовал Гранту опубликовать этот комментарий в прессе, чтобы заставить замолчать своих врагов. Письмо было опубликовано в газете *Washington Chronicle*⁵⁷.

Тем не менее Грант упорно продолжал поддерживать Бэбкока. Несмотря на советы друзей, он не мог заставить себя поверить, что человек, который был рядом с ним в Висксберге и Аппоматтоксе, может быть виновен. Пресса усиленно раздувала скандал, уверяя читателей в виновности Бэбкока⁵⁸. Грант написал жене Бэбкока Энни: «Я знаю, как сильно вы, должны быть, огорчены публикациями, в которых говорится о нечестности вашего мужа... После близких и конфиденциальных отношений, которые существовали между ним и мной в течение почти четырнадцати лет, в течение всего этого времени он был одним из моих самых доверенных помощников и личным секретарем, я не верю, что меня можно обмануть». Он обнадежил ее: «Моя уверенность в генерале Бэбкоке сейчас такая же, какая была, когда мы вместе сражались против врагов правительства»⁵⁹.

Скандал с «кольцом виски» докатился даже до Белого дома. Ходили слухи, что президент сам был связан с «кольцом» и направлял его прибыль на свою предвыборную кампанию 1872 г. По совету госсекретаря Фиша, президент дал показания в Белом доме перед главным судьей М. Уэйтом⁶⁰. Грант и по сей день остается единственным президентом, который когда-либо давал показания в пользу обвиняемого⁶¹.

На суде было зачитано заявление президента Гранта о том, что он не знал о причастности Бэбкока к этому преступлению и не верит в его вину. В нем говорилось: «Что касается Бэбкока, я всегда был очень уверен в его честности и эффективности; и до сих пор моя уверенность в нем непоколебима». Присяжные выслушали слова президента и быстро сняли с Бэбкока все обвинения. Из главных виновников только Макдональд и Джойс были осуждены по делу о взятничестве и отправлены в тюрьму. 26 января 1877 г. Грант помиловал Макдональда⁶². Всего в результате расследования истории «кольца виски» было

⁵³ *North American Review*. Oct. 1876. P. 303.

⁵⁴ *Olmsted R.* The Cigar-Box Paper: a Local View of the Centennial Election Scandals // *California Historical Quarterly*. 1976. Vol. 55. № 3. P. 256–269.

⁵⁵ *The Papers of Ulysses S. Grant*. Vol. 26. P. 232.

⁵⁶ *Hesseltine W.B.* Ulysses S. Grant, Politician. New York, 1935. P. 384.

⁵⁷ *Washington Chronicle*. 10.VIII.1875.

⁵⁸ *New York Herald*. 9.II, 10.II, 15.II, 24.II.1876; *New York Tribune*. 9.II, 12.II, 17.II, 21.II, 22.II.1876; *New York Sun*. 17.II, 18.II.1876; *Chicago Tribune*. 8.II, 11.II, 23.II, 24.II.1876.

⁵⁹ *The Papers of Ulysses S. Grant*. Vol. 26. P. 430.

⁶⁰ *Nevins A.* Op. cit. P. 639, 640.

⁶¹ *New York Tribune*. 25.II.1876.

⁶² *Ibidem*.

предъявлено 350 обвинений. Суды вынесли 110 обвинительных приговоров, а с участников аферы взыскали 3 млн долл. налоговых поступлений⁶³.

По мнению У. Макфили, «улики против Бэбкока были неопровержимы», и Грант это знал, но в своих показаниях лжесвидетельствовал, чтобы его спасти. Дж. Смит возражает, полагая, что улики против Бэбкока были «косвенными» и присяжные его оправдали «за отсутствием достаточных доказательств». В книге «Президентство Улисса Гранта» Ч. Кэлхун, опираясь на переписку между Бэбкоком и его адвокатами, высказывает убежденность в несомненной виновности секретаря президента⁶⁴.

Политические враги использовали показания Гранта в качестве агитации против его переизбрания на третий срок⁶⁵. Демократические и либерально-республиканские газеты обвиняли президента в потакании коррупционерам⁶⁶.

Через несколько дней после оправдания Бэбкока по Вашингтону разнеслась весть о том, что в отношении военного министра кабинета Гранта ведется расследование по обвинению в коррупции. Следственный комитет нижней палаты Конгресса выявил, что военный министр вымогал деньги в обмен на назначения на выгодные должности в Департаменте по делам индейцев. Кроме того, он заключал частные торговые контракты на поставку товаров военным фортам по всей стране⁶⁷. Позже солдаты жаловались на непомерно высокие цены на товары. В 1876 г. Белкнап получил 20 тыс. долл. от незаконной сделки. Чтобы избежать судебного преследования, министр попросил Гранта об отставке, которую тот принял⁶⁸. Согласие Гранта на отставку косвенно позволило Белкнапу, после того как его подвергла импичменту Палата представителей, избежать осуждения, так как он больше не являлся правительственным чиновником. Белкнап был оправдан Сенатом, поскольку против него высказалось менее двух третей голосов, необходимых для вынесения обвинительного приговора⁶⁹.

2 марта 1876 г. Грант назначил министра военно-морского флота Дж. М. Робсона временным преемником Белкнапа, но четыре дня спустя он узнал, что Робсона обвиняют в коррупции⁷⁰. Робсону было предъявлено обвинение в организации мошеннической сделки с фирмой Cattell & Company, позволившей ей стать крупным поставщиком продовольствия для флота. Расследование Конгресса показало, что Робсон, который зарабатывал 8 тыс. долл., внес 320 тыс. долл. на свой банковский счет. Также выяснилось, что фирма купила для Робсона коттедж на курорте Лонг-Бранч⁷¹. Следственный комитет провел инспекцию финансовых документов фирмы Кэттелла, но не нашел никаких доказательств платежей Робсону. Не имея достаточных доказательств для импичмента, Палата представителей завершила расследование, обвинив Робсона в грубых проступках и заявив, что он создал систему коррупции, получившую название «кэттеллизм»⁷². Тесная дружба с Д. Эмменом, другом детства Гранта, помогла Робсону сохранить пост министра.

Газеты усилили нападки на Гранта и его администрацию из-за скандалов⁷³, но президент решил следовать своей обычной схеме — он не стал отвечать. Эта позиция больше вредила, чем помогала ему. Поскольку Грант хранил молчание, многие пришли к выводу, что он должен нести долю ответственности за проступки его коллег⁷⁴.

⁶³ *Smith J.E.* Op. cit. P. 584.

⁶⁴ *Calhoun C.W.* Op. cit. P. 520.

⁶⁵ *Dyer D.P.* Op. cit. P. 161.

⁶⁶ *Harper's Weekly.* 25.X.1873.

⁶⁷ *Cooper E.S.* William Worth Belknap: an American Disgrace. Madison, 2003. P. 12.

⁶⁸ *Grant J.D.* Op. cit. P. 190.

⁶⁹ *Gaard Th.* William Worth Belknap Fallen Hero // *Military Images.* 2004. Vol. 26. № 3. P. 29–30.

⁷⁰ *The Papers of Ulysses S. Grant.* Vol. 27. P. 62–63.

⁷¹ *Congressional Record.* 44th Congress. 1st session. P. 784.

⁷² *McFeely W.S.* Op. cit. P. 432.

⁷³ *New York Herald.* 28.VII, 30.VII.1876; *New York Sun.* 29.VII.1876; *New York Tribune.* 29.VII, 30.VII.1876; *Chicago Tribune.* 30.VII, 31.VII.1876.

⁷⁴ *White R.C.* Op. cit. P. 568.

Несомненно, негативно на репутации Гранта отражалось нежелание и неумение использовать прессу в собственных интересах. В своем последнем обращении к Конгрессу он заявил: «Ошибки были допущены, это очевидно, и я это признаю». И далее он сказал: «Я действовал в каждом случае из добросовестного желания поступать правильно, в соответствии с конституцией, в рамках закона и в наилучших интересах всего народа. Неудачи были ошибками суждений, а не намерениями»⁷⁵.

Анализ скандалов в период президентства Гранта показывает, что, несмотря на не всегда твердую линию в борьбе с коррупционерами, он в большинстве случаев все же поддерживал реформаторов. Грант назначил на ответственные должности таких сторонников борьбы с коррупцией, как Бристоу и Пирпонт. Они смогли очистить министерство финансов, министерство внутренних дел, военное министерство и министерство юстиции от коррупции. Грант лично участвовал в реформировании Департамента по делам индейцев, уволив оттуда многих коррумпированных чиновников. Большинство коррупционных скандалов заканчивалось расследованиями со стороны Конгресса и судебными разбирательствами. Они доказали, что борьба с коррупцией возможна и необходима.

Библиография

- Адамс Г. Воспитание Генри Адамса. М., 1988.
- Алентьева Т.В. Борьба с коррупцией в Нью-Йорке // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 3–16.
- Алентьева Т.В. Проблема коррупции в США в 1850-е годы и общественное мнение // Российско-американские отношения: конец XVIII — начало XX вв. М., 2008. С. 233–245.
- Алентьева Т.В. Разящее оружие смеха. Американская политическая карикатура XIX века (1800–1877). СПб., 2020.
- Алентьева Т.В., Филимонова М.А. Просветительские идеи и революционный процесс в Северной Америке. СПб., 2021.
- Байбакова Л.В. Двухпартийная система в период вступления США в индустриальное общество (последняя треть XIX в.). М., 2002.
- Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. 1789–2001 гг. М., 2001.
- Согрин В.В. Исторический опыт США. М., 2010.
- Согрин В.В. Энциклопедия истории США. М., 2018.
- Ackerman K.D. The Gold Ring: Jim Fisk, Jay Gould and Black Friday, 1869. New York, 2011.
- Bonekemper E.H. A Victor, Not a Butcher: Ulysses S. Grant's Overlooked Military Genius. Washington, 2014.
- Brands H.W. The Man Who Saved the Union: Ulysses S. Grant in War and Peace. New York, 2012.
- Butwell G.S. Reminiscences of Sixty Years in Public Affairs. Vol. 1–2. New York, 2016.
- Calhoun C.W. The Presidency of Ulysses S. Grant. New York, 2017.
- Cooper E.S. William Worth Belknap: an American Disgrace. Madison, 2003.
- Crawford J.B. The Credit Mobilier of America: its Origin and History. Boston, 1880.
- Dyer D.P. Autobiography and Reminiscences. New York, 1922.
- Gaard Th. William Worth Belknap Fallen Hero // Military Images. 2004. Vol. 26. № 3. P. 29–30.
- Grant J.D. The Personal Memories of Julia Dent Grant. Carbondale, 1975.
- Grant U.S. The Papers of Ulysses S. Grant / ed. J.Y. Simon. Vol. 1–31. Carbondale, 1967–2009.
- Hesseltine W.B. Ulysses S. Grant, Politician. New York, 1935.
- Jones N. Ulysses S. Grant: A Great Soldier but a Poor President? // History Today. 2018. Vol. 68. Iss. 2. URL: <https://www.historytoday.com/reviews/ulysses-s-grant-great-soldier-poor-president> (дата обращения: 30.10.2022).
- Kahan P. The Presidency of Ulysses S. Grant: Preserving the Civil War's Legacy. Yardley (PA), 2018.
- McFeely U.S. Grant: A Biography. New York, 1981.
- Nevins A. Hamilton Fish: The Inner History of the Grant Administration. New York, 1936.
- Olmsted R. The Cigar-Box Paper: a Local View of the Centennial Election Scandals // California Historical Quarterly. 1976. Vol. 55. № 3. P. 256–269.
- Schlesinger A.M., jr. Rating the Presidents: Washington to Clinton // Political Science Quarterly. 1997. Vol. 112. № 2. P. 178–190.
- Smith J.E. Grant. New York, 2001.
- Trent L.D. The Credit Mobilier. New York, 1981.

⁷⁵ Kahan P. Op. cit. P. IX.

- Waugh J. U.S. Grant: American Hero, American Myth. Chapel Hill, 2009.
Webb R.A. Benjamin Helm Bristow. Border State Politician. Lexington, 1969.
White R.C. American Ulysses: A Life of Ulysses S. Grant. New York, 2016.

References

- Adams H. Vospitanie Genri Adamsa [The Education of Henry Adams]. Moskva, 1988. (In Russ.)
Alentieva T.V. Bor'ba s korruptsiei v Nyu-Yorke [Fighting corruption in New York] // Novaya i novейshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2018. № 6. S. 3–16. (In Russ.)
Alentieva T.V. Problema korruptsii v SShA v 1850-e gody i obshchestvennoe mnenie [The problem of corruption in the United States in the 1850s and public opinion] // Rossiysko-amerikanskije otnosheniya: konets XVIII – nachalo XX vv. [Russian-American relations: late 18th – early 20th centuries]. Moskva, 2008. S. 233–245. (In Russ.)
Alentieva T.V. Razyashee oruzhie smeha. Amerikanskaya politicheskaya karikatura XIX veka (1800–1877) [The striking weapon of laughter. 19th century American Political Caricature (1800–1877)]. Sankt-Peterburgh, 2020. (In Russ.)
Alentieva T.V., Filimonova M.A. Prosvetitel'skie idei i revolyutsionnyy protsess v Severnoy Amerike [Enlightenment ideas and the revolutionary process in North America]. Sankt-Peterburgh, 2021. (In Russ.)
Baybakova L.V. Dvuhpartynaya sistema v period vstupleniya SShA v industrialnoe obshchestvo (poslednyaya tret' XIX v.) [The two-party system during the entry of the United States into industrial society (the last third of the 19th century)]. Moskva, 2002. (In Russ.)
Inauguratsionnyye rechi prezidentov SShA ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha. 1789–2001 gg. [Inaugural speeches of US presidents from George Washington to George Bush. 1789–2001]. Moskva, 2001. (In Russ.)
Sogrin V.V. Istoricheskiy opyt SShA [The historical experience of the USA]. Moskva, 2010. (In Russ.)
Sogrin V.V. Entsiklopediya istorii SShA [Encyclopedia of US History]. Moskva, 2018. (In Russ.)
Ackerman K.D. The Gold Ring: Jim Fisk, Jay Gould and Black Friday, 1869. New York, 2011.
Bonekemper E.H. A Victor, Not a Butcher: Ulysses S. Grant's Overlooked Military Genius. Washington, 2014.
Brands H.W. The Man Who Saved the Union: Ulysses S. Grant in War and Peace. New York, 2012.
Butwell G.S. Reminiscences of Sixty Years in Public Affairs. Vol. 1–2. New York, 2016.
Calhoun C.W. The Presidency of Ulysses S. Grant. New York, 2017.
Cooper E.S. William Worth Belknap: an American Disgrace. Madison, 2003.
Crawford J.B. The Credit Mobilier of America: its Origin and History. Boston, 1880.
Dyer D.P. Autobiography and Reminiscences. New York, 1922.
Gaard Th. William Worth Belknap Fallen Hero // Military Images. 2004. Vol. 26. № 3. P. 29–30.
Grant J.D. The Personal Memories of Julia Dent Grant. Carbondale, 1975.
Hesseltine W.B. Ulysses S. Grant, Politician. New York, 1935.
Jones N. Ulysses S. Grant: A Great Soldier but a Poor President? // History Today. 2018. Vol. 68. Iss. 2. URL: <https://www.historytoday.com/reviews/ulysses-s-grant-great-soldier-poor-president> (access date: 30.10.2022).
Kahan P. The Presidency of Ulysses S. Grant: Preserving the Civil War's Legacy. Yardley (PA), 2018.
McFeely U.S. Grant: A Biography. New York, 1981.
Nevins A. Hamilton Fish: The Inner History of the Grant Administration. New York, 1936.
Olmsted R. The Cigar-Box Paper: a Local View of the Centennial Election Scandals // California Historical Quarterly. 1976. Vol. 55. № 3. P. 256–269.
Schlesinger A.M., jr. Rating the Presidents: Washington to Clinton // Political Science Quarterly. 1997. Vol. 112. № 2. P. 178–190.
Smith J.E. Grant. New York, 2001.
The Papers of Ulysses S. Grant / ed. J.Y. Simon. Vol. 1–31. Carbondale, 1967–2009.
Trent L.D. The Credit Mobilier. New York, 1981.
Waugh J. U.S. Grant: American Hero, American Myth. Chapel Hill, 2009.
Webb R.A. Benjamin Helm Bristow. Border State Politician. Lexington, 1969.
White R.C. American Ulysses: A Life of Ulysses S. Grant. New York, 2016.

DOI: 10.31857/S013038640019198-5

© 2023 г. А.Ю. ПАВЛОВ

ГРАФ ДЕ ЛЮБЕРСАК: МИССИЯ В РОССИИ, 1916–1919 годы

Павлов Андрей Юрьевич — профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: a.y.pavlov@spbu.ru

Scopus Author ID: 57220813403; ORCID: 0000-0002-1095-4022

Аннотация. В статье исследуется деятельность одного из членов французской военной миссии в России лейтенанта Жана де Люберсака и демонстрируется, как основные ее этапы коррелируют с эволюцией французской политики в отношении России в 1916–1919 гг. В.И. Ленин в «Письме к американским рабочим», опубликованном в августе 1918 г., отметил встречу в феврале 1918 г. с двумя французскими офицерами. Первый из них, Жак Садуль, хорошо известен, а личность и деятельность второго внимания исследователей не привлекала. Между тем имя Жана де Люберсака упоминают в своих воспоминаниях многие французские и русские военные и политические деятели, описывая события в России в 1916–1919 гг. Приехав в Россию в составе авиационной миссии в чине младшего лейтенанта, этот весьма инициативный человек быстро занял не свойственное для младшего офицера, да еще и иностранца, положение в русской 5-й армии, а после Октябрьской революции 1917 г. проявил себя как один из наиболее активных членов французских миссий в Петрограде, Москве и Архангельске. Основными источниками, использованными для написания статьи, стали мемуары тех отечественных и зарубежных деятелей, кто лично знал де Люберсака, а также документы из французских и российских архивов. Эти материалы содержат лишь отрывочные сведения, но в совокупности дают возможность сформировать достаточно полное представление о том, чем занимался в России Жан де Люберсак не только в 1916–1919 гг., но и позже, в 1922 г.

Ключевые слова: Россия, Франция, Антанта, союзники, Первая мировая война, иностранная интервенция, франко-русские отношения, военные миссии, разведка.

A.Yu. Pavlov

Count de Lubersac: Mission in Russia, 1916–1919

Andrey Pavlov, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: a.y.pavlov@spbu.ru

Scopus Author ID: 57220813403; ORCID: 0000-0002-1095-4022

Abstract. The author examines the activities of Count Jean de Lubersac, a member of the French military mission in Russia, and demonstrates how the main stages of his activities in that position vividly illustrate the evolution of French policy towards Russia in the critical years of Franco-Russian relations. Published in August 1918, “A Letter to American Workingmen” by Vladimir Lenin mentions his meeting with two French officers in February of the same year. One of them, Jacques Sadoul, is fairly well known, while the personality and area of activity of the other has not yet attracted the same degree of research interest. Meanwhile, his name, Jean de Lubersac, is mentioned in the memoirs of many French and Russian military and political figures when describing the events of 1916–1919 in Russia. Arriving in Russia as a mere second lieutenant on an air mission, this highly enterprising man quickly took up a position in the Russian Fifth Army, then in the French military mission and finally in the

ranks of the interventionists in northern Russia. It was a most unusual feat for a junior officer, especially one from abroad. The primary sources for the study include the memoirs of those French and Russian nationals who knew de Lubersac personally, as well as documents from French and Russian archives. Although these sources contain only sketchy accounts, together they provide a fairly complete picture of what Jean de Lubersac was doing in Russia, not only in 1916–1919, but also later, in 1922.

Keywords: Russia, France, Entente, Allies, World War I, external intervention, Franco-Russian relations, military missions, intelligence.

В годы Первой мировой войны правительство и Верховное командование Французской Республики направили в Россию значительное число французских офицеров и солдат, выполнявших самые разнообразные задачи. Их деятельность не раз становилась объектом исследований, и в последнее время все больше внимания уделяется тем, кто оставил свой след в истории не только Первой мировой, но и российской Гражданской войны¹. Обычно героями научных изысканий становятся генералы и старшие офицеры, главы миссий или, например, те, кто стал известен после войны. Жан де Люберсак к таковым не относится, однако его деятельность в России также достойна изучения.

Осенью 1917 г. в России находилось более тысячи французских военных, оказавшихся свидетелями революционных событий октября. Большинство вскоре покинуло страну, но некоторые задержались. В.И. Ленин в опубликованном в августе 1918 г. «Письме к американским рабочим» описал встречу, состоявшуюся в феврале того года: «Французский капитан Садуль, на словах сочувствовавший большевикам, на деле служивший верой и правдой французскому империализму, привел ко мне французского офицера де Люберсака. “Я монархист, моя единственная цель — поражение Германии”, — заявил мне де Люберсак. Это само собою, ответил я (*cela va sans dire*). Это нисколько не помешало мне “согласиться” с де Люберсаком насчет услуг, которые желали оказать нам специалисты подрывного дела, французские офицеры, для взрыва железнодорожных путей в интересах помехи нашествию немцев»².

Имя капитана Жака Садуля — члена французской военной миссии, активного французского социалиста, позже деятеля Коминтерна — было хорошо знакомо в СССР. Не забывают о нем и современные исследователи³. Второй участник этой встречи известен гораздо меньше, а между тем Ленин был далеко не единственным, кто запомнил встречу с этим незаурядным человеком. Приехав в Россию в звании младшего лейтенанта и всего лишь в качестве технического советника, Жан де Люберсак вскоре оказался вовлечен в дела самого высокого уровня, и его работа в 1916–1919 гг. наглядно демонстрирует перипетии французской политики в отношении России в этот критический период двусторонних отношений.

Жан де Люберсак родился 13 июня 1879 г. в знатной дворянской семье. Он был вторым сыном Ги Луи Сезара маркиза де Люберсака. Первенец, Луи де Люберсак, был на полтора

¹ См., например: *Феськова Е.П.* Французские военные миссии в России и восстание Чехословацкого корпуса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 71–80; *Галкина Ю.М.* «Большевики — те же немцы»: деятельность представителей французской военной миссии на Юге России в 1918–1919 гг. // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. Материалы III Международной научно-практической конференции. Волгоград, 2021. С. 309–313; *Гаккуев Р.Г.* «Адмирал становится для нас опасным подопечным». Оценка французским генералом М. Жаненом ситуации на белом восточном фронте в декабре 1918 г. // Омский научный вестник. Серия: Общество, история, современность. 2022. Т. 7. № 2. С. 10–16.

² Ленин В.И. Письмо к американским рабочим // Правда. № 178. 22.VIII.1918.

³ См., например: *Беспалова К.А.* Амбициозный агитатор и пропагандист Жак Садуль // Вопросы исторической науки. Материалы V Международной научной конференции. Казань, 2017. С. 1–4; *Галкина Ю.М., Беспалова К.А.* «Дело Садуля»: Новый источник о революции 1917 года // Французский ежегодник. М., 2017. С. 354–369; *Беспалова К.А.* Игра на два фронта: миссия капитана Садуля в России (1917–1924 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 4 (90).

года старше Жана и впоследствии унаследовал титул маркиза. Жан, а также родившийся в 1881 г. его младший брат Одон носили графские титулы. Семья де Люберсаков владела замком Мокрё в департаменте Эна, но на момент рождения Жана постоянно жила в Париже. В 1904 г. Жан женился на Эли-Анне д'Иннисдаль, также представительнице аристократической семьи, чья мать происходила из одного из древнейших родов Франции — де Бетюн Сюлли. Неудивительно, что при встрече с Лениным в феврале 1918 г. Жан де Люберсак назвал себя монархистом.

Сведения о жизни и деятельности Жана де Люберсака до и во время пребывания в России пришлось собирать по крупицам. Общее представление о его службе в армии позволяет составить сохранившееся личное дело, которое вели власти департамента Эна, где он был призван в армию в первый раз — довольно краткий документ с выписками из различных бумаг⁴. В ряды французской армии Жан де Люберсак был призван в 1899 г., будучи студентом парижской Центральной школы искусств и мануфактур. В личном деле есть описание его внешности, составленное при призыве: Жан был высоким (рост 184 см) голубоглазым блондином с овальным лицом, широким лбом и длинным носом. Из-за дальновзоркости он был признан годным к службе только во вспомогательных частях. В 1903 г. Жан был уволен из армии и, как и положено, следующие десять лет состоял в резерве. К началу войны тридцатипятилетний Жан де Люберсак числился солдатом уже территориальных войск⁵.

О его жизни до начала войны известно немного. Французский генерал А. Ниссель в своих мемуарах кратко упомянул, что в это время де Люберсак успел побывать в немецкой тюрьме за промышленный шпионаж, а после, живя в Париже, имел широкий круг знакомств в самых разных сферах, возможно даже с Троцким, что пригодились ему в дальнейшем⁶. Точность приведенной информации проверить трудно, скорее всего Ниссель знал все это со слов самого де Люберсака, с которым впервые встретился уже в России. Другой французский офицер, также познакомившийся с де Люберсаком в России, упоминал, что до войны тот работал в фирме Круппа⁷.

Сведения об участии Жана де Люберсака в войне до отправки в Россию содержатся в его личном деле. Мобилизованный 2 августа 1914 г., Жан попросил отправить его не в территориальную, а в боевую кадровую часть, и был зачислен в 29-й полк полевой артиллерии. Полк вступил в бой уже 22 августа 1914 г. и в течение следующих месяцев постоянно находился в гуще сражений⁸. Воевал Жан доблестно. В изданном приказе по 6-й армии были отмечена его храбрость и решительность в бою 8 сентября 1914 г., когда его полк участвовал в знаменитом сражении на Марне⁹. В октябре 1914 г. Жан стал капралом (*brigadier*), а в январе 1915 г. получил звание старшего сержанта артиллерии (*maréchal des logis*).

Официально де Люберсак был переведен в авиацию в качестве летчика-наблюдателя в январе 1915 г., однако в изданном в декабре 1916 г. приказе о присвоении ему звания кавалера ордена Почетного легиона упомянуто, что еще в 1914 г. он в качестве наблюдателя успел совершить пять полетов над занятыми противником территориями. За год службы в авиации Жан де Люберсак получил богатый опыт боевой работы. Именно в это время во французской армии шло становление системы использования добытых летчиками сведений. В каждой армии и в каждом корпусе были сформированы особые группы, занимавшиеся обработкой получаемой из различных источников информации и передачей

⁴ Matricule n° 283. 1R2_0729 — Lubersac de Jean Louis Félix 1899 // URL: https://archives.aisne.fr/archive/resultats/RMI/n:151?RECH_nom-de+Lubersac&type-RMI (дата обращения: 06.03.2022).

⁵ К территориальным войскам причислялись резервисты после достижения ими 34 лет. В случае всеобщей мобилизации предполагалось, что территориальные части будут в основном нести службу по охране тыловых объектов.

⁶ Niessel H.A. Le triomphe des Bolshéviki et la paix de Brest-Litovsk. Souvenirs 1917–1918. Paris, 1940. P. 69.

⁷ Olivari H. Mission d'un cryptologue français en Russie (1916). Paris, 2008. P. 199.

⁸ Historique du 29e Régiment d'Artillerie de Campagne. Nancy; Paris; Strasbourg, [s.d.] // URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6336169z.texteImage> (дата обращения: 16.01.2023).

⁹ Matricule n° 283. 1R2_0729.

ее по назначению. В них входили специалисты по анализу и интерпретации снимков. Данные качественной масштабной систематической аэрофотосъемки сопоставлялись с данными разведки, и на этой основе создавались и дополнялись карты расположения войск противника¹⁰.

В сентябре 1915 г. де Люберсаку было присвоено первое офицерское звание младшего лейтенанта (*sous-lieutenant*). Примерно в это же время руководство российской военной авиации стало проявлять все больший интерес к изучению опыта применения авиации французскими союзниками, и вскоре начались переговоры об отправке в Россию в качестве инструкторов группы французских авиаторов¹¹. Переговоры продолжались достаточно долго, и только в марте 1916 г. было принято решение послать в Россию десять пилотов, десять наблюдателей и десять механиков. Ехали они в Россию не как единый французский авиационный отряд, а как группа специалистов, относительно работы которой было заключено особое межправительственное соглашение. Оставаясь военным служащим французской армии, каждый из них заключил с российским правительством индивидуальный контракт, действовавший до окончания войны, и после прибытия в Россию получил отдельное назначение. У группы был руководитель — майор Анри Берже, официально заявленный как представитель французской армии при штабе шефа Императорского воздушного флота великого князя Александра Михайловича, но при этом неофициально координировавший деятельность всех прибывших вместе с ним французских специалистов. Одним из летчиков-наблюдателей был Жан де Люберсак¹².

Французские летчики прибыли в Россию в мае 1916 г. вместе с новым главой французских военных миссий генералом М. Жаненом и вскоре были распределены по нескольким авиационным дивизионам. Вместе с пилотами М. Бонье, М. Бонно, А. Муташем, а также наблюдателями А. Гоше и А. Лораном де Люберсак попал в 5-й авиационный дивизион 5-й армии Северного фронта, штаб которой, как и управление авиадивизионом, располагался в Двинске. В начале августа лейтенант Пьер Паскаль, служивший во французской военной миссии в Петрограде, в своем дневнике упомянул о приезде в российскую столицу из Двинска некоего французского летчика, фамилию которого он обозначил одной только буквой «G». По всей видимости, речь шла об Анри Гоше, с которым де Люберсак дружил и много работал в дальнейшем. Гоше рассказал Паскалю о том, что французских летчиков в Двинске приняли очень хорошо, и что де Люберсак в тот момент занимался формированием системы обработки сведений о противнике, включавшей эффективное использование аэрофотоснимков¹³.

В июле того же года за работой де Люберсака и Гоше в штабе 5-й армии смог лично понаблюдать еще один французский офицер, подполковник А. Оливари, приехавший в Россию одновременно с французскими летчиками как специалист по радиоперехвату. Однако почти два месяца он оставался практически без дела, ожидая разрешения отправиться в действующую армию. Неожиданная встреча с де Люберсаком в Петрограде помогла решить проблему. Де Люберсак смог быстро организовать для Оливари и его коллеги вызов в Двинск от штаба 5-й армии и лично представил их командующему армией генералу В.И. Гурко. Согласно воспоминаниям Оливари, де Люберсак, как и другие французские летчики, начал свою работу на фронте с полетов над позициями противника, но вскоре его привлекли к штабной работе по анализу получаемых при помощи аэрофотосъемки сведений¹⁴. Действительно, судя по ведомостям полетов авиаторов 5-го авиадивизиона, в августе 1916 г. де Люберсак совершил только один вылет (причем

¹⁰ Sumner I. The French Air Force in the First World War. Havertown, 2018. P. 31.

¹¹ Подробнее см.: Павлов А.Ю., Гельтон Ф. В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2019. С. 118–121.

¹² Le Général Commandant en Chef à M. Sous-secrétaire d'état de la Guerre. 23 août 1916 // Service historique de la défense (далее — SHD). 1 A 189.

¹³ Pascal P. Mon journal de Russie, 1916–1918. Lausanne, 1975. P. 56.

¹⁴ Olivari H. Op. cit. P. 197–198.

самолет пилотировал сам начальник дивизиона подполковник О.О. Кравцевич), а в сентябре и октябре не летал вовсе¹⁵. Гораздо активнее летали Бонно и Лоран. В июле в результате аварии самолета погиб Бонье, а в конце августа в бою с вражескими самолетами — Лоран.

История с Оливари демонстрирует, что уже через два месяца после прибытия в Россию младший лейтенант де Люберсак занял среди многочисленных французских военных представителей совсем не свойственное офицеру с таким невысоким чином положение. Он регулярно бывал в Петрограде и, по словам Оливари, лично общался с великим князем Александром Михайловичем, а также с послом Франции М. Палеологом¹⁶. Чем же объясняется такой поворот дел? Паскаль кратко охарактеризовал де Люберсак как человека «активного во всех отношениях», храброго, всегда нацеленного на достижение результата и преодоление любых возникающих на пути трудностей¹⁷. Оливари писал, что де Люберсак следовал принципу «сказано — сделано»¹⁸. Действительно, дальнейшая работа в России продемонстрировала, что де Люберсак был всегда готов проявлять инициативу и с энтузиазмом брался за новые дела. Например, в январе 1917 г., когда ему понадобилось срочно заказать во Франции необходимое для работы оборудование, он лично отправился в Ставку для встречи с генералом Жаненом, который оказал содействие¹⁹.

Определенную роль играл и еще ряд факторов. Принадлежность к французской аристократии повышала статус графа де Люберсак в дореволюционной России. Оливари объяснял его контакты с великим князем Александром Михайловичем некими семейными связями. Что более важно, по мнению Паскаля, де Люберсак умел ладить с людьми, не давая при этом себя в обиду, то же самое подчеркивал и Оливари. Ниссель также отмечал способность де Люберсак устанавливать дружеские отношения с нужными людьми, оказывая небольшие личные услуги и часто принимая гостей в своей квартире в Двинске²⁰.

Вместе с тем Оливари вспоминал, что у де Люберсак не сложились отношения с Берже, а сотрудники французской военной миссии в Петрограде поначалу над ним насмехались. В дальнейшем де Люберсак лишь формально оставался одним из летчиков миссии майора Берже и действовал вполне самостоятельно. Оливари, написавший свои мемуары в 1934 г., предположил, что уже тогда, летом 1916 г., де Люберсак работал на французскую разведку²¹, однако ни подтвердить, ни опровергнуть его предположение пока не удалось. Впрочем, учитывая все сказанное выше, кажется вполне вероятным, что и до приезда в Россию, а возможно, и до войны де Люберсак мог иметь некие связи с французскими специальными службами.

Представляется, что немалую роль в том, что де Люберсаку удалось сразу по прибытии развить такую активность, сыграла готовность командования 5-й армии принимать помощь французских специалистов. Летом и осенью 1916 г. на Северном фронте велась активная работа по совершенствованию системы воздушной разведки, в первую очередь для корректировки артиллерийского огня, улучшению системы производства и использования аэрофотосъемки.

Деятельностью де Люберсак в 1916 г. остались довольны и французы, и русские. В декабре французское правительство произвело в офицеры и кавалеры ордена Почетного легиона группу французских военных из состава миссий, работавших в России. В списке награжденных де Люберсак был единственным из группы Берже²². В приказе о награждении упоминалось в основном о его заслугах как летчика-наблюдателя в течение всего

¹⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1471. Л. 220.

¹⁶ *Olivari H.* Op. cit. P. 153.

¹⁷ *Pascal P.* Op. cit. P. 56, 96.

¹⁸ *Olivari H.* Op. cit. 198.

¹⁹ *Pascal P.* Op. cit. P. 96.

²⁰ *Niessel H.A.* Op. cit. P. 69.

²¹ *Olivari H.* Op. cit. P. 154.

²² Janin à Laverge, 2 janvier 1917 // SHD. 16 N 1214.

периода войны, однако в России де Люберсак летал меньше других, так что, вероятно, в расчет была принята его служба иного рода. Командование 5-й армии также высоко оценило де Люберсака, в декабре он был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. Буквально накануне Февральской революции ему присвоили звание лейтенанта.

После Февральской революции военные действия почти прекратились, и российская армия начала стремительно деградировать, однако де Люберсак оказался весьма полезен для французских миссий в России как человек, имеющий достоверные сведения о положении дел на Северном фронте. Для информирования своего правительства французская военная миссия остро нуждалась в оперативных сведениях о состоянии русской армии и запрашивала их у всех своих представителей на русских фронтах. Де Люберсак часто бывал в Петрограде. 2 мая (19 апреля) 1917 г. он лично докладывал о ситуации французскому министру вооружений А. Тома, приехавшему в Россию с длительным визитом. Тома отметил в своем дневнике встречу с ним и описал полученные сведения о беспорядках в русских войсках²³. Неутешительные известия привез де Люберсак в Петроград в июле в разгар летнего наступления русской армии²⁴. Тем не менее, когда в бой пошли части 5-й армии, де Люберсак был уже на фронте. В приказе, процитированном в личном деле, говорилось не только о заслугах де Люберсака как летчика-наблюдателя и организатора разведывательной службы, но и как храброго офицера, который добровольно вызвался сопровождать передовые части, организуя новый для русской армии вид связи — голубиную почту²⁵. Во французской армии она практиковалась уже достаточно давно, и летом 1917 г. не только де Люберсак, но и иные французские офицеры на других фронтах пытались помочь внедрить ее в русскую армию.

В августе—сентябре 1917 г. большинство из еще находившихся в России членов группы Берже вернулось во Францию. С обоюдного согласия русского и французского правительств их контракты были ликвидированы, и все они вернулись в ведение правительства Франции²⁶. 30 сентября начальник французской авиационной миссии в России подполковник Людман обратился в Управление воздушного флота русской армии с просьбой также ликвидировать контракты де Люберсака и Гоше и перевести обоих в его подчинение²⁷. Однако де Люберсак, в отличие от остальных, не уехал из России. С просьбой оставить двух французских летчиков как ценных для штаба армии специалистов в октябре 1917 г. к главе французской военной миссии обратился лично генерал В.Г. Болдырев²⁸. Он лишь в сентябре принял командование 5-й армией, но, по всей видимости, был знаком с де Люберсаком и ранее, когда занимал пост генерал-квартирмейстера Северного фронта и отвечал за организацию разведки.

Положение де Люберсака в России в тот период хорошо характеризует следующий эпизод. В октябре 1917 г. в Россию прибыл новый начальник французской военной миссии генерал А. Ниссель и вскоре отправился с ознакомительной поездкой на Северный фронт, где посетил, в частности, штаб и части 5-й армии. Согласно дневниковым записям генерала Болдырева, в день приезда ужин для гостей и командования армии давал де

²³ *Sinanoglou I.* Journal de Russie d'Albert Thomas // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1973. Dossier 14. № 1–2. P. 126.

²⁴ *Pascal P.* Op. cit. P. 154.

²⁵ Matricule n° 283. 1R2_0729. В выписке не все обозначено точно: упомянуты два приказа — некий «Общий приказ № 26 от 3 февраля 1918 г.», причем неясно по какой армии, и приказ начальника русских экспедиционных войск во Франции от 31 августа 1918 г.

²⁶ Яковлев — Людману, 19 сентября (2 октября) 1917 г. // РГВИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 45. Л. 202.

²⁷ РГВИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 45. Л. 294.

²⁸ *Галкина Ю.М.* Французская военная миссия в России в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018. С. 64.

Люберсак²⁹. Ниссель также упомянул об этом в своих мемуарах³⁰. Дело было 25 октября (7 ноября) 1917 г.

Итак, к тому времени, когда в октябре 1917 г. капитан Садуль только приехал в Россию, лейтенант де Люберсак находился в стране уже около полутора лет. За это время он успел заработать репутацию инициативного офицера, имел обширные связи в штабе Северного фронта и в столице. Неудивительно, что именно де Люберсак Садуль привел к Ленину с предложением о сотрудничестве.

Октябрьская революция и последовавшее сразу за ней перемирие, заключенное новым правительством с Центральными державами, стали серьезным ударом по позициям Антанты в войне, в особенности Франции. Однако неудача первого раунда переговоров в Брест-Литовске оставляла надежду на возобновление войны на востоке. Провал следующего раунда и угрозы немцев возобновить боевые действия укрепили эту надежду. Формирование тактического союза с большевиками становилось все более вероятным. 17 февраля 1918 г., через несколько дней после предъявленного большевикам требования немедленно принять предложенные Германией условия и подписать мир, министр иностранных дел Франции С. Пишон поручил послу Франции Ж. Нулансу официально сообщить Г.В. Чичерину, временно замещавшему Л.Д. Троцкого в Петрограде, о готовности Франции предоставить советскому правительству финансовую и материальную помощь для борьбы с немцами³¹. Уже 21 февраля Троцкий сообщил Нулансу о намерении советского правительства оказывать сопротивление наступлению немцев и в связи с этим просить Францию о поддержке. Нуланс сразу дал положительный ответ, и по его поручению генерал Ниссель составил и передал Троцкому список предложений относительно возможных действий: с помощью французских офицеров организовать диверсии на железных дорогах, которыми немцы могли воспользоваться для продвижения к Петрограду, а выигранное таким образом время использовать для подготовки войск к отражению наступления³². 23 февраля Троцкий и Ниссель обсудили план лично³³.

Исполнение плана минирования железных дорог и прежде всего железнодорожных мостов было поручено группе французских офицеров и инженеров под руководством де Люберсака. По всей видимости, главенство Люберсака объясняется тем, что диверсии планировались в знакомом ему регионе — от Пскова до Петрограда. Кроме того, его профессия до мобилизации в учетной карточке Военного министерства была определена как «механик»³⁴. Накануне он уже выполнял опасное поручение в Двинске, к которому стремительно приближались немецкие части. Оставаясь в городе до самого последнего момента, де Люберсак подготовил к взрыву склады с оружием, но приказ о взрыве так и не был отдан. Зато ему удалось уничтожить запасы горючего и фуража³⁵. Согласно воспоминаниям генерала Нисселя, к тому времени, когда он начал обсуждать план действий с Троцким, де Люберсак вместе с двумя французскими инженерами уже успел на месте оценить обстановку³⁶. А описанная Лениным встреча с двумя французскими офицерами состоялась 27 февраля. Позже де Люберсак неоднократно встречался с Троцким.

Реализация плана Нисселя началась, несмотря на согласие советского правительства подписать мир на немецких условиях. 1 марта 1918 г. комиссар железнодорожных войск Северного фронта сообщил начальнику Псковских отрядов: на линию Петроград — Псков

²⁹ Из дневника ген. В.Г. Болдырева // Красный Архив. 1927. Т. 4 (32). С. 273.

³⁰ Niessel H.A. Op. cit. P. 69.

³¹ Pichon à Noulens 17 février 1918 // SHD. 16 N 3001.

³² Noulens à Pichon 21 février 1918 // SHD. 4 N 40.

³³ Noulens à Pichon 23 février 1918 // Ibidem.

³⁴ Ministère des Armées. Mémoire des hommes // URL: <https://www.memoiredeshommes.sga.defense.gouv.fr/fr/ark:/40699/m00523ad1940b4ce> (дата обращения: 09.03.2022).

³⁵ Delmas J. L'État-major français et le Front Oriental apres la revolution bolchevique (novembre 1917 — 1 novembre 1918): thèse de doctorat. Paris, 1965. P. 118.

³⁶ Niessel H.A. Op. cit. P. 299.

прибыли из Петрограда две команды подрывников³⁷. 6 марта генерал Ниссель доложил в Париж о завершении подготовки к организации взрывов на линии Псков — Петроград³⁸. 16 марта комендант Лужского района проинформировал о планах разрушить железнодорожные пути, станцию и другие сооружения в случае необходимости отступления от Луги: «Об этом позаботится подрывной отряд инженера Боброва, работающий под командой французских офицеров (Люберсак и др.) в контакте со мною. Все мосты округа уже минированы»³⁹.

Де Люберсак не только готовил диверсии, но и собирал информацию о формировании новых войск, способных оказать сопротивление немцам, оценивал их боеспособность, причем занимался он этим даже после подписания Брестского мира и переезда советского правительства в Москву. В новую столицу отправилась и часть французской миссии во главе с генералом А. Лаверном, в том числе де Люберсак. До середины мая с советским правительством, прежде всего с Троцким, обсуждалась возможность оказания помощи в формировании новой армии в надежде, что в будущем она будет использована против немцев. Де Люберсак принимал во всем этом самое активное участие. Поскольку в тот относительно недолгий период времени интересы французов и большевиков в некоторых сферах совпали, советское правительство также было заинтересовано в его работе. Об этом свидетельствует записка Ленина Чичерину, датированная 22 апреля 1918 г.: «Податель настоящего письма де Люберсак, французский офицер, расскажет Вам кое-что относящееся к военному и моральному состоянию части нашей армии. Он все видел и как специалист может хорошо разобратся в виденном. Абсолютно необходимо, чтобы Вы поговорили с ним»⁴⁰. В этот день де Люберсак снова встретился с Лениным. Тот выразил тревогу относительно концентрации на дальневосточных границах России японских и китайских войск, но согласился, что это может совпасть с интересами России, хотя большинство в правительстве в этом сомневается. Ленин также довольно скептически высказался относительно перспектив отношений с Германией: «С Германией так долго продолжаться не может»⁴¹.

Упоминание Японии было связано с тем, что в это время французское правительство активно продвигало идею союзной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке для установления контроля над Транссибирской магистралью. Французские представители пытались убедить советское правительство, что восстановление нарушенного в период революций движения по этой важнейшей транспортной артерии будет способствовать успеху совместной борьбы против продвижения немцев⁴². С начала 1918 г. основным посредником между французскими дипломатическими, военными миссиями и советским правительством, как известно, был Садуль, однако, как видно, не он один. В мае Нуланс сообщал в Париж, что де Люберсак — один из немногих, кто имеет возможность встречаться с Лениным. Именно де Люберсак по поручению находившегося в Вологде Нуланса организовал в первых числах мая встречу Ленина с Лаверном, на которой присутствовали также Чичерин и французский консул в Москве Ж.Ф. Гренар⁴³. Это была последняя безуспешная попытка убедить советское правительство согласиться сотрудничать с Антантой и Японией в установлении контроля над Транссибирской магистралью.

Прекращение сотрудничества между французской военной миссией и советским правительством в июне 1918 г. оставило де Люберсака в Москве без дела. В июле он объявился в Архангельске, где начался последний этап его миссии в России. К этому времени

³⁷ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 7150. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

³⁸ Niessel à Paris. 6 mars 1918 // 4 N 40.

³⁹ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 1. Л. 104.

⁴⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. М., 1970. С. 63.

⁴¹ Laverne à Clemenceau. 22 avril 1918 // SHD. 4 N 41.

⁴² Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / отв. ред. А.Ю. Павлов. Т. 1. СПб., 2021. С. 66–67.

⁴³ Noulens à Pichon. 9 mai 1918 // SHD. 4 N 46.

страны Антанты окончательно отказались от надежд на возобновление правительством большевиков войны против Германии и, соответственно, на хотя бы временный тактический союз с советской властью. Убежденность в растущем немецком влиянии в России сделало в представлениях Антанты советское правительство союзником врага, и борьба против этого альянса легла в основу ее стратегии. Капитан 1 ранга Б.А. Вилькицкий, известный исследователь Арктики, активный участник Гражданской войны на Севере России в 1918–1919 гг., упомянул в мемуарах о встрече с де Люберсаком в Архангельске в июле, когда в городе еще сохранялась советская власть⁴⁴. Сам Вилькицкий с соратниками занимался подготовкой антибольшевистского переворота, но в записях не уточнялось, был ли де Люберсак напрямую вовлечен в этот процесс.

Есть все основания полагать, что де Люберсак был замешан в перевороте, недаром в его личном деле есть запись о награждении в августе 1918 г. британским Военным крестом⁴⁵. В сентябре 1918 г. военный атташе при французском посольстве в Архангельске майор А. Лелонг в своем обширном отчете о положении дел и действиях французских миссий в России отметил заслуги де Люберсака в организации свержения советской власти в Архангельске. По его словам, де Люберсак смог завоевать доверие руководства штаба большевистских войск в Архангельске, что позволило интервентам получать полную информацию о планах красных⁴⁶. Лелонг даже представил де Люберсака к званию капитана, однако это звание де Люберсак так и не получил.

В Архангельске де Люберсак уже не состоял во французской военной миссии. Ее начальник подполковник Доноп, перечисляя в октябрьском письме в Париж имена своих офицеров, не упоминал де Люберсака⁴⁷. Тот подчинялся напрямую Нулансу и представлял Францию в Союзном контроле — новом органе, занимавшемся контрразведкой и внутренней безопасностью⁴⁸. Как писал член правительства Северной области В.Н. Игнатьев, де Люберсак был самым активным членом этой организации, руководил которой английский полковник⁴⁹. Жан и здесь продолжал использовать прежние методы для установления нужных контактов. Генерал В.В. Марушевский, командовавший войсками Северной области, в своих мемуарах писал: «Осведомленность у графа Люберсака была поразительная. Обаятельно-любезный и широко-гостеприимный, он собирал у себя в доме и англичан, и американцев, и русских»⁵⁰. Вилькицкий, например, о своей первой встрече с генералом Е.К. Миллером, возглавившим в январе 1919 г. Северную область, писал так: «Познакомился я с ним на интимном обеде втроем у представителя союзной разведки графа де Люберсака, о котором я говорил раньше. Люберсак... пригласил меня, чтобы помочь ему ввести Миллера в курс обстановки со времени подготовки переворота и до приезда генерала»⁵¹.

Де Люберсак пользовался полным доверием Нуланса, что хорошо иллюстрирует следующий эпизод. В начале сентября Нуланс получил сведения (скорее всего, от самого де Люберсака) о том, что в Архангельске якобы скрывается великий князь Михаил Александрович. Как известно, на самом деле великий князь был убит в июне 1918 г. в Перми, но по России ходило много слухов о его появлении то там, то тут. Нуланс предположил, что

⁴⁴ Вилькицкий Б.А. Когда, как и кому я служил под большевиками. Воспоминания белогвардейского контр-адмирала. М.; Берлин, 2016. С. 19.

⁴⁵ Matricule n° 283. 1R2_0729.

⁴⁶ Les archives diplomatiques du Ministère des Affaires étrangères (далее — AMAE). Correspondence politique et commerciale. Série Z-Europe, 1918–1940 (далее — 117 CPCOM 208). Fol. 285.

⁴⁷ Donop à Clemenceau. 23 octobre 1918 // SHD. 7 N 1550.

⁴⁸ Голдин В.И. Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август–декабрь 1918 г. Архангельск 2021. С. 46.

⁴⁹ Игнатьев В.И. Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (личные воспоминания). Ч. 1. (Октябрь 1917 г. — август 1919 г.). Петроград, Вологда, Архангельск. М., 1922. С. 27.

⁵⁰ Марушевский В.В. Год на Севере. Записки командующего войсками Северной области. М., 2019. С. 63.

⁵¹ Вилькицкий Б.А. Указ. соч. С. 28.

в городе готовится заговор с целью свержения правительства Н.В. Чайковского⁵² или же, наоборот, громкий и показательный арест великого князя. Нуланс посчитал оба варианта для союзников неприемлемыми и строго конфиденциально поручил де Люберсаку защищать как правительство Северной области, так и великого князя от любых покушений⁵³. По всей видимости, до де Люберсака дошла информация о заговоре, который готовил Г.Е. Чаплин⁵⁴. Сообщение о происходящем Нуланс отправил в Париж 4 сентября 1918 г., за день до попытки переворота, а в своих мемуарах отметил, что узнал о заговоре накануне⁵⁵. Де Люберсак не смог предотвратить попытку переворота, тем более что в поддержке Чаплина и его сторонников небезосновательно подозревали некоторых британских офицеров, которым командовавший союзными силами британский генерал Ф.К. Пуль как минимум не мешал. В ноте, которую правительство Северной области передало главам союзных миссий вскоре после неудавшегося переворота, говорилось об участии в нем именно английских офицеров. Нуланс вынужден был с сожалением признать справедливость предъявленных обвинений⁵⁶.

Де Люберсак оставался в Архангельске дольше Нуланса, покинувшего город в декабре 1918 г., о чем свидетельствует упоминание Вилькицкого о встрече с ним и Миллером в конце января 1919 г. По всей видимости, де Люберсак уехал из России в феврале 1919 г. К тому времени стало ясно, что акцент в «русской» политике Франции был перенесен на южное направление. 3 марта де Люберсак был демобилизован решением специального бюро, находившегося в Военной школе в Париже⁵⁷.

После возвращения во Францию и демобилизации де Люберсак не терял связей с Россией. В Государственном архиве Российской Федерации сохранилось письмо неизвестного отправителя на имя Жана де Люберсака, датированное 20 октября 1920 г.⁵⁸ В нем упоминается вопрос о транспортировке 10 тыс. т угля, а также имя А.С. Остроградского, уполномоченного по делам торговли и промышленности при правительстве П.Н. Врангеля, председателя правления Союза русских судовладельцев, а также члена Комитета по снабжению в Париже⁵⁹. Ранее Остроградский был в Лондоне финансовым агентом правительства Северной области. Вероятно, Жан де Люберсак имел деловые связи с белыми правительствами, действуя совместно со своими братьями. Луи де Люберсак тоже был во время войны боевым летчиком. Призванный в начале войны в пехотный полк в звании сержанта, он закончил ее капитаном авиации, кавалером ордена Почетного легиона, награжденным Военным крестом с пальмовой ветвью⁶⁰. В январе 1920 г. он стал сенатором от департамента Эна. Луи также возглавлял группу компаний и позже, сразу после окончания Гражданской войны в России, неоднократно проявлял интерес к установлению торговых отношений

⁵² Николай Васильевич Чайковский (1850–1926) – видный деятель российского революционного движения, после Октябрьской революции стал активным противником большевистского правительства, с августа 1918 г. возглавлял правительство Северной области. Оставаясь формально главой этого правительства, с января 1919 г. находился в Париже, был членом Русского политического совещания и Русской заграничной делегации на Парижской мирной конференции. Активный участник Белого движения.

⁵³ Noulens à Pichon. 4 septembre 1918 // AMAE. 117 CPCOM 218. Fol. 77.

⁵⁴ Георгий Ермолаевич Чаплин (1886–1950) – морской офицер, капитан 1 ранга, участник Первой мировой войны, один из главных организаторов антисоветского переворота в Архангельске 2 августа 1918 г. В ночь с 5 на 6 сентября руководил попыткой еще одного переворота с целью свержения правительства Северной области, придерживавшегося социалистической ориентации. В дальнейшем – активный участник Гражданской войны на Севере России, с 1920 г. – в эмиграции.

⁵⁵ Noulens J. Mon Ambassade en Russie Soviétique, 1917–1919. Vol. 2. Paris, 1933. P. 119.

⁵⁶ Noulens à Pichon. 14 septembre 1918 // AMAE. 117 CPCOM 218. Fol. 130.

⁵⁷ Matricule n° 283. 1R2_0729.

⁵⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р8313. Оп. 1. Д. 83. Л. 1.

⁵⁹ Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1920–1922 гг. М., 2019. С. 266.

⁶⁰ Matricule n° 622. 1R2_0728 – Lubersac de Guy Louis Marie Jean Thérèse 1898 // URL: https://archives.aisne.fr/archive/resultats/RMI/n:151?RECH_nom-de+Lubersac&type-RMI (дата обращения: 09.03.2022).

с Советской Россией. Одон де Люберсак возглавлял крупный банк, обеспечивавший деятельность компаний старшего брата.

В «российской» истории Жана де Люберсака есть еще один интересный эпизод. В 1922 г. он был включен в возглавляемый Ф. Нансеном комитет по оказанию помощи голодающим в России в качестве «эксперта по экономике» и в мае того же года снова приехал в Россию. Как раз в это время его брат Луи вел переговоры о заключении некоторых торговых соглашений с советскими партнерами и с французским правительством. Действовал он в сотрудничестве со швейцарским бизнесменом Фриком, который, в свою очередь, был одним из ближайших сотрудников Нансена, работал в Международном комитете Красного Креста и имел связи с советскими официальными лицами⁶¹. Все это наводит на мысль, что Жан стал экспертом по экономическим вопросам и отправился в Россию прежде всего в интересах семейного бизнеса. Впрочем, во французском правительстве также ощущалась нехватка информации о внутреннем положении в Советской России, и в отделе международных торговых связей Министерства иностранных дел Франции на отчет де Люберсака по результатам поездки внимание обратили⁶².

Вернувшись из поездки в июле 1922 г., Жан де Люберсак в Женеве лично представил отчет об увиденном. По его словам, поручение Нансена состояло в оценке состояния транспорта, а также ассортимента и количества российских товаров для возможного обмена на продовольствие. Прежде всего де Люберсак посетил крупные города Украины, включая морские порты, затем осмотрел порт в Петрограде⁶³. В конце 1922 г. Луи де Люберсак запросил у правительства разрешение на заключение соглашений о реконструкции порта в Петрограде и закупку в России леса, причем партнерами должны были выступить немецкая компания Стиннеса и российский «Северолес»⁶⁴. Договор о поставках леса был заключен в августе следующего года.

В своем отчете Жан де Люберсак подробно описал гуманитарную ситуацию на Украине, определив ее в целом как «сущий ад»⁶⁵. Сделанные им заключения попали в мировую прессу. Например, газета «Нью-Йорк Таймс» описывала ужасы голода со ссылкой на де Люберсака уже 17 июля 1922 г., на следующий день после его доклада в Женеве⁶⁶. Все это способствовало привлечению еще большего внимания к ситуации в Советской России и расширению деятельности организации Нансена по сбору средств для помощи голодающим.

На этом следы связанной с Россией деятельности Жана де Люберсака теряются. Его имя еще раз попало во французские газеты в 1932 г. из-за скандала, связанного с махинациями с ценными бумагами компании «Аэропосталь»⁶⁷. Жан де Люберсак ненадолго был заключен под стражу, причем арестовал его человек, с которым он вполне мог быть знаком в России. Ш. Фо Па Биде находился в России с июля 1917 г. в качестве специалиста по организации контрразведки, осенью 1918 г. пережил арест и был выслан в феврале 1919 г.⁶⁸ Фо Па Биде до и после войны служил в полиции и в 1932 г. был комиссаром.

Подводя итог деятельности Жана де Люберсака в России, можно отметить, что ее основные этапы наглядно иллюстрируют эволюцию политики Франции в отношении России в критический период двусторонних отношений. В годы войны, осознавая общность стратегических интересов, Франция готова была оказывать России помощь для

⁶¹ Враг, противник, союзник? С. 479–483.

⁶² Note de Seydoux, 7 octobre 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 40.

⁶³ Un voyage d'enquête économique en Ukraine // L'Europe nouvelle: revue hebdomadaire des questions extérieures, économiques et littéraires. 16.IX.1922. P. 1174.

⁶⁴ Hogenhuis-Seliverstov A. Les relations franco-soviétiques, 1917–1924. Paris, 1995. P. 234.

⁶⁵ Un voyage d'enquête économique en Ukraine. P. 1178.

⁶⁶ The New York Times. 17.VII.1922.

⁶⁷ См., например: Excelsior. 18.X.1932.

⁶⁸ Галкина Ю.М. Французские резидентуры и их разведывательная деятельность на северо-западе России во время Гражданской войны // Новый исторический вестник. 2021. № 1 (67). С. 31.

достижения победы над общим врагом. Некоторая растерянность французского правительства в определении общей позиции после прихода к власти большевиков и стремление использовать любые возможности для восстановления Восточного фронта на некоторое время привели к тому, что французский аристократ и монархист граф де Люберсак сотрудничал с руководством советского правительства и с командованием первых красных отрядов. Окончательно определившаяся позиция Франции и других держав Соглашения по отношению к большевикам как к врагам быстро превратила де Люберсакса из активного союзника в не менее ярого противника советской власти, боровшегося с ней в рядах интервентов на Севере России. Его недолгая деятельность как эксперта по экономическим вопросам организации Нансена в 1922 г. отразила начало поворота в сторону диалога между Францией и Советской Россией, что в конечном итоге привело к признанию СССР и установлению отношений в полном объеме в 1924 г.

Библиография

- Беспалова К.А.* Амбициозный агитатор и пропагандист Жак Садуль // Вопросы исторической науки. Материалы V Международной научной конференции. Казань, 2017. С. 1–4.
- Беспалова К.А.* Игра на два фронта: миссия капитана Садуля в России (1917–1924 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 4 (90).
- Вилькицкий Б.А.* Когда, как и кому я служил под большевиками. Воспоминания белогвардейского контр-адмирала. М.; Берлин, 2016.
- Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / отв. ред. А.Ю. Павлов. Т. 1–2. СПб., 2021.
- Гакгуев Р.Г.* «Адмирал становится для нас опасным подопечным». Оценка французским генералом М. Жаненом ситуации на белом восточном фронте в декабре 1918 г. // Омский научный вестник. Серия: Общество, история, современность. 2022. Т. 7. № 2. С. 10–16.
- Галкина Ю.М.* «Большевики — те же немцы»: деятельность представителей французской военной миссии на Юге России в 1918–1919 гг. // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. Материалы III Международной научно-практической конференции. Волгоград, 2021. С. 309–313.
- Галкина Ю.М.* Французская военная миссия в России в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018.
- Галкина Ю.М.* Французские резидентуры и их разведывательная деятельность на северо-западе России во время Гражданской войны // Новый исторический вестник. 2021. №1 (67). С. 24–38.
- Галкина Ю.М., Беспалова К.А.* «Дело Садуля»: Новый источник о революции 1917 года // Французский ежегодник. М., 2017. С. 354–369.
- Голдин В.И.* Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август–декабрь 1918 г. Архангельск, 2021.
- Игнатьев В.И.* Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (личные воспоминания). Ч. 1. (Октябрь 1917 г.—август 1919 г.). Петроград, Вологда, Архангельск. М., 1922.
- Из дневника ген. В.Г. Болдырева // Красный Архив. 1927. Т. 4 (32). С. 250–273.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 50. М., 1970.
- Марушевский В.В.* Год на Севере. Записки командующего войсками Северной области. М., 2019.
- Павлов А.Ю., Гельтон Ф.* В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2019.
- Фесьякова Е.П.* Французские военные миссии в России и восстание Чехословацкого корпуса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 71–80.
- Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1920–1922 гг. М., 2019.
- Delmas J.* L'État-major français et le Front Oriental apres la revolution bolchevique (novembre 1917 – 1 novembre 1918): thèse de doctorat. Paris, 1965.
- Hogenhuis-Seliverstov A.* Les relations franco-soviétiques, 1917–1924. Paris, 1995.
- Niessel H.A.* Le triomphe des Bolsheviks et la paix de Brest-Litovsk. Souvenirs 1917–1918. Paris, 1940.
- Noulens J.* Mon Ambassade en Russie Sovietique, 1917–1919. Vol. 2. Paris, 1933.
- Olivari H.* Mission d'un cryptologue francais en Russie (1916). Paris, 2008.
- Pascal P.* Mon journal de Russie, 1916–1918. Lausanne, 1975.
- Sinanoglou I.* Journal de Russie d'Albert Thomas // Cahiers du monde russe et soviétique. 1973. Dossier 14. № 1–2. P. 86–204.
- Sumner I.* The French Air Force in the First World War. Havertown, 2018.

References

- Bespalova K.A.* Ambicioznyj agitator i propagandist Zhak Sadul' [Ambitious agitator and propagandist Jacques Sadoul] // Voprosy istoricheskoy nauki. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Questions of historical science. Materials of the V International Scientific Conference]. Kazan', 2017. S. 1–4. (In Russ.)
- Bespalova K.A.* Igra na dva fronta: missiya kapitana Sadulya v Rossii (1917–1924 gg.) [Game on two fronts: captain Sadoul's mission in Russia (1917–1924)] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Journal of Education and Science "History"]. 2020. Vol. 11. Iss. 4 (90). (In Russ.)
- Feskova E.P.* Francuzskie voennye missii v Rossii i vosstanie Chekhoslovackogo korpusa [French military missions in Russia and the revolt of the Czechoslovak Corp] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Review of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]. 2019. № 6. S. 71–80. (In Russ.)
- Gagkuev R.G.* "Admiral stanovitsya dlya nas opasnym podopechnym". Ocenka francuzskim generalom M. Zhanenom situacii na belom vostochnom fronte v dekabre 1918 g. ["The Admiral is becoming a dangerous ward for us". French General M. Janen's assessment of situation on the White Eastern front in December 1918] // Omskij nauchnyj vestnik. Seriya: Obshchestvo, istoriya, sovremennost' [Omsk scientific review. Series: Society, history, modernity]. 2022. T. 7. № 2. S. 10–16. (In Russ.)
- Galkina Ju.M.* "Bolsheviki – te zhe nemtsy": deyatelnost' predstaviteley frantsuzskoy voyennoy na Juge Rossii v 1918–1919 gg. ["The Bolsheviks are the same as the Germans": the activities of the French military missions in the South of Russia. 1918–1919] // Voенно-istoricheskie aspekty zhizni Yuga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izucheniya i muzeifikacii. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Military-historical aspects of the life of the South of Russia 17–21 c.: questions of study and museumification. Materials of the III International conference]. Volgograd, 2021. S. 309–313. (In Russ.)
- Galkina Ju.M.* Frantsuzskaya voennaya missiya v Rossii v gody Pervoy mirovoj vojny: dis. ... kand. ist. nauk [French military mission in Russia during the First World War: diss. PhD]. Ekaterinburg, 2018. (In Russ.)
- Galkina Ju.M.* Frantsuzskiy rezydentury I ih razvedyvatelnaya deyatelnost' na severo-zapade Rossii vo vremya Grazhdanskoj vojny [French intelligence networks and its activities on the north-west of Russia during the Civi War] // Novy istorichesky vestnik [New historical review]. 2021. №1 (67). S. 24–38. (In Russ.)
- Galkina Ju.M., Bespalova K.A.* "Delo Sadulya": novyi istochnik o revolyutsii 1917 goda ["The case of Sadul": a new source for the study of the 1917 revolution] // Frantsuzsky ezhegodnik [Annual of French Studies]. Moskva, 2017. S. 354–369. (In Russ.)
- Goldin V.I.* Sever Rossii v ogne Grazhdanskoj vojny. Inostrannaya interventsia i yeyo posledstviya. Avgust–decabr' 1918 g. [Russian North in the fire of the Civil War. Foreign intervention and its consequences. August–December 1918]. Arhangelsk, 2021. (In Russ.)
- Ignat'ev V.I.* Nekotorye fakty i itogi 4 let Grazhdanskoi voyny (lichnye vospominaniia) [Some facts and results of the 4 years of the Civil War (personal memoirs)]. Ch. 1. (Okt'yabr' 1917 g. – avgust 1919 g.). Petrograd, Vologda, Arhangelsk. Moskva, 1922. (In Russ.)
- Iz dnevnika gen. V.G. Boldyreva [From the diary of gen. V.G. Boldyrev] // Krasny Arkhiv [Red Archive]. 1927. T. 4 (32). S. 250–273. (In Russ.)
- Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochineniy [Collected works]. T. 50. Moskva, 1970. (In Russ.)
- Maryshevsky V.V.* God na Severe. Zapiski komanduyushhego voyskami Severnoy oblasti [A year on the North. Memoirs of the commander of the Northern district army]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Pavlov A.Yu., Guelton F.* V kabinetah i okopah: frantsuzskiy voennyye missii v Rossii v gody Pervoy mirovoj vojny [In cabinets and trenches: the French military missions in Russia during the First World War]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)
- Tsvetkov V.Zh.* Beloye delo v Rossii: 1920–1922 gg. [White Movement in Russia: 1920–1922]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Vilkitsky B.A.* Kogda, komu i kak ya slizhil pod bolshevikami. Vospominaniya belogvardejskogo admirala [When, for whom and how did I serve under the Bolshevik power. Memoirs of the white guard's admiral]. Moskva; Berlin. 2016. (In Russ.)
- Vrag, protivnik, soyuznik? Rossiya vo vneshney politike Frantsii v 1917–1924 gg. [Enemy, adversary, ally? Russia in the French foreign policy in 1917–1924] / otv. red. A.Ju. Pavlov. T. 1–2. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)
- Delmas J.* L'État-major français et le Front Oriental apres la revolution bolchevique (novembre 1917 – 1 novembre 1918): these de doctort. Paris, 1965.
- Hogenhuis-Seliverstov A.* Les relations franco-soviétiques, 1917–1924. Paris, 1995.
- Nissel H.A.* Le triomphe des Bolsheviks et la paix de Brest-Litovsk. Souvenirs 1917–1918. Paris, 1940.
- Noulens J.* Mon Ambassade en Russie Sovietique, 1917–1919. Vol. 2. Paris, 1933.
- Olivari H.* Mission d'un cryptologue francais en Russie (1916). Paris, 2008.
- Pascal P.* Mon journal de Russie, 1916–1918. Lausanne, 1975.
- Sinanoglou I.* Journal de Russie d'Albert Thomas // Cahiers du monde russe et soviétique. 1973. Dossier 14. № 1–2. P. 86–204.

DOI: 10.31857/S013038640025099-6

© 2023 г. В.В. ДАМЬЕ

ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1922 года ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ АНАРХИСТОВ

Дамье Вадим Валерьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: vaddam@mail.ru

Scopus Author ID: 57224402135; ORCID: 0000-0003-2073-2850

Аннотация. В статье рассматривается отношение российских анархистов и анархо-синдикалистов к Генуэзской конференции 1922 г. и участию в ней представителей Советской России. Данная тема не получила специального освещения в работах исследователей анархизма, которые до сих пор занимаются, в первую очередь, изучением общей позиции российского анархизма в отношении советской власти и по вопросу о НЭПе, проблем антианархистских репрессий в России и идейно-организационных процессов в российской анархистской эмиграции. Автор поставил перед собой задачу выявить место, которое занимала критика «генуэзской политики» советского правительства в идейных концепциях и политической работе анархистов, и проследить ключевую линию их аргументации. Основным источником при написании статьи послужила оригинальная пресса российских анархистов 1922–1923 гг. (в первую очередь эмигрантская).

В статье показано, что взгляд российских анархистов на Генуэзскую конференцию определялся, в первую очередь, идейными мотивами и их общим анализом хода и судеб самой российской революции. Будучи антигосударственниками, анархисты не имели какой-либо особой концепции внешней политики и были равнодушны к государственным интересам. «Генуэзская политика» воспринималась ими как проявление и подтверждение нового курса большевиков, в котором они усматривали ориентацию на восстановление позиций частного капитала внутри самой России и на подчинение мировому капиталу в международных масштабах. Планировавшиеся или реальные уступки советской делегации на конференции и репрессии против российских анархистов и социалистов были в их глазах двумя сторонами «большевистской контрреволюции». Критика в адрес большевизма анархистской эмиграции в связи с Генуэзской конференцией и после нее способствовала размежеванию в международном профсоюзном революционно-синдикалистском движении и созданию анархо-синдикалистского Интернационала.

Ключевые слова: анархисты, анархо-синдикалисты, большевизм, Генуэзская конференция 1922 г., новая экономическая политика, репрессии, Советская Россия.

V.V. Damier

The Genoa Conference of 1922 Through the Eyes of Russian Anarchists

Vadim Damier, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vaddam@mail.ru

Scopus Author ID: 57224402135; ORCID: 0000-0003-2073-2850

Abstract. In the article the author examines the attitude of Russian anarchists and anarcho-syndicalists to the 1922 Genoa Conference and the participation of representatives of Soviet Russia

in it. This subject has not received much coverage in the works of anarchism scholars, who have so far focused primarily on the study of the general stance of Russian anarchism towards the Soviet regime and the issue of the New Economic Policy, on the problem of anti-anarchist repressions in Russia and on the ideological and organisational processes in the Russian anarchist emigration. The author made it his task to identify the place that the critique of the “Genoa policy” of the Soviet government enjoyed in the ideological concepts and political work of the anarchists, and to trace the main line of their reasoning. The main source for this article was the original, mainly émigré, press of the Russian anarchists between 1922 and 1923.

The author demonstrates that the Russian anarchists’ view of the Genoa Conference was primarily determined by ideological motives and their general analysis of the course and fate of the Russian Revolution itself. Being anti-statists, the anarchists had no particular conception of foreign policy and were indifferent to so-called state interests. The “Genoa policy” was perceived by them as a manifestation and confirmation of the new Bolshevik course, in which they saw an orientation towards restoring the positions of private capital within Russia itself and towards subordination to world capital on an international scale. Planned or real concessions on the part of the Soviet delegation at the Conference and repression of Russian anarchists and socialists were, in their eyes, two sides of the “Bolshevik counter-revolution”. The criticism of Bolshevism mounted by the anarchist emigration in connection with and after the Genoa Conference contributed to the demarcation in the international trade union revolutionary-sindicalist movement and the founding of the anarcho-sindicalist International.

Keywords: anarchists, anarcho-sindicalists, Bolshevism, Genoa Conference, New Economic Policy, repressions, Russia.

27 марта 1922 г. советская делегация через Ригу и Берлин отбыла на международную конференцию по экономическим и финансовым вопросам, которая открывалась 10 апреля в итальянском городе Генуя. К этому событию было, вне всякого сомнения, приковано внимание всего мира, поскольку на этом форуме, как ожидалось, должны были обсуждаться не только чисто «хозяйственные» проблемы реконструкции Европы, но фактически и будущая конфигурация всей мировой системы. Для Советской России же речь шла, по словам наркома внешней торговли Л.Б. Красина, ни много ни мало о «предстоящих переговорах с Европой об условиях мира»¹. Именно этот пункт — выстраивание отношений новой Советской России с другими государствами — и делал конференцию важнейшим событием для российских деятелей и общественно-политических течений всех толков и направлений: от правящей большевистской партии до преследуемой ею оппозиции слева и справа, а также для эмиграции.

Анархисты, несомненно, были весьма влиятельной силой в период Великой российской революции 1917–1921 гг. Ряды их сторонников насчитывали тысячи (а если прибавить к «идейным» еще и участников массовых движений — «махновцев», «роговцев» и т.д. — и членов профсоюзов синдикалистского толка, то десятки тысяч) человек. Даже после их разгрома победоносными большевиками анархисты годами еще продолжали активно бороться в подполье². Некоторые, напротив, были признаны новой властью и сотрудничали с ней. Среди этих последних был и Г.Б. Сандомирский — в прошлом весьма

¹ Цит. по: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019. С. 396.

² О роли анархистов в Великой российской революции см., например: *Ермаков В.Д.* Российский анархизм и анархисты (вторая половина XIX — конец XX веков). СПб., 1996; *Его же.* Анархистское движение в России. История и современность. СПб., 1997; *Дамье В.В.* Стальной век. Социальная история советского общества. М., 2013; *Талеров П.И.* Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860-е — 1920-е гг. СПб., 2016; *Кривенький В.В.* Анархистское движение в России в первой четверти XX в.: теория, организация, практика. М., 2018; *Рублев Д.И.* Российский анархизм в XX веке. М., 2019; *Его же.* Черная гвардия. Московская Федерация Анархистских групп в 1917–1918 гг. М., 2020; *Рябов П.В.* Анархизм: от Прудона до новейшего российского анархизма. М., 2020; и др.

видный и авторитетный анархист-коммунист, который, выступая за союз с большевиками, официально не отрекался от своих убеждений. Считая, что «рабочий класс России не пошел за учениками Бакунина» и «на пути к своему интегральному освобождению он нашел нужным остановиться на переходной форме Советского государства»³, Сандомирский ратовал за «сближение между коммунистами и анархистами в России и смягчение обостренных отношений между ними на Западе»⁴. Как высокопоставленный сотрудник Наркомата по иностранным делам РСФСР (заведующий Информационным отделом), он был включен в состав советников советской делегации в Генуе в 1922 г. В его задачи входило, в частности, налаживание связей с иностранными анархистами и революционно-синдикалистскими профсоюзами, которые в начале 1920-х годов представляли собой внушительную силу в рабочем движении таких стран, как Испания, Италия, Франция, Португалия и других. Уже один факт включения «советского» анархиста в число тех, кто был отправлен в Геную, должен был привлечь внимание анархистов к этому событию и окружавшим его обстоятельствам.

В данной статье речь пойдет о восприятии и оценке российскими анархистами Генуэзской конференции и советской внешней политики того периода. К сожалению, этот аспект не получил достаточно подробного освещения в трудах историков. Исследователей больше интересует общая позиция российского анархизма в отношении советской власти и по вопросу о НЭПе, проблема антианархистских репрессий в России и идейно-организационные процессы в российской анархистской эмиграции. Попытаемся восполнить «лакуну» и показать, какое место занимала критика «генуэзской политики» советского правительства в идейных концепциях и политической работе анархистов.

Само выявление конкретных высказываний российских анархистских активистов и групп относительно Генуи — занятие весьма трудоемкое. Следует учитывать то обстоятельство, что как раз первая половина 1922 г. была для них сложным периодом реорганизации и перестройки рядов после катастрофического разгрома движения восторжествовавшей большевистской диктатурой.

В самой Советской России не было возможности легально высказать критические суждения и оценки. Уже в конце 1920 г. была разгромлена одна из самых мощных и радикальных анархистских организаций — Конфедерация анархистских организаций Украины «Набат», чьи члены были связаны с махновским движением. После подавления Кронштадтского восстания репрессии нарастали. Осенью 1921 г. были арестованы ведущие деятели Всероссийской секции анархо-универсалистов; работа объединения фактически прекратилась, а ее печатный орган — журнал «Универсал» — закрыт. В начале 1922 г. прекратился выпуск журнала Всероссийской федерации анархистов и анархистов-коммунистов «Вольная жизнь». Легальное анархистское издание «Почин», все еще выходившее в Москве, подвергалось жестокой цензуре. Лояльные советской власти группы («Свободное объединение анархистов», «биокосмисты» и т.д.) избегали всерьез критиковать политику государства⁵.

С другой стороны, новая анархистская эмиграция из России ко времени Генуэзской конференции еще только организовывалась по-настоящему. Группа виднейших деятелей движения, включавшая В.М. Волина, Г.В. Горелика, М.Я. Мрачного, Г.П. Максимова, Е.З. Ярчука и других, была выслана из страны в январе 1922 г. Группа русских анархистов в Германии (ГРАГ) оформилась в Берлине весной 1922 г.⁶, а свой печатный орган

³ Сандомирский Г.Б. Ленинизм и бакунизм // Анархистские движения России и Русского Зарубежья. Документы и материалы 1922–1941 гг. М., 2021. С. 117.

⁴ Заявление Г.Б. Сандомирского в ЦК РКП(б) с требованием прекращения репрессий против анархистов // Там же. С. 263.

⁵ См.: Рублев Д.И. Российский анархизм в XX веке. С. 437–440.

⁶ О создании группы было официально объявлено в марте 1922 г.: Воззвание Группы русских анархистов в Германии об основных задачах и направлениях ее деятельности // Анархистские движения... С. 318–320.

— журнал «Анархический вестник» — смогла начать издавать только в 1923 г. Анархо-синдикалистские эмигранты, учредившие Заграничное бюро по созданию Российской конфедерации анархо-синдикалистов (РКАС), выпустили свой журнал «Рабочий путь» также только в 1923 г.⁷ До этих пор высланные или бежавшие из Советской России анархисты вынуждены были ограничиться публикациями в зарубежной анархистской печати или в изданиях предыдущей волны российской анархистской эмиграции.

Важнейшими из таких периодических изданий, которые служили также трибуной для новых эмигрантов, стали «Американские известия», «Волна» и «Голос труда». Газета «Американские известия» (1920—1924) была органом Федерации русских профсоюзных и культурно-просветительских организаций США и Канады и выходила до июня 1921 г. ежедневно, а затем еженедельно. Журнал «Волна» (1920—1924) издавали русские анархо-коммунисты Северной Америки. Еженедельную газету «Голос труда» (1921—1930) выпускала в Буэнос-Айресе Федерация русских рабочих организаций Южной Америки⁸. Публикации на страницах этих изданий позволяют судить, как оценивали российские анархисты Генуэзскую конференцию.

Прежде всего, очевидно, что сама конференция и вообще вся внешняя политика большевистского правительства рассматривалась ими в контексте анализа сути и предполагаемых последствий новой экономической политики как своего рода внешнеполитическая сторона НЭПа. Следует отметить, что анархисты приветствовали отказ от продразверстки и уменьшение давления на крестьянство, но расценивали поворот к НЭПу отрицательно, считали его частью «реакции мировой буржуазии». Они осуждали поощрение частной торговли и частной собственности, дальнейшее сворачивание гражданских свобод, усиление контроля над обществом со стороны спецслужб, нарастание репрессий против оппозиционных социалистов, полное подчинение власти и огосударствление профсоюзов и кооперативов. Экономический строй Советской России (а затем и СССР) анархисты рассматривали как государственный капитализм⁹. Иными словами, это было, в их представлении, проявлением, как выражался редактор анархистского издания «Почин» А.М. Атабекян, «отступательного хода революции»¹⁰. И уступки большевиков «мировой буржуазии» были, в глазах анархистов, продолжением уступок буржуазии в самой России.

«И напрасно Ленин и Ко, отдавая свою вотчину, РСФСР, в эксплуатацию иностранным и русским капиталистам, рассчитывает поправить свои дела предвидением будущих международных осложнений. Этого ему не дожидаться! У русских есть пословица: “Коготок увяз — всей птичке пропасть!” — писал осенью 1922 г. нелегальный анархистский журнал “Туркестанский набат”, выпускавшийся ссыльными в Ташкенте. — Очевидно, долго живя за границей, т. Ленин про нее забыл. Но у Ленина может быть еще другой расчет. Он, быть может, думает, что заграничный пролетариат, ведь не напрасно же он посылал на десятки миллионов своей литературы за границу, организовавшись, сделает у себя подобно Российской революции... И тогда он, Ленин, выгонит заграничных капиталистов из своих владений. Но и тут его надеждам, по нашему мнению, не суждено сбыться. Все прелести Российской революции воочию показали как капиталистам, так и трудовому народу, какая и кому от нее польза»¹¹.

⁷ См.: Дамье В.В. Берлинский центр российской анархистской эмиграции (1920-е годы) // Прямухинские чтения 2009 года. М., 2011. С. 60—72.

⁸ Анархистские движения... С. 643—644, 701.

⁹ См. подробнее: Рублев Д.И. Годы становления СССР и НЭП: взгляд анархистов // IX Плехановские чтения. «Союз Советских Социалистических Республик, 1922—1991 гг.: исторический тупик или перспектива исторического развития?». СПб., 2010. С. 43—48.

¹⁰ Заявление А.М. Атабекяна в ЦК РКП(б) с просьбой о разрешении издавать газету «Почин» без предварительной цензуры // Анархистские движения... С. 52. Статья Атабекяна с критикой НЭПа для «Почина» была запрещена цензурой.

¹¹ Журнал «Туркестанский набат» // Анархистские движения... С. 145—146.

В том же духе высказывалась и российская анархистская эмиграция. «Назревают новые жгучие вопросы, введена “всерьез и надолго” новая экономическая политика, тысячи рабочих отдаются “рабоче-крестьянской властью” в кабалу “своим” и чужеземным капиталистам. Радеки, Красины и Раковские едут на поклон к Пуанкаре и Ллойд-Джорджу, призывая в то же самое время к единству пролетарского фронта с Носке, Шейдеманом и другими реформистами», — заявлялось, например, в воззвании Заграничного бюро по созданию РКАС, выпущенном в конце 1922 — начале 1923 г.¹²

Характерно, что практически такие же оценки попыткам большевиков договориться с капиталистическими государствами давали и другие оппозиционные леворадикальные силы в России. Этот взгляд нашел свое отражение позднее в резолюции по международному положению, которая была принята I Всероссийским съездом Объединения партии левых эсеров и Союза эсеров максималистов. Советская Россия «якобы под давлением трудового крестьянства и “объективных” экономических законов должна была вернуться на “нормальный” путь капиталистического развития и буржуазно-дипломатических отношений», — говорилось в решении¹³. Советское правительство «стремится к установлению длительных деловых отношений с буржуазно-правительственными властями мира». Это «нэповская политика в мировом масштабе»¹⁴.

Позиция российских анархистов в этом отношении мало чем отличалась от мнения многих их товарищей за рубежом. Журнал «Волна» летом 1922 г. напечатал перевод статьи видного французского анархиста С. Фора, написанной им еще перед Генуэзской конференцией. Автор делал вывод, что большевистская власть готова идти на далеко идущие уступки, что свидетельствует об изначальной и неминуемой порочности их эксперимента по строительству социализма «сверху», через государство. «В нашем распоряжении сейчас не менее точные сведения о маневрах коммунистической партии, предпринятых для захвата власти, о последовавших мероприятиях и фатальных последствиях диктатуры этой партии, о возбуждении, вызванном ею как в России, так и вне ее, об удушении всякой, даже из ее рядов выходящей, конфликтной пропаганды, о режиме насилия и террора, обременяющем угнетенную Россию, о постепенном отказе от первоначальных достижений, о замаскированном повороте к государственному режиму, ставящему русский народ в такое же положение, как все другие, о концессиях, трактатах и уступках, приведших представителей пролетарского государства в Геную», — писал ветеран французского анархизма¹⁵. «Вот почему мы знали, что, любя искренне русскую революцию, мы, к величайшему прискорбию, будем очевидцами невообразимой драмы партии, призванной спасти революцию от всего и всех, которая после применения своих принципов и мероприятий, диктующихся основами доктрины ее, становится палачом той же революции. К сожалению, предсказания слишком полно сбылись: Русская революция переживает предсмертные судороги и вскоре получит свой смертельный удар в Генуе»¹⁶.

Внимательно следили за происходящим в Генуе «Американские известия», регулярно сообщавшие о ходе конференции.

Первые оценки и прогнозы появились еще до начала форума. Уже в номере от 22 февраля 1922 г. в «Американских известиях» в передовой статье «Дипломатическое лицемерие» говорилось: «Нас, разумеется, совсем не интересует, будут ли рады капиталистические страны присутствию на этой конференции “страшных” большевиков, какая

¹² Воззвание Заграничного бюро по созданию Российской конфедерации анархо-синдикалистов «К международному революционному пролетариату и анархическим организациям всех стран» с призывом об оказании помощи анархистскому движению России в борьбе с большевистской диктатурой // Анархистские движения... С. 325.

¹³ Союз эсеров-максималистов. Документы, публицистика 1906–1924 гг. М., 2002. С. 386.

¹⁴ Там же. С. 387.

¹⁵ Фор С. Русский эксперимент // Волна. Ежемесячный орган Федерации анархо-коммунистических групп. 1922. № 31. С. 20.

¹⁶ Там же. С. 21.

там будет вестись тонкая игра и кто кого оставит в дураках. Что бы, однако, на этой конференции ни случилось, с уверенностью можно сказать только одно, что благосостояние рабочих Англии, Америки, Франции, России и других стран ни на йоту не улучшится от того, что в Геную съедется кучка дипломатов, будет там болтать, кутить и транжирить народные деньги». Что касается участия большевиков, то, несмотря на все заявления Красина, что капитализм умирает, а Европа приближается к революции, они «даже на словах перестали быть храбры и свою социалистическую систему то и дело поддерживают капиталистическими подпорками. Как могут большевики говорить о борьбе с капиталистами, когда они сами в своем социалистическом строительстве шагу не могут ступить без капиталистов. Своих русских капиталистов не хватает, и они не брезгают и занимают теперь для поправления своих дел даже заграничных капиталистов, заманивая их к себе разными выгодными концессиями... О борьбе с капитализмом вы давно уже позабыли и, как и прежнее царское правительство, ищите поддержки у иностранных капиталистов не для того, чтобы уничтожить их, а чтобы с их помощью более упрочить свою власть и господство над измученным разными бедствиями трудовым народом России»¹⁷.

Дело давно уже не в принципах, а в элементарном торге, считали анархисты. В номере от 8 марта 1922 г. в передовой статье «Признание большевиков» «Американские известия» писали: «Большевистское правительство все время добивается признания со стороны капиталистических держав. Буржуазные правительства не прочь бы признать кремлевских правителей, но с разрешением этого вопроса не спешат с намерением выторговать себе за принятие большевиков в буржуазную семью возможно больше концессий, аренд и других доходных статей. Буржуазным правительствам все еще памятны большевистские шалости и первые дни революции, и они ожидают все новых доказательств, что в России больше нет «ужасных» большевиков, наводивших в 1917 году страх и трепет на робкие душонки капиталистов... В стремлении убедить мировую буржуазию в своем перерождении и безопасности большевистское правительство дало немало доказательств того, что оно образумилось и желает жить с буржуазными правительствами в добром согласии». Здесь появляется тема взаимосвязи между экономическим поворотом большевистского режима и усилением его репрессий против левых революционных сил, включая анархистов: «чтобы доказать свое всемогущество и еще больше угодить буржуазии, большевистское правительство начало отправлять на тот свет, сажать под замок и высылать из страны всех революционеров, осмелившихся протестовать против новой экономической политики — возвращения к капитализму». Признание большевиков буржуазными правительствами и предоставление Советской России кредитов не принесет никакой пользы рабочим и крестьянам, предсказывает газета. «За занятые деньги расплачиваться придется мужичку, а распоряжаться-то ими будут комиссары... на государственные надобности». Выход газета видела в анархической революции¹⁸.

Интересно, что закабаления России иностранным капиталом в результате сделки между большевиками и европейскими державами опасались не только анархисты, но и многие другие российские социалисты. Так, например, перед Генуэзской конференцией ЦК РСДРП и ЦК Бунда выпустили 16 февраля 1922 г. воззвание к рабочим Запада, призвав их добиться, чтобы конференция была использована для признания Советской России и оказания ей экономической помощи при условии получения некоторых гарантий. «Важно, однако, не только признание, но и условия его, оказание действительной помощи разоренной России, — говорилось, в частности, в заявлении. — Буржуазные правительства постараются превратить признание в орудие не помощи, а закабаления... Признание должно явиться условием не превращения России в колонию западноевропейского капитала, а энергичной, действенной финансовой и экономической помощи.

¹⁷ Дипломатическое лицемерие // Американские известия. Орган Российских рабочих организаций Соединенных Штатов и Канады. Нью-Йорк. 22.II.1922. С. 1.

¹⁸ Признание большевиков // Американские известия. 8.III.1922. С. 1.

Превращение России в колонию погубит русскую революцию и не принесет пользы народам Европы»¹⁹. К самой конференции меньшевики относились критически, видя в ней попытки западных держав колонизировать Россию, а с другой стороны — попытки большевистского правительства получить иностранные займы для укрепления своей власти, армии и полиции, а не для развития хозяйства. Только отмена Версаля и демократизация режима в России могли бы создать предпосылки для налаживания взаимовыгодных связей, причем без закабаления России иностранным капиталом²⁰.

Сходные оценки планов западных держав можно было обнаружить и в среде социалистов-революционеров. Так, например, В.М. Чернов подчеркивал, что западные государства добиваются возвращения долгов прежних правительств и компенсации за национализированную собственность иностранных граждан. Е.А. Сталинский на страницах эмигрантской «Воли России» отмечал, что возвращение большевистской России в экономическую и политическую структуру Европы возможно только на самых невыгодных условиях, таких как возмещение иностранных убытков от национализации, предоставление правовых гарантий развития бизнеса в России и отказ от пропаганды за рубежом и наращивания военной мощи. М.В. Вишняк предсказывал, что Россию вынудят признать старые долги, что больно ударит по ее экономике²¹. Выход из тупика как меньшевики, так и эсеры видели в ликвидации однопартийной диктатуры и переходе к демократическому режиму. Как видим, во многом перекликаясь с крайне левыми в оценке угрозы, умеренные социалисты, естественно, не разделяли их призывов к радикализации российской революции.

Но вернемся к анархистской эмиграции. «Американские известия» из номера в номер обличали то, что они рассматривали как закономерную капитуляцию большевиков перед буржуазией. «Продолжая говорить о социальной революции, коммунисты вновь вступили на путь полумер, полусоциалистических опытов — случайных мероприятий, бессистемной финансовой и экономической политики, и всей своей тактикой приспособления к моменту идут неуклонно по пути краха социальной революции, — утверждал в статье, опубликованной 22 марта 1922 г. М. В-н. — От социализма, национализации, муниципализации земли, фабрик, заводов и т.д. коммунисты докатились до иностранных концессий, капиталистических трестов фабрично-заводской промышленности. Как утопающий хватается за соломинку, так и партия коммунистов стремится на хвосте иностранной буржуазии удержаться у власти. Октябрьские завоевания идут насмарку. Коммунистическая партия — партия, именующая себя “рабоче-крестьянской властью”, — признав уже себя банкротом, быстрыми шагами идет к государственному капитализму. Идея советской власти попорана. ЦК партии коммунистов и они (так в тексте. — В.Д.) быстрым темпом катятся к буржуазно-демократическому строю — к мирному сожительству с буржуазией. А Генуэзская конференция, за которую так ухватилось “рабоче-крестьянское правительство”, вконец выбьет из революционной колеи “коммунистическую партию”, — и она с ее былой революционной тактикой превратится в партию “мирного изживания революционного социализма”»²².

На отъезд советской делегации во главе с Г.В. Чичериным в Геную «Американские известия» откликнулись передовицей, в которой повторили прежние прогнозы: «Большевики, вне всякого сомнения, хотят закабалить иностранным капиталистам (так в тексте. — В.Д.) две трети азиатской и европейской России. Несмотря на перепуг, вызванный русской революцией в буржуазном мире, и опасение возможности новой революции,

¹⁹ Воззвание ЦК РСДРП и Бунда по вопросу о международном признании Советской России // *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1921–1922 гг. М., 2002. С. 438.* При этом Ю.О. Мартов писал в Бюро ЦК РСДРП, что текст слишком слабый, недостаточно критичен к большевикам и несвоевременный. П.Б. Аксельрод полагал, что признание большевиков возможно только при выполнении ими ряда требований.

²⁰ *Волин С.* Меньшевизм в первые годы НЭПа // *Меньшевики после Октябрьской революции. Сборник статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона. [S.l.], 1990. С. 145–146.*

²¹ *Урядова А.В.* Советская Россия 1920-х годов: восприятие эмиграции. Ярославль, 2011. С. 246.

²² *В-н М.* Пять лет (1917–1922 гг.) // *Американские известия. 22.III.1922. С. 2.*

у известной части иностранных капиталистов имеется сильное желание полакомиться за счет природных богатств России. Особенно аппетиты разжигают богатые нефтяные источники на Кавказе, о купле-продаже которых больше, нежели о чем-либо другом, будут говорить на Генуэзской конференции». По утверждению газеты, «все уже подготовлено для того, чтобы приступить к насаждению капитализма в России. В Генуе останется только договориться насчет подробностей и гарантий». Газета предсказывала, что задавленные большевистской властью народные массы в данный момент не смогут помешать закабалению страны, но когда-нибудь они погонят в шею и иностранных капиталистов, и большевиков, которые тем помогают²³.

Газета обратила внимание на выступление в парламенте британского премьера Д. Ллойд-Джорджа, посвященное Генуэзской конференции, особо отметив его требования признать долги царского правительства и предоставить доказательства того, что «большевистское правительство справится с оппозицией, которая существует против его новой экономической политики». «Иными словами говоря, — комментировала анархистская газета, — английское правительство боится новой революции в России, которая может быть вызвана восстановлением капитализма»²⁴. Она отмечала, что Чичерину в Генуе был предъявлен «план воссоздания капиталистической России»²⁵, и сообщила, что тот в ответ на требования об уплате старых долгов выставил счет в 25 млрд долл. за убытки, причиненные интервенцией и гражданской войной. «Ллойд-Джордж уговаривает Чичерина взять обратно свой счет, так как он неприемлем для союзников»²⁶.

Сообщая о Рапальском соглашении между Россией и Германией об отказе от взаимных претензий, установлении дипломатических отношений и экономическом сотрудничестве, «Американские известия» воздержались от какой-либо содержательной оценки договоренности, но назвали договор, заключенный «под носом хитрого Ллойд-Джорджа», «не совсем приятным для союзников инцидентом», после которого союзные державы потребовали удаления Германии из комиссии по русскому вопросу. Но в той же заметке говорилось, что Чичерин готов на дальнейшие уступки: «Ответная нота Чичерина на требования союзных держав отличается большой уступчивостью. Советское правительство добивается признания его буржуазными правительствами и выдачи крупного займа. За все это оно соглашается признать царские долги и возвратить прежним частным собственникам отнятую у них собственность. Буржуазные правительства высказывают удовлетворение по поводу такого ответа, и теперь весь вопрос вертится вокруг выдачи займа большевикам и получения гарантий»²⁷.

Если для анархистов Рапалло было лишь незначительным эпизодом, вполне укладывавшимся в общую логику контрреволюционных событий, то умеренные социалисты, более внимательные к международной политике, отреагировали и более заинтересованно. Хотя печатный орган меньшевиков «Социалистический вестник» никак не откликнулся на заключение соглашения, как замечал социал-демократический эмигрант С.Ю. Волин, его антиверсальская направленность должна была импонировать российской социал-демократической эмиграции, но принцип «тайной дипломатии» не мог не вызвать раздражения²⁸. Что касается социалистов-революционеров, то они заключение Рапальского договора в принципе приветствовали. Близкая к эсерам эмигрантская газета «Голос России» сочла его служащим интересам народа и помогающим в развитии торговых связей и борьбе с голодом, хотя продолжала отмечать нелегитимность большевиков внутри страны²⁹.

²³ Поехали в Геную // Американские известия. 5.IV.1922. С. 1.

²⁴ Политические новости // Американские известия. 12.IV.1922. С. 1.

²⁵ Что даст России Генуя? // Американские известия. 19.IV.1922. С. 1.

²⁶ В Генуе // Там же. С. 3.

²⁷ В Генуе // Американские известия. 26.IV.1922. С. 1.

²⁸ Волин С. Указ. соч. С. 145–146.

²⁹ Урядова А.В. Указ. соч. С. 246.

Как известно, договоренности между большевистским правительством и правительствами стран Антанты в Генуе достичь не удалось. «Американские известия» сообщили, что конференция закончилась лишь устным соглашением участников воздерживаться от объявления войны в течение восьми месяцев и решением о передаче «русского вопроса» на рассмотрение комиссии экспертов³⁰. По мнению газеты, «вся работа конференции в Генуе, таким образом, сводится ни к чему»³¹. Но сам факт попытки достичь договоренности между большевистской властью и буржуазными правительствами в глазах анархистов подлежал осуждению, подтверждая сделанные прежде оценки. «После же всех экспериментов, фокусов и кунштюков, проделанных большевиками во время своего царствования в России, после Генуэзского лобызания с мировой буржуазией, после всех зверских расстрелов и расправ с революционерами — Москва утратила свою прежнюю притягательную силу, перестала быть символом освобождения рабочих и заставила их относиться подозрительно ко всему, исходящему от нее», — отмечала газета³².

В совместном заявлении «К мировому пролетариату» от имени «Всех организаций анархистов и анархо-синдикалистов России», которое было опубликовано в газете *Der Syndikalist*, органе германского анархо-синдикалистского профсоюзного объединения Свободный рабочий союз Германии, в мае 1922 г., стремление большевистского правительства к налаживанию отношений с капиталистическими государствами вновь тесно увязывалось с репрессиями против анархистов и других социалистов в Советской России. «Русское советское правительство признано крупными капиталистическими державами, — говорилось в заявлении. — “Коммунисты” и “революционеры” советской власти садятся за стол короля Италии и за обильно накрытым столом говорят о голоде и страданиях России. Наш долг теперь состоит в том, чтобы сорвать личину с физиономии коммунистических лакеев за королевским столом в Генуе, и наша задача еще раз, громче, чем когда-либо, поднять мощный протест против преследований в отношении рабочих и крестьян России, совершенно независимо от того, какие взгляды те могут иметь на русскую революцию. Мы требуем, чтобы анархисты и синдикалисты больше не становились жертвами тирании, чтобы их больше не расстреливали, как бешеных собак, как это делает коммунистическая партия России»³³. В заявлении далее перечислялись заслуги анархистов в ходе революции и факты «красного террора» и репрессий, приводились имена казненных, арестованных и заключенных в тюрьмы и лагеря и выдвигался призыв к трудящимся всего мира спасти репрессированных в России революционеров.

В том же ключе российские анархисты высказывались и позднее. Как отмечало в январе 1923 г. Заграничное бюро по созданию РКАС, инициированная им «кампания за освобождение из большевистских тюрем товарищей во многих странах была проведена довольно энергично, особенно в Италии, где в это время проходила Генуэзская конференция. В дальнейшем Бюро, зорко следя за событиями в России, было инициатором в выступлениях с протестом к международному пролетариату против жестокостей и преследований в России анархистов и анархо-синдикалистов. Кроме того, Бюро в

³⁰ Новости за неделю // Американские известия. 24.V.1922. С. 2.

³¹ Новости за неделю // Американские известия. 17.V.1922. С. 3.

³² Две конвенции // Американские известия. 10.V.1922. С. 1. Интересно отметить, что и социал-демократическая эмиграция констатировала, что Генуэзская конференция не решила такие основные проблемы послевоенной Европы, как репарационный вопрос и вопрос налаживания экономических отношений с Россией. Ф.И. Дан замечал, что большевистское правительство нуждается в кредитах как для спасения еще сохранившейся части народного хозяйства и смягчения валютного кризиса, так и для оплаты огромного бюрократического аппарата и армии. Но получить эти кредиты ему будет крайне трудно: Дан Ф. Итоги Генуи // Социалистический вестник. Берлин, 3.VI.1922. С. 6–9.

³³ An das Weltproletariat // *Der Syndikalist*. Organ der Freien Arbeiter-Union Deutschlands. 1922. № 18. S. 1.

значительной мере содействовало разъяснению постоянного положения в России, рассеивая большевистский гипноз»³⁴.

Российские анархисты и анархо-синдикалистские эмигранты систематически информировали западных товарищей и зарубежные рабочие организации о фактах большевистского террора, о расправах с анархистами Л. Черным, Ф. Барон и другими, о преследовании анархо-синдикалиста А. Шапиро, о положении политзаключенных, призывая пролетариат мира проявить с ними солидарность³⁵. Статьи с критикой большевизма, написанные В.М. Волиным и другими, публиковались в анархистских изданиях Италии, Франции и иных стран. Авторы призывали не идти на сотрудничество с большевиками, коммунистическими партиями и их сторонниками в профсоюзах.

Еще одна тема, которая звучала в кругах российской анархистской эмиграции, в том числе в связи с Генуэзской конференцией и репрессиями, — это действия так называемых «анархо-большевиков», т.е. тех бывших деятелей анархистского движения, которые признали большевистский режим и перешли к нему на службу. Сандомирский провел в Италии серию встреч с итальянскими анархистами, включая Э. Малатесту. В беседах с ними он защищал большевистскую власть и призывал к сотрудничеству с большевиками и коммунистическими партиями в мировом масштабе. Как раз в это время в мировом анархистском движении стал все чаще подниматься вопрос о репрессиях против анархистов и других левых радикалов в Советской России. Уже в мае 1922 г. Малатеста опубликовал в газете *Umanità Nova* серию статей с критикой в адрес Сандомирского. Ветеран итальянского анархизма оспаривал тезис «анархо-большевика», что режим Советской России следует поддерживать, так как любой, пришедший ему на смену, будет намного более реакционным. Он доказывал, что анархисту не следует выбирать «меньшее зло»³⁶. За этим последовал обмен письмами в редакцию между Сандомирским и Малатестой.

Во время конференции и сразу после нее итальянские анархисты организовали кампанию протеста против преследований революционеров в Советской России. «Целью этих протестов, — как объясняла позднее эмигрантская Группа русских анархистов в Германии, — было изобличить советскую власть в лице советской делегации в Генуе в преследовании анархистов и анархической идеи в России и в той или иной мере добиться облегчения участи анархистов, находящихся в советских тюрьмах». Л. Фабри и другие итальянские анархисты обратились к русским эмигрантам-анархистам за сведениями и информацией, и те предоставили материалы в газеты *Umanità Nova* и *L'Avvenire anarchico*. В разгар кампании Сандомирский выступил с большим интервью, в котором «защищал советскую власть, утверждая, что последняя является законным и единственно здоровым продуктом русской революции и что почти все русские анархисты так или иначе сотрудничают с нею». Эти заявления были немедленно перепечатаны пробольшевистской прессой в Италии, Франции и других странах. Более того, Сандомирский предложил итальянским товарищам выяснить вопрос об анархистах в России на встрече с Чичериным и «устроил, таким образом, последнему доступ в анархическую среду Италии», возмущалась ГРАГ. На встрече с итальянскими анархистами — редактором еженедельника *Il Libertario* П. Бинацци и другими — Чичерин заявил, что анархизм в России работает на законных основаниях и в тюрьмах нет ни одного идейного анархиста — только бандиты, прикрывающиеся именем анархистов. «В результате выступлений Сандомирского и Чичерина агитация в защиту анархистов потерпела неудачу», и в адрес эмигрантов

³⁴ Отчет Г.П. Максимова о деятельности Заграничного бюро по созданию Российской конфедерации анархо-синдикалистов // Анархистские движения... С. 327.

³⁵ См., например, воззвание, подписанное, наряду с зарубежными анархистами А. Беркманом, Э. Гольдман, Р. Роккером и А. Сухи, также анархистами-эмигрантами Г. Максимовым, М. Мрачным, А. Шапиро, В. Волиным и Е. Ярчуком: *Appel au Prolétariat Mondial: Le supplice des anarchistes russes* // *Le Libertaire*. 6.X.1922. P. 3.

³⁶ Цит. по: *Darch C. Nestor Makhno and Rural Anarchism in Ukraine, 1917–1921*. London, 2020. P. 142. Статьи Малатесты были опубликованы в номерах за 4, 16, 20 и 21 мая 1922 г.

посыпались недоуменные вопросы. В ответ те выпустили брошюру «Гонения на анархизм в Советской России», где привели описания репрессий и имена более 180 революционеров, убитых или арестованных в Советской России³⁷. В конце июня 1922 г. члены ГРАГ опубликовали в зарубежной анархистской прессе статью «Большевистские коммувиажеры», в которой говорилось, что Сандомирский не имеет права выступать от имени анархизма, так как уже отошел от анархистского движения в России. Авторы «указали, что Сандомирский сказал неправду итальянским товарищам, скрыв от них факт перманентной гражданской войны советвласти в деревне и в городе, скрыв от них подлинную историю гонений на анархизм в Советской России». Квалифицировав его как «анархо-большевика», эмигранты-анархисты предупредили, что «выступление Сандомирского в Италии перед лицом Генуи и перед лицом протестующих рабочих масс являлось делом, главным образом, советской власти», независимо от того, «выступал ли Сандомирский в порядке открытой официальной дипломатии или же в порядке добровольной неофициальной дипломатии»³⁸.

Анархисты-эмигранты в материалах, которые они публиковали в зарубежной анархистской прессе³⁹, давали соответствующую оценку его действиям во время Генуэзской конференции: «Мы высказываем там (в этих материалах. — В.Д.) то, что мы всегда думаем: а именно, что невозможно для анархиста быть начальником правительственного учреждения; что, несмотря на самые лучшие в свете намерения по отношению к нам и самую живую критику большевистского режима, Сандомирский на деле принимает ответственность в силу своей должности за все то, чем он пользуется, и за все то, что он вызывает»⁴⁰.

Под влиянием критики в адрес Сандомирского с открытым обличительным письмом к нему выступил франко-испанский анархист Г. Леваль, который в 1921 г. сам побывал в Советской России. Отвергнув аргументы «анархо-большевика» о необходимости, невзирая ни на что, защищать революцию в России, Леваль писал: «Нас мало волнует персональная ответственность; наша цель — обязать российское правительство отпустить удила, предоставить различным работникам революции свободу действий, которая, быть может, позволит им спасти ее дело»⁴¹.

Сандомирский также пытался апеллировать к зарубежной анархистской общественности. Он направил письмо французскому анархисту С. Фору, в котором поносил В.М. Волина и жаловался, что его якобы обвинили в провокаторстве. Характерно, что печатать письма Сандомирского газета *Le Libéraire* отказалась.

Что касается Заграничного бюро по созданию РКАС, то оно, не беря под защиту «анархо-большевизм», все же сочло обвинения в адрес Сандомирского преувеличенными. В принятой им резолюции отмечалось: «Мы не сомневаемся в честности и порядочности Сандомирского и не думаем, чтобы он был агентом полиции большевистского правительства; но неотрицаемо, он — должностное лицо этого правительства, даже высокое должностное лицо, высший агент, и это не очень-то совместимо с анархистскими идеями, которых приверженцем он еще себя заявляет»⁴². Возражения последовали и со стороны редакции «Почина» во главе с А. Атабекяном и А. Боровым.

29 ноября 1922 г. в «Американских известиях» появилась заметка В.М. Волина «Дополнительные данные о большевистских агентах», написанная от имени группы. В нем деятельность Сандомирского и другого «анархо-большевика» И. Гроссмана-Рошина оценивалась как агентурная работа для советской власти. Напоминалось также об участии

³⁷ Гонения на анархистов в Советской России. Берлин, 1922.

³⁸ К вопросу об анархо-большевизме и его роли в революции // Анархический вестник. Берлин, 1923. № 1. С. 70–71.

³⁹ См., например: *Gorelik A., Komoff A., Voline. Agents du Gouvernement bolchevik: Qu'est-ce que Sandomirski?* // *Le Libéraire*. 21.VII.1922. P. 2.

⁴⁰ К вопросу об анархо-большевизме и его роли в революции. С. 67.

⁴¹ *Leval G. Lettre ouverte à Sandomirski* // *Le Libéraire*. 13.X.1922. P. 2.

⁴² К вопросу об анархо-большевизме и его роли в революции. С. 68.

Сандомирского в качестве переводчика в советско-румынских переговорах о выдаче румынскими властями Нестора Махно. В.М. Волин и его товарищи пояснили, что «название “большевистский агент”, даваемое нами Сандомирскому, применяется к нему не в смысле наемной полицейской агентуры, а в общем смысле — в смысле служения большевистской государственной системе (агент — деятель)»⁴³.

Независимо от полемики вокруг ответственности конкретных персоналий, которая не способствовала улучшению отношений между различными фракциями российской анархистской эмиграции, общий тон и настрой дискуссии неуклонно бил «в одну точку». Российские анархисты поставили перед собой задачу рассказать мировому рабочему движению правду о том, что происходит в Советской России, и предостеречь от сотрудничества со сторонниками Коминтерна.

Как раз в 1922 г. разворачивался заключительный этап противоборства в массовых революционно-синдикалистских профсоюзах Европы и Южной Америки между сторонниками большевизма и Профинтерна, с одной стороны, и анархистами и их последователями (будущими анархо-синдикалистами) — с другой. Информация, полученная от российской анархистской эмиграции, играла важную роль в этом противостоянии⁴⁴. В зарубежной анархистской прессе стало появляться все больше статей с критикой большевизма и его политики, включая уступки частному и иностранному капиталу, концессии⁴⁵. Против вступления в Профинтерн и за создание нового синдикалистского Интернационала выступили в 1922 г. Итальянский синдикальный союз, Национальная конфедерация труда Испании, Всеобщая конфедерация труда Португалии, Центральная организация рабочих Швеции, Аргентинская региональная рабочая федерация и большинство других революционно-синдикалистских профсоюзов, учредивших в декабре 1922 — январе 1923 г. международную ассоциацию трудящихся — анархо-синдикалистский Интернационал. Одним из трех его секретарей был избран российский анархо-синдикалист А. Шапиро.

Как видим, взгляд российских анархистов на Генуэзскую конференцию определялся, в первую очередь, идейными мотивами и их общим анализом хода и судеб самой российской революции. Будучи антигосударственниками, анархисты не имели какой-либо особой концепции внешней политики и были равнодушны к так называемым государственным интересам. «Генуэзская политика» воспринималась ими как проявление и подтверждение нового курса большевиков, в котором они усматривали ориентацию на восстановление позиций частного капитала внутри самой России и на подчинение мировому капиталу в международных масштабах. Планировавшиеся или реальные уступки советской делегации на конференции и репрессии против российских анархистов и социалистов были в их глазах двумя сторонами одной и той же медали — «большевистской контрреволюции». Критика и обличение этого курса анархистами сыграли решающую роль в последовавшем окончательном размежевании между анархо-синдикалистскими профсоюзами мира и коммунистами (Коминтерном и Профинтерном).

Библиография

Американские известия. Орган Российских рабочих организаций Соединенных Штатов и Канады. Нью-Йорк, 1922 г.

Анархистские движения России и Русского Зарубежья. Документы и материалы 1922–1941 гг. М., 2021.

Гонения на анархистов в Советской России. Берлин, 1922.

⁴³ Там же. С. 72. Статья была перепечатана в анархистских изданиях других стран, например: *Voline. Données complémentaires sur les agents bolchevistes // Le Libertaire*. 15.XII.1922. P. 2.

⁴⁴ Подробнее см.: Дамье В.В. Забытый Интернационал. Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т. 1. М., 2006. С. 246–257.

⁴⁵ См., например: *Louis-Laerol J. La Trahison Bolcheviste // Le Libertaire*. 6.X.1922. P. 2.

- Дамье В.В. Забытый Интернационал. Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т. 1. М., 2006.
- Дамье В.В. Берлинский центр российской анархистской эмиграции (1920-е годы) // Прямухинские чтения 2009 года. М., 2011. С. 60–72.
- Дамье В.В. Стальной век. Социальная история советского общества. М., 2013.
- Дан Ф. Итоги Генуи // Социалистический вестник. Берлин, 3.VI.1922. С. 6–9.
- Ермаков В.Д. Российский анархизм и анархисты (вторая половина XIX – конец XX веков). СПб., 1996.
- Ермаков В.Д. Анархистское движение в России. История и современность. СПб., 1997.
- К вопросу об анархо-большевизме и его роли в революции // Анархический вестник. Берлин, 1923. № 1. С. 59–73.
- Кривенький В.В. Анархистское движение в России в первой четверти XX в.: теория, организация, практика. М., 2018.
- Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1921–1922 гг. М., 2002.
- Рублев Д.И. Годы становления СССР и НЭП: взгляд анархистов // IX Плехановские чтения. «Союз Советских Социалистических Республик, 1922–1991 гг.: исторический тупик или перспектива исторического развития?». СПб., 2010. С. 43–48.
- Рублев Д.И. Российский анархизм в XX веке. М., 2019.
- Рублев Д.И. Черная гвардия: Московская Федерация Анархистских групп в 1917–1918 гг. М., 2020.
- Рябов П.В. Анархизм: от Прудона до новейшего российского анархизма. М., 2020.
- Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019.
- Союз эсеров-максималистов. Документы, публицистика 1906–1924 гг. М., 2002.
- Талеров П.И. Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860-е – 1920-е гг. СПб., 2016.
- Урядова А.В. Советская Россия 1920-х годов: восприятие эмиграции. Ярославль, 2011.
- Фор С. Русский эксперимент // Волна. Ежемесячный орган Федерации анархо-коммунистических групп. 1922. № 31. С. 19–21.
- An das Weltproletariat // Der Syndikalist. Organ der Freien Arbeiter-Union Deutschlands. 1922. № 18. S. 1.
- Appel au Prolétariat Mondial: Le supplice des anarchistes russes // Le Libertaire. 6.X.1922. № 194. P. 3.
- Gorelik A., Komoff A., Voline. Agents du Gouvernement bolchevik: Qu'est-ce que Sandomirski? // Le Libertaire. 21.VII.1922. P. 2.
- Leval G. Lettre ouverte à Sandomirski // Le Libertaire. 13.X.1922. P. 2.
- Louis-Laerol J. La Trahison Bolcheviste // Le Libertaire. 6.X.1922. P. 2.
- Voline. Données complémentaires sur les agents bolchevistes // Le Libertaire. 15.XII.1922. P. 2.

References

- Amerikanskije Izvestija. Organ rossijskikh rabochih organizacij Soyedinnenyh Shtatov i Kanady [American News. The organ of the Russian workers' organizations of US and Canada]. New York, 1922. (In Russ.)
- Anarhistские dvizhenija Rossii i Russkogo Zarubezhja. Dokumenty i materialy 1922–1941 gg. [Anarchist movements of Russia and the Russian Diaspora. Documents and materials of 1922–1941]. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Damier V.V. Berlinskij centr rossijskoj anarhistskoj emigracii (1920-e gg.) [Berlin Center of Russian anarchist emigration (1920s)] // Prjamuhinskie chtenija [Pryamukhin Readings]. 2009 goda. Moskva, 2011. S. 60–72. (In Russ.)
- Damier V.V. Stal'noj vek. Social'naja istorija sovetskogo obshchestva [Steel Age. Social History of Soviet Society]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Damier V.V. Zabytyj Internacional. Mezhdunarodnoe anarho-sindikalistskoje dvizhenie mezhdum dvumja mirovymi vojnami [The Forgotten International. The International Anarcho-sindicalist movement between the Two World Wars]. T. 1. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Dan F. Itogi Genui [The results of Genoa] // Socialisticheskij vestnik [Socialist Bulletin]. Berlin, 3.VI.1922. S. 6–9. (In Russ.)
- Ermakov V.D. Anarhistское dvizhenie v Rossii. Istoriya i sovremennost' [Anarchist movement in Russia. History and modernity]. Sankt-Peterburg, 1997. (In Russ.)
- Ermakov V.D. Rossijskij anarhizm i anarhisty (vtoraya polovina XIX – konec XX vekov.) [Russian anarchism and anarchists (the second half of the 19th – the end of the 20th centuries)]. Sankt-Peterburg, 1996. (In Russ.)
- Faure S. Russkij eksperiment [Russian experiment] // Volna. Ezheimesjachnyj organ Federacii anarho-kommunisticheskikh grupp [Volna. Monthly organ of the Federation of Anarcho-Communist Groups]. 1922. № 31. S. 19–21. (In Russ.)
- Gonenija na anarhistov v Sovetskoy Rossii [Persecution of anarchists in Soviet Russia]. Berlin, 1922. (In Russ.)

K voprosu ob anarho-bol'shevizme i ego roli v revoljucii [On the question of anarcho-Bolshevism and its role in the revolution] // *Anarhicheskiy vestnik* [Anarchist Bulletin]. Berlin, 1923. № 1. S. 59–73. (In Russ.)

Kriven'kij V.V. Anarhistskoe dvizhenie v Rossii v pervoj chetverti XX v.: teorija, organizacija, praktika [Anarchist movement in Russia in the first quarter of the 20th century: theory, organization, practice]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Men'sheviki v bol'shevistskoj Rossii. 1918–1924. Men'sheviki v 1921–1922 gg. [Mensheviks in Bolshevik Russia. 1918–1924. Mensheviks in 1921–1922]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Rublev D.I. Chernaja gvardija: Moskovskaja Federacija Anarhistских групп v 1917–1918 гг. [The Black Guard: The Moscow Federation of Anarchist Groups in 1917–1918]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Rublev D.I. Gody stanovlenija SSSR i NEP: vzgljad anarhistov [The formative years of the USSR and the NEP: the view of anarchists] // IX Plehanovskie chtenija. “Sojuz Sovetskih Socialisticheskikh Respublik, 1922–1991 gg.: istoricheskij tupik ili perspektiva istoricheskogo razvitiya?” [IX Plekhanov Readings. “The Union of Soviet Socialist Republics, 1922–1991: a historical impasse or the prospect of historical development?”]. Sankt-Peterburg, 2010. S. 43–48. (In Russ.)

Rublev D.I. Rossijskij anarhizm v XX veke [Russian Anarchism in the 20th century]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Ryabov P.V. Anarhizm: Ot Prudona do novejshego rossijskogo anarhizma [Anarchism: From Proudhon to the Latest Russian Anarchism]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Sergeev E.Ju. Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnoshenija 1918–1924 gg.: ot intervencii k priznaniju [Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations 1918–1924: from Intervention to Recognition]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Sojuz eserov-maksimalistov. Dokumenty, publicistika 1906–1924 gg. [The Union of Socialist-Revolutionaries-maximalists. Documents, journalism 1906–1924]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Talerov P.I. Klassicheskij anarhizm v teorii i praktike rossijskogo revoljucionnogo dvizhenija. 1860-e – 1920-e gg. [Classical anarchism in the theory and practice of the Russian Revolutionary movement. 1860s – 1920s.]. Sankt-Peterburg, 2016. (In Russ.)

Urjadova A.V. Sovetskaja Rossija 1920-h godov: vosprijatie emigracii [Soviet Russia of the 1920s: Perception of Emigration]. Jaroslavl, 2011. (In Russ.)

An das Weltproletariat // *Der Syndikalist*. Organ der Freien Arbeiter-Union Deutschlands. 1922. № 18. S. 1.

Appel au Prolétariat Mondial: Le supplice des anarchistes russes // *Le Libéraire*. 6.X.1922. P. 3.

Gorelik A., Komoff A., Voline. Agents du Gouvernement bolchevik: Qu'est-ce que Sandomirski? // *Le Libéraire*. 21.VII.1922. P. 2.

Leval G. Lettre ouverte à Sandomirski // *Le Libéraire*. 13.X.1922. P. 2.

Louis-Laerol J. La Trahison Bolcheviste // *Le Libéraire*. 6.X.1922. P. 2.

Voline. Données complémentaires sur les agents bolchevistes // *Le Libéraire*. 15.XII.1922. P. 2.

© 2023 г. С.В. АРТАМОШИН

НАВСТРЕЧУ РАПАЛЛО: ПЕРСПЕКТИВА ГЕРМАНО-СОВЕТСКОГО СБЛИЖЕНИЯ В КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ МЁЛЛЕРА ВАН ДЕН БРУКА

Артамошин Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского (Брянск, Россия).

E-mail: artamoshinsv@mail.ru

Scopus ID: 57219485534

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения политической перспективы германо-советского сближения со стороны одного из ведущих представителей консервативной революции в Германии А. Мёллера ван ден Брука и его оценка рапалльского поворота германской политики в ходе Генуэзской конференции. Отражена эволюция взглядов консервативных сил на роль и место коммунистического движения в Германии, его взаимосвязь с большевизмом и Коминтерном. Изучаются аспекты политических контактов между политическими клубами германских коммунистов и большевистскими эмиссарами в Берлине и консервативным объединением «Июньский клуб». Исследуется анализ советского большевизма как наиболее вероятного партнера в вопросе преодоления условий Версальского мирного договора и перспектив политического сотрудничества с ним консервативных сил. Во взаимодействии с Советской Россией сторонники консервативной революции видели предпосылки для совместных действий против Польши, что находило понимание со стороны руководства германского рейхсвера во главе с Х. фон Сектом, стремившегося также к возможности согласованных действий, которые потеряли свой смысл после неудачи Красной армии под Варшавой, но в перспективе закладывали основу для политического сближения. Вместе с тем существовавшая полемика между А. Мёллером ван ден Бруком и К. Радеком по вопросу политической стратегии служит примером доминирования националистического подхода консервативной революции над интернационалистическим, который выступал отличительной чертой нового консерватизма от имперского консервативного монархизма.

Ключевые слова: Германия, внешняя политика, СССР, консервативная революция, Генуэзская конференция 1922 г., Рапальское соглашение 1922 г., Веймарская республика, Артур Мёллер ван ден Брук, Коминтерн.

S.V. Artamoshin

Towards Rapallo: The Prospect of German-Soviet Rapprochement in the Conservative Opinion Journalism of Moeller van den Bruck

Sergei Artamoshin, Bryansk State University acad. I.G. Petrovsky (Bryansk, Russia).

E-mail: artamoshinsv@mail.ru

Scopus ID: 57219485534

Abstract. In the article the author considers the problem of defining the political perspective of German-Soviet rapprochement from the perspective of one of the leading representatives of the Conservative Revolution in Germany, Arthur Moeller van den Bruck, and his assessment of the “Rapallo turn” of German foreign policy during the Genoa Conference. He also explores the evolution of the conservative forces’ views of the role and place of the communist movement in

Germany and its relationship with Bolshevism and the Comintern. He examines aspects of political contacts between the political clubs of German Communists and Bolshevik emissaries in Berlin and the conservative association the June Club. The author analyses Soviet Bolshevism as the most likely partner in overcoming the terms of the Treaty of Versailles and explores the prospects for political cooperation between it and conservative forces. The supporters of the Conservative Revolution saw cooperation with Soviet Russia as a prerequisite for joint action against Poland, which met with understanding from the leadership of the German Reichswehr, led by Hans von Seeckt, who also sought the possibility of concerted action, which was rendered meaningless after the failure of the Red Army at Warsaw, yet laid the foundation for political rapprochement in the future. At the same time, the ongoing debate on political strategy between Arthur Moeller van den Bruck and Karl Radek exemplifies the dominance of the nationalist vision of the Conservative Revolution over the internationalist one, which was the hallmark of New Conservatism compared to the imperial conservative monarchism.

Keywords: Germany, foreign affairs, USSR, Conservative Revolution, Genoa Conference of 1922, Rapallo Agreement of 1922, Weimar Republic, Arthur Moeller van den Bruck, Comintern.

Изучение консервативной революции в интеллектуальном пространстве Веймарской республики имеет определенную традицию в историографии как ФРГ, так и ГДР¹. Консерватизм в основном касался критики либерализма и либеральной системы, в то время как рассмотрение германо-советского сотрудничества и его обоснования в консервативной публицистике в основном было характерно для отдельных представителей консерватизма и национал-большевизма в годы Веймарской республики, таких как А. Мёллер ван ден Брук и Э. Никиш. В исследованиях О.-Э. Шюддекопфа и Л. Дюпе обращается внимание на оценки Мёллера ван ден Брука перспектив германо-советского сближения, но только в рамках развития коммунистического движения в Германии, институционально не входящего в КПП².

В монографиях, посвященных анализу творческого наследия немецкого консервативного мыслителя Мёллера ван ден Брука, в основном акцентируется внимание на его участии в издании собрания сочинений Ф.М. Достоевского в Германии, а также на его концепции «права молодых народов», чем на вопросах перспектив германо-советского сближения. В таком ключе оценивает восточную ориентацию политических взглядов Мёллера ван ден Брука Х.-Ю. Швирскотт³. В новейших германских исследованиях А. Шлютера данная проблема носит крайне фрагментарный характер, позволяющий автору лишь констатировать заинтересованность немецкого консерватора в проведении восточной политики⁴. Ф. Вайсс указывает на внимание Мёллера ван ден Брука к германо-советскому сотрудничеству, но не обращается к анализу его политической публицистики по данному вопросу⁵. В этой связи исследование перспектив германо-советского сближения и сотрудничества в политической публицистике Мёллера ван ден Брука позволяет восполнить пробел и проследить вариативность политического взаимодействия немецких консерваторов в первые годы Веймарской республики.

Германская революция ноября 1918 г. привела к падению Германской империи. Кайзер Вильгельм II бежал из страны. Казавшаяся стабильной и неизменной система империи пала.

¹ *Sonthheimer K.* Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politische Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München, 1964; *Gerstenberger H.* Der revolutionäre Konservatismus. Ein Beitrag zur Analyse des Liberalismus. Berlin, 1969; *Petzold J.* Konservative Theoretiker des deutsche Faschismus. Jungkonservative Ideologen in der Weimarer Republik als geistige Wegbereiter der faschistischen Diktatur. Berlin, 1982; *Breuer St.* Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993.

² *Schüddekopf O.-E.* Nationalbolschewismus im Deutschland. 1919–1933. Frankfurt a. M., 1972; *Dupeux L.* “Nationalbolschewismus” in Deutschland 1919–1933. München, 1985.

³ *Schwierskott H.-J.* Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik. Göttingen, 1962.

⁴ *Schlüter A.* Moeller van den Bruck. Leben und Werk. Köln, 2010. S. 322–324.

⁵ *Weiß V.* Moderne Antimoderne. Arthur Moeller van den Bruck und der Wandel des Konservatismus. Paderborn, 2012. S. 195–196.

Германии удалось избежать масштабной гражданской войны: она шла на пограничных территориях восточной части империи, так и сражений внутри страны, между республиканским правительством и Баварской советской республикой. Одновременно с политическими столкновениями стала вырабатываться и критическая оценка революции и утвердившейся Веймарской республики. Это касалось как конкурирующих с социал-демократами немецких коммунистов, нацеленных на захват власти и ликвидацию Веймарской конституции и создание немецкого коммунистического режима, так и монархических и националистических групп, стремящихся к свержению Веймарской демократии ради установления истинно немецкого правления, не связанного с деятелями и принципами германской революции 1918 г. Курс на мировую революцию или на создание националистического немецкого государства стал вектором развития политического процесса веймарской демократии, предлагаемым радикальными правыми и левыми политическими силами.

Наряду с правыми политическими партиями и политиками, которые в первые годы Веймарской республики старались измениться и найти свое место в новой политической системе, сплотившись вокруг Немецкой национальной народной партии, наиболее распространенной формой политического объединения стали политические клубы, которые, в отличие от партий, не были ориентированы на участие в парламентской деятельности, а представляли собой места политических контактов, обсуждений и политической пропаганды. Первоначально в рамках германской революции они способствовали дискуссии по злободневным вопросам, затем превратились в организации политической пропаганды, либо прекратили свое существование. Наравне с формой политической дискуссии ими использовалось объединение политических сторонников вокруг печатных органов, создание «круга друзей» газеты или журнала, выполнявшего двойственную функцию: с одной стороны, обеспечения распространения газеты и тем самым финансирования печатного издания, с другой стороны, объединения сторонников политической идеи, не входящих в состав политического клуба, но поддерживавших его политическую позицию и способных отдать свои голоса политическим силам, на которые ориентировались политические клубы. Таким образом, они выступали как непартийные организации, проводящие политическую агитацию и дающие ее сторонникам возможность проявлять политическую активность вне членства в определенной политической партии.

Среди берлинских политических клубов правой ориентации в первые годы Веймарской республики выделялся «Июньский клуб», который был основан вместо «Немецкого общества 1914 г.» через посредничество организации «Антибольшевистская лига» 13 июня 1919 г. Первое заседание прошло на квартире Г. фон Гляйхена в доме № 121(i) на Потсдамерштрассе, что позволило сначала именовать это общество как «И-клуб», по номеру корпуса дома. Свое политическое звучание «И-клуб» приобрел после подписания в Версале мирного договора 28 июня 1919 г. С этого момента он стал называться «Июньский клуб», что указывало на политическую позицию объединения, нацеленную на борьбу с условиями Версальского мира и Веймарской республикой, на которую возлагалась вина за кабальные ограничения мирного договора, будто бы у веймарского правительства была возможность отклонить ультимативные требования Антанты.

Наряду с «Июньским клубом» существовал и «Ноябрьский клуб» (названный в честь Ноябрьской революции), в котором собиралась берлинская интеллигенция, придерживавшаяся левых политических взглядов.

Стремление «Июньского клуба» начать политическую пропаганду выразилось в издании в 1919 г. «Малого политического словаря» под редакцией М.Х. Бёма, а также началом периодического издания газеты Die Gewissen («Совість»). В рамках клуба и на страницах газеты происходила выработка новых консервативных политических идей, нацеленных на формулирование критической политической позиции по отношению к германской революции и Веймарской республике. Ключевую роль в издании и деятельности «Июньского клуба» играл Мёллер ван ден Брук, ставший не только теоретиком нового

консерватизма, получившего название консервативной революции, но и душой самого клуба. Его трагическая смерть в 1925 г. привела к распаду объединения⁶.

Во многом концептуально ключевые положения представителей консервативной революции были сформулированы Мёллером ван ден Бруком. Можно утверждать, что высказанная им политическая позиция, попытка установления политических контактов с большевистскими эмиссарами в начале 1920-х годов, своеобразный интеллектуальный диалог между консервативной революцией и большевизмом послужили основанием для выработки конструктивного подхода к одобрению перспективы германо-советского сближения. В те годы в пестрой картине политических сил возникали с трудом понимаемые политические союзы, которые объединяли в себе, на первый взгляд, диаметрально противоположных людей. Но их политический диалог был обусловлен наличием общей политической позиции или общих политических противников. Политическая позиция Мёллера ван ден Брука представляла собой точку зрения сторонников восточной ориентации германской внешней политики, определяемой необходимостью противостояния Версальской системе. В реализации данной задачи большое значение имело нахождение политических союзников, чьи интересы могли быть объединены или чье положение на европейском пространстве оказалось схожим. Таким государством стала Советская Россия, которая после окончания Гражданской войны столкнулась с необходимостью политического признания и у которой на западных границах оказался общий с Германией политический враг – Польша. Советская ориентация внешнеполитических представлений Мёллера ван ден Брука объяснялась не столько его симпатией к России, сколько тем, что политический диалог с большевизмом позволял достичь германских целей. При этом значение имело и то, что среди многочисленных политических сил большевизм представлялся ему наиболее близким по причине креативности, практических действий и наличию готовности к реализации смелых и нестандартных политических шагов. С точки зрения политических элит Веймарской республики эта направленность консервативной революции сочеталась с заинтересованностью рейхсвера в преодолении ограничений, наложенных Версальским мирным договором на Германию. Хотя найти устойчивые контакты между А. Мёллером ван ден Бруком и Х. фон Сектом сложно, но политическая близость между генералами рейхсвера и членами «Июньского клуба» несомненна.

Как справедливо утверждал германский историк Г.-Й. Швирскотт, бремя Версаля предопределяло внешнеполитическую позицию консервативной революции⁷. Написанная Мёллером ван ден Бруком в первые послевоенные месяцы книга «Право молодых народов» имела политическую направленность, отражавшую германскую позицию в период Парижской мирной конференции. Но эта позиция не интересовала страны Антанты. Обращение Мёллера ван ден Брука к президенту США В. Вильсону имело политическую задачу побудить Вильсона, автора поддержанных Германией принципов нового мироустройства, изложенных в «14 пунктах», выступить в качестве защитника германских интересов. Мёллер ван ден Брук отнес США к числу «молодых народов», где вместе с Германией оказалась и Россия. Место германского государства на европейском пространстве представлялось Мёллеру ван ден Бруку достаточно четко: «Германия является естественным позвончиком континента, вокруг которого может сомкнуться и сгруппироваться все, что еще останется после войны европейским»⁸. Его призывы к политическому равноправию для «молодых народов» представляли собой скрытую тенденцию к сохранению за Германией политического влияния в Европе после окончания Великой войны. Подписанный 28 июня 1919 г. в Версале мирный договор развеял эти иллюзии и заставил Мёллера ван ден Брука избрать новую тактику политической борьбы.

⁶ Артамошин С.В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. СПб., 2018. С. 148–159.

⁷ Schwirskott H.-J. Op. cit. S. 44.

⁸ Moeller van den Bruck A. Das Recht der jungen Völker. München, 1919. S. 19.

Мёллер ван ден Брук возглавил сторонников консервативной революции, которые выступали за необходимость ориентации на Восток, т.е. за развитие германо-советских отношений: возможность нормализации германо-британских, а тем более германо-французских отношений была весьма сомнительной. В силу этого Мёллер ван ден Брук стал выступать с призывом создания «восточного фронта» против политики Антанты. Эта позиция совпадала с мнением части рейхсвера, которая считала необходимым рассмотрение действий Красной армии в ходе Гражданской войны в России как благоприятную предпосылку для решения германского вопроса в Силезии. Доходило до того, что предпринимался поиск возможных контактов между сторонами для совместного удара против польских национальных сил. Однако поражение Красной армии в сражении под Варшавой в 1920 г. сделало бесперспективным выработку возможного плана скоординированных действий советских и германских сил. Перспектива создания «антизападного фронта», предлагаемая консервативными революционерами в лице Мёллера ван ден Брука, основывалась не только на общем противнике в лице Польши, а за ней Франции и Великобритании, но и на представлениях о том, что общий враг определяется не только внешнеполитическими интересами, но и мировоззренческим единением, что делало советскую позицию привлекательной, так как она носила антизападный и антиантантовский характер. Это должно было сближать данные политические силы в борьбе против либеральной демократии.

Таким образом, утверждение Мёллера ван ден Брука о том, что ключевые проблемы современного германского послевоенного общества в основном предопределены ограничительными и унижительными для германского государства положениями Версальского мирного договора, имело далеко идущие последствия. Он считал, что веймарский политический порядок являлся следствием мирного договора, чуть ли не его творением, поэтому пересмотр политической системы Веймарской республики обусловлен необходимостью ревизии Версальского мира, т.е. внутриполитические проблемы могут быть разрешены посредством решения внешнеполитических⁹. Связка Версаль — Веймар стала для немецкого правого движения, вне зависимости от партийной принадлежности и времени деятельности, моделью политической пропаганды, позволявшей обеспечить привлечение как сторонников движений, так и потенциальный электорат, который мог бы усилить позиции немецких националистических правых сил в парламентской системе республики.

Начиная с 1920-х годов консервативная революция стала вести антилиберальную пропаганду, возлагая на либеральных и социал-демократических политиков ответственность за поражение Германии в Великой войне и последующий мир, превративший Германию в главного виновника этой войны. Мёллер ван ден Брук видел в подписании Версальского мира проявление политической слабости Германии. В силу вступления в действие версальских ограничительных статей и системы репараций в германском обществе ширилась тенденция к усилению политической власти, приданию ей авторитарного характера. Отсюда вытекал парадокс консервативных сил Германии, которые вынуждены были действовать революционно, не способствовать сохранению и стабилизации веймарской политической системы, а, наоборот, всячески вести ее к краху, стремиться к революционному ее изменению. Данное положение и объясняет парадоксальное определение веймарского консервативного течения, вошедшего в историю как консервативная революция.

Важнейшим компонентом политической деятельности консервативной революции, а точнее ее крыла, возглавляемого Мёллером ван ден Бруком, был поиск вероятных союзников. В этом направлении наметилась тенденция к установлению политических контактов как с большевистскими эмиссарами в Германии, в частности с К. Радеком, так и с самими немецкими коммунистами. Таким образом, рассматривался вариант объединения радикально правых и радикально левых в некий политический союз при оговоренных условиях. Данная направленность подчеркивает наличие политических сил среди несистемной оппозиции, которые стремились к выработке альтернативной по отношению к социал-демократической

⁹ Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. Hamburg; Berlin, 1931. S. 207.

позиции по вопросу политического сотрудничества с большевиками и их сторонниками в Германии. Фактически речь шла о создании контрреволюционного фронта против социал-демократических и либеральных политических сил¹⁰. Одним из факторов политического сближения должно было стать то, что консерваторы, так же как и немецкие коммунисты, считали Версальский мир несправедливостью, «великим обманом» немецкого народа¹¹. Версальский договор выступал французским диктатом над германскими территориями, позволившим Франции «утвердить свое континентальное доминирующее положение с помощью всех военных средств, цепляясь за параграфы и пулеметы»¹². Преодоление немецким народом Версальского мирного договора будет иметь существенные внутривнутриполитические последствия для германского государства, так как это позволит объединить политически расколотое общество и «немецкий пролетариат вернется к немецкой нации», писал Мёллер ван ден Брук¹³.

Предрасположенность деятелей консервативной революции к сотрудничеству с коммунистами совпала с тенденцией правительственных сил, возглавляемых рейхсвером, нацеленной на необходимость политического объединения с Советской Россией как средству политического противостояния доминированию Франции и Великобритании. Конференция в Генуе 1922 г. и подписание 16 апреля 1922 г. Рапалльского мирного договора между Веймарской республикой и Советской Россией являлись не ситуативным проявлением политической неудовлетворенности Германии и Советской России итогами конференции, а результатом продолжительного процесса поиска политического взаимодействия Берлина и Москвы.

Позиция консервативной революции в отношении заключения Рапалльского договора была высказана Мёллером ван ден Бруком, считавшим, что договор может стать основой для дальнейшего политического взаимодействия, направленного, прежде всего, на внутреннюю трансформацию германского общества в единую антиверсальскую систему, однако этот союз виделся консервативным революционерам как особое соглашение, предполагающее принцип невмешательства большевиков во внутренние дела германского государства, и уж точно не как большевизация Германии. Отличительной особенностью деятельности консервативной революции и немецких коммунистов была разноречивая направленность приложения их усилий. Так, консервативная революция в основном представляла собой интеллектуальное течение, стремящееся к выработке политических идей и проведению антивеймарской политической агитации. В то время как КПГ при поддержке Коминтерна стремилась к политической революции посредством проведения вооруженного восстания, в результате которого рассчитывала захватить власть в Германии. Консервативные революционеры надеялись, что им удастся провести разграничительную черту между германскими национальными и большевистскими интересами. Наглядно эта позиция Мёллера ван ден Брука проявилась в интеллектуальной полемике с Радеком относительно оценки деятельности Лео Шлагетера, расстрелянного 26 мая 1923 г. в Рурской области в результате неудачного проведения диверсионной антифранцузской акции. Захваченный французскими властями офицер фрайкора Лео Шлагетер был объявлен шпионом и саботажником и казнен. Его гибель от рук французских оккупационных войск в Рурской области превратила его в борца за свободу будущей Германии, вокруг его имени сложился политический миф¹⁴.

Интересно проследить динамику полемики Радека и Мёллера ван ден Брука на предмет понимания значения действий Шлагетера для развития германского революционного движения. На заседании расширенного пленума ИККИ в Москве 20 июня 1923 г. К. Радек

¹⁰ Ibid. S. 198, 148.

¹¹ Ibid. S. 120.

¹² Ibid. S. 229–230.

¹³ Ibid. S. 200.

¹⁴ Berghahn V.R. Der Stahlhelm. Bund der Frontsoldaten, 1918–1935. Düsseldorf, 1966. S. 39; Артемьев В.А., Кардашова Е.В. Фридрих Эберт — первый президент Германии. Воронеж, 2001. С. 230.

произнес речь «Лео Шлагетер, путник в никуда», в которой подчеркнул, что «Шлагетер, смелый солдат контрреволюции, заслуга которого для нас, солдат революции, состоит в обладании мужественностью и честью»¹⁵. Действия Шлагетера носили патриотический характер как выражение его партизанской борьбы против французских оккупационных войск, но имели особенность, которая сделала их бессмысленными. Радек как коммунист считал, что самоотверженная жертва Шлагетера в конечном счете превратилась в жертву не за будущую Германию, а за буржуазную Германию и интересы буржуазии. Тем самым Шлагетер выступил против интересов германского рабочего класса и формирования будущего германского коммунистического государства. Радек полагал, что следует объединить усилия радикальных сил справа и слева во имя единой борьбы против буржуазной Веймарской республики. Радек подчеркивал: «Если национальное дело Германии станет делом всего народа и будет начата борьба за права немецкого народа, только тогда оно привлечет на сторону немецкого народа активных друзей. ... Должен быть образован единый фронт всех трудящихся — работники умственного труда должны объединиться в одну фалангу с работниками физического труда»¹⁶. Радек возлагал надежду на использование потенциала символа Шлагетера во имя совершения мировой революции, превращая людей, подобных ему, в борцов за строительство будущей Германии. Радек подчеркивал, что «мы все сделаем, чтобы люди, такие как Шлагетер, были готовы идти за всеобщее дело на смерть, не путниками в никуда, а путниками в лучшее будущее всего человечества, что означало бы для них не разбрызгивать бескорыстно кровь во имя выгоды угольных и металлургических баронов, а за дело великого трудящегося немецкого народа, став членом семьи борющегося за освобождение народа. Коммунистическая партия будет говорить эту истину широким массам немецкого народа, так как она выступает не только партией борьбы за кусок хлеба для всех промышленных рабочих, она партия борющегося пролетариата, который сражается за свое освобождение, за свободу, равную свободе всего народа, которая объединяется со свободой всех, кто уверен, что сотни Шлагетеров ее услышат и поймут»¹⁷.

Мёллер ван ден Брук вступил с Радеком в дискуссию на страницах газеты *Die Gewissen* 2 июля 1923 г., дав схожее название своей статьи: «Путник в никуда». Он именовал Шлагетера «национальным героем», так как борьба, которую он вел, была борьбой за освобождение Германии. Мёллер ван ден Брук отвергал классовую основу этой борьбы, которой придерживался советский коммунист, и считал, что основанием борьбы может быть только национальное, а сама она может осуществляться только под руководством интеллектуалов¹⁸.

Мёллер ван ден Брук отводил Германии руководящую роль в антиверсальской борьбе, поэтому «немецкий народ в своей всемирной борьбе Германии против Запада, антантовского капитализма, мирового капитализма “опирается” на Восток — не на какие-нибудь правительства, а на Восток как таковой и поэтому на Россию»¹⁹. Он представлял большевизм как национальное русское движение. «Большевизм — русский. И он может быть только русским»²⁰. Большевистская Россия была примером успешного противостояния Западу и Антанте. «Красное знамя — это русское знамя. С этим знаком советское государство, вопреки Антанте как реакции, смогло добиться национальной самостоятельности»²¹.

Итоги Генуэзской конференции и заключенное во время ее работы Рапалльское соглашение закладывало основу для дальнейшего сотрудничества в противодействии не только

¹⁵ *Radek K.* Leo Schlageter, der Wanderer ins Nichts // *Moeller van den Bruck.* Das Recht der jungen Völker. Sammlung politischer Aufsätze. Berlin, 1932. S. 75.

¹⁶ *Ibid.* S. 78.

¹⁷ *Ibid.* S. 79.

¹⁸ *Moeller van den Bruck A.* Der Wanderer ins Nichts // *Moeller van den Bruck.* Das Recht der jungen Völker. Sammlung politischer Aufsätze. Berlin, 1932. S. 83.

¹⁹ *Ibid.* S. 84–85.

²⁰ *Moeller van den Bruck A.* Die Sozialisierung der Außenpolitik // *Moeller van den Bruck.* Das Recht der jungen Völker. S. 78.

²¹ *Moeller van den Bruck A.* Das dritte Reich. S. 211.

статьям Версальского мирного договора, но и должной трансформации веймарской системы в национальное авторитарное государство. Ключевая особенность позиции Мёллера ван ден Брука в оценке рапалльского поворота германской политики состояла в том, что он подчеркивал необходимость сохранения принципа невмешательства сторон в политику друг друга, т.е. исключение руководящей роли большевизма в формировании будущей Германии и превращении КППГ в филиал большевистской партии²². Таким образом, рассматривая СССР и большевизм как вероятного союзника в свержении демократической республики в Германии, он с одобрением относился к результатам Генуэзской конференции, давшей Германии, как и Советской России, возможность восстановить дипломатические отношения друг с другом и прорвать международную изоляцию обеих стран. Однако последовавший осенью 1923 г. штресемановский поворот германской политики на Запад привел к постепенному отходу восточных контактов Веймарской республики на второй план.

Поворот германской внешней политики на Восток в период Рапалльского договора воспринимался Мёллером ван ден Бруком как получение союзника в противостоянии западным странам и стремление к ревизии Версальского договора как предпосылка к внутренним преобразованиям германского общества. Такой подход не был единым для консервативных революционеров; он в основном характерен для тех, кто призывал к соединению национализма и социализма, например, для национал-большевизма, в частности Э. Никиша. Вместе с тем призыв к политическому сотрудничеству позволял привлечь внимание военных элит; генералы увидели в этом возможность преодоления военных ограничений и обеспечения подготовки будущих военных специалистов.

Библиография / References

Артамошин С.В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. СПб., 2018.

Артемов В.А., Кардашова Е.В. Фридрих Эберт — первый президент Германии. Воронеж, 2001.

Artamoshin S.V. Konservativnaya revolyuciya v intellektual'nom prostranstve Vejmarskoj respubliki [Conservative Revolution in the Intellectual Space of the Weimar Republic]. Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)

Artemov V.A., Kardashova E.V. Fridrich Ebert — pervyj prezident Germanii [Fridrich Ebert — first President of Germany]. Voronezh, 2001. (In Russ.)

Berghahn V.R. Der Stahlhelm. Bund der Frontsoldaten, 1918–1935. Düsseldorf, 1966.

Breuer St. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993.

Dupeux L. “Nationalbolschewismus” in Deutschland 1919–1933. München, 1985.

Gerstenberger H. Der revolutionäre Konservatismus. Ein Beitrag zur Analyse des Liberalismus. Berlin, 1969.

Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. Hamburg; Berlin, 1931.

Moeller van den Bruck A. Das Recht der jungen Völker. München, 1919.

Moeller van den Bruck A. Der Wanderer ins Nichts // Moeller van den Bruck. Das Recht der jungen Völker. Sammlung politischer Aufsätze / Hrsg. von H. Schwarz. Berlin, 1932.

Moeller van den Bruck A. Die Sozialisierung der Außenpolitik // Moeller van den Bruck. Das Recht der jungen Völker. Sammlung politischer Aufsätze / Hrsg. von H. Schwarz. Berlin, 1932.

Petzold J. Konservative Theoretiker des deutsche Faschismus. Jungkonservative Ideologen in der Weimarer Republik als geistige Wegbereiter der faschistischen Diktatur. Berlin, 1982.

Radek K. Leo Schlageter, der Wanderer ins Nichts // Moeller van den Bruck. Das Recht der jungen Völker. Sammlung politischer Aufsätze / Hrsg. von H. Schwarz. Berlin, 1932.

Schüddekopf O.-E. Nationalbolschewismus im Deutschland. 1919–1933. Frankfurt am Main, 1972.

Schlüter A. Moeller van den Bruck. Leben und Werk. Köln, 2010.

Schwiarskott H.-J. Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik. Göttingen, 1962.

Sonthheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politische Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München, 1964.

Weiß V. Moderne Antimoderne. Arthur Moeller van den Bruck und der Wandel des Konservatismus. Paderborn, 2012.

²² *Moeller van den Bruck A.* Der Wanderer ins Nichts. S. 85.

© 2023 г. А.В. ШУБИН

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ «ЕДИНОГО ФРОНТА» КОМИНТЕРНА НА ФОНЕ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ 1921–1922 годов

*Шубин Александр Владленович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*

E-mail: historian905@gmail.com

Scopus Author ID: 56825379300; Researcher ID: AAM-7818-2021

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению политики Коминтерна в контексте внешней политики советского государства в 1921–1922 гг. Динамика политики Коминтерна не была прямо привязана к советскому внешнеполитическому курсу и повороту к НЭПу в марте 1921 г., а имела свою внутреннюю логику развития. С помощью Коминтерна коммунистическое руководство имело пространство для маневра. Можно было радикально прощупать готовность капиталистического мира к новой волне революционной дестабилизации, а можно было перейти к умеренной политике длительной «осады» капитализма, что предполагало сближение с социал-демократией под лозунгом «единого рабочего фронта». К началу 1922 г., после острых дискуссий накануне и в ходе III конгресса Коминтерна, его политика постепенно синхронизировалась с внешнеполитическим курсом Советской России, что позволило использовать сближение с западноевропейской социал-демократией в интересах политики Народного комиссариата иностранных дел (НКВД). Однако дипломатический выигрыш от этого оказался незначительным, и после неудачи Генуэзской конференции Коминтерн продолжил проведение политики «единого фронта» уже вне непосредственной связи с задачами НКВД, а в качестве основы коммунистической стратегии борьбы за власть в странах Западной Европы. При этом, как во время переговоров с социал-демократами, так и в планировании революционных действий на IV конгрессе Коминтерна, коммунисты исходили из приоритета своей монополии на власть, рассматривая политику союзов и уступок как тактическую и временную, отказываясь от «политического НЭПа» и плюралистической модели многопартийного демократического социализма.

Ключевые слова: Коминтерн, Генуэзская конференция 1922 г., В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, К.Б. Радек, «мартовская акция» 1921 г., единый рабочий фронт, СССР, внешняя политика, международное коммунистическое движение, международные отношения.

A.V. Shubin

The Formation of the “United Front” Policy of the Comintern and Soviet Foreign Policy of 1921–1922

Aleksandr Shubin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: historian905@gmail.com

Scopus Author ID: 56825379300; Researcher ID: AAM-7818-2021

Abstract. The author examines the policies of the Comintern in the context of the Soviet foreign policy in 1921–1922. He demonstrates that the dynamics of the former was not directly tied to the course of the latter and the turn to the NEP in March 1921. The Comintern had its own internal

logic of development. With its help the communist leadership could manoeuvre between a more radical probing of the readiness of the capitalist world for a new wave of revolutionary destabilisation and a moderate policy of prolonged “siege” of capitalism, which involved rapprochement with social democracy under the banner of a “united workers’ front”. By early 1922, following sharp discussions on the eve and during the Third Congress of the Comintern, its policies were gradually synchronised with the foreign policy course of Soviet Russia, which allowed rapprochement with West European Social Democracy to be exploited in Soviet foreign interests. However, there was little diplomatic gain from this, and after the failure of the Genoa Conference the Comintern continued to pursue a “united front” policy, no longer directly linked to the objectives of the People’s Commissariat for Foreign Affairs, but as the basis of the Communist strategy for the struggle to ascend to power in Western Europe. At the same time, both in negotiations with the Social Democrats and in planning at the Fourth Congress of the Comintern, the Communists prioritised their monopoly on power, regarding the policy of alliances and concessions as tactical and temporary, rejecting the “political NEP” and the pluralist model of multi-party democratic socialism.

Keywords: Comintern, 1922 Genoa Conference, Vladimir Lenin, Grigory Zinoviev, Karl Radek, “March Action” 1921, united workers’ front, USSR, foreign policy, international communist movement, international relations.

Советская внешняя политика 1921–1922 гг. не обижена вниманием историков¹. Это было время активной дипломатической борьбы за выход Советской России из международной изоляции, встречного стремления части западноевропейских политиков к послевоенному урегулированию на востоке Европы, заключения советско-британского торгового соглашения 16 марта 1921 г., Рижского мира 18 марта 1921 г., эпической Генуэзской конференции, на полях которой было заключено советско-германское Рапалльское соглашение 16 апреля 1922 г., а также Гаагской конференции, несколько двусмысленно завершившей этот драматичный период. Несмотря на неудачу попытки всестороннего урегулирования политико-экономических отношений на востоке Европы, события 1922 г. сформировали границы, в которых затем происходила «полоса признаний» СССР. При описании перипетий в дипломатическом контексте иногда упоминается и политика Коминтерна. Но в целом историография Коминтерна развивается по своей логике — этот период рассматривается как важный этап эволюции стратегии коммунистического движения². В центре внимания исследователей истории Коминтерна (как и коммунистов того времени) оказывается политика «единого рабочего фронта», которая имеет корни прежде всего в самом коммунистическом движении, но коррелируется и с внешнеполитическими задачами Советской России, и с внутривнутриполитическим «отступлением» новой экономической политики (НЭП). Эта самоочевидная корреляция, тренд к умеренности, как бы избавляет исследователей от детализации соотношения этих трех аспектов коммунистической политики. Для исследователей советской внешней политики Коминтерн прилагается к ней как инструмент Москвы. Исследователи же Коминтерна соотносят его эволюцию с обстоятельствами политической борьбы в странах, где компартии приобрели влияние, а также с ситуацией внутри России, которая уже опосредованно связана с динамикой внешней политики. Интересно было бы более детально проследить синхронизацию и асинхронность развития этих трех аспектов коммунистической политики: внутривнутриполитическая эволюция коммунистического режима в начале НЭПа, советская

¹ Обзор литературы см., например: Быстрова Н.Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М.; СПб., 2000. С. 9–13.

² Макдермотт К., Агню Д. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000. С. 43–57; История Коммунистического Интернационала. 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002. С. 36–39; Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2009. С. 73–106; Левая альтернатива в XX веке: драма идей и судьбы людей. К 100-летию Коминтерна. Сборник докладов Международной научной конференции. Москва, 26–28 июня 2019 г. М., 2020.

внешняя политика (с кульминацией в Генуе) и политика Коминтерна, предложившего проводить линию «единого фронта». Данная статья посвящена рассмотрению политики Коминтерна в контексте политики советского государства. Наша задача не только проследить взаимовлияние политики Коминтерна и советского правительства — как внутренней, так и внешней, — но и рассмотреть их как проявление целостности политики коммунистического центра.

Новая страница истории России и ее внешней политики отчасти случайно, но и глубоко закономерно начинается одновременно — в марте 1921 г. X съезд РКП(б) провозглашает НЭП и одновременно подписываются советско-британское и советско-польское соглашения. Связь двух последних очевидна — переговоры в Лондоне в 1920 г. были поставлены на паузу как раз в связи с походом Красной армии на Варшаву. Теперь, когда заключался мир на польских условиях, не было препятствий и для приоткрытия торговых отношений с «Советами», за которым логично следовала возможность начать более масштабные переговоры по урегулированию экономических противоречий западных и советских государств. Повестка западноевропейской политики Советской России на 1922 г., таким образом, была сформирована. Как и повестка внутренней политики: признав неудачу «военно-коммунистической» попытки вырваться из капитализма, коммунисты «учились торговать» и внутри страны, и за ее пределами. Отметим, политических уступок со стороны коммунистического режима это не предполагало, хотя ожидание «политического НЭПа» сохранялось в стране и мире. Казалось бы, это общее отступление к капитализму во внешней и внутренней политике в условиях явного завершения прилива мировой революционной волны³ требовало и более умеренного курса от Коминтерна. Но в марте 1921 г. зарубежные коммунисты демонстрировали нечто прямо противоположное — восстание в Германии, с оговорками одобренное руководством Коминтерна. Динамика политики Коминтерна не была прямо привязана к советскому повороту от «военного коммунизма» к «торгашеству» (и экономическому, и внешнеполитическому). Первый шаг к умеренности Коминтерн сделал еще во время «военного коммунизма», а решительный поворот — существенно позднее X съезда РКП(б). У Коминтерна была своя внутренняя логика развития, но это не значит, что она была оторвана от политики Кремля, который с помощью партий Коминтерна мог «прощупывать» ситуацию, действуя то более умеренно, то более решительно (что было рискованно внутри России, где восстания поставили коммунистический режим на грань катастрофы).

Вектор мирового развития сменился, но в 1921 г. было неясно насколько. Раньше происходил натиск обездоленных масс на капитал, теперь — отступление социальных движений. Части коммунистических лидеров, включая и российских, казалось, что еще можно попытаться все же переломить ситуацию, воспользоваться бедственным положением рабочих, когда отчаяние масс и неуступчивость мирового капитала приведет к мировому взрыву. Но если нет — придется перейти к «осаде» капитализма, к взаимодействию с менее радикальной частью рабочего класса и левой интеллигенции, а значит с социал-демократами (социалистами), от которых коммунисты столь решительно отмежевались в 1920 г.⁴ К началу 1921 г. в партиях Коминтерна в несоединенных странах состояло 760 тыс. членов. А в социал-демократических партиях — около 3 млн, в профсоюзах Амстердамского интернационала — 22 млн человек⁵. Имея столь скромную армию, перейти в контрнаступление коммунистам было нелегко. Как лучше это сделать — решительным ударом радикального меньшинства, увлекающего массы за собой, или выстраиванием фронта, в который войдет большинство рабочих, чтобы навалиться на капиталистов общими усилиями?

³ См.: Шубин А.В. Мировая революционная волна (1918–1923 гг.). Прилив. М., 2020. С. 754–771.

⁴ Подробнее см.: Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М., 2019; Шубин А.В. Мировая революционная волна... С. 374–416.

⁵ Коммунистический интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 149.

Эта альтернатива вызывала разногласия в самом аппарате Коминтерна. Такие его руководители, как К.Б. Радек, приходили к выводу, что слишком резкое размежевание с социал-демократами изолировало коммунистов от широких масс, что раскол лишает рабочий класс возможности перейти в контрнаступление. Против поворота к союзу с социал-демократами выступали председатель Исполкома Коминтерна (ИККИ) Г.Е. Зиновьев и видный коммунистический теоретик Н.И. Бухарин. В.И. Ленин колебался и готов был экспериментировать. Перспектива снова оказаться в одной компании с «социал-предателями» его не радовала, но изоляция коммунистов от более умеренных масс лишила не только надежд на победу мировой революции, она еще недавно мерещилась на горизонте, но и эффективного средства воздействия на политическую ситуацию в Европе, которым могут стать влиятельные компартии. За каждой из этих позиций стояло множество коммунистических лидеров в европейских странах и связанные с ними массы активистов.

Первыми среди коммунистов начали действовать умеренные лидеры Объединенной коммунистической партии Германии (ОКПГ). Прагматичные лидеры ОКПГ, такие как П. Леви и К. Цеткин, усиленные левыми социалистами из перешедших в партию «независимцев», такими как Э. Деймиг, стремились создать влиятельную партию, накапливающую силы, пока не возникнет возможность взять власть наверняка. Им противостояли равнявшиеся в бой лидеры во главе с Г. Брандлером, А. Тальгеймером и Э. Тельманом (тоже бывшим «независимцем»). Они придерживались «теории наступления», т.е. верили в то, что рабочий класс Германии готов к свержению капитализма, нужно только увлечь его в бой.

7 января 1921 г. ЦК ОКПГ по инициативе его умеренных лидеров и представителя Коминтерна Радека принял судьбоносный документ «Открытое письмо» к профсоюзам и левым партиям Германии с призывом к совместным действиям против наступления капитала, к созданию для этого «единого фронта» (опубликовано 8 января). На заседании ИККИ в феврале Зиновьев и Бухарин раскритиковали эту идею⁶. Она вызвала недовольство и в самой ОКПГ. Для ее левого крыла и для значительной части Коминтерна это письмо было страшным грехопадением, ведь весь 1920 г. Коминтерн только и делал, что размежевывался с социал-демократами.

Пока в Германии готовилась схватка между радикальным и умеренным крыльями ОКПГ, за каждым из которых стояли влиятельные коминтерновские деятели, внимание и Коминтерна, и германских коммунистических лидеров резко переключилось на Италию. 15 января 1921 г. в Ливорно открылся XVII съезд входившей в Коминтерн Итальянской социалистической партии (ИСП), который закончился громким расколом. Левое меньшинство вышло из ИСП и основало Коммунистическую партию Италии (КПИ). Москва полностью поддержала раскольников. 25 января 1921 г. ИККИ в обращении к лидерам КПИ объявил: «Ваша партия является единственной секцией Коммунистического Интернационала в Италии»⁷. Леви и Цеткин, вовлеченные в итальянские дела как представители Коминтерна, критиковали поведение итальянских левых и ИККИ, из-за которых Коминтерн потерял влиятельную итальянскую партию, а получил сектантскую и маловлиятельную организацию.

Дискуссия по итальянскому вопросу продолжилась в ЦК ОКПГ, который 1 февраля принял компромиссное решение по этому вопросу, но левое крыло при поддержке представителя Коминтерна венгра М. Ракоши собрало расширенный пленум ЦК ОКПГ 23 февраля, на котором лидер итальянских левых социалистов Д. Серрати подвергся резкому обличению, что било по авторитету умеренных лидеров ЦК ОКПГ. В ответ П. Леви, Э. Деймиг, К. Цеткин, секретарь партии О. Барс и заместитель секретаря А. Гофман вышли из ЦК. Но это лишь развязало руки леворадикальным членам ЦК ОКПГ. Они

⁶ Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. 1920–1930-е гг. СПб.; М., 2004.

⁷ Итальянская социалистическая партия и Коммунистический Интернационал. (Сборник материалов). Пг., 1921. С. 149.

искали повода, чтобы двинуть массы в решительный бой. И повод представился благодаря внешнеполитической ситуации.

14 марта 1921 г. закончились неудачей переговоры о репарациях между Германией и державами Антанты. Французские и бельгийские войска вошли в Рур, Дюссельдорф и Дуйсбург. Стремясь укрепить контроль над оставшейся территорией, германское правительство решило ввести войска в Саксонию, где происходили волнения рабочих. 19 марта 1921 г. полиция начала на предприятиях в Айслебене операции по поиску оружия, спрятанного после Капповского путча год назад. Радикальные рабочие и ЦК ОКПГ восприняли эту акцию как достойный повод для вооруженного выступления. Действия полиции были именно поводом, а не причиной столкновения. Еще 18 марта «Роте фане» писала: «Каждый рабочий плюет на закон и приобретает себе оружие там, где находит его»⁸. 21 марта по призыву ОКПГ началась забастовка с захватами предприятий рабочими. Вспыхнули бои. Восстание было подавлено. 1 апреля ОКПГ призвала к прекращению стачки. «Мартовская акция» закончилась провалом.

17 апреля Леви изложил свой взгляд на мартовское восстание в брошюре «Наш путь. Против путчизма». 22 апреля за эту публикацию ЦК исключил его из ОКПГ. Коминтерн санкционировал это решение, так как Леви «вынес сор из избы». Как видим, ОКПГ шла не в ногу с РКП(б), устроив восстание одновременно с поворотом большевиков к умеренности.

Раз Леви оказался врагом, то левые радикалы в ОКПГ считали себя идейными победителями и ждали одобрения от грядущего III конгресса Коминтерна. К нему Тальгеймер подготовил тезисы по итогам «мартовской акции», которые были приняты Централом (заседанием ЦК и представителей окружных организаций). Это, конечно, была хорошая мина при плохой игре. ОКПГ хвалила провалившееся выступление за то, что рабочие «вышли из стагнации», произошел «прорыв пассивности и гражданского мира», а социал-демократы в очередной раз «разоблачили себя как контрреволюционные силы»⁹.

Ленин, недовольный ситуацией вокруг Германии, назвал эти тезисы «фразой и игрой в левизну». Руководство ОКПГ и его венгерские кураторы слишком уклонились влево и провалились. «Суть дела в том, что Леви политически в очень многом прав. К сожалению, он сделал ряд поступков, нарушающих дисциплину, за которые партия его исключила». Иначе говоря, исключение Леви не означает, что идеологически правы те, кто его исключил. Даже Радека Ленин критикует за уступки «глупячеству левых». Ленин сделал ставку на работу в старых профсоюзах и политику сближения с социал-демократами, о чем безапелляционно сообщил Зиновьеву: «Тактика “открытого письма” обязательна повсюду. Это надо сказать прямо, точно, ясно, ибо колебания насчет “открытого письма” архивредны, архипозорны и архираспространены. Нечего греха таить. Всех, кто не понял этой обязательности тактики “открытого письма”, не позже как через месяц после III Конгресса Коммунистического Интернационала, исключить из Коммунистического Интернационала»¹⁰. «Мартовская акция» оказалась досадным отклонением от курса, намеченного в январе 1921 г.

22 июня – 12 июля 1921 г. проходил III конгресс Коминтерна, который должен был разрешить многочисленные проблемы от стратегии в новых условиях до тактики раскалывающихся левых партий Европы. Казалось бы, в условиях «отступления» в России и вокруг нее Коминтерн тоже должен был повернуть вправо. Это произойдет позднее. Но на III конгрессе Коминтерна главной грозой по-прежнему считались реформизм и «центризм». Однако теперь, когда компартии отмежевались от «центристов» организационно, нужно было что-то делать с их сектантством и добиться притока масс в партии.

⁸ Deutschland, Russland, Komintern. II. Dokumente (1918–1943). Nach der Archivrevolution: Neuererschlossene Quellen zur Geschichte der KPD und den deutsch-russischen Beziehungen / Hrsg. H. Weber, J. Drabkin, B.H. Bayerlein, G. Albert. Oldenbourg, 2014. P. 140.

⁹ Дмитриев А.Н. Указ. соч. С. 132.

¹⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: 5-е изд. Т. 52. М., 1965. С. 265–267.

Л.Д. Троцкий в выступлении признавал, что во время Октябрьской революции «путь от захвата власти в нашей стране к такому же акту в странах Средней и Западной Европы казался нам гораздо ближе, чем то было в действительности». Но и в 1921 г. все еще кажется, что волна не спадает: «В 1921 году произошли мартовские бои в Германии, забастовка углекопов в Англии, всеобщая забастовка в Норвегии — три крупнейших факта великой борьбы». Однако Троцкому приходится признать, что «историческая возможность» установить «власть пролетариата» уже во время «первого этапа» натиска в 1918–1919 гг. упущена. Буржуазия получила передышку¹¹. Но она будет недолгой — как раз на 1922 г., когда предстоят переговоры с капиталистами. Радек тоже ориентировал коммунистов мира на подготовку к гражданской войне, потому что «силы мировой революции продолжают развиваться, и что предстоит не ее упадок, а объединение революционных сил для новых боев»¹². Вот каковы были установки коммунистических лидеров, когда они готовились к генуэзским переговорам.

При этом руководители Коминтерна решили публично не осуждать организаторов «мартовской акции», расценив этот провал как «шаг вперед» и «геройскую борьбу сотен тысяч пролетариев с буржуазией»¹³. Германских леваков лишь пожурили за недостаточную подготовку восстания. Это способствовало сохранению в германской компартии авантюристического подхода к революционному перевороту, что затем привело коммунистов к поражению в 1923 г.

Верховным судьей в коммунистических спорах оставался Ленин. Он осторожно перекладывал руль направо. На конгрессе он говорил: «Мы не только осудили наши правые элементы, мы их изгнали. Но если из борьбы против правых устраивать спорт, как Террачини, то мы должны сказать: “Довольно! Иначе опасность станет слишком серьезной”»¹⁴. То, что Ленин избрал итальянского коммуниста для показательной порки леваков, говорит о его недовольстве тем, как прошел раскол в Ливорно. На комиссии по тактике конгресса Ленин заявил, что стоит «на стороне правых конгресса»¹⁵. Ленин взял под защиту «Открытое письмо» ОКПГ и, отмежевываясь от Леви, критически высказался о «мартовской акции», где неоправданно применили «теорию наступления»¹⁶.

III конгресс Коминтерна еще не провозгласил политику создания единого рабочего фронта с социал-демократами. От коммунистов требовали завоевать большинство рабочих на свою сторону, т.е. оттеснить социал-демократов. Но было принято решение поддерживать не только коммунистические требования рабочих в борьбе за социальные права. А это уже создавало основу для тактического сотрудничества с социал-демократами. Как говорилось в резолюции конгресса, «в очень редких случаях... путем усиления давления на другие партии, опирающиеся на пролетариат, начинать совместную борьбу за ближайшие интересы пролетариата». При этом письмо ОКПГ от 8 января 1921 г. было названо образцовым¹⁷. Это открывало путь к сотрудничеству с социал-демократией, о котором говорилось в этом письме.

Вскоре после завершения III конгресса руководство Коминтерна решило, что настало время сделать решительный поворот в политике к сближению с социал-демократами. Несмотря на то, что Ленин сразу поддержал январское письмо ОКПГ, на конгрессе он не решился поставить вопрос о сотрудничестве с социал-демократией прямо. Во-первых, это нельзя было делать одновременно с обсуждением мартовского выступления, так как правый поворот означал бы поддержку Леви и Серрати. Во-вторых, часть делегатов могла

¹¹ Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Пг., 1922. С. 28, 44–46.

¹² Там же. С. 204–205.

¹³ Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 194.

¹⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. М., 1964. С. 27.

¹⁵ В.И. Ленин. Незвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 455.

¹⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 25, 29.

¹⁷ Коммунистический интернационал в документах. С. 193.

прямо выступить против нового курса. Скандал на конгрессе был не нужен. Так что курс на сближение с социал-демократами был провозглашен не на конгрессе, а между конгрессами Коминтерна.

13 июля 1921 г. Малое бюро ИККИ заявило: «Только в борьбе за элементарные жизненные требования рабочих масс мы можем создать единый фронт пролетариата против буржуазии и положить конец расколу пролетариата, являющемуся основой для дальнейшего существования буржуазии». Правда, 1 августа ИККИ поправился — коммунистическим и социал-демократическим рабочим нужно объединяться «снизу» против «социал-предательских» вождей социал-демократических партий¹⁸.

Но сам ИККИ принялся действовать «сверху». 19 октября он обратился к Амстердамскому интернационалу профсоюзов с призывом к совместным действиям в поддержку пролетариата Испании и Югославии. Ничего экстраординарного в этих странах тогда не происходило, было видно, что Коминтерн просто искал повод для зондажа. Умеренные профбоссы не сочли повод достаточным для изменения отношений с коммунистами.

1 декабря Политбюро ЦК РКП(б) приняло подготовленное Лениным решение представить в ИККИ тезисы о «едином рабочем фронте»¹⁹. 4 декабря они были доложены Зиновьевым в ИККИ²⁰. В дискуссии Бухарин выразил сомнение в необходимости отказываться от «клеймления» социал-демократов. Его поддержали представители компартий Франции, Германии и Чехословакии²¹. В результате тезисы были направлены на доработку и одобрены только 18 декабря, но с обязательным утверждением на расширенном пленуме ИККИ в феврале 1922 г. (он их, разумеется, утвердил). Документ назывался «О едином рабочем фронте и об отношении к рабочим, входящим в II, II½ и Амстердамский Интернационалы, а также к рабочим, поддерживающим анархо-синдикалистские организации». Опубликованы они были только 27 декабря и вызвали сенсацию: коммунисты, которые так упорно отмежевывались от социал-демократов и отказывали им в праве считаться представителями рабочего класса, теперь взяли курс на совместную работу.

Решение о новом курсе Коминтерна было принято вовремя. Верховный совет Антанты, наконец, отвлекся от германских и турецких дел и выразил готовность заняться восточноевропейским урегулированием, и прежде всего переговорами с Россией. 6 января 1922 г. в Каннах были выработаны условия ее участия в будущей экономической конференции. 7 января Советская Россия была приглашена на конференцию в Генуе и на следующий день ответила согласием. В этой ситуации умеренный курс Коминтерна можно было использовать в интересах советской внешней политики. Однако это не значит, что она могла полностью подчинить себе другие аспекты коммунистической политики.

Лидеры Второго интернационала восприняли идею единого фронта скептически. Э. Вандервельде назвал директивы ИККИ «странной смесью гениальности и макиавеллизма», когда призывы к единству сочетаются с открытым стремлением «задушить и отравить нас после объятий»²². Инициатива «единого фронта» встретила больше энтузиазма у лидеров «двухполовинного» интернационала — Международного рабочего объединения социалистических партий (МРОСП), возникшего 1 февраля 1921 г. Весь смысл его отдельного существования заключался в том, чтобы создать мост между социал-демократами и коммунистами, объединив рабочий класс и его политических лидеров в общий фронт против капитализма. 15 января 1922 г. МРОСП выступил за созыв конференции рабочих — сторонников трех интернационалов, ради «установления единого пролетарского фронта»²³.

¹⁸ Цит. по: Ундасынов И.Н. Коммунисты и лейбористская партия. 1919–1923. М., 1979. С. 155–156.

¹⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 262–265.

²⁰ Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. С. 80.

²¹ ОКПГ убрало из названия слово «Объединенная» в августе 1921 г., после чего стала называться просто КПГ.

²² Цит. по: Макдемотт К., Англо Д. Указ. соч. С. 50.

²³ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 367.

21 января 1922 г. Президиум ИККИ одобрил эту инициативу. Правда, подготовленная резолюция ритуально ругала оппортунистических лидеров социал-демократии. Ленин предложил это место вычеркнуть: «Совершенно неразумно рисковать срывом громадной важности практического дела из-за того, чтобы доставить себе удовольствие лишней раз обругать мерзавцев, которых мы ругали и будем ругать в другом месте 1000 раз»²⁴. Дело было, однако, не только в удовольствии — коммунистический актив Европы с удивлением смотрел на поворот в политике Коминтерна, и отсутствие привычной ругани против «мерзавцев» не могло остаться незамеченным.

Коммунистам было нужно организовать давление на общественное мнение Запада в поддержку дипломатического признания Советской России на Генуэзской конференции, а социал-демократам — смягчить в ней репрессивный режим. Такой обмен создавал почву для деловых переговоров.

2—5 апреля 1922 г. в Берлине прошла встреча представителей трех интернационалов — Коминтерна, Второго интернационала и МРОСП. Она была посвящена перспективе созыва Всемирного рабочего конгресса и другим возможным формам сотрудничества. Открывая встречу, представитель МРОСП Ф. Адлер призвал участников поставить классовую солидарность выше партийных интересов. Оглашая позицию Коминтерна, К. Цеткин выдвинула перечень обвинений в адрес социал-демократии, которая несет ответственность и за развязывание Первой мировой войны, и за поражение революционного движения после нее. Но социал-демократия может немного загладить свою вину, если сейчас проявит солидарность с Советской Россией, развернет совместно с коммунистами борьбу за права трудящихся и против грабительского Версальского договора. Обвинения со стороны Цеткин предваряли порцию обвинений в адрес коммунистов со стороны Вандервельде. Он высказал опасение, что предложения Коминтерна — это хитрый маневр большевиков, развязавших репрессии против социалистов в своей стране и кампанию дискредитации социал-демократии в Европе. Чтобы доказать свою добрую волю, коммунисты должны согласиться допустить грузинских социал-демократов на планируемый рабочий конгресс, а представителей социал-демократии — на процесс эсеров в Москве. П. Фор от имени МРОСП в целом поддержал эти тезисы, обличая также притеснения рабочих в Советской России²⁵.

Попытка коммунистов поговорить 3 апреля с Адлером сепаратно не помогла уйти от ставшего камнем преткновения «русского вопроса» (точнее российского и грузинского) — ведь в состав МРОСП входили меньшевики и левые эсеры. Адлер не выдвигал предварительных условий для проведения рабочего конгресса, но через квоту социалистов на него могли явиться представители российских и грузинских меньшевиков и эсеров. Таким образом, перспективы сближения с социалистами в Европе сталкивались с курсом Кремля на предотвращение «политического НЭПа» в России и силовым захватом стран бывшей Российской империи. Если буржуазные партнеры Советской России вполне смирились с восстановлением российского контроля над Кавказом, то для социал-демократов оно было свидетельством империализма советской политики. Дальнейшие дебаты также были выдержаны в духе взаимных обвинений.

Но делегация Коминтерна, несмотря на споры в ней между Радеком и Бухариным о том, не сорвать ли такие переговоры (при этом то один, то другой выступали то с более жестких, то с более гибких позиций), согласилась на важные уступки: допустить присланных партнерами адвокатов на процесс эсеров и исключить из лозунгов совместных акций призывы к борьбе с Версальским миром (что было неприемлемо для Второго интернационала, антантовские партии которого этот мир поддерживали). За это и партнеры

²⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 405.

²⁵ Коминтерн и идея мировой революции. С. 368; Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. С. 95–98.

сняли требование к коммунистам не создавать свои ячейки в профсоюзах и согласились отправить вопрос о Грузии на дальнейшее изучение.

В итоге все же была принята компромиссная резолюция, предложенная МРОСП. Стороны подчеркнули готовность сотрудничать в защите интересов рабочего класса и борьбе за 8-часовой рабочий день, и признание Советской России. Упоминалась и борьба против империалистической экспансии, но, учитывая дебаты по грузинскому вопросу, это звучало двусмысленно. Был создан Оргкомитет Всемирного рабочего конгресса из представителей трех интернационалов («девятки»). Представители Коминтерна согласились допустить в качестве защитников представителей социал-демократии на проходивший в Москве процесс эсеров и отказались от применения смертной казни к подсудимым. Договорились о проведении 20 апреля и 1 мая демонстраций в разных странах против наступления международного капитала. Среди их лозунгов был и такой: «За русскую революцию, за голодающую Россию, за возобновление политических и экономических отношений всех стран с Советской Россией». Очевидно, что эти выступления должны были оказать воздействие на европейские правительства во время Генуэзской конференции. Коммунисты предпочли бы приурочить и сам Рабочий конгресс ко времени Генуи, но представители Второго интернационала сочли, что за такой короткий срок собрать его не удастся²⁶.

Ленин считал уступки коммунистической делегации чрезмерными и 9 апреля опубликовал статью «Мы заплатили слишком дорого», где прямо утверждал, что «наши представители поступили неправильно»²⁷. По мнению А.Ю. Ватлина, «в статье Ленина вопросы государственной безопасности и престижа рассматривались уже как приоритетные по отношению к коммунистической тактике». Но за государственным престижем крылась коммунистическая стратегия — в советской стране нельзя допускать существования оппозиционных партий. А.Ю. Ватлин считает, что «тон статьи показывал, что Ленин размышлял и о возможности дезавуирования соглашения, подписанного на встрече в Берлине. Осудив уступки, сделанные делегацией Коминтерна в ходе Берлинской встречи, он все же признал ее итоги»²⁸. Здесь также можно усмотреть элемент маневрирования между внутриаполитическими и внешнеполитическими задачами. Строго указав на недопустимость уступок во внутриаполитическом курсе, «политического НЭПа», Ленин не стал отказываться и от сближения с социалистами, пока не закончилась Генуэзская конференция, которая как раз стартовала на следующий день, 10 апреля.

Как известно, Ленин занимал более жесткую позицию в отношении партнеров по переговорам в Генуе, чем Г.В. Чичерин. Если нарком иностранных дел был настроен на возможность достижения соглашения на основе экономических уступок при минимальных политических, то Ленин стремился прежде всего использовать трибуну конференции в агитационных целях, раскалывать «фронт империализма» с тем, чтобы договориться потом с отдельными западноевропейскими государствами²⁹. Позиция Ленина в этом вопросе скорее коминтерновская, чем государственническая. Сближение с социалистами, которые занимали сильные позиции в системе власти западноевропейских государств, работало на такой раскол. Поэтому Ленин согласился, хотя и нехотя, на уступки социалистам, категорически протестуя против политических уступок партнерам по межгосударственным переговорам. Пока ситуация в Генуе оставалась неопределенной, необходимо было наращивать давление на западные элиты, в том числе и с помощью социалистов.

20 апреля, когда советская делегация в Генуе выступила с меморандумом, содержащим важные экономические уступки и, таким образом, рассчитанным на встречные шаги прежде всего британской стороны, Радек обратился к Адлеру с предложением

²⁶ Коминтерн и идея мировой революции. С. 379–381.

²⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1965. С. 140.

²⁸ Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. С. 101.

²⁹ Подробнее см.: Быстрова Н.Е. Указ. соч. С. 56–59, 129–132.

создать «девятку» «для оценки ситуации, возникшей в Генуе»³⁰. Но развязка переговоров в Генуе наступила быстрее, чем собралась «девятка», и заинтересованность Москвы в использовании этого инструмента давления на Запад стала ослабевать.

Левые демонстрации 1922 г. не стали крупным явлением общественной жизни европейских стран, превышающим обычное значение традиционного Первомая. Однако согласованные на встрече представителей трех интернационалов лозунги манифестантов позволили советской делегации сослаться на них как на факт в меморандуме советской делегации на Генуэзской конференции от 11 мая³¹.

19 мая закончилась Генуэзская конференция. 23 мая прошла первая, она же и последняя, встреча «девятки». Представители Второго и Третьего интернационалов обвинили друг друга в срыве Берлинских соглашений. В итоге они были аннулированы Коминтерном (хотя и выполнялись в отношении осужденных на процессе эсеров, смертные приговоры которым не были приведены в исполнение).

С точки зрения интересов советской внешней политики, если бы дело было только в них, можно было бы сказать о «едином фронте», что «мавр сделал свое дело». Но дело было не только в них. Даже уступки российской делегации облегчались тем, что в Кремле ждали новой волны мировой революции в ближайшие годы, если не месяцы. Важно получить от Запада ресурсы сейчас на стабилизацию хозяйства — рассчитываться по долгам, возможно, и не придется. Размышляя в логике мировой борьбы, а не только российских интересов, руководители РКП(б) продолжали курс «единого рабочего фронта», но в новом формате.

Первые итоги проведения политики «единого фронта» подводил IV конгресс Коминтерна. Он прошел 5 ноября — 5 декабря 1922 г. Выступая на конгрессе, Зиновьев говорил о текущей эпохе как о «последнем десятилетии господства буржуазии»³², что для того времени было довольно осторожным назначением сроков начала решающих битв с капитализмом.

Советские лидеры «ставили» на приход к власти на Западе пацифистов и реформистов, т.е. лево-либеральных и правых социал-демократических сил, отражающих устойчивость общества от имперской политики времен войны и послевоенного недоурегулирования. Эти силы явно не будут стремиться «дожать» Советскую Россию и предпочтут договориться с ней, что подтверждает опыт Рапалло. Теперь важно не спугнуть такую благоприятную внешнеполитическую конъюнктуру, которая позволит довести политику, начатую большевистской делегацией в Генуе, до успешного финала — государственного признания и получения финансовых кредитов. Такая перспектива требовала укрепления политики «единого фронта». Хотя переговоры с социал-демократами на уровне интернационалов закончились неудачей, на местном уровне «единый фронт» мог укреплять позиции коммунистов в преддверии нового наступления. Да и внешнеполитической активности Советской России посодействовать.

С обоснованием «единого фронта» на конгрессе выступал его главный идеолог Радек. Он доказывал, что «единый фронт» необходим, потому что коммунистическое движение вынуждено обороняться. Пока ситуация неблагоприятна, нужно маневрировать, искать союзников. «Единый фронт» как раз и является политикой обороны: «выдвинув тактику единого фронта, Коминтерн доказал, что он в состоянии руководить не только наступлением, но и обороной пролетариата». В связи с новой обстановкой Радек осудил мартовское выступление 1921 г. в Германии, «недоосужденное» на прошлом конгрессе: «Главная ошибка мартовских боев состояла именно в том, что мы пытались заменить

³⁰ Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. С. 102.

³¹ Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. С. 364.

³² Зиновьев Г.Е. Коммунистический Интернационал за работой. Тактические проблемы Коминтерна и работа его секций. Речи, произнесенные на IV конгрессе Коминтерна. М.; Пг., 1923. С. 169.

борьбу широких масс волей к борьбе нашей партии»³³. Еще бы, после нормализации отношений с Германией в Рапалло следовало делать компартию Германии более уважаемой и вписанной в политическую систему Германии, пока не принято решение о ее разрушении.

Но осуждение «мартовской акции» не могло понравиться Зиновьеву, прежде активно защищавшему германских радикалов. Разногласия между Зиновьевым и Радеком, о которых стали открыто говорить через полтора года, позволяют некоторым современным авторам заявлять о настоящей фракционной борьбе на конгрессе между «правыми» и «левыми» с различными политическими установками³⁴. Разногласия пока были скорее рабочими, чем принципиальными. Так, Зиновьеву на этом конгрессе приходилось сочетать свои собственные взгляды и партийную дисциплину. Он признавал, что в случае успеха «единого рабочего фронта» может возникнуть «рабочее правительство». Сам он воспринимал этот вынужденно признаваемый им тезис «исключительно как применение диктатуры пролетариата»³⁵. Но в ходе обсуждения признал и совсем другую трактовку — это коалиция левых сил с участием коммунистов. «Такая возможность мыслима. Такое правительство уже не есть диктатура пролетариата, но оно может быть исходной точкой на пути к диктатуре. Если дело пойдет хорошо, то мы будем выводить одного социал-демократа за другим из этого правительства, пока власть не окажется в руках коммунистов»³⁶. Подобный метод прихода к власти, известный впоследствии как «тактика салями», коммунисты потом успешно применяли в странах «народной демократии» в 1940-е годы, правда уже после того, как Сталин применил его против своих коллег по Политбюро, включая и самого Зиновьева. В 1922 г. Зиновьев держал в уме опыт 1917–1918 гг., когда Ленин иногда был не против временной блокировки с меньшевиками и эсерами с тем, чтобы потом власть все же перешла к большевикам, а «попутчиков» следовало выкинуть за борт власти, как это случилось с левыми эсерами. Но важно, что Зиновьев признает здесь нетождественность понятий «диктатуры пролетариата» и «рабочего правительства», отступает от своего прежнего категорического их отождествления. Делает он это, очевидно, под давлением других членов большевистского руководства, управляющего ходом конгресса. Зиновьев идет дальше и признает, что «рабочее правительство» может выйти «из парламентской группировки сил»³⁷, т.е. прийти к власти парламентским путем, а потом уже активизировать революционную рабочую борьбу. Через год такая попытка будет предпринята в Саксонии и Тюрингии в ходе неудачного «германского октября» 1923 г., и на следующем конгрессе Коминтерна Зиновьев и его сторонники будут клеймить этот опыт.

Подытожив дискуссии о «едином фронте», IV конгресс все же признал возможность не только переманивания рабочих «снизу», но и договоренностей с социал-демократами «сверху»: «Выдвигая лозунг единого рабочего фронта и допуская соглашения отдельных секций Коммунистического интернационала с партиями и секциями II и II½ Интернационалов, Коммунистический интернационал, само собою разумеется, не может отказаться от таких же соглашений и в международном масштабе»³⁸.

Это было возможно в случае нового подъема революционной волны, ожидавшегося в скором времени. Если удастся вместе с социал-демократами создать рабочее правительство, оно займется вооружением пролетариата и разоружением контрреволюции, установит контроль над производством, свалит налоговое бремя на буржуазию, сломит сопротивление контрреволюции. Короче говоря, левая коалиция будет делать то, что

³³ IV Конгресс Коминтерна. Доклады тт. Ленина, Троцкого, Клары Цеткин и других. (Стенографический отчет). Харьков, 1923. С. 124–172.

³⁴ Емельянова Е.Н. От революционного наступления к обороне. IV Конгресс Коминтерна // Левая альтернатива в XX веке... С. 84.

³⁵ Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С. 91.

³⁶ Там же. С. 104.

³⁷ Там же. С. 164.

³⁸ Коммунистический интернационал в документах. С. 309.

большевистская «диктатура пролетариата» делала в первые месяцы советской власти в союзе с левыми эсерами. Такое правительство «возможно лишь в том случае, если оно рождается из борьбы самих масс» с опорой на «боеспособные рабочие органы». Но в той же фразе тезисов ИККИ, принятых конгрессом, происходит внезапный переход. И получается, что такое правительство может возникнуть и в другом случае — на основе «парламентской группировки сил»³⁹. Избавляясь от «центризма», лидеры Коминтерна не спешили отказаться от парламентских методов в борьбе за власть в европейских странах. После конгресса Коминтерна съезд КП Чехословакии охарактеризовал рабочее правительство как «мирный переход к диктатуре пролетариата», политику «в рамках и в первую голову средствами буржуазной демократии, опираясь на пролетарские органы и пролетарское массовое движение»⁴⁰. Несмотря на оговорки Радека и Зиновьева о неизбежности гражданской войны, «мирный путь» после IV конгресса закрепился в арсенале коммунистов.

Политика, обсуждавшаяся на IV конгрессе Коминтерна, наконец синхронизировала три стороны единой коммунистической стратегии. Ее ядром являются задачи укрепления коммунистического режима там, где он существует, — в советских республиках. Никаких политических послаблений там не предусматривается, «политическому НЭПу» не бывать, даже если бы это способствовало успехам внешней политики как советского государства, так и Коминтерна. Но экономические уступки вполне возможны, если они не обусловлены политическими требованиями к России и не требуют от нее немедленной выплаты долгов — такова линия Генуи. Поскольку в Европе усиливается либеральный пацифизм, неудача Генуи не является стратегической, возможности для признания Советской России сохраняются. Но если в ближайшее время произойдет новая дестабилизация капиталистической системы и радикализация масс (на что в 1922 г. у коммунистов еще были основания надеяться), то коммунисты могут возглавить революционный подъем в союзе с левым крылом социалистов, одновременно переманивая у них массы. Если такой союз приведет к возникновению коалиции с социалистами, ее ждет та же судьба, что и союз большевиков с левыми эсерами, — постепенное выдавливание партнеров из системы власти и создание коммунистического режима по образцу Советской России. Умеренность здесь является тактикой, а не стратегией, дорогой к власти, а не характеристикой самой власти, которую стремится установить в Европе Коминтерн. Применить такой «единый фронт» коммунисты попробовали в Германии в октябре 1923 г. После провала этой попытки и одновременного раскола большевиков в связи с внутривнутрипартийной дискуссией произошел отход от курса IV конгресса. На V конгрессе Коминтерна в 1924 г. (когда уже началась «полоса признаний») Зиновьев уже открыто критиковал Радека за протаскивание в решения IV конгресса «утрированных, неосторожных и фальшивых формулировок»⁴¹. Хотя официального отказа от политики «единого рабочего фронта» не произошло, ей предстояло ждать своего часа в «замороженном» состоянии до середины 1930-х годов⁴².

Библиография

IV Конгресс Коминтерна. Доклады тт. Ленина, Троцкого, Клары Цеткин и других. (Стенографический отчет). Харьков, 1923.

Быстрова Н.Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М.: СПб., 2020.

В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999.

Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М., 2019.

Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2009.

³⁹ Там же. С. 301.

⁴⁰ Цит. по: Пятый Всемирный конгресс Коммунистического интернационала 17 июня — 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. Ч. 1. М.; Л., 1925. С. 74.

⁴¹ Там же. С. 75.

⁴² Шубин А.В. Мир на пути к войне. Советский Союз и мировой кризис 1933–1940 гг. М., 2017. С. 111–123.

Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. 1920–1930-е гг. СПб.; М., 2004.

Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960.

Зиновьев Г.Е. Коммунистический Интернационал за работой. Тактические проблемы Коминтерна и работа его секций. Речи, произнесенные на IV конгрессе Коминтерна. М.; Пг., 1923.

История Коммунистического Интернационала. 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002.

Итальянская социалистическая партия и Коммунистический Интернационал. (Сборник материалов). Пг., 1921.

Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998.

Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933.

Коммунистический интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969.

Левая альтернатива в XX веке: драма идей и судьбы людей. К 100-летию Коминтерна. Сборник докладов Международной научной конференции. Москва, 26–28 июня 2019 г. М., 2020.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений: 5-е изд. Т. 44. М., 1964; Т. 45. М., 1964; Т. 52. М., 1965.

Макдермотт К., Агню Д. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000.

Пятый Всемирный конгресс Коммунистического интернационала 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. М.; Л., 1925.

Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Пг., 1922.

Ундасынов И.Н. Коммунисты и лейбористская партия. 1919–1923. М., 1979.

Шубин А.В. Мир на пути к войне. Советский Союз и мировой кризис 1933–1940 гг. М., 2017.

Шубин А.В. Мировая революционная волна (1918–1923 гг.). Прилив. М., 2020.

Deutschland, Russland, Komintern – Dokumente (1918–1943). Nach der Archivrevolution: Neuererschlossene Quellen zu der Geschichte der KPD und den deutsch-russischen Beziehungen / Hrsg. H. Weber, J. Drabkin, B.H. Bayerlein, G. Albert. Oldenbourg, 2014.

References

Bystrova N.E. Sovetskaya Rossiya na konferenciayah v Genue i Gaage 1922 g.: vzglyad iz Kremlya [Soviet Russia at the conferences in Genoa and The Hague 1922: a view from the Kremlin]. Moskva; Sankt-Peterburg, 2000. (In Russ.)

Dmitriev A.N. Marksizm bez proletariata: Georg Lukach i rannaya Frankfurtskaya shkola. 1920–1930-e gg. [Marxism without the Proletariat: Georg Lukacs and the Early Frankfurt School. 1920–1930s]. Sankt-Peterburg; Moskva, 2004. (In Russ.)

Dokumenty vneshnej politiki SSSR [Documents of the Foreign policy of the USSR]. T. 4. Moskva, 1960. (In Russ.)

Istoriya Kommunisticheskogo Internacionala 1919–1943. Dokumental'nye ocherki [The History of the Communist International 1919–1943. Documentary essays]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Ital'yanskaya socialisticheskaya partiya i Kommunisticheskij Internacional. (Sbornik materialov) [The Italian Socialist Party and the Communist International. (Collection of materials)]. Petrograd, 1921. (In Russ.)

IV Kongress Komintern. Doklady tt. Lenina, Trockogo, Klary Cetkin i drugih. (Stenograficheskij otchet) [IV Congress of the Comintern. Tt reports . Lenin, Trotsky, Clara Zetkin and others. (Verbatim report)]. Har'kov, 1923. (In Russ.)

Komintern i ideya mirovoj revolyucii. Dokumenty [The Comintern and the idea of a world revolution. Documents]. Moskva, 1998. (In Russ.)

Kommunisticheskij internacional v dokumentah [The Communist International in the documents]. 1919–1932. Moskva, 1933. (In Russ.)

Kommunisticheskij internacional. Kratkij istoricheskij ocherk [The Communist International. A brief historical sketch]. Moskva, 1969. (In Russ.)

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: 5-e izd. [Complete works: 5th ed.]. Vol. 44. Moskva, 1964; Vol. 45. Moskva, 1964; Vol. 52. Moskva, 1965. (In Russ.)

Levaya al'ternativa v XX veke: drama idej i sud'by lyudej. K 100-letiyu Komintern. Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 26–28 iyunya 2019 g. [The Left alternative in the 20th century: the drama of ideas and the fate of people. To the 100th anniversary of the Comintern. Collection of reports of the International Scientific Conference. Moscow, June 26–28, 2019]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Makdermott K., Agnyu D. Komintern. Istoriya mezhdunarodnogo kommunizma ot Lenina do Stalina [Comintern. The History of International Communism from Lenin to Stalin]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Pyatyy Vsemirnyj kongress Kommunisticheskogo internacionala 17 iyunya – 8 iyulya 1924 g. Stenograficheskiy otchet [The Fifth World Congress of the Communist International June 17 – July 8, 1924. Verbatim report]. Moskva; Leningrad, 1925. (In Russ.)

Shubin A.V. Mir na puti k vojne. Sovetskij Soyuz i mirovoj krizis 1933–1940 gg. [Peace on the way to war. The Soviet Union and the World Crisis of 1933–1940]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Shubin A.V. Mirovaya revolyucionnaya volna (1918–1923 gg.). Priliv [The World Revolutionary Wave (1918–1923). Tide]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Tretij Vsemirnyj Kongress Kommunisticheskogo Internacionala. Stenograficheskiy otchet [The Third World Congress of the Communist International. Verbatim report]. Petrograd, 1922. (In Russ.)

Undasynov I.N. Kommunisty i lejboristskaya partiya 1919–1923 [Communists and the Labor Party 1919–1923]. Moskva, 1979. (In Russ.)

V.I. Lenin. Neizvestnye dokumenty [Unknown documents]. 1891–1922 gg. Moskva, 1999. (In Russ.)

Vatlin A.Yu. Komintern: idei, resheniya, sud'by [Comintern: ideas, decisions, destinies]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Vatlin A.Yu. Vtoroj kongress Kominterna: tochka otscheta istorii mirovogo kommunizma [The Second Congress of the Comintern: the starting point of the History of World Communism]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Zinov'ev G.E. Kommunisticheskij Internacional za rabotoj. Takticheskie problemy Kominterna i rabota ego sekcij. Rech'i, proiznesennye na IV kongresse Kominterna [The Communist International at work. Tactical problems of the Comintern and the work of its sections. Speeches delivered at the IV Congress of the Comintern]. Moskva; Petrograd, 1923. (In Russ.)

Deutschland, Russland, Komintern. II. Dokumente (1918–1943). Nach der Archivrevolution: Neuentdeckte Quellen zu der Geschichte der KPD und den deutsch-russischen Beziehungen / Hrsg. H. Weber, J. Drabkin, B.H. Bayerlein, G. Albert. Oldenbourg, 2014.

© 2023 г. С.Ю. ЗАВОДУЮК, С.В. ЗАНИН

ИНТЕГРАЦИЯ СССР В МЕЖДУНАРОДНУЮ ПАТЕНТНО-ЛИЦЕНЗИОННУЮ СИСТЕМУ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (1950-е — начало 1970-х годов)

Заводюк Светлана Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ (Самара, Россия).

E-mail: s.yu.zavodyuk@samsmu.ru

Scopus Author ID: 57218990308; ORCID: 0000-0002-3253-8484

Занин Сергей Викторович — доктор исторических наук, habilitированный доктор юридических наук, заведующий кафедрой истории Отечества, медицины и социальных наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Самара, Россия).

E-mail: s.v.zanin@samsmu.ru

Scopus Author ID: 57204910191; ORCID: 0000-0003-2575-2041

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Золотое двадцатилетие советской науки: СССР и международный трансфер технологий в 1950—1960-е гг.» № 21-09-43084.

Аннотация. В 1950-е годы, когда мир вступил в эпоху научно-технической революции, руководство Советского Союза для обеспечения технологического лидерства, конкурентных преимуществ перед западными странами и более тесной интеграции со странами СЭВ выбрало курс на создание экономики, основанной на научных достижениях. Важным индикатором успеха становились участие в развивающейся системе международного патентования и продажа лицензий. Ранее в исторических публикациях эти процессы комплексно не изучались. Целью статьи является анализ вхождения СССР в международную патентно-лицензионную систему и связанных с ним мер организационного, законодательного и информационного характера на основе впервые введенных в научный оборот архивных документов Всесоюзного исследовательского института государственной патентной экспертизы (ВНИИГПЭ), а также опубликованных отчетов заседания Комитета экспертов по сертификатам изобретателей (авторским свидетельствам) 1965 г. и Вашингтонской конференции 1970 г. В результате исследования сделан вывод, что СССР в 1950—1960-е годы перешел от модели встраивания (институционального и правового) в международную патентно-лицензионную деятельность к модели интеграционной, основанной на патентной кооперации и стандартизации, согласно международным нормам. Причинами медленного развития технологического сотрудничества, помешавшими решению амбициозных задач, оказались инертность и внутренние издержки советской экономической и управленческой системы, в полной мере сказавшиеся на процессе развития обеих моделей. В конечном счете, изменившаяся международная обстановка и замедление экономического развития СССР в начале 1970-х годов не позволили в полной мере получить выгоду от интеграции.

Ключевые слова: экономика, СССР, международное технологическое сотрудничество, патентование, патенты, продажа лицензий, международное патентное право, советское изобретательское право.

S.Yu. Zavodyuk, S.V. Zanin

Integration of the USSR into the International Patent-Licensing System in the Context of International Technological Cooperation (1950s – early 1970s)

Svetlana Zavodyuk, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Samara State Medical University” of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Samara, Russia).

E-mail: s.yu.zavodyuk@samsmu.ru

Scopus Author ID: 57218990308; ORCID: 0000-0002-3253-8484

Sergey Zanin, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Samara State Medical University” of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Samara, Russia).

E-mail: s.v.zanin@samsmu.ru

Scopus Author ID: 57204910191; ORCID: 0000-0003-2575-2041

RFBR Grant 21-09-43084 “The Golden twentieth Anniversary of Soviet Science: the USSR and International Technology Transfer in the 1950s and 1960s”.

Abstract. In the 1950s, as the world entered an era of scientific and technological revolution, the leadership of the Soviet Union chose a new economic course based on scientific knowledge, which could enable the USSR to secure technological leadership, a competitive advantage over Western countries and closer integration with the CMEA. A key indicator of the success of this policy was the country's incorporation into the evolving system of international patenting and licence selling. In previous years, these processes had not been covered in historical academic publications. The purpose of this study is to explore the Soviet Union's entry into the international patent licensing system and related organizational, legislative and information measures drawing on the archival documents, including the All-Union Research Institute for State Patent Examination (VNIIGPE), introduced into the academic circuit for the first time, as well as on the published reports of the 1965 meeting of the Committee of Experts on Author's Certificates and the Washington Conference of 1970. The author demonstrates that in the 1950s and 1960s the USSR made the transition from a model of institutional and legal incorporation into international patent-licensing activity to an integration model based on patent cooperation and standardisation, in accordance with international norms. The reason for the slow development of technological cooperation, which hindered the achievement of ambitious goals, was the inertia and internal costs of the Soviet economic and administrative system, which fully affected the development of both models. Ultimately, changes in the international environment and the slowdown of economic development in the USSR in the early 1970s prevented the country from gaining even modest benefits from integration.

Keywords: economy, USSR, international technological cooperation, patenting, patents, sale of licences, international patent law, Soviet invention law.

Начало постиндустриальных изменений в странах Западной Европы и США в условиях распада мировой колониальной системы и возникновения мировой социалистической системы в конце 1950-х и в 1960-е годы было воспринято руководством СССР как вызов в научной, технико-экономической и технологической сферах, ответ на который предложило руководство страны в эпоху правления Н.С. Хрущева, начав «поиск новых

институциональных основ развития советской экономики»¹. Как отмечали президент АН СССР А.Н. Несмеянов, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по новой технике В.А. Малышев и министр высшего образования СССР В.Е. Елютин в записке, направленной в ЦК КПСС, ранее усилия направлялись на «освоение нашей промышленностью зарубежных научных достижений», а в следующей пятилетке они предлагали сделать упор на развитие собственной научной и технологической базы². Тем самым СССР смог бы конкурировать с развитыми капиталистическими странами и построить, согласно термину М.А. Липкина, «кооператив» социалистических стран. Заявляя о своих претензиях на глобальное лидерство, в том числе и в сфере технологий, в особенности после XXII съезда КПСС и утверждения «генеральной перспективы» до 1980 г., в 1950–1960-е годы советское руководство уделяло значительное внимание научному и технологическому сотрудничеству с зарубежными странами³. Успехи в нем являлись важным индикатором развития страны и в целом преимуществ советского строя⁴. Но для его развития необходимо было создать и институциональные механизмы, способствующие получению международных патентов и продажи по ним лицензий.

В отечественной научной литературе рубежа XX–XXI вв. встречается некоторый скепсис как в отношении успехов СССР в области развития собственных технологий (указывается, что массово заимствовались западные, в том числе и путем шпионажа), так и в отношении патентования и лицензирования собственных разработок в других странах. Число же полученных в Советском Союзе авторских свидетельств на изобретения, по мнению Г.И. Ханина, не может служить индикатором, так как «условия получения авторских свидетельств в СССР были несравненно легче, чем патентов в США»⁵. При этом вопрос защиты изобретательства в Советском государстве и его соответствие международной практике фактически не изучается. Основная часть советских и зарубежных работ, посвященных этой проблеме, приходится на 1960–1970-е годы и, как правило, отражает анализ актуальных на тот момент изменений патентно-лицензионной системы⁶. Последующие публикации, относящиеся к интересующей нас теме, часто содержат лишь перечень достижений СССР или разбор отдельных международных договоров, а их авторы не используют весь комплекс доступных документов, прежде всего архивных⁷. На основе архивных источников опыт советской и международной патентно-лицензионной практики в русле изучения технологического сотрудничества был рассмотрен только в публикации, посвященной

¹ Некрасов В.Л. Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущева: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 71.

² Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: в 2-х т. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск, 2008. С. 74.

³ Липкин М.А. «Мировой кооператив народов»: Совет экономической взаимопомощи, который пытался построить Н.С. Хрущев // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 121–144.

⁴ Шаршунов В.А. История создания и совершенствования государственной системы защиты интеллектуальной собственности в СССР // Проблемы управления. 2009. № 3 (32). С. 211.

⁵ Ханин Г.И. Указ. соч. С. 223.

⁶ Богуславский М.М. Основные вопросы изобретательства в международном частном праве. М., 1960; *Его же*. Правовые вопросы технической помощи СССР иностранным государствам и лицензионные договоры. М., 1963; *Его же*. Участие СССР в международной охране авторских прав. М., 1974; Burrus B.R. The Soviet Law of Inventions and Copyright // Fordham Law Review. 1962. Vol. 30 (4). P. 693–726; Дозорцев В.А. Правовой режим авторского свидетельства в условиях новой системы планирования и экономического стимулирования. М., 1969; Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности: комментарий / пер. с фр. Н.Л. Тумановой; под ред. М.М. Богуславского; вступ. ст. Е.П. Питовранова. М., 1977; и др.

производству химических соединений⁸. Таким образом, до настоящего времени вопрос, в какой мере СССР удалось развивать технологическое сотрудничество с зарубежными странами на основе патентной кооперации, остается в историографии нерешенным, а имеющиеся источники — изученными не в полной мере.

Целью настоящей работы является изучение развития технологического сотрудничества СССР с зарубежными странами на примере вхождения его в международную патентно-лицензионную систему с точки зрения принятых в нем мер организационного, законодательного и информационного характера на основе широкого комплекса советских нормативно-правовых актов и международных договоров в сфере защиты изобретательства, а также ранее не исследованных источников: архивных документов Всесоюзного исследовательского института государственной патентной экспертизы (ВНИИГПЭ) и опубликованных отчетов заседания Комитета экспертов по сертификатам изобретателей (авторским свидетельствам) 1965 г. и Вашингтонской конференции 1970 г.

Большую часть XX в. право собственности на изобретение защищалось исключительно национальным законодательством. Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г. устанавливала принцип равного режима и пределов охраны авторских прав для физических и юридических лиц в странах-участниках, а также давала право на конвенционный приоритет при подаче заявки в любой из этих стран, но патентование осуществлялось на основе национального закона. Возникающие споры могли решаться как в Международном суде, так и в национальных судах. В Советском Союзе до подписания Парижской конвенции также реализовывался принцип равного режима, но на основе принципа взаимности, согласно которому патенты и авторские свидетельства наравне с советскими гражданами могли получить представители только тех стран, где последние пользовались аналогичными правами. Отметим, что в полной мере основы международного патентования были заложены только международным договором о патентной кооперации 1970 г.

В СССР, где в 1920–1930-е годы развернулось «строительство социализма в одной отдельно взятой стране», начиная с 1931 г. авторское свидетельство практически полностью заменило патент: изобретатель получал вознаграждение, а права собственности на изобретение отходили государству, поэтому закон закреплял преимущество авторского свидетельства перед патентом⁹. Возможность безвозмездного использования изобретений всеми экономическими субъектами считалась основным преимуществом социалистической системы в сравнении с капиталистической. Поэтому предложения о введении лицензионных отношений внутри СССР, появившиеся в связи с реализацией реформы 1965 г., не получили поддержки как «противоречащие самим основам социалистического планового хозяйства»¹⁰. Таким образом, советское законодательство в области авторских прав фактически было отнесено к сфере административного права, тогда как зарубежное развивалось на путях законодательства гражданского, что в известной мере ограничивало возможности

⁷ Roit N. Soviet and Chinese Copyright: Ideology Gives Way to Economic Necessity // Loyola of Los Angeles Entertainment Law Review. 1986. Vol. 6. № 1. P. 53–71. URL: <https://digitalcommons.lmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1081&context=elr> (дата обращения: 19.11.2022); Колесников А.П. История изобретательства и патентного дела: важнейшие события и факты в истории отечественного изобретательства. М., 2002; Гаврилов И.П. 50 лет с даты вступления СССР в Парижскую конвенцию по охране промышленной собственности // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2015. № 7. С. 17–22; Абрамов С.А. К вопросу о присоединении СССР к Парижской конвенции по охране промышленной собственности и правовом режиме средств индивидуации // Право и практика. 2020. № 2. С. 46–50.

⁸ Соленцова Е.А., Солдатова О.Е. Советская патентно-лицензионная практика 1960-х гг. сквозь призму международного трансфера технологий // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2021. № 2–1. С. 106–110.

⁹ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР № 3/256 от 9 апреля 1931 г. «О введении в действие положения об изобретениях и технических усовершенствованиях» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5803#3zeBfuS0Y4bIlzxw> (дата обращения: 19.11.2022).

¹⁰ Цит. по: Дозорцев В.А. Указ. соч. С. 95.

сотрудничества. Движение в сторону большей интеграции СССР в международную систему патентования изобретений и открытий требовало согласования различных подходов к фиксированию авторских прав и права собственности. Потенциал для взаимодействия в этом вопросе был, что признавали как советские, так и зарубежные авторы¹¹.

В рамках международного сотрудничества с капиталистическими странами продажа, покупка и обмен лицензиями осуществлялись через заключение лицензионных соглашений, становясь элементом гражданско-правового договора¹². Правовой формой обмена научно-техническими достижениями с социалистическими странами являлся гражданско-правовой договор безвозмездной уступки¹³. Объектом лицензии чаще всего выступали изобретения, защищенные патентами в тех государствах, где они могли быть использованы в соответствии с лицензионным договором (принцип национального режима)¹⁴.

Развитие сотрудничества Советского Союза с зарубежными странами в области патентно-лицензионной работы предполагало изучение зарубежного опыта. 23 февраля 1959 г. вышло отдельное постановление Совета Министров СССР, посвященное этому вопросу¹⁵. Комитету по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР (далее — Госкомизобретений) совместно с Государственным научно-техническим комитетом Совета Министров СССР и Министерством внешней торговли поручалось разработать и утвердить в месячный срок порядок патентования советских изобретений за границей¹⁶. В связи с чем в составе Госкомизобретений в феврале 1959 г. появился Отдел патентования и патентной экспертизы оборудования, поставляемого советскими организациями в капиталистические страны, технической документации и конструкций, способов изготовления, рецептов и технологических режимов, передаваемых этим странам¹⁷. А 22 июля 1960 г. был создан ВНИИГПЭ, к которому с 1 января 1962 г. перешли все полномочия по экспертизе в этой сфере¹⁸. В апреле 1961 г. для исполнения задач, связанных с продажей советских лицензий за границу и закупкой иностранных лицензий, Комитет по координации научно-исследовательских работ передал Отдел лицензий в Госкомизобретений¹⁹.

Отметим, что патентная работа в конце 1950-х — начале 1960-х годов велась методами госрегулирования: отраслевые отделы Госкомизобретений и ВНИИГПЭ получали плановые квартальные задания по отбору изобретений для патентования за границей с перспективами экспорта²⁰. Госкомизобретений в 1962 г. по плану должен был направить на патентование за границу 1 тыс. отечественных изобретений, однако за первый квартал отделы ВНИИГПЭ смогли отобрать для этих целей только 49²¹. В Постановлении Совета Министров СССР признавалось, что наладить патентование советских изобретений за границей в полной мере не удалось²². Подчас именно неразбериха, возникавшая

¹¹ Богуславский М.М. Основные вопросы... С. 8; Burrus B.R. Op. cit. P. 707, 710.

¹² Богуславский М.М. Правовые вопросы... С. 166.

¹³ Методические указания о порядке подготовки материалов по продаже и покупке лицензий за границей (вводится в действие с 1 марта 1962 г.) // Там же. С. 241.

¹⁴ Там же. С. 197.

¹⁵ Постановление Совета Министров СССР № 188–82 от 23 февраля 1959 г. «О защите патентных прав советских организаций при поставке в капиталистические страны машин и оборудования и при передаче этим странам технической документации на конструкции, способы изготовления, рецепт и технологические режимы» // Российский государственный архив в г. Самара (далее — РГА). Ф. Р-148. Оп. 1–6. Д. 95. Л. 49.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 50.

¹⁸ Там же. Ф. Р-545. Оп. 1–6. Д. 3. Л. 106, 115.

¹⁹ Колесников А.П. Указ. соч. С. 149.

²⁰ РГА. Ф. Р-545. Оп. 1–6. Д. 3. Л. 72–74.

²¹ Там же. Д. 5. Л. 55.

²² Постановление Совета Министров СССР № 607 от 14 июня 1962 г. «Об улучшении охраны государственных интересов в области изобретений и о дальнейшем улучшении организации изобретательства в СССР» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=43461#XzMsguSwkBSIKrE5> (дата обращения: 10.11.2022).

в ходе различного рода реорганизаций, и тормозила работу, что признавалось самим руководством Госкомизобретений: «система рассредоточена между патентующими организациями, Госкомитетом, его институтами и Всесоюзной торговой палатой, что вызывает излишнюю переписку между ними и делает систему патентования за границей неоперативной»²³.

Работу по патентованию советских изобретений за рубежом тормозило отсутствие в СССР широкой информационной базы о зарегистрированных в других странах изобретениях, что затрудняло их проверку на патентную чистоту, а предпринятые для ее формирования шаги не давали быстрого результата. 25 июня 1955 г. на Министерство внешней торговли возлагалась обязанность организации через Всесоюзное объединение «Международная книга» систематического сбора информации о вышедшей иностранной литературе и патентах, на Комитет стандартизации — подготовка предложений о порядке обмена описаниями авторских свидетельств и патентов, издаваемых в СССР, с иностранными государствами²⁴. Вместе с тем системные подборки материалов по отдельным странам стали формироваться только в 1960-е годы²⁵, а полные фонды по семи ведущим в области патентования странам к началу 1970 г. еще не были полностью готовы²⁶. Укомплектование фондов описаниями изобретений США, Великобритании, Франции, Японии за 1920—1955 гг. продолжалось и в 1971 г. в основном за счет обмена материалами с фондами Венгрии и Чехословакии, а также за счет взаимного обмена с Японией²⁷.

В начале 1960-х годов административное регулирование затронуло не только работу советской системы по патентованию, но и сферу заключения лицензионных договоров, а также другие взаимоотношения «генеральных поставщиков» с иностранными заказчиками, которые могли осуществляться только централизованно через Государственный комитет Совета Министров СССР по внешним экономическим связям, реализующий государственную монополию внешней торговли²⁸. До конца 1962 г. торговля лицензиями осуществлялась отдельными структурами согласно закрепленной за ними номенклатуре товаров (Машиноэкспорт, Станкоимпорт и т.д.). В 1962 г. было создано специализированное Всесоюзное экспортно-импортное объединение «Лицензинторг»²⁹.

Централизация оказалась достаточно эффективной при наличии двусторонних соглашений о сотрудничестве. В частности, успешно взаимодействовали члены советско-французской рабочей группы, созданной в 1966 г. для реализации Соглашения о научно-техническом и экономическом сотрудничестве между СССР и Францией³⁰. Результатом стало появление выгодной для обеих сторон формы заявки на совместные изобретения³¹. Но в области продажи лицензий централизация не всегда гарантировала достижение результата, зачастую у представителей СССР не хватало навыков организации сложного одновременного переговорного процесса, особенно в случаях, когда право собственности на технологические процессы распределялось между несколькими субъектами, нередко из разных стран³².

О результатах принятых мер правового и организационного характера можно было бы судить по статистике продаж советских лицензий в 1960-е годы, но она является до

²³ РГА. Ф. Р-545. Оп. 1—6. Д. 41. Л. 21.

²⁴ Постановление Совета Министров СССР № 1185 «О мероприятиях по улучшению использования научной и технической литературы, патентов и каталогов зарубежных стран» // Цит. по: Колесников А.П. Указ. соч. С. 134.

²⁵ РГА. Ф. Р-545. Оп. 1—6. Д. 41. Л. 79; Д. 64. Л. 192.

²⁶ Там же. Д. 156. Л. 16.

²⁷ Там же. Д. 184. Л. 60.

²⁸ Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 69-23 от 20 января 1961 г. // Там же. Ф. Р-148. Оп. 1—6. Д. 105. Л. 28.

²⁹ Богуславский М.М. Правовые вопросы... С. 182.

³⁰ Колесников А.П. Указ. соч. С. 166.

³¹ РГА. Ф. Р-545. Оп. 1—6. Д. 108. Л. 27.

³² Там же. Ф. Р-148. Оп. 6—1. Д. 120. Л. 59.

настоящего времени засекреченной. Некоторые исследователи попытались вывести цифры продаж, опираясь на косвенные данные. Г.И. Ханин, ссылаясь на подсчеты известного американского исследователя Энтони Сэттона, указывает, что на начало 1967 г. СССР была продана 61 лицензия, т.е. в среднем около 10 лицензий в год³³. Доходы, полученные Советским государством, подсчитать еще сложнее, поскольку наиболее часто в Советской лицензионной практике применялась комбинированная форма вознаграждения, предусматривающая уплату единовременного первоначального взноса, свидетельствующего о намерении покупателя организовать производство и сбыт соответствующего изделия, и периодических платежей в виде процентов от продаж и т.п.³⁴ Г.И. Ханин ориентировался на среднюю рыночную стоимость лицензии, закупленной в 1961–1964 гг. в Японии (0,35 млн долл.). По его мнению, выручка СССР от продажи лицензий составляла около 3,5 млн долл., в то время как в США в тот же период она исчислялась несколькими миллиардами долларов³⁵. Доступные нам архивные материалы также не дают полной информации о числе проданных Советским Союзом в 1960-е годы лицензий и их стоимости, но позволяют сделать ряд уточнений. Согласно информации из письма Министерства внешней торговли от 13 августа 1964 г., к августу этого года «Лицензинторг» заключил 16 лицензионных соглашений на использование советских изобретений, в том числе с фирмами таких экономически развитых стран, как Франция, Италия, Англия, Япония. Доходы по этим и другим лицензионным соглашениям в валюте составили: в 1962 г. – 431 тыс. руб. (около 400 тыс. долл. по курсу ЦБ СССР на 1963 г.), в 1963 г. – 650 тыс. руб. (около 600 тыс. долл.), за семь месяцев 1964 г. – 416 тыс. руб. (около 380 тыс. долл.). Отмечалось, что количество лицензионных соглашений, заключенных в последние годы, и полученные от них доходы «явно недостаточны, если учесть масштабы НИР, проводимых в СССР, и количество выдаваемых ежегодно (около 10 тыс.) авторских свидетельств на советские изобретения». В 1963 г. Госкомизобретений смог отобрать для продажи только 294 лицензии, а за первое полугодие 1964 г. – 84 изобретения. Из общей суммы платежей – 1 673 тыс. руб. (1,5 млн долл.) в свободной валюте и 144 тыс. руб. в форме технической документации – платежи в виде отчислений от продукции, изготовленной по лицензиям, составляли всего 62 тыс. руб. или 3,4%³⁶. Получается, что проданные Советским Союзом лицензии практически не использовались в производстве у лицензиатов из-за низкого качества произведенных изделий, что вынужден был признать и Совет Министров СССР, отмечая недостатки в этой работе и неудовлетворительное исполнение обязательств перед иностранными фирмами³⁷.

В целом, решить задачу патентования и продажи лицензий путем своеобразного встраивания в сотрудничество с зарубежными странами (заключая отдельные договоры) и связанных с ним мер организационного и административного характера в СССР, а следовательно обеспечить лидерство Советского Союза в области технологического сотрудничества не удалось. С 1954 г. советское руководство стало искать ее решение на путях интеграции в непрерывно развивающуюся международную патентную систему. Наша страна присоединилась к Конвенции о международной патентной классификации и Международной (Парижской) конвенции о международных выставках (подписана СССР 8 июня 1959 г.)³⁸. Использование в Советском Союзе Международной патентной классификации (МПК), наряду с индексами Указателя классов патентов и авторских свидетельств, выдаваемых в СССР, было введено приказом Госкомизобретений от 22 июня

³³ Ханин Г.И. Указ. соч. С. 223–224.

³⁴ Богуславский М.М. Правовые вопросы... С. 210.

³⁵ Ханин Г.И. Указ. соч. С. 223–224.

³⁶ РГА. Ф. Р-148. Оп. 1–6. Д. 117. Л. 87.

³⁷ Постановление Совета Министров СССР № 449 от 19 мая 1967 г. «О мерах по улучшению патентно-лицензионной работы в стране» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=37305&dst=100001#HBwsuS1qSyc8pFK> (дата обращения: 10.11.2022).

³⁸ Колесников А.П. Указ. соч. С. 133, 144.

1962 г.³⁹ В полном объеме МПК намечалось ввести в нашей стране с 1 января 1970 г.⁴⁰, но фактически работа ВНИИГПЭ по реклассификации фонда описаний изобретений СССР и заявок, по которым принималось решение о выдаче авторских свидетельств, завершилась только к маю 1970 г.⁴¹ Благодаря тому, что с 1969 г. в связи с окончанием разработки и согласования проекта МПК значительное число европейских стран либо полностью переходило на эту систему, либо вводило ее в качестве вспомогательной, МПК приобретала значение унифицированной классификации изобретений для большинства стран мира, что открывало более широкие возможности для международного сотрудничества, помимо двусторонних соглашений или соглашений с отдельными зарубежными предприятиями.

Процесс присоединения Советского Союза к Парижской конвенции по охране промышленной собственности начался после принятия Постановления Совета Министров СССР от 8 марта 1965 г.⁴² и завершился 1 июля 1965 г.⁴³ Проблемой для СССР и многих социалистических стран стало закрепленное в их законодательстве авторское свидетельство в качестве формы, преобладающей над патентом, тогда как, согласно Парижской конвенции, только заявка на патент была основанием для возникновения права конвенционного приоритета⁴⁴. В связи с этим еще на Лиссабонской конференции 1958 г. делегации Румынии и ряда других социалистических стран предлагали включить авторское свидетельство в те статьи конвенции, где перечисляются все виды патентов⁴⁵. Но только после начала процесса присоединения к конвенции СССР в Женеве в марте 1965 г. начали рассматривать возможность внесения соответствующих поправок на будущей Стокгольмской конференции 1967 г. Советская делегация, отстаивая равноправие авторского свидетельства и патента, ссылаясь на равные требования к заявкам на авторские свидетельства в СССР и к заявкам на патенты в других странах, отмечая, что при получении авторского свидетельства существуют гарантии правовой защиты, указывала на то, что Парижская конвенция изначально основана на принципе равенства суверенных прав и признания особенностей правовых систем стран-участниц. Делегации социалистических государств всецело поддержали СССР, но большинством голосов на конференции 1967 г. авторское свидетельство было приравнено к патенту не по всем статьям, а ограничено — в действии принципа конвенционного приоритета⁴⁶. 12 октября 1967 г. Советский Союз, наряду с другими странами, подписал Стокгольмский акт Парижской конвенции по охране промышленной собственности и Конвенцию о создании Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). 19 сентября 1968 г. документы были ратифицированы Президиумом Верховного Совета СССР⁴⁷.

³⁹ РГА. Ф. Р-545. Оп. 1—6. Д. 5. Л. 74.

⁴⁰ Колесников А.П. Указ. соч. С. 173.

⁴¹ РГА. Ф. Р-545. Оп. 1—6. Д. 151. Л. 90.

⁴² Постановление Совета Министров СССР № 148 от 8 марта 1965 г. «О присоединении СССР к Парижской конвенции по охране промышленной собственности» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38440#2njzYuSS6CJA54ZK1> (дата обращения: 10.11.2022).

⁴³ Таврилов И.П. Указ. соч. С. 17.

⁴⁴ *Bodenhausen G.H.C.* Guid d'application de la Convention de Paris pour la protection de la propriété industrielle telle que révisée a Stockholm en 1967 / Bureaux internationaux réunis pour la protection de la propriété intellectuelle (BIRPI). Genève, 1969. P. 22.

⁴⁵ Богуславский М.М. Основные вопросы... С. 65.

⁴⁶ Comité d'experts sur les certificats d'inventeurs (Genève, 15—19 mars 1965). Note // La Propriété industrielle. Revue mensuelle des Bureaux internationaux réunis pour la protection de la propriété intellectuelle (BIRPI). № 4. 1965. P. 80—87 // URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/fr/intproperty/120/wipo_pub_120_1965_04.pdf (дата обращения: 11.11.2022).

⁴⁷ Указ Президиума ВС СССР № 3104-VII от 19 сентября 1968 г. «О ратификации Стокгольмского акта Парижской конвенции по охране промышленной собственности и Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности» // URL: http://continent-online.com/document/?doc_id=1045397#pos=0;0&sel_link=1000048329 (дата обращения: 11.11.2022).

При подписании Парижской конвенции Советский Союз реализовал свое право не принимать п. 1 ст. 28 о решении споров между странами в Международном суде, что сохраняло в неприкосновенности национальный правовой режим, при том что ст. 129 Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик гласила, что в случаях расхождения положений международных соглашений, в которых участвует наша страна, и норм советского гражданского законодательства применялись правила международно-го соглашения⁴⁸.

Советское руководство исходило из того, что подписание Парижской конвенции создавало для отечественных специалистов более выгодные условия, чем ранее предусматривало Постановление Совета Министров СССР от 17 марта 1965 г., так как предоставляло годичный льготный срок не с момента вынесения решения о выдаче патента или авторского свидетельства, а с даты подачи первой заявки. Более того, на Лиссабонской конференции 1958 г. было подтверждено, что национальная заявка является достаточным основанием для возникновения права конвенционального приоритета, независимо от того, получит ли объект заявки защиту в этой стране или нет. В связи с этим предприятия и организации, имеющие квалификационные патентные службы, могли проводить подготовку патентования изобретения за рубежом, основываясь на результатах собственной проверки на патентную чистоту, не ожидая решения Комитета по заявкам на выдачу авторских свидетельств⁴⁹. Предварительные публикации сведений о заявленных в СССР изобретениях снимали юридические препятствия для их будущего патентования за границей.

Еще больше возможностей для кооперации и трансфера технологий открывало заключение в 1970 г. Международного договора о патентной кооперации (Patent Cooperation Treaty, РСТ), в первую очередь способствуя более тесной интеграции в рамках СЭВ, поскольку на социалистические страны в СССР приходилась треть выдаваемых патентов и 37–39% от общего числа подаваемых заявок. В связи с чем стали актуальными формирование единой экспертной системы⁵⁰ и создание единого патента социалистических стран, что было впервые озвучено в 1957 г. в ГДР на Лейпцигской конференции по вопросам охраны промышленной собственности⁵¹. На Конференции делегатов патентных ведомств социалистических стран, проходившей в Берлине в ноябре 1959 г., ГДР предложила унификацию процедуры экспертизы и выдачи патентов⁵². Предусматривалось освобождение от взимания пошлин в случае взаимной подачи заявок на получение авторского свидетельства странами, входящими в СЭВ⁵³. Однако эти предложения не были приняты, а затем потеряли свою актуальность в связи с заключением РСТ. Можно согласиться с авторами, отмечаящими, что инициаторами перемен в СЭВ и в отношениях СЭВ с ЕЭС и другими организациями зачастую становились страны Восточной Европы, а СССР, напротив, был в этом вопросе достаточно инертным⁵⁴. Сказанное в полной мере относится и к патентно-лицензионной деятельности.

Создание единой международной системы защиты изобретений и открытий без дублирования их в национальном праве впервые предложили США в 1966 г., подобно тому как в 1957 и 1959 гг. делегация ГДР сделала во многом сходное предложение в рамках СЭВ. Международное объединенное бюро по охране интеллектуальной собственности (предшественник ВОИС) с учетом консультаций с государствами – участниками Парижской конвенции последовательно разрабатывало четыре проекта Договора

⁴⁸ РГА. Ф. Р-545. Оп. 1–6. Д. 53. Л. 46.

⁴⁹ Там же. Д. 64. Л. 161–162.

⁵⁰ Там же. Д. 156. Л. 14.

⁵¹ Богуславский М.М. Основные вопросы... С. 239.

⁵² Там же. С. 244.

⁵³ РГА. Ф. Р-545. Оп. 1–6. Д. 64. Л. 168.

⁵⁴ Липкин М.А. Указ. соч. С. 126.

о патентной кооперации⁵⁵. В Советском Союзе в связи с обсуждением вопроса об унификации патентной экспертизы в рамках планов заключения РСТ в сентябре 1968 г. советы ВНИИГПЭ и Центрального научно-исследовательского института патентной информации (ЦНИИПИ) стали изучать проблемы патентной экспертизы в капиталистических странах⁵⁶. При этом, несмотря на отдельные возражения, победила точка зрения, согласно которой СССР необходимо войти в РСТ и руководствоваться международными нормами в патентовании. Жесткая критика деятельности ВНИИГПЭ с идеологических позиций встречается в докладе только одного из сотрудников института, М.З. Плешакова, «О фактах проявления современной буржуазной идеологии в изобретательстве и патентом деле». Однако его выступление не получило поддержки ни у партийного руководства, ни у коллег⁵⁷.

Все же переход к РСТ вызывал в СССР некоторые справедливые опасения, связанные с особенностями правового закрепления приоритета изобретений в США, которые являлись безусловными лидерами в этой области, так как их изобретения составляли примерно 50% от мировых⁵⁸. Вызывала беспокойство и судебная практика, сложившаяся в Соединенных Штатах, по вопросам защиты авторского права. Однако, несмотря на некоторые сомнения, в СССР высказывалось достаточно аргументов в поддержку РСТ. Считалось, что новый договор может подтолкнуть европейские патентные ведомства к борьбе за свои права, а Советскому Союзу позволит бесплатно получать «раннюю информацию по всем изобретениям, которые станут предметом международной заявки», патентовать больше изобретений и повышать уровень экспертизы. Как выразился один из сотрудников ВНИИГПЭ, «наша русская мысль не оскудела, просто мы плохо оформляем заявки»⁵⁹.

В этих условиях проблемы качества советской патентной экспертизы выходили на первый план. При этом рассматривалось несколько путей его повышения: введение так называемой «отсроченной экспертизы», децентрализация в ее проведении, предварительная проверка на новизну предприятием «Патент» с последующей передачей материалов во ВНИИГПЭ. Каждый вариант имел свои достоинства и недостатки. Для подготовки предложений по проектам РСТ и работе по переходу на новую систему рассмотрения международных заявок на изобретения приказом Госкомизобретений № 54 от 16 июня 1969 г. во ВНИИГПЭ создавался Отдел международной патентной кооперации⁶⁰.

Подписание РСТ 23 декабря 1970 г. способствовало совершенствованию отечественной экспертизы: сотрудники Госкомизобретений, включая директоров ВНИИГПЭ, ЦНИИПИ, отделов изобретательского права и внешних сношений начали готовить предложения по созданию в Москве международной организации для проведения поиска и экспертизы по международным заявкам. Госкомизобретений планировал стажировки советских экспертов в зарубежных поисковых организациях, проводились информационные совещания представителей министерств и ведомств по вопросу подготовки к переходу на новую систему патентования изобретений за границей⁶¹. Одновременно с обсуждением РСТ 8 октября 1968 г. было подписано Локарнское соглашение о международной классификации промышленных образцов⁶². СССР присоединился к этому договору 28 мая 1969 г.

⁵⁵ Records of the Washington Conference, 1970 // Post Conference Documents. P. 741–744. URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/pct/en/texts/pdf/washington_p739_to_764.pdf (дата обращения: 11.11.2022).

⁵⁶ РГА. Ф. Р-545. Оп. 1–6. Д. 112. Л. 121.

⁵⁷ Там же. Л. 61, 83.

⁵⁸ Там же. Д. 156. Л. 15.

⁵⁹ Там же. Л. 14–16.

⁶⁰ Там же. Д. 156. Л. 15.

⁶¹ Там же. Д. 184. Л. 54–55, 57, 59.

⁶² Колесников А.П. Указ. соч. С. 171.

В современной литературе встречаются утверждения, будто СССР включился в процесс интеграции в области патентно-лицензионной работы для того, чтобы получить доступ к западным технологиям⁶³. Но нельзя сбрасывать со счетов и претензии Советского Союза на обеспечение технологического лидерства, на развитие конкуренции с западными странами и стремление обеспечить более тесную интеграцию со странами СЭВ. Как показывает проведенное нами исследование, значительные усилия, предпринятые СССР в 1950-е годы с целью построить советскую модель защиты авторских прав в международную патентно-лицензионную деятельность, не увенчались успехом: количество проданных лицензий оказалось невелико, а качество изделий, произведенных с их использованием, — низким. Учитывая позицию социалистических стран, взвешивая выгоды от присоединения к Парижской конвенции и РСТ, руководство СССР сменило эту модель на интеграционную. Вместе с тем на пути создания этих моделей Советский Союз столкнулся с рядом внутренних ограничений: преимущественное использование административных методов, в том числе в организации патентно-лицензионной работы, недостаточное внимание к предложениям, звучавшим в странах СЭВ, стремление сохранить собственную управленческую и экономическую модель, которая медленно адаптировалась к международным стандартам. Избыточность ресурсов, потребовавшихся для создания двух моделей патентной кооперации на протяжении почти двух десятилетий, в полной мере свидетельствует об инертности советской экономической и политической систем, создававших препятствия в реализации амбициозных планов.

Библиография

- Абрамов С.А. К вопросу о присоединении СССР к Парижской конвенции по охране промышленной собственности и правовом режиме средств индивидуации // *Право и практика*. 2020. № 2. С. 46–50.
- Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности: комментарий / пер. с фр. Н.Л. Тумановой; под ред. М.М. Богуславского; вступ. ст. Е.П. Питовранова. М., 1977.
- Богуславский М.М. Основные вопросы изобретательства в международном частном праве. М., 1960.
- Богуславский М.М. Правовые вопросы технической помощи СССР иностранным государствам и лицензионные договоры. М., 1963.
- Богуславский М.М. Участие СССР в международной охране авторских прав. М., 1974.
- Гаврилов И.П. 50 лет с даты вступления СССР в Парижскую конвенцию по охране промышленной собственности // *Патенты и лицензии. Интеллектуальные права*. 2015. № 7. С. 17–22.
- Дозорцев В.А. Правовой режим авторского свидетельства в условиях новой системы планирования и экономического стимулирования. М., 1969.
- Колесников А.П. История изобретательства и патентного дела: важнейшие события и факты в истории отечественного изобретательства. М., 2002.
- Липкин М.А. «Мировой кооператив народов»: Совет экономической взаимопомощи, который пытался построить Н.С. Хрущев // *Новый исторический вестник*. 2017. № 4 (54). С. 121–144.
- Максарев Ю.Е. Регистрация и правовая охрана открытий и изобретений // *Вестник РАН*. 1977. № 11. С. 69–74.
- Некрасов В.Л. Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущева: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество // *Новый исторический вестник*. 2017. № 4 (54). С. 71–91.
- Соленцова Е.А., Солдатова О.Е. Советская патентно-лицензионная практика 1960-х гг. сквозь призму международного трансфера технологий // *Наука XXI века: актуальные направления развития*. 2021. № 2–1. С. 106–110.
- Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: в 2-х т. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Новосибирск, 2008.
- Шаршунов В.А. История создания и совершенствования государственной системы защиты интеллектуальной собственности в СССР // *Проблемы управления*. 2009. № 3 (32). С. 208–214.
- Burrus B.R. The Soviet Law of Inventions and Copyright // *Fordham Law Review*. 1962. Vol. 30 (4). P. 693–726.
- Roit N. Soviet and Chinese Copyright: Ideology Gives Way to Economic Necessity // *Loyola of Los Angeles Entertainment Law Review*. 1986. Vol. 6. № 1. P. 53–71. URL: <https://digitalcommons.lmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1081&context=elr> (дата обращения: 19.11.2022).

⁶³ Roit N. Op. cit. P. 58.

References

- Abramov S.A.* К вопросу о присоединении СССР к Парижской конвенции по охране промышленной собственности и правовом режиме средств индивидуальности [To the question of adhesion of the USSR to the Paris Convention for the Protection of Industrial Property and the Trademark Law] // *Pravo i praktika* [Law and Practice]. 2020. № 2. С. 46–50. (In Russ.)
- Bodenkhaugen G.* Парижская конвенция по охране промышленной собственности: комментарий [The Paris Convention for the protection of industrial property: comment] / пер. с фр. Н.Л. Тумановой; под ред. М.М. Богуславского; vstup. st. Е.Р. Питовранова. Москва, 1977. (In Russ.)
- Boguslavskii M.M.* Osnovnye voprosy izobretatelstva v mezhdunarodnom chastnom prave [The main issues of invention in private international law]. Москва, 1960. (In Russ.)
- Boguslavskii M.M.* Pravovye voprosy tekhnicheskoi pomoshchi SSSR inostrannym gosudarstvam i litsenзионные договоры [Legal issues of technical assistance of the USSR to foreign states and license agreements]. Москва, 1963. (In Russ.)
- Boguslavskii M.M.* Uchastie SSSR v mezhdunarodnoi okhrane avtorskikh prav [Participation of the USSR in international copyright protection]. Москва, 1974. (In Russ.)
- Dozortsev V.A.* Pravovoi rezhim avtorskogo svidetelstva v usloviakh novoi sistemy planirovaniia i ekonomicheskogo stimulirovaniia [The legal regime of the author's certificate in the conditions of the new system of planning and economic incentives]. Москва, 1969. (In Russ.)
- Gavrilov I.P.* 50 let s daty vstupleniia SSSR v Parizhskuiu konventsiuu po okhrane promyshlennoi sobstvennosti [50 years since the date of the USSR's entry into the Paris convention for the protection of industrial property] // *Patenty i litsenzii*. Intellektualnye prava [Patents and licenses. Intellectual property rights]. 2015. № 7. С. 17–22. (In Russ.)
- Khanin G.I.* Ekonomicheskaiia istoriia Rossii v noveishee vremia: v 2-kh t. T. 1. *Ekonomika SSSR v kontse 30-kh godov – 1987 god* [Economic history of Russia in the 20th century. Vol. 1. Soviet economy from the end of the 1930s to 1987]. Novosibirsk, 2008. (In Russ.)
- Kolesnikov A.P.* Istoriiia izobretatelstva i patentnogo dela Vazhneishie sobytii i fakty v istorii otechestvennogo izobretatelstva [History of invention and patent business: The most important events and facts in the history of domestic invention]. Москва, 2002. (In Russ.)
- Lipkin M.A.* “Mirovoi kooperativ narodov”: Sovet ekonomicheskoi vzaimopomoshchi, kotoryi pytalsia postroit' N.S. Khrushchev [The “Global cooperative of peoples”: The Council for Mutual Economic Assistance that Nikita Khrushchev tried to build] // *Novyi istoricheskii vestnik* [The New historical bulletin]. 2017. № 4 (54). С. 121–144. (In Russ.)
- Maksarev Iu.E.* Registratsiia i pravovaia okhrana otkrytii i izobretenii [Registration and legal protection of discoveries and inventions] // *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 1977. № 11. С. 69–74. (In Russ.)
- Nekrasov V.L.* Sovetskii ekonomicheskii reformizm epokhi N.S. Khrushcheva: avtoritarnyi reformator, partiino-gosudarstvennaia sistema i akademicheskoe soobshchestvo [Soviet economic reformism of the Khrushchev era: the authoritarian reformer, the party-state system, and the academic community] // *Novyi istoricheskii vestnik* [The New historical bulletin]. 2017. № 4 (54). С. 71–91. (In Russ.)
- Sharshunov V.A.* Istoriiia sozdaniia i sovershenstvovaniia gosudarstvennoi sistemy zashchity intellektual'noi sobstvennosti v SSSR [The History of formation and perfection of the state intellectual property protection system in the USSR] // *Problemy upravleniia* [Control sciences]. 2009. № 3 (32). С. 208–214. (In Russ.)
- Solentsova E.A., Soldatova O.E.* Soviet Patent and Licensing Practice of the 1960s through the Prism of International Technology Transfer [Soviet patent and licensing practice of the 1960s through the prism of international technology transfer] // *Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniia razvitiia* [Science of the 21st century: current directions of development]. 2021. № 2–1. С. 106–110. (In Russ.)
- Burrus B.R.* The Soviet Law of Inventions and Copyright // *Fordham Law Review*. 1962. Vol. 30 (4). P. 693–726.
- Roit N.* Soviet and Chinese Copyright: Ideology Gives Way to Economic Necessity // *Loyola of Los Angeles Entertainment Law Review*. 1986. Vol. 6. № 1. P. 53–71. URL: <https://digitalcommons.lmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1081&context=elr> (access date: 19.11.2022).

© 2023 г. А.А. ЩЕЛЧКОВ

«СЕНДЕРО ЛУМИНОСО» В ПЕРУ: ТЕРРОР И ЕСТЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Щелчков Андрей Аркадьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: sch2000@mail.ru

Scopus Author ID: 57200153001; ORCID: 0000-0002-7780-781X; Researcher ID: T-8612-2018

Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

Аннотация. Советско-китайский раскол в международном коммунистическом движении в 60-е годы XX в. привел к появлению практически во всех странах маоистских коммунистических партий, большинство которых вышло из состава традиционных компартий. В ряде мест маоизм получил большую поддержку, чем промосковские партии, в частности в Перу, где маоистское движение демонстрировало массовость и политическую силу. Внутри этого движения сформировалось радикальное, догматическое крыло, абсолютизовавшее насилие как единственный метод политической борьбы. Компартия Перу «Сендеро Луминосо» (Сияющий путь) ввергла страну в десятилетнюю гражданскую войну с многотысячными жертвами. Статья посвящена анализу идеологии и политической практики данного движения, представлявшего проект воинствующего тоталитарного эгалитаризма и левой террористической диктатуры. «Сендеро Луминосо» представляет собой экстремальный политической проект, объяснение которого требуют не только политического и социального, но и психологического подхода. Партия «Сендеро Луминосо» выросла из кружка изучения идей Х.К. Мариатеги в 1960-е годы в мощное подпольное повстанческое движение в 1970–1980-е годы, сумевшее порой с успехом противостоять перуанскому государству со всем его аппаратом насилия, армией и полицией. В основу тактики движения была положена концепция «длительной народной войны» и окружения города деревней, а на практике — всеобъемлющее насилие, объявленное главной творческой силой революции. Маоистская идея «служения народу» и самопожертвования революционеров смогла захватить значительные группы молодежи, прежде всего студентов, самоотверженно отдававших себя делу сендеристской революции. Сверхконспиративность и отказ от массовости движения сделали на долгие годы неуязвимым руководство партии во главе с Абимаэлем Гусманом. Развязанная сендеристами гражданская война поставила на грань коллапса перуанское государство, став отправной точкой политических и экономических реформ неolibерального типа, получивших значительную общественную поддержку, объяснимую только шоком от предлагаемого сендеристами левого проекта.

Ключевые слова: маоизм, Перу, террор, «Сендеро Луминосо», Абимаэль Гусман, левый экстремизм, гражданская война, коммунистическое движение, Х.К. Мариатеги.

A.A. Schelchkov

Sendero Luminoso in Peru: Terror is Revolution

Andrey Schelchkov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: sch2000@mail.ru

Scopus Author ID: 57200153001; ORCID: 0000-0002-7780-781X; Researcher ID: T-8612-2018

The article was written with the support of the Russian Science Foundation, project № 19-18-00305 "Comintern in Latin America: historical traditions and political processes".

Abstract. The Soviet-Chinese rift in the international communist movement in the 1960s led to the emergence of Maoist communist parties in almost every country in the world, most of which broke away from local communist parties. In a number of places Maoism gained more support than Moscow-backed parties, notably in Peru, where the Maoist movement demonstrated mass appeal and political strength. Within this movement a radical, dogmatic wing emerged which absolutised violence as the only method of political struggle. It was the Peruvian Communist Party Sendero Luminoso ("The Shining Path") which plunged the country into a decade-long civil war with thousands of victims. In this article the author analyses the ideology and political praxis of the movement, which was a project of militant totalitarian egalitarianism and a left-radical terrorist dictatorship. Sendero Luminoso is an extreme political project, the explanation of which requires not only a political and social but also a psychological approach. The Sendero Luminoso Party grew from a coterie exploring the ideas of José Carlos Mariátegui in the 1960s into a powerful underground insurgent movement in the 1970s and 1980s, which sometimes managed to successfully resist the Peruvian government with all its apparatus of violence, the army and the police. The tactics of the movement were based on the concept of a "protracted people's war" and the encirclement of the city by the countryside, and in practice on all-out violence, declared to be the main creative force of the revolution. The Maoist idea of "service to the people" and the self-sacrifice of revolutionaries was able to capture significant groups of young people, especially students, who devoted themselves wholeheartedly to the cause of the Senderist revolution. Excessive secrecy and rejection of the mass character of the movement made the leadership of the party, led by Abimael Guzmán, invulnerable for many years. The civil war unleashed by the Senderists did indeed bring Peru to the brink of collapse, becoming the starting point of neoliberal political and economic reforms that gained significant public support, explained only by the shock from the left-wing project proposed by the Senderists.

Keywords: Maoism, Peru, terror, Sendero Luminoso, Abimael Guzmán, left-wing extremism, civil war, communist movement, José Carlos Mariátegui.

В отечественной историографии нет специальных работ о гражданской войне в Перу в 80-е годы XX в. и о движении «Сендеро Луминосо» (Сияющий путь), за исключением очерков об этом в рамках общих работ по общественно-политическим движениям и партиям в Латинской Америке¹. Драматические события в Перу приходились на сложные для нашей науки годы: вторая половина 1980-х—1990-е. Естественным для того времени был ограниченный доступ к информации, часть которой даже в Перу тогда не была достоянием общественности. Это в значительной степени объясняет, почему движение «Сендеро Луминосо» (СЛ) тогда рассматривалось исключительно как террористическая организация, игнорировались политические и идейные характеристики этого явления. Только после создания «Национальной комиссии правды и примирения» были опубликованы многие документы, свидетельства, позволившие исследовать особенности этой кровавой гражданской войны.

Истоки создания компартии «Сендеро Луминосо» восходят к советско-китайскому конфликту начала 1960-х годов. В Перу, в отличие от других стран Латинской Америки, в коммунистическом движении преобладание получили маоисты. Внутри старой компартии² сложились две крупные фракции, борьба которых привела к ее расколу. Группы стали называться по своим газетам: маоисты — «КПП-Красное знамя», а промосковская

¹ Ивановский З.В. Ультралевые партии и организации Латинской Америки: изменения в идеологии и политике // Латинская Америка 80-х годов. Партийно-политическая структура стран региона / отв. ред. З.В. Ивановский. М., 1989. С. 51—54; *Его же*. Ультралевый терроризм в Перу // Латинская Америка: политические партии и социальные движения / отв. ред. Ю.И. Визгунова, Б.М. Мерин, З.В. Ивановский, А.Ф. Шульговский. Т. 2. М., 1994. С. 52—68.

² Промосковская партия называлась Перуанская коммунистическая партия (ПКП), а отколовшиеся маоисты — Коммунистической партией Перу (КПП). Последние много раз переживали расколы и меняли названия.

фракция — «ПКП-Единство»³. Побывавший в 1964 г. в Перу итальянский коммунист Ренато Сандри писал в отчете в Москву о положении в коммунистическом движении Перу в связи с прокитайским расколом в партии: «Сначала аргументами их агитации были два: морализация партии, требование, чтобы источники ее финансирования были бы сообщены публично, находились под контролем ЦК, обвинение некоторых руководителей в растрате. Во-вторых, необходимость не занимать позиции в полемике Москва — Пекин, а проводить перуанскую политику»⁴.

В ноябре 1963 г. лидеры прокитайской фракции в партии Хосе Сотомайор и Мануэль Со-рия отправились в Пекин, где попросили совета: оставаться в рядах старой партии или создать новую. В Пекине они встречались почти со всеми высшими руководителями Коммунистической партии Китая (КПК), а их вопросы обсуждались на совещании постоянных членов политбюро КПК. Китайцы рекомендовали создавать свою компартию, но через получение контроля над старой партией при исключении всех промосковских руководителей как ревизионистов. Делегатов принял Мао Цзэдун, который заявил: вы хотите начать народную войну, так это не сложно — надо просто решиться⁵.

В конце 1963 г. в Политкомиссии партии четверо из восьми членов высказались за пропекинский курс, а молодежная организация почти в полном составе была за маоистами. Оппозиция курсу традиционных левых, прежде всего в Перуанской компартии, зародилась в молодежной организации партии. В городе Айякучо ему было суждено стать ареной самых драматических событий гражданской войны, в начале 1960-х в молодежной коммунистической организации появилось левое оппозиционное крыло, в которое входил Абимаэль Гусман, бу-дущий лидер «Сендеро Луминосо»⁶.

В конце 1965 г. «КПП-Красное знамя» официально признала себя маоистской партией, приняв все маоистские догмы, как то: Перу не просто зависимая, а полуколониальная страна; главной силой революции будет крестьянство; «народная война» и «окружение города деревней»; главная форма революционной организации — народная армия. Прокитайскую партию поддержали также кубинцы, от которых она получала материальную помощь⁷.

В 1966 г. произошел первый раскол внутри маоистски ориентированной партии. Группа во главе с Сотомайором образовала Компартию (марксистско-ленинскую), которая отошла от маоизма, став своего рода заповедником сталинизма. В 1967 г. разногласия внутри партии маоистов привели к выходу из «КПП-Красное знамя» группы, образовавшей «КПП-Красная родина»⁸. Следующий раскол внутри маоистов имел самые серьезные последствия для страны — речь идет о движении «Сендеро Луминосо». В Университете Уаманги⁹ из маоистской «КПП-Красное знамя» выделилась группа «Красная фракция», заявившая о приверженности наследию создателя компартии Перу Х.К. Мариатеги¹⁰. Эта группа ставила задачу непосредственной подготовки революции. На ее основе в 1970 г. была создана Коммунистическая партия Перу «Сендеро Луминосо» (КПП-СЛ). Новая партия заявляла, что следует

³ Canama A. Марксизм в Перу, 1930—1990 // Латиноамериканский исторический альманах. 2020. № 26. С. 235.

⁴ Поездка Сандри в Уругвай, Аргентину, Чили, Перу, Мексику 1964 г. // Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 50. Д. 598. Л. 63.

⁵ Sotomayor Pérez J. ¿Leninismo o maoísmo? Lima, 2009. P. 23—28.

⁶ Guzmán A., Yparaguire E. Memorias desde Némesis. [S.l.], 2014. P. 42.

⁷ Международный отдел в ЦК КПСС от 15 июля 1964 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 600. Л. 133.

⁸ Партия «КПП-Красное знамя» не пережила бурных 1980-х годов в отличие от «КПП-Красной родины», которая по сей день активно действует. Например, главный профсоюз учителей страны находится под контролем этой партии. См.: Dorais G. La crítica maoísta peruana frente a la reforma agraria de Velasco (1969—1980) // IEP documento de Trabajo, 167. Documento de Política, 8. Lima, 2012. P. 12.

⁹ Университет Сан Кристоаль, или Университет Уаманги, находится в г. Айякучо, столице одноименного департамента, в центре провинции Уаманга.

«сияющему пути Мариатеги», и стандартно обвиняла других маоистов в «ревизионизме»¹¹. Однако в «КПП-Красное знамя» осталось большинство членов партии, в том числе и в крестьянских организациях, что было важно для маоистов, видевших в крестьянстве силу и оружие революции. «Красная фракция» во главе с Гусманом доминировала в Айякучо. Весь этот процесс размежевания Гусман называл «восстановлением компартии», созданной Мариатеги, завершившийся созданием «Сендеро Луминосо»¹².

Особое место в истории создания партии занимает Университет Уаманги, основанный в 1959 г. В новый университет приехали преподаватели, многие из которых придерживались левых убеждений. Одним из них был профессор философии Абимаэль Гусман.

Лидер сендеристов А. Гусман (председатель Гонсало) был членом компартии с 1958 г. В 1965 г. он побывал в КНР, где изучал маоистскую доктрину и даже прошел военные курсы в Нанкине. В 1967 г. как представитель маоистской КПП отправился на съезд Албанской партии труда, где Энвер Ходжа говорил о необходимости воссоздания «антиревизионистского» Коммунистического интернационала. В тот же год Гусман снова съездил в Китай, который переживал драматические дни «культурной революции», чтобы по заданию партии договориться с китайцами о возобновлении финансовой поддержки, которую КПК вдруг прекратила. Однако уже в Китае Гусману передали мнение Мао, что такая поддержка — проявление ревизионизма, и партия, чтобы что-то значить, должна уметь существовать самостоятельно.

По возвращении в Перу в 1967 г. Гусман на базе Университета Уаманги развернул агитационную деятельность, сумев привлечь на свою сторону не только студентов, но и большинство преподавателей. В 1973 г. он переселился в Лиму, ставшую командным пунктом партии, но центр идеологической активности оставался в Айякучо. В среде перуанских маоистских и в целом левых партий партия Гусмана в 1970-е годы считалась «бедным родственником из провинции», а имя Мариатеги использовалось ею для позиционирования себя как единственно легитимной партии, наследницы исторической КПП¹³.

В это время в стране резко увеличилось число учащихся в системе высшего образования, когда студентами становились не только выходцы из привилегированных классов, но и из народных низов, в том числе и крестьяне, всегда рассматривавшие университетское образование как предпосылку к социальному восхождению и мобильности. Если в год открытия университета там обучалось всего 228 студентов, то в 1968 г. уже 1500, а в 1971 г. — 3319, в 1980-е — 6 тыс.¹⁴ Студенты «нового типа» оказались легкой добычей маоистской пропаганды. Именно студенты и преподаватели Университета Уаманги, а также школьные учителя, имевшие отношение к этому университету, составили основу КПП-СЛ. Как показало исследование Д. Чавеса де Паса, среди арестованных за терроризм (за принадлежность к СЛ) в конце 1980-х годов большинство были выходцами из провинциальной обедневшей и терявшей статус элиты. Из них 35,5% были с университетским образованием¹⁵. Университет стал «кузницей» и главным источником кадров СЛ.

В 1970—1972 гг. в Айякучо сендеристы создали «Центр интеллектуальных работ Мариатеги», объединивший студентов и преподавателей Университета Уаманги. Они почти подпольно

¹⁰ *Хосе Карлос Мариатеги* (1894—1930) — выдающийся перуанский мыслитель, основоположник так называемого «латиноамериканского марксизма», основатель Социалистической партии, преобразованной после его смерти в Коммунистическую партию Перу. В своих работах отводил большую роль в революции крестьянству, что совпадало с идеями Мао об «окружении города деревней», считал возможным быстрый переход к социализму с опорой на общинные традиции индейского крестьянства, за что его критиковали в Коминтерне за «народнический уклон».

¹¹ *Jiménez B.* Inicio, desarrollo y ocaso del terrorismo en el Perú: el ABC de Sendero Luminoso y el MRTA ampliado y comentado. T. 1. Lima, 2000. P. 49—50.

¹² *Guzmán A., Yparraguirre E.* Op. cit. P. 160.

¹³ *Asencios D.* La ciudad acorralada. Jóvenes de Sendero Luminoso en la Lima de los años 80 y 90. Lima, 2016. P. 40.

¹⁴ Comisión de verdad y reconciliación. Informe final. T. I—II. Lima, 2003. T. I. P. 75.

¹⁵ *Chávez D.* Juventud y terrorismo. Características sociales de los condenados por terrorismo y otros delitos. Lima, 1989. P. 10, 35.

собирались и изучали труды Мариатеги и классиков марксизма. Число участников постепенно росло. Происходила глубокая индоктринация студентов под руководством Гусмана в духе маоизма. Мариатеги занимал второе после Мао место в идейном багаже сендеристов. Гусман в интервью в 1988 г. заявил, что если бы Мариатеги был жив, то наверняка был бы маоистом¹⁶. В 1968 г. Гусман прочитал в Университете Уаманги лекцию «Понять Мариатеги», в которой изложил многие пункты своего мировоззрения. Он представил Мариатеги непререкаемым, ортодоксальным марксистом, а себя — единственным продолжателем его дела. Повторяя идеи Мао, Гусман убеждал студентов: «Если вы хотите стать революционерами, то должны слиться с массами, работать с ними, чувствовать и думать, как они. В этом процессе я должен снять галстук, спуститься со своего социального статуса к массам, стать как они, и только тогда, в святой час, я стану революционным интеллектуалом. Это касается всех нас»¹⁷.

Гусман заявлял о полной схожести идей Мао и Мариатеги, точнее о его собственном вкладе в развитие идей Мариатеги в сторону маоизма. Надо признать, что именно взгляд Мариатеги на перуанскую действительность и его идея об особенностях перехода к социализму индейских общинных крестьян хорошо сочетались с доктриной маоизма. Если Мариатеги дал анализ перуанской действительности, то Мао дал «стратегию ее изменения»¹⁸. Решения IV пленума КПП-СЛ указывали: «Мариатеги смог применить марксизм-ленинизм к конкретной ситуации страны и Латинской Америки. Мы идем по пути Мариатеги, который остается верным во всей своей полноте. За ним следуют все настоящие перуанские революционеры, а также пролетарские революционеры, борющиеся под знаменами марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна»¹⁹. Суть единства идей Мао и Мариатеги, по мнению Гусмана, состояла в том, что оба признавали некапиталистический характер общества, которое предстояло преобразовать в ходе революции. Революция должна была опираться на крестьянство в его борьбе за землю против помещичьей собственности. По его мнению, и Мариатеги, и Мао говорили о крестьянском восстании, о революции, в которой буржуазия будет союзником, что соответствовало маоистской теории «новой демократии»²⁰.

Важно отметить, что обращение к Мариатеги и его «индеанистскому» подходу к инкским традициям и протокоммунистическим инстинктам индейского общинного крестьянства не привело сендеристов к идее о национально-этническом особенном пути движения к социализму. Ни в одном из воззваний, обращений или программе не было призывов или лозунгов, направленных к крестьянам, пойти по особому индейскому, «андскому пути». Сендеристы всегда говорили о классовой борьбе, интернационализме, антиимпериализме и руководящей роли партии²¹.

На всех этапах деятельности СЛ в ее рядах преобладали исключительно студенты, преподаватели и, что очень важно для понимания методов проникновения в массы, школьные учителя²². Из 120 профессоров Университета Уаманги 30 побывали в Китае. В этом университете «Красная книга» цитат Мао стала «священным писанием», ее изучение было включено в обязательный курс. Гусман в университете был непререкаемым авторитетом.

Гусман не видел нужды в долгой и поступательной работе в крестьянских организациях, а считал необходимым немедленно перейти к вооруженной борьбе, которая сама по себе

¹⁶ *Cabrera Morales F.* Los discursos del incendio Semifeudalidad, maoísmo y campesinado en Sendero Luminoso, 1980–1990 // *Revista de la Red de Intercatedras de Historia de América Latina Contemporánea*. Córdoba (Argentina), 2019. № 10. URL: <https://revistas.unc.edu.ar/index.php/RIHALC/article/view/24497> (дата обращения: 22.11.2021).

¹⁷ Цит. по: *Portocarrero G.* Profetas del odio: raíces culturales y líderes de Sendero Luminoso. Lima, 2012. P. 28.

¹⁸ *Galway M.* Global Maoism and the Politics of Localization in Peru and Tanzania // *Left History*. 2013. Vol. 17. № 2. P. 17.

¹⁹ *Guzmán A., Yparraguirre E.* Op. cit. P. 375–376.

²⁰ *Portocarrero G.* Op. cit. P. 30.

²¹ *Galway M.* Op. cit. P. 15.

²² *Degregori C.* Qué difícil es ser Dios. El Partido Comunista del Perú — Sendero Luminoso y el conflicto armado interno en el Perú: 1980–1999. Lima, 2010. P. 90.

мобилизует крестьян. Он не верил в возможность перерастания профсоюзной борьбы крестьян в вооруженное восстание. Сендеристы считали, что народная война должна привести их к власти, что не только позволит построить в стране новое общество, но и создать нового человека, примером которого являются члены партии. Новое государство будет базироваться на народном участии и эгалитарных ценностях.

На момент отделения в СЛ состоял 51 человек по всей стране, из них 12 — в Айякучо²³. Гусман исходил из концепции вертикально управляемой партии, кадровой организации пролетарской революции, максимально узко понимаемой как объединение профессиональных революционеров, бойцов: «наша партия — это партия масс, но не состоит из масс... Наша партия — это партия преданных членов, руководителей, это машина войны»²⁴, т.е., по мнению Гусмана, партия должна стать руководителем масс, а не массовой партией²⁵.

Все же крестьянство оставалось главным действующим лицом будущей революции, и Гусман вместо профсоюзной работы и долгой пропаганды предлагал иную схему агитации. В период войны такой агитацией было насилие, а в период подготовки войны он разработал вполне успешную вертикальную систему: партия опирается на университетских преподавателей, которые создают кружки из студентов, а те, в свою очередь, ведут работу с сельскими школьными учителями, последние через учеников и напрямую действуют в крестьянской среде.

Решение о начале непосредственной работы в массах было принято на III пленуме ЦК КПП-СЛ в 1973 г. Для этого предлагалось образовывать «создаваемые партий организации» (*organismos generados*) для активного участия в общественной борьбе, т.е. открытые для всех симпатизирующих молодежные, женские и прочие группы, задача которых состояла в усилении влияния партии в обществе²⁶. Организации строились по единым принципам:

- признавать идеи Мариатеги, что было синонимом принятия идеологии КПП-СЛ;
- быть массовой организацией, т.е. члены не должны состоять в партии, а быть лишь симпатизирующими, готовыми идти за партией;
- следовать принципу демократического централизма, что позволяло без пререканий исполнять указания партии.

Таковыми были: Классовое движение кварталов (*Movimiento Clasista Barrial*), Народное женское движение (*Movimiento Femenino Popular*), Классовое движение рабочих и трудящихся (*Movimiento de Obreros y Trabajadores Clasistas*), Движение бедных крестьян (*Movimiento de Campesinos Pobres*) и многие другие, созданные позже в ходе войны²⁷.

Гусман, помимо тезиса о «затяжной народной войне», особое место в теории уделял идее Мао о «бюрократическом капитализме» как характеристике китайского и других отсталых и зависимых обществ. Как всякий эпигон маоизма, Гусман тщательно подбирал в перуанской действительности факты и явления, которые могли быть сравнимы с примерами, приводимыми в работах Мао применительно к Китаю. Наличие совпадений позволяло сделать вывод о прямом соответствии перуанской действительности рецептам Мао. Десарролистские и реформистские планы военного правительства Веласко Альварадо представлялись Гусманом как самое достоверное подтверждение тезиса Мао о «бюрократическом капитализме». Компрадорскую буржуазию в концепции Мао Гусман связывал с термином меркантилистской буржуазии в работах Мариатеги. В концепции Мао о «бюрократическом капитализме» сендеристы нашли наиболее адекватный ключ для интерпретации перуанской действительности²⁸.

Партия декларировала приверженность марксизму-ленинизму-маоизму, а также «идеям тов. Гонсало», т.е. А. Гусмана, который максимально упрощал марксистские постулаты и механистически применял их к текущей политике, сводя весь марксизм к одному закону

²³ Comisión de verdad y reconciliación. Т. II. P. 26.

²⁴ Цит. по: *Gurmendi A.* Conflicto armado en el Perú. La época del terrorismo bajo el derecho internacional. Lima, 2019. P. 10.

²⁵ *Guzmán A., Yparraquiere E.* Op. cit. P. 376.

²⁶ *Canama A.* Указ. соч. С. 239–240.

²⁷ Comisión de verdad y reconciliación. Т. II. P. 28.

²⁸ *Guzmán A., Yparraquiere E.* Op. cit. P. 110–113.

диалектики — закону противоречий. Он утверждал универсальность тактики народной войны и в городе, и в деревне. Партия же виделась им как милитаризованная организация, как образец будущего милитаризованного общества, казарменного социализма. Как верный последователь Мао, Гусман говорил о «культурных революциях» в будущем, уже после прихода к власти²⁹.

Пришедшие к власти военные реформисты во главе с Веласко Альварado провели аграрную реформу в 1969 г., что радикально изменило социальную ситуацию на селе. Тем не менее Гусман продолжал делать ставку на развертывание народной войны в деревне против рабства и полуфеодализма. В 1977 г. ЦК КПП-СЛ провел 2-е собрание *organismos generados*, где был проанализирован уровень подготовки к началу вооруженной борьбы и выдвинут лозунг «построения партии народной войны». Четверо партийцев, возглавлявших *organismos generados*, побывавших в сельских районах, заявили, что там нет ни обострения классовой борьбы, ни признаков феодализма. За это откровение их тут же исключили из партии, Гусман не собиравшись пересматривать свою стратегию революции. Для централизации контроля Гусман создал так называемый Постоянный комитет, который принимал все политические и военные решения. В его состав входило всего три человека: Гусман, его будущая вторая жена Елена Ипаррагирре (тов. Мириам) и тогдашняя его жена Аугуста Ла Торре (тов. Нора), позже она погибла при загадочных обстоятельствах³⁰. Именно этот комитет должен был принять решение, когда конкретно надо начинать «народную войну».

Основная деятельность партии концентрировалась в Айякучо, но и в других районах страны стали появляться сендеристские группы. В Лиме с приездом сюда Гусмана с 1973 г. начали действовать небольшие группы сендеристов, которые создавали кружки по изучению наследия Мариатеги, женские группы, там действовал Центр рабочего самообразования. В 1975 г. сендеристская парторганизация в Лиме была обвинена в обреризме³¹ и увлечении профсоюзной борьбой. Тогда эта столичная организация, или «большевистская фракция», как они себя называли, была исключена из партии за «левое ликвидаторство», так как не следовала маоистской доктрине окружения города деревней и народной войны. В Лиме не все сендеристы единодушно приняли лидерство Гусмана, слово которого не должно было оспариваться. Там образовалась новая диссидентская группа, которую назвали правооппортунистической, так как она предлагала принять участие в выборах 1980 г. В 1979 г. эту группу изгнали из партии.

Чтобы привлечь на свою сторону индейское крестьянство, сендеристы пытались использовать «инкские мифы и представления», интерпретируя их с точки зрения городской метисной интеллигенции: они говорили, что их лидер Гусман является очередным воплощением вернувшегося Инки — Инкарри. В этой парадигме они называли Гусмана «Пукаинти» — «Красное солнце», что, по мысли сендеристов, удачно совмещало инкский культ солнца и маоистские пропагандистские картинки времен «культурной революции», представлявшие Мао воплощением солнца³².

В 1979 г. IX пленум ЦК партии принял план войны в шесть этапов, которому сендеристы действительно следовали с 1980 по 1999 г.: первый — начало вооруженной борьбы (май—декабрь 1980 г.); второй — развертывание партизанской войны (январь 1981 — январь 1983 г.); третий — завоевание опорной базы (май 1983 — сентябрь 1986 г.); четвертый — укрепление опорных баз (ноябрь 1986 — июль 1989 г.); пятый — подготовка опорной базы к захвату власти (август 1989 — август 1992 г.); шестой — переход к захвату власти (сентябрь 1992 (арест Гусмана) — ноябрь 1999 г.)³³.

²⁹ Comisión de verdad y reconciliación. Т. II. Р. 25.

³⁰ Сендеристы говорили, что она покончила жизнь самоубийством, и отказались выдать тело полиции, тайно захоронив его. Пресса и полиция подозревала в ее убийстве Гусмана.

³¹ Обреризм (от испанского *obrero* — рабочий) — термин латиноамериканских марксистов, характеризующий политическое течение, делающее исключительную ставку на рабочий класс, преуменьшающий важность классовых союзов и учета интересов других угнетенных классов.

³² Galway M. Op. cit. Р. 19.

³³ Comisión de verdad y reconciliación. Т. II. Р. 32.

Народная война, по версии Гусмана, была не социалистической, а демократической революцией, преследующей цели борьбы с остатками феодализма, помещичьего класса и бюрократического капитализма, не покушаясь на права национальной буржуазии, — все в духе маоистского тезиса о «новой демократии». Как писал перуанский исследователь Г. Портокарреро, тезис о «полуфеодальных отношениях» в Перу не был уж настолько ошибочен, если рассматривать образ жизни и расово-классовые отношения в перуанской Сьерре, но абсолютно не соответствовал реальности в отношениях собственности и производства³⁴. Однако в сельском хозяйстве после реформы возникли другие противоречия, которыми сендеристы воспользовались.

С 1980 г. сендеристы перешли к вооруженной борьбе, развязав террор в районе Айякучо. Их не смущало, что это решение находилось в полном диссонансе с главным общественно-политическим трендом в стране, с переходом к демократии и конституционному процессу после долгих лет военного режима. В сентябре 1979 г. партия выпустила воззвание «Развиваем растущий народный протест», в котором заявляла, что в стране сложилась революционная ситуация, а во всем мире шло «наступление мировой революции»³⁵.

В апреле 1980 г. на собрании военных кадров партии Гусман был провозглашен «вождем революции». Сендеристы теперь на китайский манер называли его «председателем Гонсало», «маяком мировой революции». Тогда их численность составляла 520 человек, а в период максимального напряжения в 1990 г. — 2700³⁶. Цель народной войны — создание в Перу Народной республики новой демократии³⁷.

Первой акцией сендеристов было нападение 17 мая 1980 г. на избирательный участок в Чусчи (Айякучо), где в знак отрицания демократии и перуанского государства они сожгли бюллетени и разгромили участок. Нападавших быстро задержала полиция. В последующие недели и месяцы постоянно происходили акции саботажа и террора: взрывали линии электропередач, убивали полицейских. На этом этапе сендеристы стремились захватить оружие, так как пока они действовали как «вооруженные отряды без оружия». Они получали от горняков ворованный на рудниках динамит, захватывали оружие у полиции, обеспечивая материальную базу для длительной партизанской войны. Все это были подготовительные мероприятия к «народной войне». Гражданская война, начатая сендеристами, сотрясала Перу до 1992 г.: с 1980 по 1992 г. в этой войне погибло около 70 тыс. перуанцев³⁸.

Согласно идеям Гусмана, следовало провоцировать «помещичье-бюрократическое государство» применить силу против крестьян, побудить армию к жестким репрессиям и даже геноциду, что должно было вызвать ответную реакцию крестьян, которые пойдут за сендеристами, организуя сопротивление. Гусман делал ставку на эскалацию насилия с двух сторон и максимальное вовлечение масс в вооруженное противостояние. Насилие и хаос не могли автоматически привести сендеристов к власти, и Гусман это понимал. Он надеялся создать нетерпимое положение в стране, когда государство было бы неспособно контролировать порядок и удерживать власть и само бы развалилось, либо спровоцировало бы прямое вмешательство США, что превратило бы партизанскую и террористическую войну в национально-освободительную.

Движение стремилось к тому, чтобы его акции имели и символическое значение, базирующееся на китайских, маоистских риторических оборотах. Так, осуждая «восстановление капитализма» в Китае после смерти Мао, сендеристы в Рождество 1980 г. (26 декабря день рождения Мао) в Айякучо повесили собак на электрических фонарях. Акция была жестокой и бессмысленной: трупы животных сопровождали плакаты «Дэн Сяопин — грязная собака», а его мало кто знал в Перу в то время³⁹.

³⁴ Portocarrero G. Op. cit. P. 44.

³⁵ Comisión de verdad y reconciliación. T. II. P. 29.

³⁶ Ibid. P. 23.

³⁷ Guzmán Reinoso A. De puño y letra. Lima, 2009. P. 14.

³⁸ Comisión de verdad y reconciliación. T. I. P. 55.

³⁹ Degregori C. Op. cit. P. 89.

Главной трудностью, с которой столкнулись сендеристы в своей войне, было отсутствие, собственно, естественного классового врага — помещиков-латифундистов, их не стало в результате аграрной реформы, проведенной военными. Тогда месть сендеристов пала на зажиточных крестьян, торговцев и представителей власти, их убивали как классовых врагов. В районах, где сохранились крупные капиталистические сельские предприятия, объединявшие в производственном цикле индейские общины, именно в это время стало расти недовольство крестьян низкими доходами и коррупцией общинного начальства. Расправа сендеристов с ненавистным общинным и поместным начальством, раздача скота и других запасов крестьянам первоначально приветствовались селянами. В провинции Апуримак, ставшей в 1980-е годы опорной базой КПП-СЛ, аграрная реформа из-за саботажа местной бюрократии проводилась крайне медленно, земля все еще оставалась в руках помещиков. В эти годы здесь происходили массовые захваты поместий крестьянами, на что власти отвечали репрессиями. Этой ситуацией не могли не воспользоваться сендеристы, в ряды которых вступили лидеры крестьянских федераций региона. Первоначально казалось, что тактика сендеристов эффективна.

Сендеристы физически устраняли представителей местных властей, под угрозой террора выдавливали чиновников из сельской местности и создавали там свои «народные» органы, считая их основой государства «новой демократии». «Комитеты параллельной народной власти» на местах определяли врагов и уничтожали их, поддерживали систему связи и информирования партии. Они же получали финансовую поддержку от наркопроизводителей, с которыми у сендеристов существовал временный негласный военный союз⁴⁰.

Сендеристы расправлялись и с простыми жителями, руководствуясь так называемым «народным судом», убивая «врагов» и «плохих людей». Им удалось достичь определенных успехов: в некоторых районах вся полиция сбежала. Сендеристы угрожали и убивали местных чиновников, добиваясь доминирования в конкретном регионе, а после контратаки военных переходили к оборонительным действиям, уходя в подполье.

Декларируя маоистскую тактику окружения города деревней, сендеристы вовсе не были крестьянским движением, они рассматривали крестьянство как своего рода расходный материал, делая ставку на «профессиональных революционеров». Сендеристы мало вникали в потребности крестьян и их настроения, действуя в рамках своих теоретических построений. Все-таки это было не аграрное движение, а дело молодых горожан, интеллигентов и студентов, которые в своих военных планах не учитывали главного для любого опирающегося на крестьян движения — графика сезонных сельских работ: селяне выказывали крайнее недовольство, когда их передвижение между своими участками ограничивалось военными действиями. Желя лишить города продовольствия, сендеристы решили запретить крестьянам продавать продукты в города и даже сеять больше, чем было надо для собственного потребления (запретили рынки и ярмарки, поездки в города), что настроило против них всех селян. В результате крестьяне восстали против самих сендеристов. Но вооружены они были вилами и ножами, а им противостояли бойцы с автоматами и бомбами. Сендеристы уничтожали всех, кто противился их действиям.

Следует отметить особое участие женщин в движении. Сам Гусман был окружен женщинами, которые входили в узкий круг руководства. Многие отряды возглавляли молодые женщины. В целом, многочисленными были именно женские организации, причем среди членов было немало представительниц лучших семей Лимы, образованных и видевших мир. В прессе писали о невероятной жестокости женщин-сендеристок. Именно женщины приводили в исполнение приговоры «врагам народа» в деревнях и поместьях во время так называемых «народных судов». Они же безропотно шли на самопожертвование. Женщины играли важную роль в организации террора. Все это создавало мифы и домыслы о какой-то дьявольской силе Гусмана, державшего чуть ли не гипнозом в повиновении этих женщин⁴¹. Пресса с ужасом писала об убийцах-женщинах с неизменным сексуальным подтекстом. Вторая жена Гусмана,

⁴⁰ Comisión de verdad y reconciliación. T. I. P. 94.

⁴¹ Kirk R. Grabado en piedra. Las mujeres de Sendero Luminoso. Lima, 1993. P. 17.

товарищ Мириам, возглавила Женское народное движение, игравшее важную роль в организации военных акций и в пропаганде.

В мае 1981 г. партия потребовала от своих членов самопожертвования — так называемой «квоты кровью». Партийцы клялись отдать жизнь за революцию, которую можно было осуществить только через большую кровь. Сендеристы действительно с большим презрением относились к опасностям, грозящим их жизни, но с еще большим — к жизням других. Убийство в результате налета на деревню или террористического акта в городе оправдывалось ими как действие во имя блага народа и революции, а жертвы были классовыми врагами, недостойными сочувствия. Надо признать, что преданность клятве сандеристов удивляла многих, кто сталкивался с ними уже после их арестов.

В марте 1982 г. в Уаманге в результате захвата тюрьмы города Айякучо все арестованные были освобождены. Расположенные недалеко в казармах военные даже не решились покинуть их для противостояния партизанам, ожидая указаний из Лимы⁴². После этой акции о СЛ громко заговорили на национальном уровне, хотя прежде их действия воспринимались как локальные беспорядки.

С 1982 г. сандеристы стали проводить политику очистки сельской местности от «врагов народа». В глазах крестьян она была слишком жестокой, так как представители властей не были столь плохи, чтобы их расстреливать: «наказывай, но не убивай»⁴³. Когда правительство убедилось, что полиция проиграла битву с СЛ, была привлечена армия, которая не отличалась деликатностью. В январе 1983 г. в район Айякучо вошла армия. Произошла милитаризация всего конфликта. С обеих сторон были совершены чудовищные преступления. Сразу же изменилась статистика жертв конфликта: число убитых в 1982 г. выросло с 151 человека до 2282⁴⁴. По данным «Национальной комиссии правды и примирения», 37,26% жертв этой войны лежат на совести военных, полиции и антисандеристского ополчения⁴⁵. Армия занимала Айякучо и Апуримак 15 лет. Жестокие и массовые репрессии армии против журналистов, крестьян, студентов, заподозренных в сотрудничестве с сандеристами, вызвали протесты защитников прав человека. Война в Айякучо стала настоящей проблемой государства ввиду опасности ее распространения на территорию всей страны, вызывая и симпатии к повстанцам, и ужас перед ними.

С тех пор, как армия начала противостоять сандеристам, последние стали называть свои отряды «Народной партизанской армией». Хотя противоречий между крестьянами и сандеристами было немало, разгул насилия полиции и армии, без разбора убивавших всех подозрительных из-за панического страха перед повстанцами, заставили забыть о них. В результате крестьяне «пассивно» поддерживали СЛ.

Хотя сандеристам удалось создать немало «народных комитетов», в конце концов крестьяне перестали их поддерживать, считая их правление диктатурой, и встали на сторону властей, что и привело к краху движения в деревне. В некоторых местах крестьяне сами расправлялись с сандеристами, не дожидаясь военных, а сандеристы отвечали карательными мерами. Одной из самых страшных была резня, устроенная сандеристами в отместку за убийство их бойцов в Луканамарке. Они казнили около 80 человек, в том числе женщин и детей. Гусман, признавая «эксцессы» этой трагедии, говорил: «Если мы ставим перед массами некий комплекс ограничений, требований и запретов, мы не хотим, чтобы вода вышла из берегов, но нам нужно, чтобы вода вышла из берегов и, сделав свое дело, вновь вернулась в свои берега... Я настаиваю, главное — мы хотим, чтобы все поняли, что мы твердый орешек, мы готовы на все, на все»⁴⁶.

Район действий армии и сандеристов превратился в зону массовых убийств. Если военные приходили в деревню, где, по их сведениям, были представители СЛ или индейские

⁴² *Rénique J.L.* La voluntad encarcelada: las “luminosas trincheras de combate” de Sendero Luminoso del Perú. Lima, 2003. P. 13.

⁴³ *Degregori C.* Op. cit. P. 191.

⁴⁴ *Rénique J.L.* Op. cit. P. 60.

⁴⁵ Comisión de verdad y reconciliación. T. I. P. 56.

⁴⁶ Цит. по: *Degregori C.* Op. cit. P. 92.

начальники, назначенные или поддерживавшие хорошие отношения с сендеристами, эта деревня полностью уничтожалась, не щадились ни старики, ни дети. Сендеристы поступали точно так же с теми деревнями, которые сотрудничали с военными. Ужас террора стал всеобщим. Это было именно то, к чему стремился Гусман. Он предупреждал своих последователей, что для победы революции потребуется миллион убитых.

Даже во время самого мрачного взаимного террора в сендеристском бастионе Уаманге население симпатизировало повстанцам, называя перуанскую армию оккупационной, и не верило государственной пропаганде о зверствах сендеристов. В ряде районов СЛ, вытеснив официальные власти убийствами и запугиванием, брали на себя роль полиции, защищая население от воров, скотокрадов, преступников. Следили за нравственностью горожан, пресекая аморальное, с их точки зрения, поведение, например карали неверных мужей и легкомысленных женщин, проводя открытые народные суды на сходах и кровавые расправы. Впоследствии эта практика была перенесена на другие районы, на север от Лимы и в Анкаш, когда во второй половине 1980-х годов началось наступление на города. Несмотря на блокаду армией Айякучо, сендеристам удалось расширить зону своего влияния на район выращивания коки Уальягу и район тропиков. Вот тогда открыто власти стали обвинять сендеристов в совместных действиях с боевыми отрядами наркоторговцев против военных⁴⁷.

После успешного освобождения заключенных из тюрьмы Уаманги в 1982 г. всех арестованных сендеристов и подозреваемых в сочувствии к ним стали отвозить в лимские тюрьмы, наиболее суровой была Фронтон на одноименном острове у побережья Лимы. Перуанские тюрьмы отличались предельно антигуманным отношением к людям, что вызывало протесты как национальной, так и международной общественности. При этом узники там свободно общались между собой и имели массу возможностей поддерживать связь с товарищами на свободе. В тюрьмах сендеристы проводили агитационную и идеологическую работу с заключенными.

Многие молодые люди, посылаемые на задание, тут же попадали в тюрьму. В большинстве своем это было «пушечное мясо» партии, они не были идеологически убежденными сендеристами. Однако в тюрьме становились таковыми: сендеристы большое внимание уделяли «своим» заключенным, их окружали вниманием, обеспечивали внутреннюю безопасность, но главное продолжали идеологическую обработку, помогая преодолеть все сомнения и разочарования молодых людей. Заключенные сендеристы требовали признать их политическими узниками, рассматривая тюрьму как особую форму борьбы. Тюрьмы, в их терминологии, были «светлыми окопами борьбы». СЛ, будучи очень сплоченной группой, смогла создать там глубоко политизированную атмосферу, привлекая к себе других узников, осужденных лишь по подозрению в принадлежности к сендеристам. Они оборудовали комнаты для занятий теорией, во внутреннем дворе, украшенном портретом Мао, проводили мероприятия и даже парады к 1 мая, образованию КНР и сендеристским памятным датам⁴⁸. В тюрьмах же добывали оружие. Постепенно тюрьмы превратились в бастионы сендеризма.

В июне 1986 г. в Лиме по инициативе президента Алана Гарсии, претендовавшего на вступление его партии АПРА⁴⁹ в Социнтерн, проходил конгресс Социалистического интернационала. Сендеристы сочли это удачным поводом для восстания в тюрьмах. Гусман в своем доведенном до мании «антирелигиозизме» решил дать бой именно в эти дни всемирного собрания реформистов и оппортунистов. Восстание в тюрьмах закончилось кровавой бойней, власти использовали тяжелое вооружение армии и флота, ракеты и самолеты: только в тюрьме Фронтон было убито 250 человек, а здание тюрьмы было почти полностью разрушено бомбардировками. Флот действовал, как откровенно заявило командование, из чувства мести за недавно убитого сендеристами контр-адмирала Понсе Канесса. Военные вышли из-под контроля правительства и действовали с невероятной жестокостью. После тюремного восстания

⁴⁷ Comisión de verdad y reconciliación. T. I. P. 67.

⁴⁸ Cáceres C. Discursos sobre reconciliación: el caso de los presos desvinculados de Sendero Luminoso у MRTA. Lima, 2014. P. 28–29.

⁴⁹ Американской народно-революционный альянс — старейшая национал-реформистская партия Перу, созданная В.Р. Айя де ла Торре в 1924 г.

насилие распространилось на всю страну. Партии Гусмана был нанесен жестокий удар, но все это укладывалось в декларируемую им теорию самопожертвования во имя революции. Гусман призвал уничтожать всех апристов, членов и лидеров правящей партии, которую сендеристы называли фашистской: за каждого убитого — уничтожим десять апристов. Этот призыв развязал очередной виток террора: убийства в городах правительственных чиновников, военных, полиции с целью парализовать волю государства, ослабив его перед решающей битвой⁵⁰.

В 1988 г. КПП-СЛ созвала свой Первый съезд, проведенный в трех заседаниях, проходивших с февраля 1988 г. по июнь 1989 г. На этом съезде формально были объявлены идеологической основой партии не только марксизм-ленинизм-маоизм, но и «идеи товарища Гонсало». Самого Гусмана теперь называли «четвертым мечом марксизма»⁵¹. После смерти Мао Гусман стал лидером и мировой революцией, что позволило ему считать себя абсолютным авторитетом в партии и пресекать любую критику в свой адрес, в частности старых и заслуженных сендеристов, как, например, товарища Фелисиано (Оскар Рамирес Дуранд), возглавившего партию после ареста Гусмана в 1992 г. Он подвергал сомнению правильность вхождения в Постоянный комитет, помимо Гусмана, его двух жен, так как это противоречило предупреждениям Мао об опасности клановых отношений в партии⁵².

Решения съезда, провозгласившего «идеи Гонсало» ведущей идеологией, обострили взаимоотношения с маоистскими партиями за рубежом. Развязанная КПП-СЛ гражданская война имела международный резонанс не только в официальных кругах, осуждавших терроризм, но и в общественных движениях, в том числе левых, поставив перед ними непростой вопрос осуждения/поддержки в условиях невиданного насилия с обеих сторон. В 1980-е годы КПП-СЛ вошла в международный союз микропартий и повстанческих движений Революционное интернационалистское движение, в котором самой значимой была Рабочая партия Курдистана А. Оджалана. Этот «Интернационал» проводил акции поддержки и солидарности с сендеристами по всему миру.

Главное же решение съезда состояло в переходе от «партизанской войны» к «войне народных движений», т.е. к борьбе подключали массы. Ареной этой борьбы становились уже города. Во исполнение решений съезда в городах создавалось «Революционное движение защиты народа», действующее от имени партии, цель движения — переориентировать массы с поддержки электоральных иллюзий легальных левых сил, т.е. ненавистных ревизионистов, на народную войну. Гусман заявил о достижении стратегического равновесия, равенства сил с правительством и необходимости подготовки контрнаступления на государство⁵³. Вдохновленный массовыми самопожертвованиями членов партии, Гусман был убежден, что близок решительный момент для захвата власти в городах, прежде всего в Лиме, что отвечало маоистской идее окружения города деревней, хотя в реальности в деревне СЛ уже потерпела поражение. Гусман считал, что инициатива по-прежнему принадлежит его партии, хотя движение было почти полностью разгромлено, он уже неадекватно оценивал действительность⁵⁴. К 1990 г. изменилась тактика военных, которые стали создавать отряды самообороны, вооружая крестьян, уничтоживших сендеристов на селе.

Однако наметился резкий рост влияния партии в Лиме, приток в ее ряды студенчества и городских низов. Наибольшего успеха сендеристам удалось добиться в маргинальных пригородах столицы. Там действовали группы работы с молодежью: марши молодежи в маоистской стилистике, выпускались листовки, создавались кружки обучения. Этот чудесный рост влияния партии в Лиме убеждал Гусмана в правильности выбранной тактики. В феврале

⁵⁰ Comisión de verdad y reconciliación. Т. I. P. 65.

⁵¹ Ibid. Т. II. P. 62.

⁵² Ibid. P. 55.

⁵³ Ibid. P. 65—67. Эта терминология чрезвычайно догматически мыслящего Гусмана полностью повторяла последовательные фазы народной войны у Мао: стратегическая оборона, стратегическое равновесие, стратегическое наступление.

⁵⁴ Portocarrero G. Op. cit. P. 131.

1990 г., по утверждению самой КПП-СЛ, в их рядах насчитывалось 5,5 тыс. человек⁵⁵. Как признавал Гусман, большинство новых членов партии были выходцами из мелкобуржуазных слоев, в основном из Лимы⁵⁶.

Сендеристы в городах применили тактику «вооруженных стачек». Первая подобная акция состоялась 2 февраля 1989 г. Сендеристы беспорядочно в разных местах взрывали бомбы, без разбора стреляли по пешеходам, по такси и общественному транспорту, наводя ужас на людей, которые предпочитали в эти дни не выходить на улицы, что делало эти стачки «успешными». Создавалось впечатление, что сендеристы повсюду и их миллионы. Всего в период с июля 1986 по март 1989 г. в Лиме было организовано 216 взрывов.

К атмосфере хаоса при молчаливом согласии властей правыми партиями и гражданскими ассоциациями стали создаваться «эскадроны смерти», сеявшие смерть в районах, подозреваемых в симпатии сендеристам.

Во время «вооруженной стачки» в Лиме 22–23 июля 1992 г. Гусман посчитал, что находится в шаге от победы. В центре города, прежде всего в зажиточном районе Мирафлорес, были взорваны 22 машины. Сендеристы даже заявили, что не готовы ни к каким переговорам, а согласны лишь на немедленную передачу им власти. Их представитель в Европе Л. Арсе Борха заявил немецким журналистам, что при нынешней ситуации можно вести переговоры только о полной капитуляции властей⁵⁷.

В результате действий сендеристов страну, прежде всего столицу, обуяла паника: к экономическому кризису (в это время инфляция доходила до 60% в месяц) добавился страх перед террором во время «вооруженных стачек» и перед «бейрутизацией» Лимы, где сконцентрировалось до 100 тыс. беженцев из районов военных действий⁵⁸.

В 1992 г. сендеристы убили активистку «Единой левой», известную феминистку Марию Елену Мойяно. Это убийство продемонстрировало, что сендеристы одинаково преследуют и правых, и левых политиков, осуждающих их. Левые оказались между двух огней: террором сендеристов и террором правых «эскадронов смерти», при отсутствии гарантий безопасности со стороны властей. Ненависть к сендеристам разделяли не только правые, провластные, силы, но и левая оппозиция, а теперь и абсолютное большинство горожан.

Сендеристы приступили к шестому этапу плана ведения войны. Гусман был по-прежнему убежден в твердости сендеристских кадров. Он даже допускал свое собственное уничтожение, но был уверен, что революция на этом не закончится⁵⁹. Но реализовать эти планы не удалось, было проведено только несколько террористических операций. 12 сентября 1992 г. вся верхушка партии была арестована без единого выстрела на подпольном заседании Постоянного комитета партии. При задержании никто не сопротивлялся. Это был конец СЛ⁶⁰. Гусман был приговорен к пожизненному заключению. Страх перед ним был столь велик, что судьи вели процесс в балаклавах. После опыта сендеристского движения любая левая политическая альтернатива в Перу стала невозможной⁶¹.

* * *

Кровавая эпопея «Сендеро Луминосо» была выходящим за рамки привычных политических и даже психологических схем явлением. Остается необъяснимым, как Гусману с его примитивным дискурсом удалось завоевать преданность сотен образованных молодых людей, студентов, учителей и профессоров университета. В этом тайна успеха движения, получившего

⁵⁵ Comisión de verdad y reconciliación. Т. II. P. 69.

⁵⁶ Guzmán A., Yparaguire E. Op. cit. P. 389.

⁵⁷ Rénique J.L. Op. cit. P. 101.

⁵⁸ Degregori C. Op. cit. P. 94–95.

⁵⁹ Rénique J.L. Op. cit. P. 101.

⁶⁰ Движение было разбито, но одна небольшая группа под руководством Оскара Рамиреса Дунданда решила продолжить борьбу, назвав свою фракцию «Продолжатели». В 1999 г. Рамирес был арестован и приговорен к пожизненному заключению. См.: Portocarrero G. Op. cit. P. 125.

⁶¹ Canama A. Указ. соч. С. 245.

в их лице самоотверженных и готовых к самопожертвованию людей, полностью поглощенных идеей великого равенства и нового общества. Сендеристы — это не вооруженные безграмотные подростки Пол Пота, а городская интеллигенция, студенческая молодежь, увидевшая в маоистской проповеди реальный выход из социально-политического тупика Перу конца XX в., выход из замкнутого круга отсталости и зависимости, расовых предрассудков и жесткой стратификации общества и своей личной утраты привилегированного социального статуса. Один из видных деятелей перуанских радикальных левых, основатель перуанской чегеваристской Армии национального освобождения Эктор Бехар говорил, что сендеризм — это прежде всего выражение отчаяния и социальной мести молодежи, представлявшей разорявшуюся местную элиту, нашедшую для себя экзистенциальный выход в маоистской фразеологии⁶². Связующим звеном во всей политической конструкции было насилие, отказ от личности, безжалостность к себе и окружающим, своего рода нечаевщина, что оказалось крайне эффективным в поддержании боевого духа и дисциплины сендеристов. СЛ уничтожила в Перу саму возможность существования марксистской левой в ближайшем будущем, она показала, до каких пределов, до какой пропасти может пойти тоталитарная тенденция левого политического проекта.

Поражение СЛ имело противоречивые последствия для перуанского общества: своей бессмысленной жестокостью они отвратили от левой идеи как таковой абсолютное большинство перуанцев, их фанатичный террор и всепоглощающая идеологизация сделали свое дело, повернув средний класс в сторону политического релятивизма и неверия ни в какие идеи и концепции. Провал «красной утопии» СЛ создал психологические условия для принятия обществом самых радикальных неолиберальных экономических рецептов, но в политике привел к нетерпимости к насилию любого рода. Перуанское общество резко «повзрослело», смогло оценить все свои проблемы и сделать во многом этический выбор, отвергнув терпимость к коррупции и политиканству. В конце концов Гусман оказался за решеткой, но там же оказался и его победитель, президент Фухимори, и по иронии судьбы в той самой тюрьме отбывает срок Владимир Монтесинос, глава силовиков и организатор победы над «Сендеро Луминосо». Абимаэль Гусман умер в тюрьме 11 сентября 2021 г.

Библиография / References

Ивановский З.В. Ультралевые партии и организации Латинской Америки: изменения в идеологии и политике // Латинская Америка 80-х годов. Партийно-политическая структура стран региона / отв. ред. З.В. Ивановский. М., 1989. С. 51–54.

Ивановский З.В. Ультралевый терроризм в Перу // Латинская Америка: политические партии и социальные движения / отв. ред. Ю.И. Визгунова, Б.М. Мерин, З.В. Ивановский, А.Ф. Шульговский. Т. 2. М., 1994. С. 52–68.

Canama A. Марксизм в Перу, 1930–1990 // Латиноамериканский исторический альманах. 2020. № 26. С. 218–248.

Ivanovskij Z.V. Ul'tralevyje partii i organizacii Latinskoj Ameriki: izmeneniya v ideologii i politike [Ultra-left parties and organizations of Latin America: changes in ideology and politics] // Latinskaya Amerika 80-h godov. Partijno-politicheskaya struktura stran regiona [Latin America of the 80s. Party-political structure of the countries of the region] / отв. ред. Z.V. Ivanovskij. Moskva, 1989. S. 51–54. (In Russ.)

Ivanovskij Z.V. Ul'tralevyj terrorizm v Peru [Ultra-left terrorism in Peru] // Latinskaya Amerika: politicheskie partii i social'nye dvizheniya [Latin America: Political parties and social movements] / отв. ред. Yu.I. Vizgunova, B.M. Merin, Z.V. Ivanovskij, A.F. Shul'govskij. T. 2. Moskva, 1994. S. 52–68. (In Russ.)

Zapata A. Marksizm v Peru, 1930–1990 [Marxism in Peru, 1930–1990] // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah [Latin American Historical almanah]. 2020. № 26. S. 218–248. (In Russ.)

Asencios D. La ciudad acorralada. Jóvenes de Sendero Luminoso en la Lima de los años 80 y 90. Lima, 2016.

Cabrera Morales F. Los discursos del incendio Semifeudalidad, maoísmo y campesinado en Sendero Luminoso, 1980–1990 // Revista de la Red de Intercatedras de Historia de América Latina Contemporánea. Córdoba (Argentina), 2019. № 10. URL: <https://revistas.unc.edu.ar/index.php/RIHALC/article/view/24497> (access date: 22.11.2021).

⁶² Entrevista Héctor Béjar // Lucha armada en la Argentina. 2007. № 9. P. 73.

- Cáceres C.* Discursos sobre reconciliación: el caso de los presos desvinculados de Sendero Luminoso y MRTA. Lima, 2014.
- Chávez D.* Juventud y terrorismo. Características sociales de los condenados por terrorismo y otros delitos. Lima, 1989.
- Comisión de verdad y reconciliación. Informe final. T. I–II. Lima, 2003.
- Degregori C.* Qué difícil es ser Dios. El Partido Comunista del Perú – Sendero Luminoso y el conflicto armado interno en el Perú: 1980–1999. Lima, 2010.
- Dorais G.* La crítica maoísta peruana frente a la reforma agraria de Velasco (1969–1980) // IEP documento de Trabajo, 167. Documento de Política, 8. Lima, 2012.
- Entrevista Héctor Béjar // Lucha armada en la Argentina. 2007. № 9. P. 73.
- Galway M.* Global Maoism and the Politics of Localization in Peru and Tanzania // Left History. 2013. Vol. 17. № 2. P. 15–19.
- Gurmendi A.* Conflicto armado en el Perú. La época del terrorismo bajo el derecho internacional. Lima, 2019.
- Guzmán A., Yparraquirre E.* Memorias desde Némesis. [S.l.], 2014.
- Guzmán Reinoso A.* De puño y letra. Lima, 2009.
- Jiménez B.* Inicio, desarrollo y ocaso del terrorismo en el Perú: el ABC de Sendero Luminoso y el MRTA ampliado y comentado. T. 1. Lima, 2000.
- Kirk R.* Grabado en piedra. Las mujeres de Sendero Luminoso. Lima, 1993.
- Portocarrero G.* Profetas del odio: raíces culturales y líderes de Sendero Luminoso. Lima, 2012.
- Rénique J.L.* La voluntad encarcelada: las “luminosas trincheras de combate” de Sendero Luminoso del Perú. Lima, 2003.
- Rothwell M.* Influencia de la Revolución China en América Latina: México, Perú y Bolivia // Fuentes del Congreso. 2009. Vol. 4. № 9. P. 7.
- Sotomayor Pérez J.* ¿Leninismo o maoísmo? Lima, 2009.

© 2023 г. Д.А. ВОЛОДИН

ПРАВИТЕЛЬСТВО МАЛРУНИ И ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА КАНАДЫ В АРКТИКЕ В 1980-е годы

Володин Дмитрий Анатольевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН (Москва, Россия).

E-mail: d.volodin@iskran.ru

Scopus Author ID: 6505811996; ORCID: 0000-0002-4252-2435; Researcher ID: O-7594-2015

Аннотация. 1980-е годы были важнейшим этапом в формировании политики Канады по обеспечению суверенитета в Арктике. Решение правительства Малруни провести прямые исходные линии вокруг Канадского Арктического архипелага и, таким образом, впервые четко заявить о суверенитете Канады над этими водами означало отход от функционального подхода, который предусматривал лишь усиление контроля Канады за судоходством в этих водах. С этого момента и по настоящее время метод прямых исходных линий является ключевым элементом в обосновании Канадой своего суверенитета над водами Канадского Арктического архипелага. Для нашей страны, как крупнейшей арктической державы, имеющей с Канадой схожие позиции по одним арктическим вопросам (правовой статус Северо-Западного прохода и Северного морского пути), так и потенциальное поле для конфликта интересов (континентальный шельф), крайне важно понимать все нюансы позиции Канады в отношении ее суверенитета над различными видами пространств в Арктике (суша, морское пространство, континентальный шельф). В этом смысле задачи исследования заключались в том, чтобы выявить те факторы, которые заставили правительство Малруни изменить официальную позицию в отношении правового статуса вод Канадского Арктического архипелага. В работе использован широкий круг источников: стенограммы дебатов в Палате общин; газетные материалы; документы министерств и заявления их руководителей; были использованы и мемуары премьер-министра Б. Малруни. Важную часть источников составили статьи канадских юристов того времени, обосновавших выгоды Канады от использования метода прямых исходных линий для доказательств суверенитета страны в Арктике. Сделан вывод, что меры, осуществленные правительством Малруни, имеют важное значение для международного признания суверенитета Канады над водами Канадского Арктического архипелага.

Ключевые слова: Канада, Арктика, Северо-Западный проход, суверенитет, внешняя политика, США, морское право.

D.A. Volodin

The Mulroney Government and the Problem of Sovereignty of Canada in the Arctic in 1980s

Dmitry Volodin, Institute for the US & Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: d.volodin@iskran.ru

Scopus Author ID: 6505811996; ORCID: 0000-0002-4252-2435; Researcher ID: O-7594-2015

Abstract. The Mulroney Government's decision to draw direct baselines around the Canadian Arctic Archipelago and explicitly assert Canadian sovereignty over these waters marked a move away

from a functional approach that was aimed merely to increase Canadian control over shipping in these waters. From that time onwards, the straight baseline method has been a key element in the justification for Canadian sovereignty over the waters of the Canadian Arctic Archipelago. As the largest Arctic power with similar positions on some Arctic issues (the legal status of the Northwest Passage and the Northern Sea Route) and a potential field of conflict of interest (the continental shelf), it is crucial for Russia to understand the nuances of Canada's position regarding its sovereignty over various types of space in the Arctic (land, sea space, continental shelf). The article draws on a wide range of sources: transcripts of debates in the House of Commons; news articles; ministerial documents and statements by their leaders; and the memoirs of Prime Minister Brian Mulroney. Significant among the sources are articles by Canadian lawyers of the time who substantiated the benefits for Canada of using the straight baseline method to justify its sovereignty in the Arctic. The author concludes that the measures taken by the Mulroney Government are important for the international recognition of Canadian sovereignty over the waters of the Canadian Arctic Archipelago.

Keywords: Canada, Arctic, Northwest Passage, sovereignty, foreign policy, United States, law of the sea, Brian Mulroney.

Вопрос о суверенитете является одним из наиболее важных для любого государства. Образованная в 1867 г. из четырех британских владений в Северной Америке Канада первоначально не обладала полным государственным суверенитетом, и потребовались долгие годы, чтобы получить от Великобритании соответствующие полномочия. Это «родимое пятно» заставляет Канаду крайне болезненно реагировать на любые попытки посягательства на ее суверенитет со стороны других стран. Главной болевой точкой в этом отношении для Канады является Арктика, причем если раньше предметом споров с другими странами являлась суша, то после Второй мировой войны — правовой статус вод Канадского Арктического архипелага и особенно проходящего через них Северо-Западного прохода (СЗП). Главным оппонентом Канады являются Соединенные Штаты, которые не признают ее суверенитета над этими водами. Особенно ситуация обострилась после прохода через СЗП в 1969 г. американского танкера «Манхэттен».

После плаваний «Манхэттена» через СЗП в 1969–1970 гг. канадские власти взяли на вооружение функциональный подход в отношении проблемы правового статуса вод Канадского Арктического архипелага. Не объявляя прямо о суверенитете над этими водами, правительства П. Трюдо (1968–1979, 1980–1984) стремились максимально усилить контроль над этим районом как через национальное законодательство, так и на международном уровне. Главными символами этой политики стали принятый в Канаде в 1970 г. закон «О предотвращении загрязнения арктических вод», провозглашавший право Канады во имя защиты экологии предъявлять дополнительные требования к судам, следующим через эту зону, и статья 234 Конвенции ООН по морскому праву. Данная статья, в принятии которой Канада сыграла решающую роль, узаконивала на международном уровне право прибрежных арктических государств устанавливать дополнительные требования к судам, следующим через их исключительную экономическую зону в Арктике.

Канадские власти ни в коей мере не рассматривали достигнутые успехи в осуществлении функционального подхода как причину отказаться от изначальной, вынашивавшейся еще с 1950-х годов, идеи объявить воды Арктического архипелага внутренними водами Канады и, таким образом, установить полный суверенитет над ними. Согласившись в июле 1976 г. на пакетную сделку с Соединенными Штатами, результатом которой и стало появление статьи 234 в Конвенции ООН по морскому праву, канадское правительство полагало крайне важным одновременно уведомить американцев, что Канада по-прежнему считает воды Арктического архипелага, включая СЗП, своими внутренними

водами. Для узаконивания такого статуса этих вод предполагалось «в подходящее время» провести прямые исходные линии¹ вокруг Арктического архипелага².

Разъяснив американцам в том же 1976 г. нюансы канадской позиции, правительство П. Трюдо в дальнейшем пыталось найти то самое «подходящее время» для проведения прямых исходных линий. На заседании кабинета министров в октябре 1976 г. было решено увязать этот шаг с завершением работы III Конференции ООН по морскому праву.

Окончание разработки Конвенции ООН по морскому праву не стало сигналом для немедленного проведения прямых исходных линий вокруг Арктического архипелага. Хотя Канада вместе с большинством других государств подписала Конвенцию в декабре 1982 г., более важное значение для нее имело то, что этот документ отказались подписывать Соединенные Штаты. Поскольку США всегда выступали против любых попыток Канады по расширению юрисдикции в арктических водах, было опрометчиво проводить прямые исходные линии вокруг архипелага, не уточнив предварительно позицию американцев. В течение 1983 г. между двумя странами состоялось несколько раундов консультаций по наиболее важным вопросам морского права. В ходе этих консультаций американская сторона четко обозначила свою «серьезную озабоченность в отношении любых шагов Канады по проведению исходных линий в Арктике»³. Попытки же канадских переговорщиков убедить своих американских партнеров в уникальности Канадского Арктического архипелага большого успеха не имели.

На фоне крайне негативного отношения администрации Р. Рейгана к Конвенции по морскому праву вообще и к проведению исходных линий вокруг Архипелага в частности правительство П. Трюдо вновь предпочло отложить их проведение и рассмотреть другие альтернативы по укреплению юрисдикции над водами Арктического архипелага. Например, обсуждался вариант взимания платы с иностранных судов за проход через СЗП. Таким образом, правительство П. Трюдо к моменту передачи власти победившим на парламентских выборах 1984 г. консерваторам во главе с Б. Малруни де-факто все еще придерживалось функционального подхода к суверенитету в Арктике.

Летом 1985 г., когда канадские чиновники продолжали искать альтернативу использованию прямых исходных линий, вопрос о суверенитете резко обострился⁴. Ситуация во многом напоминала события, связанные с плаванием через СЗП танкера «Манхэттен» в 1969 г., с той лишь разницей, что на этот раз такой рейс предстояло совершить ледоколу «Полар Си». Это явилось для США вынужденным шагом. Дело в том, что из-за поломки ледокола «Нортуинд», обеспечивавшего доставку грузов на американскую базу ВВС в Туле (Гренландия), ледокол «Полар Си» остался единственным у Соединенных Штатов, который был способен выполнить эту миссию без ущерба для своей основной работы. Однако это стало бы возможно только в том случае, если бы «Полар Си» кардинально сократил обратный маршрут и прошел не через Панамский канал, а через СЗП. Дополнительным плюсом такого варианта оказалась бы и экономия топлива на 500 тыс. долл.

В апреле 1985 г. между Береговой охраной США и их канадскими коллегами начались соответствующие консультации. После того как все технические аспекты предполагаемого

¹ Морское право предусматривает два метода отсчета ширины территориальных вод: через нормальную исходную линию, т.е. линию наибольшего отлива вдоль берега, и через прямые исходные линии. Метод прямых исходных линий может использоваться в тех случаях, «где береговая линия глубоко изрезана и извилиста или где имеется вдоль берега и в непосредственной близости к нему цепь островов» (Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., ст. 7). Интерес государств к использованию метода прямых исходных линий во многом связан с тем, что воды, расположенные в сторону берега от исходных линий, имеют статус внутренних морских вод и, таким образом, находятся под полным суверенитетом прибрежного государства.

² Documents on Canadian Maritime Sovereignty, 1950–1988 / ed. A. Lajeunesse. Calgary, 2018. P. 286.

³ Ibid. P. 366.

⁴ Соков И.А. Проблемы высокой Арктики и их разрешение в контексте политической культуры современной Канады // Россия и Канада: арктические гиганты. Материалы Седьмых Канадских чтений / отв. ред. Ю.Г. Акимов, К.В. Минкова. СПб., 2019. С. 154.

рейса были обговорены, подключились дипломаты. 21 мая 1985 г. американское посольство в Оттаве официально уведомило канадские власти, что в августе этого года состоится проход ледокола «Поляр Си» через СЗП, и предложило сотрудничество в осуществлении этого проекта. Чтобы продемонстрировать искренность своих намерений, Вашингтон предложил Оттаве направить канадских представителей на борт «Поляр Си». Оставался, однако, нерешенным важный вопрос — разная трактовка двумя странами правового статуса СЗП. Американская сторона предложила не делать акцент на этом моменте и не приходить к соглашению по правовым вопросам, сконцентрировавшись на практических вопросах. При этом подчеркивалось, что Соединенные Штаты рассматривают проход своего ледокола как «осуществление судоходных прав и свобод, не требующих предварительного уведомления»⁵.

Канадский ответ был выдержан в аналогичном ключе. С одной стороны, в канадской ноте от 11 июня 1985 г. заявлялось о готовности страны к максимально широкому сотрудничеству с Соединенными Штатами для успешного прохода ледокола. С другой стороны, было четко сказано, что «воды Арктического архипелага, включая СЗП, являются внутренними водами и подпадают под суверенитет Канады»⁶. После получения этой канадской ноты американская сторона считала, что все формальности улажены. В американской ноте от 24 июня 1985 г. выражалась благодарность Канаде за готовность к сотрудничеству и давалось обещание предельно ответственно отнестись к защите морской среды во время прохода ледокола через СЗП.

Однако в июле 1985 г., когда Оттава и Вашингтон считали вопрос исчерпанным, в дело вмешался новый фактор — общественное мнение Канады. Собственно, именно тогда канадская общественность впервые и узнала о предстоящем плавании «Поляр Си». Своего рода сигналом для широкой общественной дискуссии стала статья преподавателя Торонтского университета Ф. Гриффитса, в которой он обращал внимание, что американские власти не запрашивали разрешение на проход судна, что означало непризнание СЗП как внутренних вод Канады⁷.

Эту тему быстро подхватила и парламентская оппозиция. В результате на слушаниях в Палате общин 20 июня 1985 г. министр иностранных дел Джо Кларк заверил депутатов, что проход «Поляр Си» «никоим образом не подрывает суверенитет Канады над ее северными водами»⁸. В качестве доказательства он сослался на то, что на борту ледокола будут находиться канадские представители, чтобы определять маршрут судна.

Выступление Кларка не смогло ослабить общественного напряжения. Критика правительства и самого Кларка еще больше усилилась, когда американская сторона фактически опровергла слова министра. Представитель Береговой охраны США Дж. Уабболд заявил, что канадцы на борту «Поляр Си» являются лишь «приглашенными гостями» и не будут иметь никаких полномочий по управлению судном⁹.

Под давлением прессы и парламентской оппозиции произошло существенное ужесточение официальной канадской позиции. В отличие от дружелюбной дипломатической переписки двух стран в июне 1985 г. по поводу предстоявшего плавания «Поляр Си», в канадской ноте от 31 июля 1985 г. было заявлено уже «глубокое сожаление» из-за отказа США признавать воды Арктического архипелага внутренними водами Канады¹⁰.

Тем не менее первое время было не совсем ясно, какую тактику выберет канадское правительство. В ходе рейса американского ледокола через СЗП (2–11 августа 1985 г.) канадские официальные лица делали противоречивые заявления. Так, 2 августа 1985 г. юридический советник канадского МИД Л. Лего заявил, что Канада не собирается выступать

⁵ Roach A., Smith R. Excessive Maritime Claims. Newport, 1994. P. 209.

⁶ Ibid. P. 210.

⁷ Griffiths F. Arctic Authority at Stake // The Globe and Mail. 13.VI.1985.

⁸ Canada. House of Commons Debates. Official Report. 33th Parl. 1st Sess. Vol. IV. Ottawa, 1985. P. 6043.

⁹ Yaffe B. "Friendly Gesture", Canadians on Ship to Have No Authority // The Globe and Mail. 1.VIII.1985.

¹⁰ Roach A., Smith R. Op. cit. P. 211.

с протестом против плавания «Поляр Си» через СЗП, поскольку это не представляет угрозы ее суверенитету. Как пояснял Лего, «протест подается для защиты юридической позиции, но в данном случае Канада и Соединенные Штаты действуют совместно»¹¹. Однако в тот же день его непосредственный начальник Джо Кларк заявил, что правительство прорабатывает возможность передачи вопроса о суверенитете в Международный суд ООН. 11 августа 1985 г. Кларк все же признал, что риски судебного поражения являются сдерживающим фактором для правительства¹². А еще через десять дней Кларк заявил, что Оттава отказалась от идеи передать спор с Вашингтоном о статусе СЗП на рассмотрение Международного суда ООН и вместо этого обсуждается несколько вариантов по усилению канадского присутствия в Арктике, включая и увеличение численности вооруженных сил¹³.

Наконец, 10 сентября 1985 г. в Палате общин Кларк представил конкретный план правительства по укреплению суверенитета страны на Крайнем Севере. Наиболее значимым моментом стал отказ от функционального подхода в пользу получения полного суверенитета (full sovereignty) над водами Арктического архипелага. Для этой цели правительством был предусмотрен целый комплекс мер:

- 1) издание так называемого указа в совете (order-in-council) о проведении прямых исходных линий вокруг Арктического архипелага;
- 2) принятие закона «О применении канадских законов в открытом море» (Canadian Laws Offshore Application Act);
- 3) проведение переговоров с Соединенными Штатами о сотрудничестве в арктических водах «на основе полного уважения суверенитета Канады»;
- 4) увеличение наблюдательных полетов над канадскими арктическими водами;
- 5) проведение учений канадских военно-морских сил (ВМС) в восточной части Канадской Арктики;
- 6) отзыв сделанной Канадой в 1970 г. оговорки о непризнании обязательной юрисдикции Международного суда ООН в отношении споров по отдельным вопросам морского права;
- 7) строительство ледокола восьмого класса ледовой защиты (Polar 8)¹⁴.

Помимо отказа от функционального подхода, еще одной отличительной чертой новой политики стало использование инуитского фактора. В заявлении Кларка 10 сентября 1985 г. подчеркивалось, что «с незапамятных времен канадские инуиты используют и оккупируют лед, как они используют и оккупируют землю»¹⁵.

Разыгрывание «инуитской карты» правительством Малруни было не случайно. С одной стороны, в 1970-е годы произошло резкое усиление борьбы коренных народов Канады за свои права. Центральным вопросом в этой борьбе стало признание за аборигенами прав на занимаемые ими земли. Дело в том, что исторически отношения федеральных властей с аборигенными народами строились на основе договоров, которые были заключены с каждым племенем отдельно. В то же время многие племена, особенно проживающие на Севере, никаких соглашений с британскими властями не заключали и, таким образом, формально не уступали своих земель ни им, ни канадскому правительству. В 1973 г. Верховный суд Канады, рассматривая «дело нишга» (по названию племени, проживавшего в провинции Британская Колумбия), фактически признал существование аборигенного права на землю, т.е. возникшего в силу того, что они были первыми жителями на ней¹⁶. Данное решение и последовавшие за этим земельные иски от других

¹¹ No Plan to Protest Against Voyage // The Globe and Mail. 3.VIII.1985.

¹² Marotte B. Icebreaker Leaves Canadian Waters // Ibid. 12.VIII.1985.

¹³ Sovereignty Issue Won't Go World Court // The Globe and Mail. 22.VIII.1985.

¹⁴ Statement by the Right Honourable Joe Clark Secretary of State for External Affairs, in the House of Commons. September 10, 1985 // Statements and Speeches. No. 85/7.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Коренное население Северной Америки в современном мире / отв. ред. В.А. Тишков. М., 1990. С. 118.

племен создали совершенно новую ситуацию: если ранее в Канаде проблема суверенитета в Арктике рассматривалась как сугубо внешняя, то теперь в ней появилось и внутреннее измерение, поскольку на территории в Канадской Арктике могли претендовать и местные племена.

С другой стороны, перед федеральным правительством открывалась возможность использовать урегулирование земельных претензий коренных народов, и прежде всего инуитов, для обоснования суверенитета над водами Канадского Арктического архипелага. Уже с начала 1980-х годов стали озвучиваться подобные предложения. В частности, выступая в Оттаве в мае 1981 г., директор по политическим исследованиям Канадского комитета по арктическим ресурсам Д. Гэмбл заявил, что урегулирование земельных претензий инуитов на побережье пролива Ланкастер «дало бы Канаде полный суверенитет и юрисдикционный контроль над районом арктических островов»¹⁷.

Однако ключевым элементом плана правительства Малруни являлось все же проведение прямых исходных линий вокруг Арктического архипелага и объявление его вод внутренними водами Канады. Данная идея рассматривалась на официальном уровне с середины 1950-х годов, но долгое время канадские власти останавливало нежелание идти на открытый конфликт с США и неуверенность в законности такого шага¹⁸. Тем не менее, как уже отмечалось, в 1976 г. канадское правительство приняло принципиальное решение о необходимости проведения прямых исходных линий вокруг Арктического архипелага.

В то время пока правительство П. Трюдо ждало «подходящего времени» для объявления о таком шаге, канадские специалисты по международному праву все активнее призывали к использованию прямых исходных линий в Арктике. Мнение этих специалистов имело особое значение, поскольку они выступали не просто как эксперты, влияющие на общественное мнение, но и привлекались к подготовке правительственных документов и имели возможность воздействовать на официальную позицию.

Особенно активизировалось в экспертной среде обсуждение этого вопроса в связи с принятием в 1982 г. Конвенции ООН по морскому праву. Так, профессор права Университета Британской Колумбии Д. Макрей считал, что проведение прямых исходных линий вокруг Арктического архипелага обоснованно с точки зрения международного права. Он, однако, полагал, что Канаде в таком случае придется опираться не на Конвенцию 1982 г., которая под архипелагом понимала изолированную группу островов в океане, а на обычное международное право и прежде всего решение Международного суда ООН в англо-норвежском споре о рыболовстве в 1951 г. (далее: МС ООН 1951 г.). По поводу этого знаменитого дела Международный суд ООН постановил, что прямые исходные линии могут применяться в тех случаях, где береговая линия сильно изрезана и где рядом с берегом есть цепь островов. Главный вывод Макрея заключался в том, что Канада должна провести прямые исходные линии как можно скорее, до начала коммерческого судоходства через СЗП¹⁹.

Особое значение среди канадских правоведов-международников имело мнение профессора права Оттавского университета Д. Фаранда, много лет занимавшегося темой суверенитета в Арктике. Рассматривая два возможных варианта с установлением суверенитета над водами Арктического архипелага — через доказательство исторического права владения (historic title) и через проведение прямых исходных линий, — Фаранд отверг первый вариант из-за невозможности доказать, что воды Канадского Арктического

¹⁷ Beer M. Inuit Land Claims Pact Would End Any Dispute Over Arctic, Group Told // The Globe and Mail. 27.V.1981.

¹⁸ Володин Д.А. Канада и проблема суверенитета в Арктике в 1950–1960-е годы: от суверенитета над сушей к суверенитету над морским пространством // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 9. С. 114–126; Его же. Канада и кризис «Манхэттена» в Арктике (1968–1970 гг.) // Россия и Америка в XXI веке. 2021. № 4. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760017795-1-1/> (дата обращения: 14.09.2022).

¹⁹ McRae D. Arctic Waters and Canadian Sovereignty // International Journal. 1983. Vol. 38. № 3. P. 492.

архипелага являются внутренними водами Канады по историческому основанию (on a historical basis). По его мнению, Канада не смогла бы выполнить те три требования, которые де-факто считались обязательными для признания вод историческими: осуществление государством своей исключительной власти над этими водами; длительный характер такой власти; признание со стороны других государств²⁰.

В то же время Фаранд считал, что Канада может законно провести прямые исходные линии вокруг Арктического архипелага и обрести таким образом суверенитет над его водами. Речь шла о выполнении требований, установленных МС ООН 1951 г.: соответствие прямых исходных линий общему направлению берега; тесная связь между сушей и морем; наличие определенных экономических интересов, доказанных длительным использованием. Данные критерии были включены в Женевскую конвенцию о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г. и Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. Так, ссылаясь на треугольную форму Архипелага, Фаранд указывал, что «единственное возможное “общее направление”, которому могут следовать прямые линии... по внешней линии самого Архипелага». Канада также выполняла и второй критерий — тесная связь между сушей и морем. В доказательство Фаранд ссылался на то, что соотношение между морем и сушей в Канадском Арктическом архипелаге составляло 0,882 к 1,0, и то, что почти постоянное присутствие льда на окруженных водах «усиливает физическое единство между сушей и морем»²¹.

Хотя для приведения прямых исходных линий было бы достаточно выполнения первых двух критериев, Фаранд считал, что Канада способна обеспечить соответствие и третьему критерию, используя для этого инуитский фактор. Оккупация побережья и добыча пропитания канадскими инуитами в водах Архипелага на протяжении сотен лет позволила бы, по его мнению, дополнительно обосновать наиболее протяженные и наиболее спорные прямые исходные линии вокруг Арктического архипелага — линию длиной в 51 милю поперек пролива Ланкастер и линию длиной в 92 мили поперек залива Амундсен. «Учитывая, что пролив Ланкастер и залив Амундсена расположены по обоим концам наиболее вероятного маршрута для будущего судоходства через СЗП, становится особенно важно, чтобы исходные линии через эти воды были полностью обоснованны», — отмечал Фаранд²².

Применительно к инуитскому фактору Фаранд обращал внимание на важный юридический прецедент. В 1975 г. Международный суд ООН в деле о Западной Сахаре признал, что территории, населенные племенами, не являются ничейной землей (*terra nullius*). Таким образом, гипотетически приобретение Канадой суверенитета над водами Арктического архипелага могло бы выглядеть как простая передача права инуитами в пользу федеральных властей. В то же время сам Фаранд не переоценивал этот фактор, считая, что крайне сложно будет обосновать передачу суверенитета над морским пространством.

Рассматривая вопрос о правовом статусе СЗП, Фаранд предупреждал, что начало международного судоходства через СЗП изменит правовой статус этого морского пути. Для недопущения такого сценария он предлагал три возможных средства:

1) проведение прямых исходных линий вокруг Арктического архипелага, чтобы его воды приобрели статус внутренних;

2) дополнение правового суверенитета (*legal sovereignty*) техническим (*technical sovereignty*), т.е. предоставление различного рода услуг иностранным судам при проходе через СЗП. Наиболее важными такими услугами Фаранд считал ледокольное сопровождение и лоцманскую проводку;

3) заключение двусторонних соглашений с зарубежными судовладельцами, определяющих условия по использованию СЗП²³.

²⁰ *Pharand D. Legal Regime of the Arctic: Some Outstanding Issues // International Journal. 1984. Vol. 39. № 4. P. 759.*

²¹ *Ibid. P. 781.*

²² *Ibid. P. 783.*

²³ *Ibid. P. 791–792.*

В целом, считая невозможным обосновать тезис, что воды Арктического архипелага являются историческими внутренними водами Канады, Фаранд полагал, что историческое право владения может использоваться как дополнительный довод для проведения прямых исходных линий вокруг Архипелага.

В то же время специалист по международному праву из Университета Виктории (провинция Британская Колумбия) Т. Макдорман обращал внимание, что сложность вопроса с установлением суверенитета над водами Арктического архипелага, включая СЗП, связана с тем, что в отношении этих вод могли применяться пять различных юрисдикционных режимов:

- 1) исторические внутренние воды;
- 2) внутренние воды, окруженные прямыми исходными линиями в соответствии с решением МС ООН 1951 г.;
- 3) внутренние воды, окруженные прямыми исходными линиями в тех морских районах, которые ранее считались открытым морем или частью территориального моря;
- 4) территориальное море;
- 5) международные проливы.

Полный суверенитет Канады над СЗП был возможен, если бы его воды подпадали под два первых варианта. Третий и четвертый варианты означали, что иностранные суда начнут пользоваться правом мирного прохода. В этом случае они могли уже не запрашивать у Канады разрешение на проход. Наконец, самым невыгодным для Канады было бы признание СЗП международным проливом. Это означало, что иностранные суда получили бы право транзитного прохода. Данный режим, введенный Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. по инициативе морских государств, лишал прибрежные государства возможностей контролировать судоходство²⁴. Таким образом, если рассматривать эти режимы как своеобразную шкалу, то первый и второй варианты означали абсолютную победу, а последний — полное поражение для Канады.

По мнению Макдормана, невозможно будет доказать, что воды Арктического архипелага являются историческими водами Канады и что ставку надо делать на получение суверенитета через проведение прямых исходных линий. Он считал, что данный метод должен быть дополнен различными мерами по усилению присутствия Канады в регионе. Если Фаранд называл такие меры «техническим суверенитетом», то Макдорман обозначал их как «непрямые действия» (indirect actions).

К схожим выводам, что и его коллеги, пришел юрист из Ванкувера Б. Маккиннон. По его мнению, нельзя доказать, что воды Арктического архипелага являются историческими внутренними водами Канады. Рассматривая различные заявления канадских официальных лиц о правовом статусе вод Арктического архипелага, он отмечал, что впервые напрямую претензия на то, чтобы рассматривать эти воды как внутренние воды Канады, была выражена лишь в 1975 г.²⁵ Как и другие канадские юристы, Маккиннон пришел к выводу, что единственным вариантом получения полного суверенитета над водами Архипелага является проведение вокруг него прямых исходных линий в соответствии с требованиями МС ООН 1951 г. Он обращал внимание на то, что, несмотря на использование материалов этого дела при подготовке Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г. и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., соответствующие статьи этих конвенций содержат более узкие формулировки, не позволяя Канаде ссылаться на них применительно к Арктическому архипелагу.

Маккиннон считал, что инуитский фактор имеет чрезвычайно важное значение не для обоснования тезиса, что воды Архипелага являются историческими внутренними водами Канады, а для проведения прямых исходных линий в соответствии с критериями,

²⁴ *McDorman T. In the Wake of the "Polar Sea": Canadian Jurisdiction and the Northwest Passage // Les Cahiers de Droit. 1986. № 3. P. 629–631.*

²⁵ *McKinnon B. Arctic Baselines: A Litore ad Litus // Canadian Bar Review, 1987. № 4. P. 796–797.*

установленными МС ООН 1951 г. По его мнению, оккупация и использование инуитами ледового пространства Архипелага позволяло обеспечить соответствие не только третьему критерию — наличию экономических интересов, реальность и важность которых продемонстрирована длительным использованием, — но и становилась дополнительным фактором для обоснования второго критерия — о тесной связи внутренних вод с сушей²⁶.

В отличие от юристов, канадское правительство считало важным не просто проведение прямых исходных линий, но и официальное признание со стороны США нового правового статуса вод Арктического архипелага. Вскоре после выступления Кларка в Палате общин между двумя странами начались соответствующие переговоры. Изначально (осень 1985 г. — весна 1986 г.) Оттава рассчитывала на заключение некоего соглашения, в котором Соединенные Штаты признавали бы суверенитет Канады над водами Архипелага, а в обмен получали гарантии на пропуск своих судов через эти воды. Однако такой вариант был неприемлем для США, поскольку означал бы не только добровольный отказ от их законных прав на свободу судоходства, но и создавал бы крайне нежелательный юридический прецедент.

После того как переговоры на дипломатическом уровне зашли в тупик, канадская сторона попыталась решить этот вопрос на уровне глав государств, пользуясь тем, что у канадского премьер-министра Б. Малруни и американского президента Р. Рейгана установились очень хорошие личные отношения. Во время их встречи в Вашингтоне в марте 1986 г. Малруни попытался перевести вопрос о статусе арктических вод из юридического в военно-стратегический. Он заявил Рейгану, что «если позиция Канады по суверенитету является правильной, Канада сможет регулировать любое судоходство через эту зону. В противном случае СЗП открывается для других»²⁷. По словам Малруни, под «другими» он подразумевал Советский Союз, и Рейган знал об этом. Таким образом, Оттава сигнализировала Вашингтону, что его победа в споре о правовом статусе вод Арктического архипелага перечеркнула бы их совместные усилия по обороне Северной Америки и серьезно затруднила бы для НАТО противодействие советским ВМС.

После саммита в Вашингтоне между двумя странами начались новые консультации, но они закончились также безрезультатно, как и предыдущие. Камнем преткновения оставалось нежелание США жертвовать глобальными интересами свободы судоходства ради Арктики. Соответственно, на новой двусторонней встрече (Оттава, апрель 1987 г.) Малруни сменил тактику и попытался убедить Рейгана в уникальности СЗП. Указав, что острова по обеим сторонам СЗП являются канадскими, он заявил, что данный регион «сильно отличается от проливов и (морских) проходов в остальном мире»²⁸.

В значительной степени канадскому премьер-министру удалось добиться своей цели. Отвечая в конце мая 1987 г. на вопрос о готовности США признать суверенитет Канады над водами Арктического архипелага, Рейган признал уникальный характер СЗП, «состоящего преимущественно из обитаемых островов, связанных льдом»²⁹.

Главная трудность оставалась прежней — нежелание США создавать опасный прецедент.

В конечном счете решение проблемы нашел один из руководителей американской группы переговорщиков Д. Колсон, который предложил увязать согласие Канады на проход американских ледоколов через СЗП с их использованием для научных исследований. Дело в том, что в Конвенции ООН по морскому праву существует статья 245, которая предусматривает, что «морские научные исследования в территориальном море проводятся только с определенно выраженного согласия прибрежного государства и на

²⁶ Ibid. P. 809.

²⁷ *Mulroney B. Memoirs, 1939–1993. Toronto, 2007. P. 430.*

²⁸ Ibid. P. 496.

²⁹ *O'Neill J. U.S. Bid for Solution on Arctic Is Sincere, Reagan Tells Press // The Globe and Mail. 28.V.1987.*

установленных им условиях»³⁰. Таким образом, обращение к канадской стороне за разрешением на проход американского судна означало бы не признание канадского суверенитета над водами Архипелага, а лишь некую техническую процедуру для проведения научных исследований. По словам Колсона, «проводя научные исследования, США подчинялись юрисдикции Канады... что делало использование слова “согласие” (consent) возможным с американской стороны»³¹.

Подписанное в Оттаве 11 января 1988 г. соглашение о сотрудничестве двух стран в Арктике в точности отразило эту формулу. Соединенные Штаты обязались, что все плаванья американских ледоколов через воды Арктического архипелага будут проходить «с согласия правительства Канады», а целью таких плаваний было обозначено проведение научных исследований. Как указывалось в отдельной статье, «ничто в соглашении не затрагивает позиции обеих стран в отношении правового статуса вод Архипелага»³².

Важное значение в признании суверенитета Канады над водами Арктического архипелага должно было сыграть усиление ее контроля над этим регионом³³. Выступление Кларка в парламенте 10 сентября 1985 г. показывало, что канадское правительство предполагает обеспечить этот контроль прежде всего военными средствами.

В конце октября 1985 г. было объявлено, что со следующего года канадские вооруженные силы начнут на регулярной основе разворачивать в Арктике истребители CF-18, а к 1992 г. в этом регионе будут построены еще три аэродрома для приема таких самолетов. Хотя главной причиной указывалась растущая угроза со стороны советских бомбардировщиков с межконтинентальными ракетами, в качестве побочной выгоды размещения истребителей на Крайнем Севере называлась и возможность демонстрации суверенитета в Арктике³⁴.

С осени 1985 г. вопрос об усилении контроля над водами Арктического архипелага начал рассматриваться в Канаде не только в надводном, но и в подводном измерении. 11 сентября 1985 г., на следующий день после заявления Кларка о нарастающем противостоянии в Арктике американских и советских подлодок, многие эксперты выступили с идеей разворачивания в водах Арктического архипелага подводной системы по обнаружению подводных лодок для защиты суверенитета Канады на Крайнем Севере. В частности, директор по стратегическим исследованиям Университета Калгари Г. Критчли предложила разместить элементы этой системы в самых узких морских местах Архипелага для предотвращения незаметного прохода советских подлодок в Северную Атлантику³⁵. Мнение экспертов поддержали и канадские военные.

С середины 1986 г. среди военных мер укрепления суверенитета основное внимание сосредоточилось на использовании подводных лодок для контроля за судоходством в водах Арктического архипелага. В июле 1986 г. канадское правительство одобрило программу по замене подводного флота. Первоначально предусматривалось заменить устаревшие дизельные подводные лодки новыми судами такого же типа. Предполагалось, что новые дизельные подлодки будут в числе прочего отвечать за наблюдение за морскими подступами к Канаде к северу от 60-й параллели³⁶. Однако затем этот план радикально изменился, и выбор был сделан в пользу приобретения атомных подводных лодок.

В связи с намерением закупить атомные подлодки канадское правительство активно стало продвигать тезис, что данные суда будут задействованы как в военных миссиях,

³⁰ Авраменко И.М. Международное морское право. М., 2003. С. 224.

³¹ Цит. по: Kirkey Ch. Smoothing Troubled Waters: The 1988 Canada–United States Arctic Cooperation Agreement // International Journal. 1995. Vol. 50. Iss. 2. P. 415.

³² Canada – United States Agreement on Arctic Cooperation and Exchange of Notes Concerning Transit of Northwest Passage // International Legal Materials. 1989. Vol. 28. № 1. P. 143.

³³ Максимова Д.Д., Соколов В.И. Север и Арктика в политике и хозяйстве Канады. М., 2015. С. 66.

³⁴ Fisher M. Arctic Missions with CF-18 to Push Defence Line North // The Globe and Mail. 24.X.1985.

³⁵ Sallot J. Sub Monitoring Needed Next to Protect Arctic, Experts Say // The Globe and Mail. 12.IX.1985.

³⁶ Sub Fleet Replacement Is Approved by Ottawa // Ibid. 17.VII.1986.

так и для обеспечения суверенитета. Так, выступая 17 октября 1986 г. в Торонто в Ротари-клубе, министр обороны П. Битти заявил, что идеи суверенитета и безопасности должны рассматриваться не в отрыве друг от друга, а как единое целое. Ссылаясь на растущую стратегическую значимость Канады в Арктике для системы безопасности Запада, он подчеркивал, что три имеющиеся у страны дизельные подводные лодки не могут действовать в этом регионе. По его словам, «канадский суверенитет в Арктике не может быть полным, если Канада по-прежнему зависит от союзников в получении информации о возможных враждебных действиях в канадских водах, под канадским льдом и в предотвращении таких действий»³⁷.

В декабре 1986 г. Битти вновь увязал вопрос о суверенитете и обороне страны. По его словам, правительство рассматривало возможность заключения с США соглашения о военно-морской обороне Северной Америки по образцу Командования воздушно-космической обороны Северной Америки для борьбы с растущей угрозой от советских подводных лодок в Арктике. Необходимым условием подписания такого соглашения являлось признание Соединенными Штатами суверенитета Канады над СЗП³⁸.

Ту же самую идею, о неразрывности суверенитета и обороны применительно к Канадской Арктике, озвучивал и министр иностранных дел Джо Кларк. Выступая в Ванкуверском совете по торговле 22 апреля 1987 г., он заметил, что «претензии на суверенитет, которые вы не можете защитить, постепенно исчезают»³⁹. При этом он приводил многочисленные примеры расширения военного присутствия Канады в Арктике вслед за плаванием «Полар Си», упоминая и возможность закупки подводных лодок, способных действовать в этом регионе. А еще через несколько дней на заседании комитета по национальной обороне Палаты общин Кларк прямо заявил, что приобретение атомных подводных лодок позволит Канаде отражать военную угрозу со стороны СССР и угрозу суверенитету в Арктике от США⁴⁰.

В опубликованной правительством в июне 1987 г. Белой книге по обороне фактически подтверждалось двойное предназначение будущего канадского подводного флота. Решение закупить 10–12 атомных подводных лодок обосновывалось не только военной необходимостью, но и тем, что эти подлодки являлись «единственными судами, способными осуществлять наблюдение и контроль в канадских северных водах, покрытых льдом»⁴¹.

В последующие два года проект по закупке атомных подводных лодок привлекал намного больше внимания общественности и политиков, чем собственно проблема суверенитета Канады в Арктике. Сразу же после выхода в свет Белой книги стали высказываться предположения, что стоимость проекта будет значительно выше заявленных 7 млрд кан. долл. Очень прохладно к этой инициативе отнеслись и США, посчитав, что приобретение подлодок отвлечет скудные канадские ресурсы от более важных военных задач. Решающим фактором, судя по всему, стала возрастающая оппозиция проекту со стороны общественности на фоне роста бюджетного дефицита и разрядки международной напряженности в конце 1980-х годов. Так, если в июне 1987 г. 50% опрошенных канадцев поддерживали закупку атомных подводных лодок, а 39% были «против», то в мае 1988 г. ситуация стала обратной — число сторонников сократилось до 32%, а число противников возросло до 59%⁴². К парламентским выборам в ноябре 1988 г. уже 71% канадцев не одобряли или решительно не одобряли закупку атомных подводных лодок⁴³. В результате в апреле

³⁷ *Platier R.* Canada Must Maintain Own Military Security, Defence Minister Says // *Ibid.* 18.X.1986.

³⁸ *Sallot J.* Canada Studies Treaty with U.S. to Combat Threat of Soviet Subs // *Ibid.* 20.XII.1986.

³⁹ Speech by the Honorable Joe Clark, Secretary of State for External Affairs, to the Vancouver Board Trade. Vancouver, British Columbia, April 22, 1987 // *Statements and Speeches*, 87/23; *Cruikshank J.* Canada Must Defend Arctic to Retain Claim, Clark Warns // *The Globe and Mail*. 23.IV.1987.

⁴⁰ *Sallot J.* Greatest Sovereignty Peril in Arctic Is U.S., Clark Says // *The Globe and Mail*. 29.IV.1987.

⁴¹ Challenge and Commitment. A Defence Policy for Canada. Ottawa, 1987. P. 53.

⁴² *Ross H.* Submarine Plan Losing Headway over Fears About Cost // *The Globe and Mail*. 24.VI.1988.

⁴³ *Sheppard R.* Beatty Lonely Salesman of Subs as Tories Submerge Issue // *Ibid.* 14.XI.1988.

1989 г. правительство официально отказалось от закупки атомных подлодок. Пришлось также оставить планы по закупке дополнительной военной авиации для патрулирования Арктики. А еще через год судьбу атомных подлодок и патрульной авиации разделил и проект строительства ледокола.

Таким образом, в ответ на плавание американского ледокола «Поляр Си» через СЗП в августе 1985 г. правительство Малруни разработало и начало осуществлять новую концепцию обеспечения суверенитета Канады в Арктике. Ее принципиальным отличием от действий прошлых канадских правительств стало официальное объявление о суверенитете Канады над водами Арктического архипелага. Юридически это было оформлено через проведение прямых исходных линий. Важную роль в этом плане сыграли канадские юристы, которые сумели найти многочисленные аргументы для обоснования Канадой законности использования этого метода. Одним из таких козырей стал инуитский фактор — многолетнее проживание у вод Арктического архипелага и их использование канадскими инуитами. Правительству Малруни также удалось добиться определенной поддержки канадской позиции и со стороны США. Тот факт, что, несмотря на все оговорки, США обязались испрашивать разрешение на проход своих ледоколов через арктические воды, на которые претендует Канада, усиливает канадскую позицию, согласно которой эти воды находятся под суверенитетом Канады. Хотя правительству Малруни не удалось увеличить военное присутствие в регионе, те меры, которые были осуществлены, имеют важное значение для международного признания суверенитета Канады над водами Арктического архипелага.

Библиография

- Авраменко И.М.* Международное морское право. М., 2003.
- Володин Д.А.* Канада и проблема суверенитета в Арктике в 1950–1960-е годы: от суверенитета над сушей к суверенитету над морским пространством // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 9. С. 114–126.
- Володин Д.А.* Канада и кризис «Манхэттена» в Арктике (1968–1970 гг.) // Россия и Америка в XXI веке. 2021. № 4. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760017795-1-1/> (дата обращения: 14.09.2022).
- Коренное население Северной Америки в современном мире / отв. ред. В.А. Тишков. М., 1990.
- Максимова Д.Д., Соколов В.И.* Север и Арктика в политике и хозяйстве Канады. М., 2015.
- Соков И.А.* Проблемы высокой Арктики и их разрешение в контексте политической культуры современной Канады // Россия и Канада: арктические гиганты. Материалы Седьмых Канадских чтений / отв. ред. Ю.Г. Акимов, К.В. Минкова. СПб., 2019. С. 152–176.
- Canada. House of Commons Debates. Official Report. 33th Parl. 1st Sess. Vol. IV. Ottawa, 1985.
- Canada — United States Agreement on Arctic Cooperation and Exchange of Notes Concerning Transit of Northwest Passage // International Legal Materials, Vol. 28. № 1. 1989. P. 141–145.
- Challenge and Commitment. A Defence Policy for Canada. Ottawa, 1987.
- Documents on Canadian Maritime Sovereignty, 1950–1988 / ed. A. Lajeunesse. Calgary, 2018.
- Kirkey Ch.* Smoothing Troubled Waters: The 1988 Canada-United States Arctic Co-operation Agreement // International Journal. 1995. Vol. 50. Iss. 2. P. 401–426.
- McDorman T.* In the Wake of the “Polar Sea”: Canadian Jurisdiction and the Northwest Passage // Les Cahiers de Droit. 1986. № 3. P. 623–645.
- McKinnon B.* Arctic Baselines: A Litore ad Litus // Canadian Bar Review. 1987. № 4. P. 790–817.
- McRae D.* Arctic Waters and Canadian Sovereignty // International Journal. 1983. Vol. 38. № 3. P. 476–492.
- Mulroney B.* Memoirs, 1939–1993. Toronto, 2007.
- Pharand D.* Legal Regime of the Arctic: Some Outstanding Issues // International Journal. 1984. Vol. 39. № 4. P. 742–799.
- Roach A., Smith R.* Excessive Maritime Claims. Newport, 1994.

References

- Avramenko I.M.* Mezhdunarodnoe morskoe pravo [International Maritime Law]. Moskva, 2003. (In Russ.)
- Korennoe naselenie Severnoj Ameriki v sovremennom mire [Indigenous population of North America in the modern world] / отв. ред. V.A. Tishkov. Moskva, 1990. (In Russ.)

Maximova D.D., Sokolov V.I. Sever i Arktika v politike i hozjajstve Kanady [The North and the Arctic in the politics and economy of Canada]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Sokov I.A. Problemy vysokoj Arktiki i ikh razreshenie v kontekste politicheskoy kul'tury sovremennoj Kanady [The problems of the high Arctic and their resolution in the context of contemporary Canada's political culture] // Russia and Canada: The Arctic Giants. Proceedings of the VII International Canadian Studies Conference / otv. red. Yu.G. Akimov, K.V. Minkova. Sankt-Peterburg, 2019. S. 152–176. (In Russ.)

Volodin D.A. Kanada i problema suvereniteta v Arktike v 1950–1960-e gody: ot suvereniteta nad sushej k suverenitetu nad morskim prostranstvom [Canada and the Problem of Sovereignty in the Arctic in 1950s–1960s: From Terrestrial to Maritime Sovereignty] // SShA & Kanada: jekonomika, politika, kul'tura [USA-Canada: Economy, Policy, Culture]. 2021. № 9. S. 114–126. (In Russ.)

Volodin D.A. Kanada i krizis “Manhjettena” v Arktike (1968–1970 gg.) [Canada and the Manhattan Crisis in the Arctic (1968–1970)] // Rossiya i Amerika v XXI veke [Russia and America in the 21st Century]. 2021. № 4. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760017795-1-1/> (access date: 14.09.2022). (In Russ.)

Canada. House of Commons Debates. Official Report. 33th Parl. 1st Sess. Vol. IV. Ottawa, 1985.

Canada – United States Agreement on Arctic Cooperation and Exchange of Notes Concerning Transit of Northwest Passage // International Legal Materials. 1989. Vol. 28. № 1. P. 141–145.

Challenge and Commitment. A Defence Policy for Canada. Ottawa, 1987.

Documents on Canadian Maritime Sovereignty, 1950–1988 / ed. A. Lajeunesse. Calgary, 2018.

Kirkey Ch. Smoothing Troubled Waters: The 1988 Canada-United States Arctic Co-operation Agreement // International Journal. 1995. Vol. 50. Iss. 2. P. 401–426.

McDorman T. In the Wake of the “Polar Sea”: Canadian Jurisdiction and the Northwest Passage // Les Cahiers de Droit. 1986. № 3. P. 623–645.

McKinnon B. Arctic Baselines: A Litore ad Litus // Canadian Bar Review. 1987. № 4. P. 790–817.

McRae D. Arctic Waters and Canadian Sovereignty // International Journal. 1983. Vol. 38. № 3. P. 476–492.

Mulroney B. Memoirs, 1939–1993. Toronto, 2007.

Pharand D. Legal Regime of the Arctic: Some Outstanding Issues // International Journal. 1984. Vol. 39. № 4. P. 742–799.

Roach A., Smith R. Excessive Maritime Claims. Newport, 1994.

DOI: 10.31857/S013038640025105-3

© 2023 г. Т.В. НАУМЕНКО, К.В. ТИМАХОВ

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И ЕГИПЕТ: ДВА СТОЛПА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Науменко Тамара Васильевна — доктор философских наук, профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: t-naumenko@yandex.ru

Scopus Author ID: 57199858412

Тимахов Кирилл Владимирович — аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: timakhov.kirill@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5478-8911

Аннотация. Статья рассматривает отношения между Королевством Саудовская Аравия и Арабской Республикой Египет с использованием ретроспективного анализа. Авторы изучают особенности взаимодействия обеих стран, отмечают факторы, способствующие их кооперации, и выявляют причины, сдерживающие развитие межстрановых отношений. В рамках исследования проводится оценка государства как потенциального полюса или же центра силы, что позволяет определить его конкурентоспособность как регионально-го или же глобального лидера, анализируются факторы, определяющие государство как «локомотив», «столп» Машрика и его влияние на обстановку в макрорегионе. Помимо этого, авторы, рассмотрев трансформационные процессы, происходящие в Египте и Саудовской Аравии, устанавливают взаимосвязь между внутривнутриполитическими/экономическими изменениями и стремлением этих стран к доминированию в рамках их субрегиона. Уделяется внимание региональной проблематике Ближнего Востока, формирующимся осям противодействия и основным очагам нестабильности, которые оказывают влияние на перегруппировку сил ключевых игроков. Отмечается, что сотрудничество является более эффективным механизмом, нежели конфронтация, что дает основание говорить не о противостоянии и борьбе за лидерство в регионе, а о возможности создания мощной коалиции двух держав. Опираясь друг на друга, они могли бы стать неким объединенным лидером ближневосточного региона, что, в свою очередь, удовлетворило бы не только экономический интерес и политические амбиции обеих держав, но и значительно оздоровило бы весь геополитический ландшафт ближневосточного региона.

Указанные вопросы изучаются с учетом участия мировых политических акторов, заинтересованных в сохранении существующего статус-кво в регионе, что придает данной теме не только локальную, но и международную значимость.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Республика Египет, Ближний Восток, региональное соперничество, модернизация, борьба с терроризмом, международные отношения, двусторонние отношения.

T.V. Naumenko, K.V. Timakhov

Saudi Arabia and Egypt: Two Pillars of the Middle East

Tamara Naumenko, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: t-naumenko@yandex.ru

Scopus Author ID: 57199858412

Kirill Timakhov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: timakhov.kirill@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5478-8911

Abstract. In this study, the authors examines the relationship between the Kingdom of Saudi Arabia and the Arab Republic of Egypt through means of retrospective analysis. They pursue several objectives. First, to examine the particularities of the interaction between the two countries and to identify the main factors contributing to their cooperation. Secondly, to analyse reasons that impede the development of inter-state relations. There is a methodological approach used in this study, which aims to assess a country as a potential pole or centre of power, thereby identifying its potential to emerge as a competitive regional or global leader. The authors analyse the underlying factors that define these two countries as the “engine”, the “pillar” of the Mashriq and their impact on the situation in the macro-region. In addition, they establish a correlation between domestic political/economic developments and the aspirations of the countries in question to dominance within their sub-region by examining the transformation processes taking place in both Egypt and Saudi Arabia. The authors focus on the regional problems of the Middle East, the emerging lines of confrontation, and the main hotbeds of instability that influence the regrouping of forces among the key players. They argue that cooperation is a more effective mechanism than confrontation, which gives grounds to speak not about a struggle for leadership in the region, but about the possibility of creating a powerful coalition of the two powers. Relying on each other, they could become a “joint leader of the Middle East”, which in turn would satisfy the economic interests and political ambitions of these countries and stabilise the entire geopolitical landscape of the region. These issues are addressed in a way that takes into account the involvement of global political actors interested in preserving the status quo in the region, which gives the subject not only a local but also an international dimension.

Keywords: Saudi Arabia, Republic of Egypt, Middle East, regional rivalry, modernisation, counter-terrorism, international relations, bilateral relations.

Современное геополитическое пространство представляет собой разнообразный конгломерат регионов, стран и внутристрановых структурных подразделений, образующих сложнейший многоуровневый организм общества как целостной системы. Разнообразие в экономико-политическом ландшафте современного глобального мира обуславливает сложность налаживания международных отношений и устранения международных конфликтов. В свою очередь эра информатизации и прогрессирующая глобализация задает свои масштабы как международных, так и национальных требований и амбиций, формирующих у различных государственных элит то или иное видение собственных места и роли в международных процессах и отношениях. Проблема лидерства различных уровней — одна из самых востребованных тем в любые периоды существования социума. Однако она не всегда отражает все сложные зоны региональных взаимоотношений. Следует учитывать различные аспекты геополитического взаимодействия, выдвигая, таким образом, научному сообществу ряд переплетающихся между собой проблем, требующих не только и не столько описания происходящих событий, сколько глубокого и всестороннего анализа на уровне выявления глубинных сущностных характеристик социальных процессов. Ближневосточный регион не является исключением. Два государства — Арабская Республика Египет (АРЕ) и Королевство Саудовская Аравия (КСА) — это два столпа¹ Ближнего Востока, которые в разные исторические периоды находились на различных ступенях развития. Авторы статьи выявляют тенденции взаимоотношений этих стран, чтобы понять закономерность их развития, а также спрогнозировать их траекторию при выходе из возможных точек бифуркации. Данная проблематика актуальна на протяжении уже длительного времени и является предметом изучения авторов.

Военное противостояние как одна из форм международных отношений зачастую приводит лишь к жертвам, особенно среди мирного населения, однако является крайне релевантной среди стран ближневосточного региона, для которого характерна высокая

¹ Региональный столп — системообразующее государство региона, которое, обладая набором социально-экономических или цивилизационных характеристик, готово взять на себя роль лидера, развивая имеющийся у него общестрановой потенциал.

степень нестабильности. Это негативно сказывается на всем мировом сообществе: растет число беженцев, перемещенных лиц, нарушаются поставки жизненно важных товаров, ломается выстраиваемое годами торговое взаимодействие. Другая форма — дипломатия — урегулирование споров между государствами путем мирных переговоров. Обе формы используются акторами в рамках мировой политической системы поочередно или даже одновременно для достижения поставленных целей и защиты национальных интересов. Так по какому пути шло формирование, а на современном историческом этапе (2010-е годы) развитие отношений между такими крупными государствами Ближнего Востока и Северной Африки, как Саудовская Аравия и Египет?

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Осмыслению взаимоотношений Саудовской Аравии и Египта на современном историческом этапе посвящены многочисленные научные и публицистические труды, в том числе и отечественных ученых, в частности Г.Г. Косача². Отдельные аспекты роста влияния королевства в регионе отражены в работах британского ученого доктора Х.А. Хэйлера³, директора Института трансрегиональных исследований современного Ближнего Востока, Северной Африки и Центральной Азии при Принстонском университете профессора Б. Хайкеля⁴. На вопросах трансграничных конфликтов Египта во второй половине 2010-х годов сосредоточил свое внимание американский историк, специалист по ближневосточным конфликтам Д. Пайпс⁵. Осмысление реконфигурации сил в рамках Ближнего Востока на современном историческом этапе можно найти в трудах американского дипломата, директора департамента Ближнего Востока и Северной Африки в неправительственной организации Freedom House Ч. Данна⁶, а также в коллективной монографии исследователей А.М. Васильева, Л.М. Исаева, А.В. Коротаева, Н.А. Кожанова, А.Г. Мардасова, К.В. Семенова и Т.Р. Хайруллина⁷ и в нашей статье⁸.

Специалисты, занимающиеся ближневосточными проблемами, вопросами лидерства и конкурентоспособности отдельных акторов, вырабатывают методологию исследования данных социальных процессов и явлений, в частности через призму выявления полюсов и центров силы.

Отечественный исследователь В.П. Лукин, анализируя современное ему геополитическое пространство, считает, что преимущество дают не только военная мощь, деньги и финансовое превосходство. По его мнению, «новые “центры силы” обретали формы многофакторного влияния с меньшим упором»⁹.

Современные научно-методологические исследования данной проблемы дифференцируют по более или менее четким критериям выделение полюсов и центров силы. Под

² Косач Г.Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 4 (63). С. 59–67.

³ Hellyer H.A. The New Saudi King, Egypt and the Muslim Brotherhood // *Al-Monitor*. 23.III.2015. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2015/03/saudi-arabia-new-egypt-muslim-brotherhood.html> (дата обращения: 28.04.2022).

⁴ Haykel B. Saudi Arabia and Egypt: An Uneasy Relationship // *The Caravan*. 14.III.2017. URL: <https://www.hoover.org/research/saudi-arabia-and-egypt-uneasy-relationship> (дата обращения: 28.04.2022).

⁵ Pipes D. Can Egypt and Ethiopia Share the Nile? // *The Washington Times*. 17.II.2016. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2016/feb/17/daniel-pipes-can-egypt-and-ethiopia-share-the-nile/> (дата обращения: 28.04.2022).

⁶ Dunne C.W. Saudi-Emirati-Egyptian Alliance Steering US Middle East Policy // *Arab Center Washington (DC)*. 26.VI.2019. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/saudi-emirati-egyptian-alliance-steering-us-middle-east-policy/> (дата обращения: 28.04.2022).

⁷ Схватка за Ближний Восток: региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта / отв. ред. А.М. Васильев, Л.М. Исаев, А.В. Коротаев. М., 2019. С. 256.

⁸ Науменко Т.В., Тимахов К.В. Саудовская Аравия и ее конкурентоспособность среди стран Ближневосточного региона // *Вестник МГИМО-Университета*. 2019. № 1 (64). С. 147–167.

⁹ Лукин В.П. Центры силы: концепции и реальность. М., 1983. С. 204.

центром силы, например, понимается элемент глобальной политической системы, который аккумулирует в себе военный, экономический, политический и цивилизационный полюс, что позволяет ему активно участвовать в принятии фундаментальных решений на международной арене и реализовывать функцию международного распределения власти. Под полюсом подразумевается элемент глобальной политической системы, обладающий военным, экономическим, политическим и цивилизационным потенциалом, что позволяет ему конкурировать с другими акторами мировой политики. Соответственно, полюс — более узкое понятие. Примерно четверть стран мира является хотя бы одним из вышеуказанных полюсов¹⁰. Однако, на наш взгляд, социально-экономические, политические и историко-культурные процессы далеко не всегда поддаются подобной регламентации, что мы и видим на примере Египта и Саудовской Аравии, которые по формальным критериям можно оценить так или иначе с позиции полюса или центра силы, но есть факторы, опровергающие данное деление.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Последние пять лет внимание всего мира было приковано к событиям, происходившим в Сирии, Йемене и на Украине. В то же время мало кто заметил экономические и политические сдвиги, происходившие в Саудовской Аравии и Египте, начавших осуществление перспективных и многообещающих программ трансформационного развития. И хотя некоторые аспекты данных трансформаций описывались отечественными авторами, глубокого сущностного анализа проведено не было.

Арабская Республика Египет в 2014 г. провозгласила курс «Египетское видение — 2030». Его основная цель — превращение Египта в страну с конкурентоспособной, сбалансированной и диверсифицированной экономикой, основанной на справедливости, социальной интеграции и сотрудничестве общества и государства. Реализуя эту инициативу, Египет намерен опираться на потенциал собственных граждан и заимствовать международный опыт для достижения устойчивого развития и улучшения качества жизни населения¹¹.

Саудовская Аравия презентовала в 2016 г. проект «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030»¹², инициатором которого стал наследный принц Мухаммед бен Сальман. Программа, разработанная Советом по экономическим вопросам и развитию страны, предлагала структурную перестройку существующей экономики, в значительной степени зависящей от нефтяного фактора, и превращение ее в инновационную.

Важно отметить, что обе программы трансформационного развития направлены не только на формирование устойчивых экономических систем, но и на укрепление позиций Саудовской Аравии и Египта в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, где идет соперничество за позицию лидера, за создание мощного центра силы. Например, Саудовская Аравия обладает цивилизационным потенциалом, т.е. имеет социокультурное влияние на другие государства, ярко выраженные национальные черты и менталитет, консолидирующие ценности и идеалы. Нельзя сбрасывать со счетов соперничество в религиозной сфере. Саудовская Аравия — традиционное мусульманское государство, оплот наиболее многочисленного направления в исламе — суннизма. Именно в КСА находится Мекка, родина пророка Мухаммеда, где расположена главная святыня всех мусульман — Кааба. Каждый год страну посещают миллионы паломников, принося колоссальные доходы. Король Саудовской Аравии как Служитель Двух Святынь имеет значительное влияние в мусульманском мире (а это примерно 1,8 млрд человек).

Однако по существующим критериям ни военным, ни экономическим полюсом в рамках мировой системы Саудовская Аравия не является, поскольку не обладает ядерным

¹⁰ Wilkinson R., Hughes S. *Global Governance: Critical Perspectives*. London, 2003. P. 262.

¹¹ Egypt Vision 2030 // URL: https://www.cairo.gov.eg/en/governorscv/sds_egypt_vision_2030.pdf (дата обращения: 28.04.2022).

¹² Saudi Arabia's Vision 2030 // URL: <https://www.vision2030.gov.sa/v2030/v2030-projects/> (дата обращения: 28.04.2022).

вооружением, в обеспечении собственной безопасности опирается на иностранные государства, в том числе на США. Ее экономическая уязвимость обусловлена сохраняющейся зависимостью от мировых цен на энергоносители. За 2019–2022 гг. страна так и не смогла ее преодолеть, хотя находится в активной стадии экономической диверсификации. Политический потенциал страны позволяет контролировать регион Ближнего Востока, поэтому королевство можно охарактеризовать как региональную державу, обладающую качествами центра притяжения других стран Машрика¹³ и Аравийского полуострова.

Является ли Египет политическим полюсом? Исходя из основных характеристик данного понятия, можно дать отрицательный ответ ввиду неспособности страны контролировать политическую обстановку не только в мире, но и в регионе. Однако, учитывая богатую древнюю культуру Египта и ее влияние на социокультурные процессы Ближнего Востока и Африканского континента, государство может быть отнесено к цивилизационному полюсу, под чем подразумевается «страна с явно выраженной цивилизационной идентичностью и мощным потенциалом социокультурного влияния на другие страны»¹⁴.

В экономическом плане Египет активно восстанавливает утерянные после «арабской весны» позиции, однако пока не обладает высокоразвитой технологичной экономикой, сформированной социально-экономической инфраструктурой. Более того, индекс человеческого развития для Египта составлял 0,707 в 2019 г., и республика занимала лишь восьмое место среди стран Африки по данному показателю¹⁵. Касательно цивилизационной идентичности, единственным, на что может опереться страна для успешного формирования данного полюса, является богатая древнеегипетская культура. Таким образом, по существующим научным критериям у Египта не хватает потенциала для того, чтобы стать полноценным региональным полюсом. Однако реальность экономической, культурной, социальной и политической деятельности Египта, его институциональная среда, а также инициативность политической элиты в развитии различных сфер общественной жизни убеждают в амбициозности данного государства, которое, несомненно, стремится стать региональным лидером.

Египет после «арабской весны» 2011 г., приведшей к крушению 30-летнего режима Хосни Мубарака, существенно ослаб. Основываясь на отчетах Всемирного экономического форума (ВЭФ), который ежегодно публикует доклад «Индекс глобальной конкурентоспособности»¹⁶, можно проследить динамику экономического развития страны. Если в 2009 г. Египет занимал 70-ю позицию (из 133), то уже к 2011 г. — лишь 94-ю (из 142). В 2014 г., т.е. на момент начала структурных реформ, Египет находился на 119 месте, составляя конкуренцию лишь таким странам, как Камерун, Гана, Нигерия и Танзания¹⁷.

¹³ Машрик (*араб.* — восток) — регион, включающий преимущественно арабские страны, лежащие к востоку от Египта (в отличие от Магриба) и к северу от Аравийского полуострова. Термин «Машрик» возник в Средние века, в период первых арабских завоеваний. Ныне в Машрик включают территорию Ирака, Иордании, Израиля, Кувейта, Ливана, Сирии и Палестины. Спорно положение Египта, разделяющего Машрик и Магриб: он объединяет культурные черты обоих регионов, однако его население лингвистически ближе к странам, относящимся к Машрику.

¹⁴ Воркунова О.А. Центры и периферия в мировой политике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 4 (812). С. 98.

¹⁵ Human Development Index (HDI) // Human Development Reports of the United Nations Development Programme. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 28.04.2022).

¹⁶ Данный индекс рассчитывается на основе методики ВЭФ. Для определения конкурентных преимуществ одной страны перед другими используются 12 критериев: качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здравоохранение и уровень начального образования, качество высшего образования и профессиональная подготовка кадров, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, уровень технологического развития, размер внутреннего рынка, конкурентоспособность национальных компаний и инновационный потенциал.

¹⁷ The Global Competitiveness Report 2014–2015 / ed. K. Schwab // URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2014-15.pdf (дата обращения: 28.04.2022).

К началу 2023 г. наблюдается постепенное восстановление потенциала страны благодаря реализации запущенных программ, например «проекта развития Суэцкого канала» по расширению его пропускной способности, «проекта развития “Золотого треугольника”» — зоны вдоль Нила, от городских окраин Кены до портов Красного моря Сафага и Хамравейн, «проекта развития 4 миллионов акров» по превращению части египетской пустынной территории в пригодную для жизни и сельского хозяйства. Кроме того, Египет становится привлекательным государством для инвестирования: как известно, Россия активно участвует в развитии промышленной зоны на территории Арабской Республики. В 2019–2020 гг. некоторые российские компании, специализирующиеся на производстве удобрений, сельскохозяйственного оборудования, солнечных модулей, а также строительстве атомных электростанций, вышли на египетский рынок и начали осваивать Российскую промышленную зону (РПЗ)¹⁸, что повышает не только экономический потенциал, но международные имиджевые характеристики Египта.

В рейтинге конкурентоспособности на 2019 г. Египет переместился с 94 строчки на 93 по всем 12 критериям, которые рассматривает ВЭФ. Во-первых, укрепилась макроэкономическая стабильность, что является важным фактором для дальнейшего привлечения иностранных инвестиций. Во-вторых, активно развивались инфраструктурные проекты. В-третьих, улучшилась институциональная среда, что подразумевает снижение уровня коррупции, повышение качества деятельности государственного сектора и уровня безопасности, а также гарантирование прав собственности как египетским, так и иностранным компаниям, и домохозяйствам. В-четвертых, произошло совершенствование качества человеческого капитала, в частности улучшилась сфера здравоохранения и образования¹⁹. Таким образом, экономическая трансформация АРЕ показывает явные положительные тенденции.

Королевство Саудовская Аравия перешло к трансформации экономики на два года позднее Египта, столкнувшись с бюджетным дефицитом из-за падения мировых цен на энергоносители. Тогда на первый план вышли проекты по развитию альтернативных источников энергии, транспортных сетей, логистических центров и городов с экономическим потенциалом. Все это может быть использовано для реализации инфраструктурных проектов за счет благоприятного географического положения. Более того, чтобы максимизировать бюджетные доходы, правительство поощряет паломничество, упрощая формальности для желающих совершить хадж или умру. В результате нескольких масштабных реформ (на 80% субсидированных правительством), в том числе энергетической, водной и налоговой, цены на водные и энергетические ресурсы были повышены на 25–30% и повлияли на покупательную способность населения; макроэкономические показатели страны существенно упали, что привело к снижению ее конкурентоспособных позиций. Обращаясь к статистическим данным, отметим, что если в 2015 г. королевство занимало в рейтинге 25 строчку, то уже в 2018 г. оно переместилось на 39 место²⁰.

Тем не менее, по данным доклада ВЭФ за 2019 г., заметно улучшение экономических показателей Саудовской Аравии: в общестрановом рейтинге государство переместилось с 39 позиции на 36. Королевству удастся поддерживать макроэкономическую стабильность на высоком уровне, что обеспечивает ему первое место по данному критерию.

¹⁸ Тимахов К.В. Борьба за лидерство в регионе: кронпринц МБС или фельдмаршал Ас-Сиси // Российский совет по международным делам. 05.VI.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/borba-za-liderstvo-v-regione-kronprints-mbs-ili-feldmarshal-as-sisi/> (дата обращения: 28.04.2022).

Подробнее см.: Презентация «Российская промышленная зона в Арабской Республике Египет» (ноябрь 2021 г.) // URL: <https://docs.google.com/presentation/d/1cc88pswpmxiwqtuassg1yd5x6sr5qn8p/edit#slide-id.p1> (дата обращения: 28.04.2022).

¹⁹ The Global Competitiveness Report 2019 / ed. K. Schwab // URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 21.04.2022).

²⁰ Ibidem.

Существенным прорывом стало широкомасштабное внедрение информационно-коммуникационных технологий, заявленное одной из важных задач в программе «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030», благодаря чему Саудовская Аравия переместилась с 54 на 38 место по показателю информационно-технологической обеспеченности. Стоит также обратить внимание на укрепление финансовой системы страны (с 45 на 38 место), инновационных возможностей (с 41 на 36 место), а также деловой активности (с 114 на 109 место)²¹. Более того, экономическая трансформация КСА сделала значительный шаг вперед, когда в конце 2019 г. в преддверии Саммита лидеров, состоявшегося в Эр-Рияде 21–22 ноября 2020 г., Саудовская Аравия приняла председательство в «Группе двадцати», представляющей ведущий форум международного сотрудничества по наиболее важным аспектам международной социально-экономической и финансовой повестки дня. «Группа двадцати» объединяет ведущие развитые и развивающиеся экономики мира, на которые приходится 80% мирового ВВП, мировой торговли, выбросов парниковых газов, а также две трети населения планеты²². За время председательствования Саудовская Аравия значительно нарастила политический вес, укрепила свой имидж столпа Ближнего Востока. При этом королевство внесло существенный вклад в борьбу с пандемией и в финансирование создания вакцины, зарекомендовав себя государством, заботящимся о здоровье населения планеты.

Несомненно, глобальные экономические планы АРЕ и КСА нужно рассматривать в контексте их стремления удержать позиции на Ближнем Востоке, что более характерно для Саудовской Аравии, а также возродить утраченное за многие десятилетия влияние, что является основной чертой политики Египта. Обе страны с явными лидерскими амбициями. Но их показатели и достижения разнятся настолько, что почти невозможно изобрести такую матрицу для их сравнения, которая бы одинаково подходила обоим странам. Они очень разные и каждая — уникальна. Несмотря на то что открытого антагонизма в отношениях между странами нет, можно предположить, что Египет не будет довольствоваться своим второстепенным положением в арабском мире и захочет, чтобы с его мнением считались не только в регионе Машрика. Но для этого необходимо укрепить внутреннюю стабильность и искоренить террористическую угрозу в лице группировки «Братья-мусульмане»²³, а также восстановить и усилить экономический сектор.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ЕГИПТА

Рассматривая взаимоотношения Саудовской Аравии и Египта в исторической ретроспективе, следует отметить, что в них присутствовал весь спектр: от сотрудничества до конфронтации. Во время правления Гамаль Абдель Насера (1952–1970) Египет стал основным претендентом на региональную гегемонию. В конце 1950-х годов началось открытое противостояние двух стран, проявившееся в войне в Йемене (1962–1970), когда саудовцы поддерживали Мухаммеда аль-Бадра, имама-короля Йеменского Мутаваккильского Королевства, а египтяне — Абдаллу Ас-Саляля, лидера Сентябрьской революции 1962 г. в Северном Йемене.

Поражение Египта в Шестидневной войне в июне 1967 г. и смерть Насера в сентябре 1970 г. изменили соотношение сил. Интересы Каира постепенно стали смещаться в сторону западного лагеря, при этом Египет признавал ведущую роль Эр-Рияда в мусульманском мире в обмен на щедрую экономическую поддержку. С приходом к власти Хосни Мубарака тесные отношения с Саудовской Аравией стали одним из основных приоритетов внешней политики Египта²⁴.

²¹ Ibidem.

²² «Группа двадцати» // Министерство экономического развития РФ. URL: <https://www.economy.gov.ru>. (дата обращения: 28.04.2022).

²³ Организация признана экстремистской и запрещена в РФ.

²⁴ *El-Labbad M.* Egypt: “A Regional Reference in the Middle East” // *Regional Powers in the Middle East* / ed. H. Fürtig. New York, 2014. P. 81–99.

Однако в 2011 г. началась «арабская весна», и во главе республики встал Мухаммед Мурси — член Партии свободы и справедливости, политического крыла группировки «Братья-мусульмане». Наступил новый этап в отношениях между КСА и АРЕ. Президент Мурси пытался убедить арабский мир в своей приверженности сложившемуся статус-кво в регионе. Несмотря на это, саудовцы были крайне обеспокоены существенными политическими изменениями в Египте. Их настораживало то, что пришедшие к власти «Братья-мусульмане» могут образовать альянс с Турцией, создав тем самым альтернативную суннитскую ось, которая поставила бы под вопрос первенство Эр-Рияда в мусульманском мире. Саудовская Аравия не исключала возможности сближения «нового Египта» с Ираном, ее основным соперником на Ближнем Востоке. Именно с этого периода началась активная фаза формирования антагонистических отношений между КСА и «Братьями-мусульманами», официально объявленными саудовской стороной террористической организацией.

Таким образом, свержение президента Мурси летом 2013 г. приветствовалось Саудовской Аравией, которая стала практически основным союзником пришедшего к власти фельдмаршала Абделя Фаттаха Ас-Сиси. Королевство оказывало ему экономическую и финансовую поддержку, но, в свою очередь, рассчитывало на дипломатическое и военное содействие со стороны Египта в условиях растущей мощи Тегерана. Отношения постепенно стали принимать черты партнерства, но после восшествия на престол короля Сальмана в 2015 г. временно пошли на спад, что было связано с новой стратегией саудовского монарха в отношении Ирана.

Новый этап политического сближения двух держав произошел в 2017 г. на фоне обострения отношений между Саудовской Аравией и Катаром. Египет выступил на стороне королевства, получившего также поддержку США в вопросе сдерживания Ирана. В 2017–2019 гг. сотрудничество между Саудовской Аравией и Египтом крепло. Египет и Саудовская Аравия были вовлечены в борьбу с «Братьями-мусульманами», признавая данную организацию террористической, принимая совместные действия для ее сдерживания и искоренения. В 2017 г. оба государства совместно с ОАЭ и Бахрейном выступили единым фронтом против Катара, обвинив его в поддержке терроризма на Ближнем Востоке, в том числе «Братьев-мусульман»²⁵, и разорвали дипломатические отношения с эмиратом (с начала 2021 г. межгосударственные отношения полностью восстановлены). Это продемонстрировало лидирующую роль Саудовской Аравии в регионе, поскольку ей удалось сплотить ближневосточные страны против Катара. Ас-Сиси также участвовал в блокаде Дохи, и общая оппозиция оси Катар — «Братья-мусульмане» лишь упрочила связи между Каиром и Эр-Риядом.

Укреплению египетско-саудовского сотрудничества способствовало обострение отношений Египта и Турции: Ас-Сиси рассматривал ее как одну из основных сил, поддерживающих исламистский экстремизм. Анкара, в свою очередь, возглавила антиегипетский лагерь. Турецко-саудовские отношения также нельзя назвать дружескими, так как государства по-разному видят решения региональных проблем и конкурируют за лидерство в суннитском мире²⁶. Летом 2017 г. Эрдоган поддержал Катар в конфликте с Эр-Риядом. Турция разместила свои войска на военной базе «Тарек Бен Зияд», расположенной к югу от столицы эмирата Дохи, что было воспринято КСА как прямое иностранное вмешательство в дела Персидского залива. Соперничество блока Египет — Саудовская Аравия с осью Турция — Катар проявлялось в регионах и Красного моря, и Восточной Африки, поскольку АРЕ и КСА придают большое значение своему присутствию там, что, несомненно, связано с вопросами их национальной безопасности. Основополагающая задача

²⁵ Yevseyev V. Qatar and Saudi Arabia: The Final Breakup or Will America Help? // Russia in Global Affairs. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/qatar-and-saudi-arabia-the-final-breakup-or-will-america-help/> (дата обращения: 28.04.2022).

²⁶ Zarras K. Prospects of GCC-Turkey Cooperation and the Syrian Crisis // GCC-Turkey Relations: Dawn of a New Era / eds Ö.Z. Oktav, H.S. Ertem. Cambridge, 2015. P. 206–208.

Каира — обеспечение беспрепятственного прохода кораблей через Баб-эль-Мандебский пролив и Красное море для функционирования Суэцкого канала (Египет строит планы по его углублению и удлинению второй полосы). Кроме того, устойчивое присутствие АРЕ в регионе Красного моря способствует укреплению позиций Египта в бассейне Голубого Нила (правый приток самой длинной реки в мире), где имеют место споры с Суданом и Эфиопией. Сформировавшаяся турецко-катарская ось возродила территориальный спор между Каиром и Хартумом относительно суверенитета над «треугольником Ха-лаиба», территорией в 20 тыс. кв. км, расположенной на границе Египта и Судана.

С приходом к власти Ас-Сиси отношения Египта и Судана ухудшились из-за позиции ныне свергнутого суданского президента Омара Башира, поддерживавшего «Братьев-мусульман». Противоречия привели к тому, что Судан начал координировать с Эфиопией свою политику по вопросу строительства плотины «Возрождение», которая может значительно уменьшить доступ Египта к воде, и страна станет получать меньше ежегодных 55,5 млрд куб. воды — необходимый минимум для обеспечения почти 100-миллионного населения арабской республики²⁷. Все эти региональные альянсы еще больше выявляют сложность проблемы регионального лидерства стран и демонстрируют многоаспектность проблем, в которые они вовлечены.

Например, сделка между Хартумом и Анкарой по поводу города-острова Суакин на северо-востоке Судана, где предполагается размещение турецкой военной базы, а также созданная Анкарой военная база в Сомали в 2017 г. все больше дестабилизируют регион и подталкивают Египет и Саудовскую Аравию к более тесному взаимодействию в военно-политической сфере. Они активно координировали свои действия в отношении Судана, когда там в апреле 2019 г. произошел военный переворот. Государства выступили в поддержку Ахмеда ибн Ауфа, возглавлявшего вооруженные силы Судана. Египет и ОАЭ предоставили Военному совету политическую поддержку и даже военную технику. Более того, Саудовская Аравия и ОАЭ обязались выделить суданским генералам 3 млрд долл. в качестве помощи. Таким образом, был разрушен практически сложившийся блок Хартум — Анкара — Доха, однако политическую стабильность в Судане установить не удалось²⁸.

Можно говорить об общей позиции Египта и Саудовской Аравии в отношении Ливии. Египет присоединился к ОАЭ и КСА, поддержав базирующегося в Бенгази генерала Халифа Хафтара, который намерен занять пост ливийского лидера в противовес признанному ООН Правительству национального согласия со штаб-квартирой в Триполи. В АРЕ и КСА считают, что только Хафтар способен противостоять исламистским группировкам, в частности «Братьям-мусульманам», последние стали играть в ливийской политике существенную роль после революции 2011 г. Открытую поддержку «потенциальному лидеру» Ливии королевство выразило в апреле 2019 г. при встрече генерала с королем Сальманом, а также с наследным принцем Мухаммедом Аль Саудом; в ходе нее саудовская сторона высказала намерение выделить миллионы американских долларов в качестве помощи для проведения военных операций по захвату власти²⁹. Поэтому Ливия — это еще один консолидирующий элемент в отношениях между Арабской Республикой Египет и Королевством Саудовская Аравия, говорящий в пользу их партнерства.

Не стоит упускать экономическую составляющую взаимодействия. С 2016 г., после знакового визита короля Саудовской Аравии в Египет, были запущены крупные многомиллиардные общие проекты. Был создан совместный 16-миллиардный (в долларовом эквиваленте) инвестиционный фонд, а также инициирован процесс урегулирования

²⁷ Negm A.M. An Overview of Aswan High Dam and Grand Ethiopian Renaissance Dam // Grand Ethiopian Renaissance Dam Versus Aswan High Dam: A View from Egypt / eds A.M. Negm, S. Abdel-Fattah. Springer, 2018. P. 3—17.

²⁸ Dunne C.W. Op. cit. P. 145—160.

²⁹ Saudis "gave Libya's Haftar millions of dollars before offensive" // Al Jazeera. 12.VI.2019. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/4/12/saudis-gave-libyas-haftar-millions-of-dollars-before-offensive> (дата обращения: 28.04.2022).

морского конфликта за два необитаемых острова Тиран и Санафир, расположенных в акватории Красного моря. Каир согласился передать данные территории под юрисдикцию Эр-Рияда, что вызвало общественные протесты. Тем не менее в 2017 г. президент Ас-Сиси ратифицировал соглашение, уступающее суверенитет над двумя островами в Красном море Саудовской Аравии, тем самым окончательно устранив препятствие на пути военно-политического и экономического взаимодействия двух государств³⁰.

В 2016 г. был также запущен проект строительства моста, названного в честь короля Сальмана. По мосту длиной 30 км и шириной 36 м пройдут железнодорожные линии, позволяющие пропускать поезда со скоростью 250 км/ч. Мост протянется от севера египетского города Рас-Насрани, близ Шарм-эш-Шейха, до восточного берега Рас-эш-Шейха Хамида, к северу от порта Даба, пройдя через остров Тиран в Красном море. Его строительство будет способствовать развитию торговли и туризма, облегчит паломничество в Мекку и Медину, а Египет получит дополнительные рабочие места³¹. Данный мегапроект — еще один шаг в деле укрепления альянса двух столпов Ближнего Востока.

Плодотворно сотрудничают АРЕ и КСА в 500-миллиардном (в долларовом эквиваленте) проекте умного города Неом, который был запущен наследным принцем в октябре 2017 г. Предполагается, что Неом станет экономической зоной и огромным транснациональным городом, расположенным на территории в 26,5 тыс. кв. км. В рамках данной инициативы Египет выделит более 1 тыс. кв. км территории Южного Синая.

В августе 2018 г. Ас-Сиси был приглашен королем Сальманом Аль Саудом посетить Неом и стал первым главой иностранного государства, побывавшим в этом городе. Более того, Египет взял на себя обязательство самостоятельно финансировать развитие египетской стороны мегагорода и свободной экономической зоны. Все это демонстрирует высокий уровень партнерства между странами.

Чем так интересен данный проект? Неом расположен на берегу Красного моря — одной из важнейших экономических артерий мира, через которую проходит почти десятая часть всех мировых торговых потоков. Содействие становлению Неома в качестве глобального хаба позволит объединить товаропотоки из Азии, Африки, Европы и Америки. Мегаполис станет и крупнейшим центром цифровых технологий и услуг на Ближнем Востоке. Экономическая зона будет специализироваться на девяти инвестиционных секторах, включая энергетику, водоснабжение, вычислительную технику, продовольствие, технологическую и цифровую сферы, передовое производство, СМИ и индустрию развлечений, что позволит стимулировать экономический рост и процесс диверсификации внедрением международных инноваций и производства³². Проект вызывает большой интерес среди исследователей не только Ближнего Востока, но и всего мира, потому что синергетический эффект от его реализации будет способствовать формированию коллективного лидера в лице двух стран и придаст их союзу значение планетарного масштаба.

Помимо вышеперечисленных крупномасштабных проектов Египет и Саудовская Аравия нацелены на укрепление и расширение торговых отношений, инвестиционных и туристических потоков. В феврале 2019 г. в Египте состоялся форум саудовско-египетского делового совета, в рамках которого обсуждались экономические успехи, достигнутые государствами. Саудовская Аравия заняла первое место среди арабских стран по объему инвестиций в Египет, реализовала более 5 тыс. проектов в республике. В свою очередь,

³⁰ Saudi Arabia and Egypt Forge Closer Ties // Middle East Policy Council. URL: <https://mepc.org/commentary/saudi-arabia-and-egypt-forge-closer-ties> (дата обращения: 29.04.2022).

³¹ *Al-Fayed B., Fahmy M.* King Salman Bridge between Saudi and Egypt awaits international approval: Bin Mahfouz // Daily News Egypt. 27.XI.2018. URL: <https://dailynewsegypt.com/2018/11/27/king-salman-bridge-between-saudi-and-egypt-awaits-international-approval-bin-mahfouz/> (дата обращения: 29.04.2022).

³² *Rashed I.* NEOM: A new channel for Egyptian-Saudi cooperation // Egypt Today. URL: <https://www.egypttoday.com/Article/1/56096/NEOM-A-new-channel-for-Egyptian-Saudi-cooperation> (дата обращения: 29.04.2022).

египетские проекты в королевстве выросли до 1300, а их общая стоимость превысила 2,5 млрд долл.³³ Возросли потоки граждан, перемещающихся между странами: саудовские туристы составили более 20% от всех арабских посетителей Египта, в то время как число египетских рабочих в Саудовской Аравии достигло 1,8 млн человек. Кроме того, более полумиллиона саудовцев переехало в АРЕ. Увеличилось число саудовских компаний в Египте с 4996 в 2018 г. до 5338 к началу 2019 г. Вырос и товарооборот с 6 млрд долл. в 2017 г. до 8 млрд к концу 2018 г. Планируется увеличение экспорта египетских медикаментов в Саудовскую Аравию.

Активно развивается сотрудничество стран в добыче фосфатов, алюминия и золота, во что Эр-Рияд инвестировал 55 млрд долл., в нефтехимической отрасли: Египет благодаря его соглашениям с другими государствами — врата королевства для экспорта в Европу³⁴.

Рост экономического взаимодействия полностью согласуется с долгосрочными целями развития, установленными проектами «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030» и «Египетское видение — 2030». Благодаря сотрудничеству обе страны могут укрепить экономический потенциал, создать новые рабочие места, снизив тем самым уровень безработицы, особенно среди молодежи, нарастить промышленные мощности, создать благоприятные условия для делового сотрудничества мелких и средних бизнес-структур, улучшить инвестиционный климат. В итоге повысится инвестиционная привлекательность АРЕ и КСА.

Существуют ли явные разногласия между Египтом и Саудовской Аравией в политической сфере? На данный момент они практически нивелированы, однако позиции стран расходятся по поводу Йемена, Сирии и борьбы с Ираном. Первый внешнеполитический спор развернулся вокруг вспыхнувшей гражданской войны в Йемене в 2014 г. Каир поддержал президента Йемена Мансура Хади, отправив небольшой контингент вооруженных сил. Нежелание быть вовлеченным в полномасштабный конфликт объясняется, скорее всего, неудачей в предыдущей гражданской войне в Йемене в 1960-х годах, когда египетская армия понесла огромные потери³⁵. Наиболее вероятной причиной, которая носит дискуссионный характер, является нежелание Каира играть второстепенную роль, уступая лидирующую позицию Эр-Рияду. Кроме того, в 2015 г. Ас-Сиси на саммите Лиги арабских государств предложил сформировать силы быстрого реагирования, которые защищали бы суверенитет государств-членов, развив тем самым давно озвученную саудовцами идею. Несомненно, в рамках данного объединения Египет намеревался занять ведущую роль³⁶.

Различия стали еще более очевидными, когда Саудовская Аравия начала рассматривать региональную политику через призму своего соперничества с Ираном и перешла к поддержке негосударственных акторов, выступавших против Тегерана, что можно связать с начавшейся активной фазой противодействия двух блоков в Йемене, а также потерей основного заокеанского союзника — США, которые в период президентства Обамы существенно дистанцировались от королевства. Египет, в свою очередь, продолжил курс на сохранение внутренней стабильности и борьбу против джихадистов и исламистского радикализма. Эти разногласия вышли на первый план во время Гражданской войны в Сирии. Эр-Рияд стал первой региональной державой, осудившей режим Башара Асада и начавшей активное финансирование «умеренной сирийской оппозиции» для подрыва иранского влияния в Сирии. По мере того как Тегеран укреплял свое военное присутствие в Сирийской Республике, Саудовская Аравия перешла к финансированию

³³ Пихорович В.Д. Логика «коронавируса». Мировая экономическая катастрофа начала XXI века. М., 2020. С. 200.

³⁴ Rashed I. Op. cit. P. 25.

³⁵ Ferris J. Egypt's Vietnam // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2015/04/03/egypts-vietnam-yemen-nasser-sisi/> (дата обращения: 29.04.2022).

³⁶ Final Communique of the 26th Arab League Summit. 29.03.2015 // URL: <https://saudiembassy.net/statements/final-communique-%E2%80%8E26th-arab-league-summit> (дата обращения: 29.04.2022).

исламистских группировок, например «Свободной сирийской армии», арабских суннитских племенных формирований. Египет же рассматривал сирийскую войну в свете региональной борьбы с джихадизмом, поэтому выступал за поддержку режима Асада, отвергая возможность присоединения к оппозиционным силам, чего стремился добиться Эр-Рияд³⁷. Таким образом, некоторые политические проблемы решаются Египтом и королевством менее гармонично, нежели экономические, что может отрицательно сказаться на их сближении и навредить их имиджу формирующегося коллективного лидера.

В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Коронавирус нанес ощутимый удар как по Саудовской Аравии, так и по Египту, нарушив их амбициозные планы по реализации экономических проектов, необходимых для укрепления региональных позиций. Эпидемия внесла существенные коррективы в правительственные планы саудовцев, приведя к самому крупномасштабному кризису со времен резкого падения цен на энергоносители в 2014 г. Бюджетные поступления королевства рухнули на фоне падения общемировых цен на нефть на 50%, в частности спровоцированные прекращением в марте 2020 г. сделки ОПЕК+, действовавшей в течение трех лет, в рамках которой удавалось держать цены на данный энергоресурс на приемлемом для государств — экспортеров энергоносителей уровне³⁸. После отказа России от дополнительного сокращения добычи Саудовская Аравия развязала нефтяную войну, продавая нефть за 5–8 долл. за баррель³⁹. Как показало время, обе стороны, осознав бесперспективность сложившейся ситуации, пошли на дальнейшие переговоры для возвращения частичного контроля над общемировым рынком энергоресурсов. Помимо этого, Саудовская Аравия в 2020 и 2021 гг. потеряла огромный сектор бюджетных поступлений в 12 млрд долл., так как официально был отменен хадж. Туристическая сфера королевства, которую с 2019 г. пытаются развивать, также сильно пострадала из-за ковидных ограничений⁴⁰.

В условиях значительного спада мировой экономики и волатильности нефтяных рынков из-за пандемии коронавируса королевство ощутило необходимость корректировки бюджетных целевых показателей и государственных расходов. К последнему кварталу 2020 г. бюджетный дефицит Саудовской Аравии вырос до 12% ВВП, но, по прогнозам министерства, в 2021 г. должен снизиться до 5,1% ВВП. Бюджетные расходы были уменьшены на 7,5% и составили 990 млрд саудовских риалов (264 млрд долл.). Из-за снижения общемирового спроса на нефтепродукты и обвала цен на энергоносители доход королевства в 2020 г. составил 770 млрд риалов, что на 16,9% меньше, чем в соответствующий период 2019 г.⁴¹

К концу 2020 г. приток туристов в Саудовскую Аравию упал на 35–45% (примерно 28 млрд долл.) в основном из-за решения позволить лишь 1000 саудовцам совершить хадж. Пандемия COVID-19 побудила Саудовскую Аравию занять 26,6 млрд долл. после того, как она использовала валютные резервы и объявила о введении стимулирующих мер в размере 32 млрд долл. По прогнозам аналитиков, долг королевства может вырасти

³⁷ *Hanna M.W., Benaim D.* Egypt First: Under Sisi, Cairo Is Going Its Own Way // Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/egypt/2018-01-04/egypt-first> (дата обращения: 29.04.2022).

³⁸ *Martin M., Nereim V.* A Radical Shift May Worsen Saudi Arabia's Economic Crisis // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-11/the-radical-shift-that-may-worsen-saudi-arabia-s-economic-crisis> (дата обращения: 28.04.2022).

³⁹ *Harper J.* Riyadh slashes welfare as oil and coronavirus effects kick in // Deutsche Welle. 11.V.2020. URL: <https://www.dw.com/en/riyadh-slashes-welfare-as-oil-and-coronavirus-effects-kick-in/a-53391229> (дата обращения: 06.07.2020).

⁴⁰ Budget performance reports for 2019–2021 // URL: <https://budget.finance.go.ug/library/598> (дата обращения: 06.04.2022).

⁴¹ *Cochrane P.* Saudi Arabia's economic crisis // Middle East Eye. 19.VIII.2020. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/saudi-arabia-economic-crisis-oil-coronavirus-debt-vision-2030> (дата обращения: 28.04.2022).

еще больше в связи с повышением «потолка государственного долга» с 30 до 50% в 2022 г.⁴², что может сильно ударить по лидерским амбициям КСА.

Египет, напрямую зависимый от туристического потока (15% ВВП страны), не досчитался нескольких десятков миллиардов долларов, что, несомненно, заставит правительство государства пойти на пересмотр расходных статей бюджета. Эта мера может негативно отразиться на начатом в 2014 г. трансформационном процессе и пошатнуть позиции АРЕ в регионе⁴³.

По оценкам МВФ, в 2020 г. источники иностранных доходов Египта уменьшились как минимум на 30% из-за сокращения денежных переводов и доходов от туризма, вызванных пандемией. Миллионы рабочих, сконцентрированных в странах Персидского залива, откуда поступает 85% финансовых средств, были уволены либо стали получать лишь частичную заработную плату⁴⁴.

Прибыль, которую приносит эксплуатация Суэцкого канала, также снизилась из-за падения объемов международной торговли. В целом потоки прямых иностранных инвестиций на развивающиеся рынки оскудели во всем мире, а отток «горячих денег», т.е. краткосрочных инвестиций, из Египта превысил 10 млрд долл. В результате международные резервы Египта, достигавшие рекордно высокого уровня в 40 млрд долл. до эпидемии COVID-19, только в первом квартале 2020 г. упали на 5 млрд. Египту пришлось снова прибегнуть к международным заимствованиям, чтобы залатать увеличивающуюся «валютную дыру». В мае 2020 г. АРЕ получила от МВФ экстренный заем в размере 2,8 млрд долл., а в июне договорилась о кредите stand-by на сумму 5,2 млрд. Более того, в мае 2020 г. Египет привлек 5 млрд в рамках размещения своих ценных бумаг на международном рынке облигаций⁴⁵.

Новые кредитные обязательства внесут свою долю в быстрорастущий государственный долг АРЕ, который с 2012 г. увеличивается стремительнее, чем растет экономика, и сейчас составляет более 90% ВВП. В основном это внутренний долг, однако его внешняя часть также повышается и составляет 200% от стоимости экспорта товаров и услуг, равняясь 120 млрд долл. Это поставит Египет в крайне уязвимое положение, учитывая вероятность увеличения долга, если процентные ставки вырастут или египетский фунт продолжит девальвацию⁴⁶.

Пандемия и ее последствия повлияли и продолжают подтачивать лидерские амбиции не только КСА, но и Египта, однако может оказаться, что именно одновременное противостояние таким внешним угрозам, как терроризм и пандемия, повлияет на сотрудничество и взаимную поддержку двух столпов Ближнего Востока.

* * *

Глобализационные процессы затронули политические и экономические позиции как КСА, так и АРЕ. На примере этих стран заметно, как тесное взаимодействие позволяет укрепить различные сферы деятельности каждого государства при сохранении национальной идентичности, что чрезвычайно важно в условиях глобальных изменений.

⁴² Ibidem.

⁴³ Sanders L., Allinson T. Egypt tries to restart tourism during coronavirus pandemic // URL: <https://www.dw.com/en/egypt-tries-to-restart-tourism-during-coronavirus-pandemic/a-53876823> (дата обращения: 06.09.2020).

⁴⁴ IMF Executive Board Approves 12-month US\$5.2 Billion Stand-By Arrangement for Egypt // Press Release № 20/248 of International Monetary Fund. 26.06.2020. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/06/26/pr20248-egypt-imf-executive-board-approves-12-month-us-5-2billion-stand-by-arrangement> (дата обращения: 28.04.2022).

⁴⁵ Egypt Government Bonds. World Government Bonds // URL: <http://www.worldgovernmentbonds.com/country/egypt/> (дата обращения: 28.04.2022).

⁴⁶ Diwan I., Houry N., Sayigh Y. Egypt after the Coronavirus: Back to Square One // Arab Reform Initiative. 26.VIII.2020. URL: <https://www.arab-reform.net/publication/egypt-after-the-coronavirus-back-to-square-one/> (дата обращения: 28.04.2022).

Проанализировав сложившуюся ситуацию, можно заключить, что на данном этапе Египет и Саудовская Аравия действительно нуждаются друг в друге. Королевство имеет возможность финансировать крупные, перспективные проекты, которые пытается воплотить республика. В свою очередь, Египет, постепенно набирая мощь, является политическим союзником Саудовской Аравии в борьбе с альянсом Турции и Катара, странами, которые, проводя собственный политический курс, направленный на укрепление их роли в регионе, создавали и, возможно, будут создавать новые очаги нестабильности на просторах и так «горячего» Ближнего Востока.

Египет и Саудовская Аравия имеют схожие позиции по таким вопросам, как ливийский кризис, разразившийся в 2011 г. и до сих пор являющийся крупным источником противоречий различных политических групп в мировом пространстве, и суданский кризис, начавшийся в 2019 г. Несомненно, существенным сближающим элементом в сотрудничестве КСА и АРЕ является борьба с международными террористическими организациями, в частности «Братьями-мусульманами», которые угрожают стабильности международных отношений и подрывают суверенитет государств, подверженных их влиянию.

Конечно же, существуют и камни преткновения на пути консолидации сил Египта и Саудовской Аравии: сирийский кризис, страны расходятся во мнении по поводу поддержки режима Асада; война в Йемене, где коалиционные войска возглавляет Эр-Рияд, а Каир старается дистанцироваться от конфликта и минимизировать свою вовлеченность в его процесс. Однако данные расхождения в оценках не столь значительны, чтобы негативно влиять на стремительно развивающиеся партнерские отношения двух государств.

Затрагивая вопрос возможной смены фазы разностороннего партнерства этапом конкурентной борьбы за главенство в регионе, отметим, что в среднесрочной перспективе, т.е. в рамках 5–10 лет, это кажется маловероятным, поскольку обе страны вовлечены в активный процесс экономического, социального и политического реформирования. Следовательно, сотрудничество является более эффективным механизмом, нежели конфронтация, что дает основание говорить не о противостоянии и борьбе за лидерство в регионе, а о возможности создания мощной коалиции этих двух держав. Опираясь друг на друга, они могли бы стать неким объединенным лидером ближневосточного региона, что, в свою очередь, удовлетворило бы не только экономический интерес и политические амбиции обеих держав, но и значительно оздоровило бы весь геополитический ландшафт ближневосточного региона.

Библиография / References

Воркунова О.А. Центры и периферия в мировой политике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 4 (812). С. 92–106.

Косач Г.Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 4 (63). С. 59–67.

Лукин В.П. Центры силы: концепции и реальность. М., 1983.

Науменко Т.В., Тимахов К.В. Саудовская Аравия и ее конкурентоспособность среди стран Ближневосточного региона // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 1 (64). С. 147–167.

Пихорович В.Д. Логика «коронавируса». Мировая экономическая катастрофа начала XXI века. М., 2020.

Схватка за Ближний Восток: региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта / отв. ред. А.М. Васильев, Л.М. Исаев, А.В. Коротаев. М., 2019.

Тимахов К.В. Борьба за лидерство в регионе: кронпринц МБС или фельдмаршал Ас-Сиси // Российский совет по международным делам. 5.VI.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/borba-za-liderstvo-v-regione-kronprints-mbs-ili-feldmarshal-as-sisi/> (дата обращения: 28.04.2022).

Vorkunova O.A. Tsentry i periferia v mirovoi politike [Centers and periphery in world politics] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obschestvennye nauki [Bulletin of Moscow State Linguistics University]. 2018. № 4 (812). S. 92–106. (In Russ.)

Kosach G.G. Saudovskaia Aravia: transformatsia vlasti i politiki [Saudi Arabia: transformation of power and politics] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations]. 2019. № 4 (63). S. 59–67. (In Russ.)

Lukin V.P. Tsentry sily: kotseptsii i real'nost' [Power centers: concepts and reality]. Moskva, 1983. (In Russ.)

Naumenko T.V., Timakhov K.V. Saudovskaya Araviya i eyo konkurentosposobnost' sredi stran Blizhnego vostochnogo regiona [Saudi Arabia and its competitiveness among the countries of the Middle East region] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Moscow State Institute of International Relations-University bulletin]. 2019. № 1 (64). S. 147–167. (In Russ.)

Pikhorovich V.D. Logika "koronavirusa". Mirovaya ekonomicheskaya katastrofa nachala XXI veka [Coronavirus logic. World economic catastrophe at the beginning of the 21st century]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Skhvatka za Blizhniy Vostok: regional'nye aktory v usloviyakh rekonfiguratsii blizhnego vostochnogo konflikt [Skirmish for the Middle East: regional actors in the context of the reconfiguration of the middle east conflict] / red. A.M. Vasilev, L.M. Isaev, A.V. Korotaev. Moskva, 2019. (In Russ.)

Timakhov K.V. Bor'ba za liderstvo v regione: kronprints MBS ili fel'dmarshal As-Sisi [Struggle for regional leadership: Crown Prince MBS or field marshal Al-Sisi] // *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian international affairs council]. 5.VI.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/borba-za-liderstvo-v-regione-kronprints-mbs-ili-feldmarshal-as-sisi/> (access date: 28.04.2022). (In Russ.)

Al-Fayed B., Fahmy M. King Salman Bridge between Saudi and Egypt awaits international approval: Bin Mahfouz // *Daily News Egypt*. 27.XI.2018. URL: <https://dailynewsegypt.com/2018/11/27/king-salman-bridge-between-saudi-and-egypt-awaits-international-approval-bin-mahfouz/> (access date: 29.04.2022).

Cochrane P. Saudi Arabia's economic crisis // *Middle East Eye*. 19.VIII.2020. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/saudi-arabia-economic-crisis-oil-coronavirus-debt-vision-2030> (access date: 28.04.2022).

Diwan I., Houry N., Sayigh Y. Egypt after the Coronavirus: Back to Square One // *Arab Reform Initiative*. 26.VIII.2020. URL: <https://www.arab-reform.net/publication/egypt-after-the-coronavirus-back-to-square-one/> (access date: 28.04.2022).

Dunne C.W. Saudi-Emirati-Egyptian Alliance Steering US Middle East Policy // *Arab Center Washington (DC)*. 26.VI.2019. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/saudi-emirati-egyptian-alliance-steering-us-middle-east-policy/> (access date: 28.04.2022).

El-Labbad M. Egypt: "A Regional Reference in the Middle East" // *Regional Powers in the Middle East* / ed. H. Fürtig. New York, 2014. P. 81–99.

Ferris J. Egypt's Vietnam // *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2015/04/03/egypts-vietnam-yemen-nasser-sisi/> (access date: 29.04.2022).

Hanna M.W., Benaim D. Egypt First: Under Sisi, Cairo Is Going Its Own Way // *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/egypt/2018-01-04/egypt-first> (access date: 29.04.2022).

Harper J. Riyadh slashes welfare as oil and coronavirus effects kick in // *Deutsche Welle*. 11.V.2020. URL: <https://www.dw.com/en/riyadh-slashes-welfare-as-oil-and-coronavirus-effects-kick-in/a-53391229> (access date: 06.07.2020).

Haykel B. Saudi Arabia And Egypt: An Uneasy Relationship // *The Caravan*. 14.III.2017. URL: <https://www.hoover.org/research/saudi-arabia-and-egypt-uneasy-relationship> (access date: 28.04.2022).

Hellyer H.A. The New Saudi King, Egypt and the Muslim Brotherhood // *Al-Monitor*. 23.III.2015. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2015/03/saudi-arabia-new-egypt-muslim-brotherhood.html> (access date: 28.04.2022).

Martin M., Nereim V. A Radical Shift May Worsen Saudi Arabia's Economic Crisis // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-11/the-radical-shift-that-may-worsen-saudi-arabia-s-economic-crisis> (access date: 28.04.2022).

Negm A.M. An Overview of Aswan High Dam and Grand Ethiopian Renaissance Dam // *Grand Ethiopian Renaissance Dam Versus Aswan High Dam: A View from Egypt* / eds A.M. Negm, S. Abdel-Fattah. Springer, 2018. P. 3–17.

Pipes D. Can Egypt and Ethiopia Share the Nile? // *The Washington Times*. 17.II.2016. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2016/feb/17/daniel-pipes-can-egypt-and-ethiopia-share-the-nile/> (access date: 28.04.2022).

Rashed I. NEOM: A new channel for Egyptian-Saudi cooperation // *Egypt Today*. URL: <https://www.egypttoday.com/Article/1/56096/NEOM-A-new-channel-for-Egyptian-Saudi-cooperation> (access date: 29.04.2022).

Sanders L., Allinson T. Egypt tries to restart tourism during coronavirus pandemic // URL: <https://www.dw.com/en/egypt-tries-to-restart-tourism-during-coronavirus-pandemic/a-53876823> (access date: 06.09.2020).

The Global Competitiveness Report 2014–2015 / ed. K. Schwab // URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport_2014-15.pdf (access date: 28.04.2022).

The Global Competitiveness Report 2019 / ed. K. Schwab // URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (access date: 28.04.2022).

Wilkinson R., Hughes S. Global Governance: Critical Perspectives. London, 2003.

Yevseyev V. Qatar and Saudi Arabia: The Final Breakup or Will America Help? // Russia in Global Affairs. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/qatar-and-saudi-arabia-the-final-breakup-or-will-america-help/> (access date: 28.04.2022).

Zarras K. Prospects of GCC-Turkey Cooperation and the Syrian Crisis // GCC-Turkey Relations: Dawn of a New Era / eds Ö.Z. Oktav, H.S. Ertem. Cambridge, 2015. P. 206–216.

DOI: 10.31857/S013038640025106-4

© 2023 г. А.З. АРАБАДЖЯН

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ КУБОЙ И СССР ПОСЛЕ КАРИБСКОГО КРИЗИСА: ОТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ ДО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Арабаджян Александра Завеновна — аспирант Института всеобщей истории РАН, Московский государственный институт международных отношений МИД России, младший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия).

E-mail: aleche28@gmail.com

Scopus Author ID: 57223307125; ORCID: 0000-0001-8927-5411; Researcher ID: ABI-2382-2020

Статья подготовлена в рамках Консорциума ИВИ РАН и МГИМО МИД России «Глобальная история: региональные и национальные составляющие».

Аннотация. В статье исследуются противоречия между Кубой и СССР после Карибского кризиса. Обзор существующей литературы отражает глубокую изученность самого хода Карибского кризиса и его урегулирования. Однако до сих пор в историографии не получили должного освещения противоречия между Кубой и СССР, нараставшие в 1960-е годы. На документах посольства СССР на Кубе показывается, что для Кубы проблема обеспечения собственной безопасности продолжала оставаться острой. Впервые в историографии отмечается, что для гарантирования безопасности Куба даже пыталась вступить в Организацию Варшавского договора. Острота противоречий между Кубой и СССР нарастала в связи с радикализацией международной позиции Кубы, которая поддерживала революционные движения в разных странах мира, отстаивала тактику герильи, применявшуюся Че Геварой, он активно пропагандировал ее в ходе поездки по странам Африки на рубеже 1964—1965 гг. Об этом свидетельствуют заметки кубинского революционера. Документ хранится в личном архиве Гевары в Центре исследований Че Гевары в Гаване и впервые вводится в научный оборот.

Автор статьи впервые в историографии показывает противоречия между СССР и Кубой в подходах к строительству социализма на примере экономической дискуссии на Кубе, применения там бюджетной системы финансирования и более поздней попытки внедрения системы экономического регистра, в его рамках кубинское руководство намеревалось отказаться от товарно-денежных отношений. Подобные действия были воплощением радикальной политической экономии, которая не укладывается в представления о классическом «реальном социализме».

Ключевые слова: СССР, Куба, внешняя политика, социалистические страны, советско-кубинские отношения, Карибский кризис, Эрнесто Гевара, политическая экономия, герилья, партизанское движение.

A.Z. Arabadzhyan

Tensions Between Cuba and the USSR After the Cuban Missile Crisis: From International Politics to Political Economy

Alexandra Arabadzhyan, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: aleche28@gmail.com

Scopus Author ID: 57223307125; ORCID: 0000-0001-8927-5411; Researcher ID: ABI-2382-2020

Abstract. In this paper the author examines the contradictions between Cuba and the USSR after the Cuban Missile Crisis. The author's review of the academic literature on the subject reveals that both the conflict itself and its short-term consequences have been extensively analysed. Yet, as far as one could ascertain, there is no historiography that sheds light on the further development of the contradictions between Cuba and the USSR in the 1960s. Drawing on documents from the Soviet embassy in Cuba held in the Russian State Archive of Contemporary History, the author demonstrates that the Cuban government was still extremely concerned about its security and on several occasions even attempted to join the Warsaw Pact. Contradictions between the two countries deepened with the radicalisation of Cuban position on the international stage and the implementation of guerrilla tactics pursued by Ernesto Guevara, who also tried to implement them during his trip to Africa at the turn of 1964-1965. This is evident from the notes the revolutionary took during the trip. The document, held in the personal archive of Guevara at the Che Guevara Studies Centre in Havana, is being introduced into academic discussion for the first time. The author explores the contradictions between the USSR and Cuba over issues of socialist construction, taking as an example the economic debates in Cuba and the attempt to introduce the budgetary finance system, which was later replaced by the economic register, implying the total negation of monetary relations. The study shows that Cuban socialist construction schemes in the 1960s reflected a radical political economy approach that could not be characterised as classical "real socialism".

Keywords: USSR, Cuba, foreign affairs, socialist countries, Soviet-Cuban relations, Caribbean Crisis, Ernesto Guevara, political economy, guerrilla, guerrilla movement.

История советско-кубинских отношений в свете Карибского кризиса, казалось бы, является хорошо исследованным вопросом. Одним из наиболее ярких сюжетов стала тема урегулирования кризиса: обмен письмами между главой СССР Н.С. Хрущевым и президентом США Дж. Кеннеди и неучастие руководителя Кубы Фиделя Кастро в принятии решения о выводе ракет с территории Кубинской Республики. Особенно известна монография С.А. Микояна «Анатомия Карибского кризиса»¹. Автор исследования опирался не только на опубликованные и архивные источники, но и на информацию, полученную от представителей кубинской, советской и американской номенклатуры, а главное — на воспоминания отца — Анастаса Ивановича Микояна, занимавшего пост первого заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Считается, что именно А.И. Микояну удалось сгладить противоречия, возникшие между Кубой и СССР в связи с тем, что решение о выводе ракет было принято без согласования и обсуждения с кубинской стороной, которая узнала о достигнутом компромиссе не от СССР, а из СМИ.

Куба, по утверждению С.А. Микояна, соглашалась на размещение ракет, считая это развитием противоборства между социализмом и капитализмом, в то время как СССР стремился гарантировать безопасность Кубы². Отсюда — нежелание кубинской стороны расставаться с советским вооружением и негативная реакция Фиделя Кастро на решение вопроса за его спиной. Монография С.А. Микояна доказывает, что Анастасу Ивановичу в продолжительных диалогах с кубинскими лидерами удалось снизить накал в отношениях и способствовать окончательному урегулированию кризиса.

Тем не менее, описывая последствия кризиса, С.А. Микоян не рассматривает его влияние на советско-кубинские отношения в долгосрочной перспективе. Не делают этого и другие авторы, публиковавшие материалы о конфликте. Основная масса современных работ, написанных уже на доступных архивных материалах, останавливается на исследовании дипломатического урегулирования кризиса, восстановлении дружественных

¹ Микоян С.А. Анатомия Карибского кризиса. М., 2006.

² Там же. С. 647.

отношений между Кубой и СССР и стабилизации международной обстановки³. Если в них рассматривается несколько более длительная перспектива последствий кризиса⁴, то в первую очередь затрагиваются динамика советско-американских отношений, переход к разрядке и т.д.

В воспоминаниях военных и политических деятелей, принимавших участие в событиях, не рассматривается дальнейшая динамика советско-кубинских отношений и изменения в политике Кубы по ключевым внешнеполитическим и экономическим вопросам⁵.

В более долгосрочной перспективе отношения Кубы и СССР и влияние Карибского кризиса на развитие Кубы рассмотрены в статье Б.Ф. Мартынова⁶. Автор анализирует прежде всего последствия Карибского кризиса, повлиявшие на отношения Кубы и СССР. Он отмечает, что Куба после тех событий, чтобы обеспечить собственную безопасность, взяла на вооружение идею «экспорта революции». Именно под этим углом и рассматриваются интернационалистские миссии Кубы в Африке в 1960–1970-е годы, противоречившие позиции СССР, который начал придерживаться идеи мирного сосуществования, что способствовало наступлению разрядки в отношениях между СССР и США.

В историографии нашли отражение внешнеполитические расхождения между Кубой и СССР в 1960-х годах и позднее⁷. Эти расхождения усугублялись, с одной стороны, окончательным размежеванием СССР и КНР и усилением раскола в международном коммунистическом движении под давлением Гаваны — с другой. Кубинская радикальная позиция в поддержке революционных движений в Латинской Америке, продвижение идей герильи и практическая их реализация не поддерживались коммунистическими партиями региона, находившимися под влиянием Москвы.

Тем не менее в исследованиях не прослеживается четкая связь между последствиями Карибского кризиса и переменами в отношениях Кубы и СССР. Можем предположить, что краткосрочное урегулирование советско-кубинских отношений на заключительном этапе Карибского кризиса в действительности не сняло напряженности между странами. Куба опасалась, во-первых, за собственную безопасность, и в этом посыл данной статьи отчасти совпадает с утверждениями Мартынова. Однако в дополнение к ним мы попытаемся доказать тезис о том, что Куба изначально хотела решить проблему гарантирования собственной безопасности через диалог с СССР.

Во-вторых, после провала попыток такого диалога Куба стала отмежевываться от СССР и в области политэкономических концепций о строительстве социализма. Это

³ См., например: *White M.J.* The Cuban Missile Crisis. Hampshire; London, 1996; *George A.L.* Awaiting Armageddon. How Americans Faced the Cuban Missile Crisis. Chapel Hill; London, 2003; *Кокошин А.А.* Размышления о Карибском кризисе в контексте проблемы стратегической стабильности. М., 2012; *Бородаев В.А.* Позиция кубинского руководства во время Карибского кризиса // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 1. С. 13–43.

⁴ *Фурсенко А., Нафтали Т.* Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. М., 2006; *The Cuban Missile Crisis. A Critical Reappraisal* / eds L. Scott, R.G. Hughes. New York, 2015; *Hillstrom L.C.* The Cuban Missile Crisis. Detroit, 2015.

⁵ *Kennedy R.F.* Thirteen days. A Memoir of then Cuban Missile Crisis. New York, 1969; *Громыко А.А.* Памятное. Кн. I. М., 1990; *Lechuga C.* In the Eye of the Storm: Castro, Khrushchev, Kennedy and the Missile Crisis. Melbourne, 1995; *Есин В.И.* Стратегическая операция «Анадырь». Как это было. М., 2007; *Кастро Ф., Рамоне И.* Моя жизнь. Биография на два голоса. М., 2009; *Язов Д.Т.* Карибский кризис. 50 лет спустя. М., 2015.

⁶ *Мартынов Б.Ф.* Советско-кубинские отношения после Карибского кризиса, крах разрядки и уроки на будущее // Иberoамериканские тетради. 2022. Т. X. № 1. С. 38–52.

⁷ *Gleijeses P.* Conflicting Missions. Havana, Washington, and Africa, 1959–1976. Chapel Hill; London, 2002; *Blight G., Brenner Ph.* Sad and Luminous Days: Cuba's Struggle with the Superpowers after the Missile Crisis. Lanham, 2007; *Хейфец В.С., Хейфец Л.С.* Между Гаваной и Москвой: кубинская революция и раскол латиноамериканских левых по вопросу о партизанской борьбе // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 52–67; *Их же.* Традиция интернационализма в идеологии и практике кубинской революции // Латинская Америка. 2020. № 8. С. 60–76.

повлияло на динамику развития хозяйства страны, поскольку сказалось на методах, применяемых при планировании, и работе предприятий.

Что предпринимало кубинское руководство для того, чтобы ситуация, возникшая в октябре 1962 г., не повторилась? Как свидетельствуют материалы Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), советские дипломаты осознавали, что вплоть до 1966 г. для Кубы угрозы диверсий со стороны США для подрыва ее безопасности оставались главными внешнеполитическими проблемами. В то же время у первой социалистической страны Америки существовали разногласия с СССР, неразрешенные после Карибского кризиса.

В справке посольства СССР на Кубе о советско-кубинских отношениях от 20 февраля 1967 г. говорится, что «Карибский кризис, судя по высказываниям кубинских руководителей, наложил известный отпечаток недоверия у них к некоторым внешнеполитическим шагам Советского Союза, и в частности к позиции СССР по вопросу обеспечения безопасности Кубы... Ф. Кастро уже после урегулирования кризиса неоднократно отмечал, что кубинцы “не были согласны” с удалением ракет (речь идет о стратегическом вооружении, ракетах средней дальности, завезенных и установленных СССР в июне—октябре 1962 г. в рамках операции “Анадырь”. — А.А.) с территории Кубы»⁸. Кубинское руководство в рамках двустороннего диалога возвращалось к вопросу секретного договора между Кубой и СССР, разработанного в июле—августе 1962 г. еще до кризиса. Кубинская сторона выражала недоумение: СССР, по всей видимости, расторг этот договор в одностороннем порядке? Вплоть до июля 1966 г. кубинцы надеялись получить от СССР ответ, можно ли считать этот договор действующим⁹. В свое время при обсуждении этого договора Куба настаивала на придании его огласке, в то время как СССР планировал сделать это позднее, в ноябре 1962 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН¹⁰.

Интересно, что кубинские лидеры как минимум трижды (в справке упоминается первая беседа без даты, следующая от 29 июля 1966 г., третья — в октябре 1966 г.) предлагали СССР для обеспечения безопасности страны принять Кубу в состав Организации Варшавского договора (ОВД). Однако советская сторона каждый раз объясняла, что это невозможно, поскольку такое решение может обострить международную обстановку. Тогда Куба подняла вопрос о заключении нового военного договора между странами при официальном заявлении СССР о готовности защитить Кубу военным путем в случае агрессии США¹¹.

Так, Куба настаивала, чтобы гарантии ее безопасности были официально зафиксированы и стали известны международному сообществу. Однако советская сторона была не готова пойти на такой шаг, намереваясь сохранить курс на мирное сосуществование. При этом СССР продолжал помогать Кубе поддерживать ее обороноспособность. 23 ноября 1965 г. между странами было заключено соглашение, в соответствии с которым СССР обязывался помочь Кубе выполнить ее перспективный план по «укреплению обороноспособности», рассчитанный на 1965—1970 гг. Советский Союз выполнял договоренности, что признавалось кубинской стороной¹². Но эти меры Куба считала недостаточными, встречая нежелание СССР идти навстречу по другим предложениям. Ситуация обострялась, что подталкивало Кубу к большей самостоятельности на международной арене.

Не способствовала урегулированию обострившихся между Кубой и СССР расхождений деятельность Че Гевары по ведению партизанской войны в разных регионах мира. Миссии Гевары в Конго и в Боливии продемонстрировали серьезные теоретические противоречия с СССР по тактическим вопросам борьбы за социализм. Еще до того, как Гевара начал активно участвовать в конголезских событиях, в ноябре 1964 г. он побывал в

⁸ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 59. Д. 344. Л. 53—54.

⁹ Там же. Л. 55.

¹⁰ Бородаев В.А. Указ. соч. С. 23—24.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 344. Л. 54—56.

¹² Там же. Л. 55.

Советском Союзе, где пытался убедить представителей советского руководства в необходимости поддержания вооруженной борьбы в Латинской Америке. Однако Москва продолжала занимать умеренную позицию по этому вопросу¹³.

На рубеже 1964–1965 гг. Гевара совершил поездку по странам Африки. Он побывал в Мали, Конго (Браззавиль), Гвинее, Гане, Дагомее, Алжире, Танзании, Мозамбике, Египте, встречался с представителями различных национально-освободительных движений, в том числе Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) и национально-освободительного движения Гвинеи. В ходе этой поездки в начале февраля 1965 г. Гевара побывал еще и в КНР и Франции.

В ходе этой поездки Гевара делал небольшие заметки. Рукопись представляет собой тетрадь с записями (63 страницы) преимущественно о том, как проходили встречи Гевары с тем или иным чиновником страны, где он находился с визитом, либо с представителями повстанческих движений Африки. Эти заметки до сих пор не опубликованы, хранятся они в Центре исследований Че Гевары в Гаване. Из этих записей очевидно стремление Гевары предоставить помощь движениям, боровшимся против колониализма и империализма. После анализа встреч в записях нередко появляются пометки: «помощь», «возможности по обеспечению помощи» и т.д. Отметим, что из заметок следует, что в ходе встреч с лидерами африканских стран обсуждались и вопросы, связанные с СССР, в том числе в критическом ключе¹⁴. В частности, президент Гвинеи Ахмед Секу Туре открыто критиковал политику Советского Союза, он расценивал предложения возобновить полеты ТУ-114 через аэродром в Конакри, в свое время построенный СССР, в Гавану как «инсинуации» (*patraña*)¹⁵. Эти перелеты были отменены под давлением США¹⁶.

Туре утверждал, что расхождения с Советским Союзом у него были еще с 1958 г. Президент Гвинеи сказал, что послал в СССР письмо с критикой советской позиции по поводу проблем с перелетами на Кубу, но сами письма кубинской стороне показывать не стал. По записям Гевары, Туре «рассказал о серьезной дискуссии по поводу французской империи с Хрущевым, который утверждал, что для дела социализма было бы лучше оставаться в сообществе и оттуда оказывать на французов давление»¹⁷. Конечно, такая позиция не соответствовала установке на борьбу за национальное освобождение, против колониализма и империализма, что рассматривалось кубинцами как первые шаги на пути к социалистической революции.

В ходе встреч с членами движений, боровшихся за национальное освобождение в африканских странах, Гевара пытался призвать разные группы к объединению, а также присоединению к конголезской борьбе для того, чтобы получить боевой опыт и поднаатореть в ведении гериллы¹⁸.

На финальном этапе африканской поездки Гевара принял участие во втором экономическом семинаре стран Азии и Африки в Алжире, где 24 февраля 1965 г. выступил с речью. Гевара четко сформулировал внешнеполитическую позицию Кубы, которая противоречила идее Хрущева в пересказе Туре: «Социалистические страны кровно заинтересованы в эффективном отделении народов от империалистической системы, и наш интернациональный долг, долг, закрепленный руководящей нами идеологией, — это способствовать нашими усилиями тому, чтобы освобождение происходило возможно более быстро и глубоко»¹⁹. Он призвал социалистические государства к бескорыстной и со-

¹³ Платошкин Н.Н. Че Гевара. М., 2017.

¹⁴ Archivo del Centro de Estudios Che Guevara. Carpeta 38. Cuaderno del Viaje por África. P. 5, 8, 12, 17, 20.

¹⁵ Ibid. P. 18.

¹⁶ Svik P. Civil Aviation and the Globalization of the Cold War. London, 2020. P. 108–110.

¹⁷ Archivo del Centro de Estudios Che Guevara. Carpeta 38. Cuaderno del Viaje por África. P. 19.

¹⁸ Ibid. P. 63.

¹⁹ Гевара Э. Речь на втором экономическом семинаре солидарности стран Азии и Африки // Статьи, выступления, письма. М., 2006. С. 463.

лидарной помощи отстающим странам в борьбе с империализмом, отметив, что неприемлемо строить отношения между социалистическими странами и странами «третьего мира» на взаимовыгодном рыночном обмене, который опирается на закон стоимости. «И надо прекратить разговоры о “развитии взаимовыгодной торговли”, основанной на ценах, которые закон стоимости и международные отношения неэквивалентного обмена, порожденные этим законом, навязывают отсталым странам.

О какой “взаимной выгоде” может идти речь, если по ценам мирового рынка продается сырье, стоимость которого определяется потом и безграничными страданиями народов отсталых стран и закупается — по ценам того же рынка — оборудование, произведенное на крупных современных автоматизированных предприятиях?

Применяя эти критерии к типу экономических отношений между двумя группами наций, мы приходим к выводу, что социалистические страны в определенной степени выступают как сообщники имперской эксплуатации»²⁰. Это заявление критиковало международную политику и способ ведения экономических отношений социалистическими странами, в первую очередь СССР. Правда, далее Гевара назвал договор между Кубой и СССР о закупках сахара по благоприятным для Кубы ценам проявлением солидарного отношения социалистической страны. В этой речи Гевара настаивал, что развитие отсталых стран должно осуществляться с помощью социалистических стран.

Деятельность команданте Гевары все больше противоречила политике СССР. Наиболее явно это проявилось уже в Боливии. Ориентировавшаяся на Москву Коммунистическая партия Боливии (КПБ) в целом оказала отряду Гевары поддержку, ее активисты сражались бок о бок с другими членами группы Че. Однако руководитель КПБ Марио Монхе настаивал, чтобы именно он был лидером борьбы, с чем Гевара не согласился. По его мнению, такая позиция руководителя КПБ могла торпедировать работу партизан²¹. В итоге этот конфликт стал одной из причин провала боливийской герильи и гибели Че Гевары.

Таким образом, миссия Че создать «два, три, много Вьетнамов» не могла ужиться с политикой мирного сосуществования, а также подрывала доминирующие позиции СССР в качестве лидера коммунистического движения, большинство коммунистических партий которого находилось в фарватере Москвы.

Методология Гевары — партизанская борьба и идея создания очагов герильи — шла вразрез с тем, как Москва в тот период интерпретировала роль коммунистического движения. При этом для кубинского общества гибель Че в Боливии 9 октября 1967 г. стала потрясением, которое подорвало процесс создания нового общества на социалистических началах.

Установки на революционную борьбу, противостояние колониализму и империализму озвучивались Кубой открыто на международных конференциях. Куба демонстрировала свою нацеленность возглавить мировое революционное движение. Проведение в Гаване конференции стран трех континентов (Триконтиненталь) в январе 1966 г. представляется первым серьезным самостоятельным шагом кубинской стороны, который шел вразрез с позицией и политикой СССР, подрывая его позиции ведущей социалистической страны мира. Не менее радикальным поступком представляется проведение в Гаване Конференции латиноамериканской солидарности в августе 1967 г., о которой практически не известно отечественной историографии²². Организация латиноамериканской солидарности задумывалась и была учреждена еще во время Триконтиненталья 16 января 1966 г.²³, тем не менее развитие этой инициативы ускорилося только в 1967 г.

Подчеркнем, что первая конференция организации, на которой фактически была подтверждена решимость Кубы стать страной — лидером партизанской борьбы в масштабах

²⁰ Там же. С. 464.

²¹ *Guevara E.* El diario del Che e Bolivia. La Habana, 2007. P. 48.

²² РГАН. Ф. 5. Оп. 59. Д. 344. Л. 150—151.

²³ Documento de la constitución de la OLAS // 1966 Año de la organización y las luchas campesinas. Informe al Pleno Nacional del Partido Socialista. Santiago, 1966. P. 60—62.

региона, что, безусловно, можно рассматривать и как решение вопроса ее безопасности, прошла уже после того, как Куба неоднократно получила открытый отказ СССР дать ей четкие гарантии помощи в случае американской агрессии. Таким образом, оформление новой международной позиции Кубы произошло окончательно не в связи с конференцией трех континентов, а после неудачных попыток вступления в ОВД и заключения с СССР новых официальных военных соглашений, которые обеспечивали бы безопасность острова. Об этом же в беседе с первым секретарем посольства СССР на Кубе В. Юдинцевым 4 марта 1967 г. говорил поверенный в делах Алжира на Кубе А. Бенчерчали: кубинское руководство больше не интересуется Организацией солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки, а переключило свое внимание на Организацию латиноамериканской солидарности и подготовку ее первой конференции²⁴.

Отметим деталь, важную для понимания специфики кубинской позиции по безопасности в 1967 г. После того как Куба получила официальный отказ СССР в открытом военном сотрудничестве и провозглашении готовности Советского государства защитить Кубу военным путем, в выступлениях Ф. Кастро на внутреннюю аудиторию стала провозглашаться независимая позиция Кубы как с точки зрения выбора верного пути по ведению антиимпериалистической борьбы, так и в области вооружений и защиты безопасности. В беседе (в пересказе болгарского дипломата П. Маринкова) со студентами Гаванского университета 1 февраля 1967 г. о политике Кубы в Латинской Америке Ф. Кастро отметил, что «вскоре может возникнуть шесть новых революционных движений на латиноамериканском континенте». Уже сейчас многие из членов латиноамериканских коммунистических партий готовы с оружием в руках осуществлять революцию. Строительство коммунизма, сказал якобы Кастро, — это пропаганда для наивных людей: «Мы решили создать наш собственный мир, способный в будущем произвести свою атомную бомбу»²⁵.

Так, противоречия между Кубой и СССР по внешнеполитическим вопросам обострились во многом из-за проблемы безопасности, а также из-за разного подхода к тактике революционной борьбы. Достоверно неизвестно, говорил ли Кастро на самом деле об атомной бомбе для стран региона, не контролируемых компартиями, действовавшими в соответствии с линией Москвы. Однако нужно учесть, что в этот же период Куба уклончиво реагировала на инициативы по разоружению, ограничению и запрету ядерных испытаний, нераспространению ядерного оружия и созданию безъядерных зон²⁶. Кубинская сторона была против вывода ядерных ракет со своей территории во время Карибского кризиса. В этом контексте такое высказывание Кастро вполне могло иметь место. При этом оно входило в прямое противоречие с позицией СССР, который к тому моменту уже подписал Договор о запрете испытаний ядерного оружия в трех сферах (1963) и Договор о космосе (27 января 1967 г.). К тому же СССР был одним из активных инициаторов заключения Договора о нераспространении ядерного оружия.

Внешнеполитический поворот, осуществленный Кубой в связи с событиями 1966 г., т.е. несколько раньше, чем утверждают Блайт и Бреннер (в 1967–1968 гг.)²⁷, вызывал серьезное недовольство в Москве, где и так были озабочены противостоянием с КНР. Куба, тем не менее, согласно существующим историческим исследованиям²⁸, не сближалась с Китаем. Напротив, в отношениях с КНР наблюдалось ухудшение, так как Куба пыталась позиционировать себя в качестве основного полюса, верно истолковывавшего принципы пролетарского интернационализма и антиимпериализма. Отсюда — ее стремление поддерживать «очаги» революции не только в Латинской Америке, но и в Африке.

²⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 344. Л. 100.

²⁵ Там же. Л. 40.

²⁶ Там же. Л. 62–64.

²⁷ Blight G., Brenner Ph. Op. cit.

²⁸ Cheng Y. Sino-Cuban relations during the early years of the Castro regime, 1959–1966 // Journal of Cold War Studies. 2007. Vol. 9. № 3. P. 78–114; Friedman J. Shadow Cold War: The Sino-Soviet Competition for the Third World. Chapel Hill, 2015.

Противоречия между Кубой и СССР в 1966–1968 гг. прослеживались и в области политической экономии. В это время в кубинской системе планирования был предпринят радикальный поворот, вошедший в противоречие с политэкономическими позициями СССР. В год Карибского кризиса Куба пыталась выполнить первый годовой план, разработанный в 1961 г. при участии сначала плановиков Чехословакии²⁹, затем – группы специалистов из СССР под руководством А.И. Анчишкина. Система планирования на Кубе еще только формировалась³⁰. Разработка планов затруднялась недостатком информации о располагаемых страной ресурсах, слабой системой контроля и учета издержек, а отсюда отсутствием баланса между запросами производств и имеющимися средствами. В первые годы после революции сосуществовали две системы управления и финансирования предприятий – система бюджетного финансирования (СБФ) и система самофинансирования³¹. Каждую из систем поддерживала своя группа управленцев и практиков: первая возглавлялась министром промышленности Эрнесто Че Геварой, вторая – директором Национального института аграрной реформы (НИАР) Карлосом Рафаэлем Родригесом. Между сторонниками двух систем разгорелся спор, вошедший в кубинскую и зарубежную историографию как «Великая дискуссия» (El Gran Debate, The Great Debate).

Сторонники Гевары отстаивали централизованную систему планирования, опирающуюся преимущественно на физические показатели, преодоление товарного характера производства в период социалистического строительства, а также ставили под вопрос возможность сознательного использования закона стоимости. СБФ распространялась на предприятия, подотчетные министерствам промышленности, транспорта и сахарной промышленности, последнее было выделено из министерства промышленности. Постепенно производственные единицы, подчинявшиеся министерству промышленности, были объединены в крупные консолидированные предприятия с более высокой степенью концентрации и централизации производства.

Предприятия, на которые распространялась СБФ, не являлись юридическим лицом и не могли сами осуществлять трансакции. Они получали финансирование из бюджета и отдавали выручку в бюджет. Переход продукта от одного предприятия к другому, а также внутри консолидированных предприятий не расценивался как товарообмен, а считался элементом одной производственной цепочки без смены собственника. С теоретической точки зрения в этом случае в большей степени преодолевался товарный характер производства. Эффективность предприятий привязывалась к снижению себестоимости продукции при сохранении качества. Заинтересованность в этом сотрудников должна была опираться на моральные стимулы, при снижении роли материальных.

Система самофинансирования предполагала наличие у предприятия большей степени автономности в принятии решений по вопросам финансов, инвестиций и производственного процесса, статус юридического лица и возможность самостоятельного совершения актов купли и продажи. Оценка эффективности предприятия привязывалась к прибыли, которая должна была превратиться в один из ключевых показателей плана. В этой схеме сторонники самофинансирования отстаивали неизбежность использования материальных стимулов (хотя и не отрицали важность моральных), обосновывая это

²⁹ Интервью с Мигелем Алехандро Фигерасом, сотрудником министерства промышленности, которым руководил Гевара, вице-президентом Центрального комитета планирования Кубы 17 ноября 2022 г. // Архив автора.

³⁰ Ефимов А.Н., Анчишкин А.И. Куба планирует национальную экономику. М., 1963.

³¹ См. подробнее: Man and Socialism in Cuba, edited by Bertram Silverman. New York, 1971; *Tablada C. Acerca del pensamiento económico de Ernesto Che Guevara*. La Habana, 1987; *Yaffe H. Ernesto “Che” Guevara: Socialist Political Economy and Economic Management in Cuba*: PhD Thesis, London, 2007; *Idem*. Che Guevara and the great debate, past and present // *Science and Society*. 2012. 76 (1). P. 11–40; *Pericás L.B.* Che Guevara y el debate económico en Cuba. La Habana, 2014; Арабаджян А.З. Позиция Эрнесто Гевары в экономической дискуссии на Кубе в 1960-х гг. // *Диалог со временем*. 2022. Т. 79. № 2. С. 136–151.

низкой степенью развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Предприятия, работавшие на принципах самофинансирования, были подчинены НИАР и министерству внешней торговли.

Самофинансирование было ближе реформам, которые предлагались и обсуждались в странах Восточного блока. Наиболее известной из них является реформа А.Н. Косыгина. За рубежом ее чаще называют реформой Либермана, в честь экономиста Е.Г. Либермана, который одним из первых выступил с предложением оценивать эффективность предприятия по прибыльности³². Реформа также предполагала и снижение степени централизации, продолжая совнархозную реформу в СССР в 1957 г.

Эксперименты в области расширения полномочий предприятий проводились и в других странах социалистического лагеря: Венгрии, Германии, Болгарии, Польше, Чехословакии, Югославии. Информация о них доходила и до Кубы. Кубинское руководство осмысливало их в рамках упомянутой дискуссии³³. В конечном счете вставал вопрос: какой системе отдать предпочтение и как внедрить ее на практике, чтобы улучшить общие возможности по расчетам и планированию развития хозяйства страны?

Кубинское руководство сделало выбор в пользу более радикальной экономической политики. Было решено принять точку зрения сторонников СБФ и Гевары о необходимости быстрого преодоления товарного производства как ядра капитализма и сознательного стимулирования новых производственных отношений при ликвидации прежних категорий, унаследованных от капиталистического способа производства.

В Гаване считали, что их экономическая политика в большей степени соответствовала марксистской политической экономии, в то время как СССР пересмотрел ряд ее положений. В выступлении перед участниками движения «Последователи Камило Сьенфуэгоса и Че Гевары» в октябре 1967 г. на о. Пинос (сегодня — о. Молодежи) Кастро утверждал, что начинается «создание первой коммунистической зоны Кубы и всего мира» на этом острове. Тогда же кубинский руководитель озвучил, в чем состояла суть намечавшихся экономических реформ: «Очень скоро мы отменим деньги, так как в них и не будет никакой нужды, ибо все, что будет производиться народом, будет справедливо перераспределяться среди народа»³⁴.

Предложения по переходу на новую систему фигурируют в докладе, который был подготовлен группой ученых Университета Санта-Клары в 1967 г. В нем обосновывалась попытка осуществить быструю ликвидацию товарно-денежных отношений: «Кубинская революция... поставила задачу создать новую систему управления хозяйством, делающую жизнеспособным предначертанный путь к параллельному построению социализма и коммунизма. Первым шагом в этом направлении является искоренение в кратчайший срок тех товарных форм, которые еще находятся в силе и всячески препятствуют истинным общественным отношениям, установившимся в экономическом процессе»³⁵. Авторы доклада считали, что наличие в хозяйственной сфере капиталистических категорий не соответствовало более продвинутой действительности кубинского способа производства, т.е. полагали производственные отношения Кубы продвинутыми, по всей видимости, используя в качестве меры степень огосударствления средств производства. Именно об этом говорил Гевара в речи в Алжире: «Для того чтобы признаки эксплуатации

³² Либерман Е.Г. План, прибыль, премия // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. 420–432; *Ego же*. Еще раз о плане, прибыли и премии // Правда. 20.IX.1964. С. 3.

³³ Gompert H. La República Democrática Alemana en el punto de viraje de su desarrollo // Cuba socialista. 1963. № 28. P. 94–108; Guevara E. Reuniones bimestrales. 5 de diciembre de 1964 // Che en la Revolución cubana. T. VI. Ministerio de industrias / compilador O. Borrego Díaz. La Habana, 2015. P. 430–431.

³⁴ Пересказ стажера Гаванского университета В.М. Никитина // РГНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 339. Л. 172–173.

³⁵ Там же. Д. 343. Л. 1, 137–138.

постепенно исчезали, средства производства должны находиться главным образом в руках государства»³⁶.

Авторы доклада считали, что распределение по труду уже не соответствовало производственным отношениям, которые характеризовали способ производства страны. Предлагалось переходить к принципам коммунистического распределения, что соответствует идее преодоления товарности.

В тот момент кубинское руководство считало, что оно осуществляет строительство и социализма, и коммунизма одновременно, что вызывало непонимание у руководителей других социалистических стран. Характерной в этом смысле является беседа первого секретаря посольства Польши на Кубе Е. Новориты со вторым секретарем посольства СССР на Кубе С. Макаровым. Новорита рассказал, что во время выступления в Сан-Андресе 28 января 1967 г. Кастро «практически пытался доказать лозунг об одновременном строительстве социализма и коммунизма в стране»³⁷. Такого рода высказывания подтверждают, что кубинское руководство стало рассматривать Кубу как передовое социалистическое государство мира, демонстрируя, что оно опережает другие социалистические страны. Если принять во внимание, что огосударствление на Кубе в 1960-е годы шло высокими темпами, то в целом идея внедрения коммунистических начал действительно воплощалась в конкретной экономической политике. Отметим, что уже в 1965 г. 100% средств производства в сфере связи, 98% в строительстве, 96% в промышленности, 91% на транспорте, 89% в торговле, 61% в сельском хозяйстве принадлежали государству³⁸. Особенно интересны эти тенденции в аграрном секторе, ни в одной другой стране социалистического лагеря, вероятно, государственная собственность не достигала таких масштабов.

Советская сторона ставилась в известность о проводимых экономических преобразованиях постфактум. Доклад кубинских ученых был передан в СССР в сентябре 1967 г., при этом в октябре того же года он был направлен заместителем начальника первого главного управления КГБ Б. Ивановым в ЦК КПСС с пояснением, что документ «был принят за основу при разработке экономической реформы на Кубе»³⁹. Фактически СССР был уведомлен о решениях, принятых без его участия.

Стоит, однако, отметить, что на самом деле ряд предложений доклада не был учтен при осуществлении реформы. Например, предлагалось отдать предпочтение физическим показателям во всех отраслях хозяйства, но не говорилось о полной ликвидации учета по стоимостным показателям. Напротив, система учета по предложениям ученых сохраняла подсчет стоимости, а также выводила категорию цены⁴⁰. Эти рекомендации не были учтены. Новая система, получившая название экономического регистра (*registro económico*)⁴¹, не опиралась на стоимостные показатели, не предусматривала верстку государственного бюджета, ведение бухучета и взимание налогов. Это нанесло урон системе статистики и сбалансированности экономики.

Своего апогея тенденция на ликвидацию товарности достигла после марта 1968 г., когда в ходе революционной атаки на капитал были национализированы малые и средние предприятия, что поставило под контроль государства все предприятия страны. К 1970 г. порядка 100% средств производства в сфере промышленности, связи, торговли и строительстве уже принадлежали государству, на транспорте этот показатель вырос до 98%, в сельском хозяйстве — до 70%⁴².

Советской стороне радикальная политэкономия кубинского руководства была чужда. СССР импонировала позиция сторонников хозяйственного расчета, их поддерживали

³⁶ Гевара Э. Указ. соч. С. 467.

³⁷ Там же. Л. 28–29.

³⁸ *La economía de Cuba (1902–1958, 1959–1966)*. La Habana, 1967. P. 26.

³⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 343. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 152.

⁴¹ *Rodríguez García J.L. Estrategia del desarrollo económico en Cuba*. La Habana, 2016. P. 109–118.

⁴² Куба в цифрах / отв. ред. А.Д. Бекаревич. М., 1972. С. 27.

бывшие члены Народно-Социалистической партии (НСП). Посольство СССР на Кубе оказалось втянутым в дело микрофракции — попытку создания оппозиции Фиделю Кастро, лидером которой был Анибаль Эскаланте (тоже член НСП). Группа Эскаланте критиковала радикальные позиции в политической экономике, тактику партизанской борьбы и позицию Кубы на международной арене, ее отдаление от СССР.

Группа Эскаланте попыталась сблизиться с представителями социалистических стран на Кубе. Из советского посольства в дело оказался втянут второй секретарь Рудольф Шляпников, сравнивший на одной из встреч с представителями микрофракции ситуацию на Кубе со «второй Венгрией» и назвавший руководство Кубы преимущественно буржуазным и мелкобуржуазным⁴³. Это дипломатическое обострение, нашедшее отражение в докладе Рауля Кастро на собрании ЦК КП Кубы в январе 1968 г., стало пиком противоречий Кубы и СССР после Карибского кризиса, отразив весь их широкий спектр: от международной политики до политической экономики.

* * *

Проблема безопасности после Карибского кризиса не была урегулирована и осталась ключевой для кубинского руководства. Оно не сумело добиться от СССР открытой военно-политической поддержки на том уровне, какой устраивал бы кубинскую сторону. После этого значительно радикализировалась позиция Кубы на международной арене и в латиноамериканском регионе. В серьезное противоречие с политэкономией «реального социализма» в СССР вошел кубинский подход к общетеоретическим проблемам строительства социализма. Эти факторы привели к тому, что Куба начала позиционировать себя в качестве мирового лидера коммунистического движения и наиболее грамотного последователя учения Маркса, ведущей социалистической страны мира с точки зрения применения марксистско-ленинской теории как в сфере революционной борьбы и противостояния империализму, так и в области строительства социализма и преодоления противоречий товарного производства. Однако на практике эти начинания в 1960-х годах потерпели неудачу, что в конечном счете привело Кубу к более тесному экономическому сотрудничеству с СССР и интеграции в СЭВ. Тем не менее внешнеполитический курс Республики Куба оставался достаточно самостоятельным, о чем свидетельствуют интернационалистские миссии в Анголе и Эфиопии в 1970-х годах, активное участие Кубы в альтернативных площадках кооперации по примеру Движения неприсоединения и Группы 77.

Наконец, эксперименты в области планирования и независимая позиция в международных отношениях подтверждают, что кубинская революция не укладывается в классические представления о «реальном социализме». Напротив, революционный процесс на Острове Свободы обладал собственной спецификой, что особенно ярко проявилось в 1960-х годах, когда утрачивавшим революционный запал, начавшим пересматривать марксистскую теорию в вопросах снятия товарности странам Восточного блока Куба противопоставляла революционный энтузиазм и приверженность классической марксистской политэкономии.

Библиография

Арабаджян А.З. Позиция Эрнесто Гевары в экономической дискуссии на Кубе в 1960-х гг. // Диалог со временем. 2022. Т. 79. № 2. С. 136–151.

Бородаев В.А. Позиция кубинского руководства во время Карибского кризиса // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 1. С. 13–43.

Гевара Э. Речь на втором экономическом семинаре солидарности стран Азии и Африки // Статьи, выступления, письма. М., 2006. С. 462–475.

Громыко А.А. Памятное. Кн. I. М., 1990.

Есин В.И. Стратегическая операция «Анадырь». Как это было. М., 2007.

Ефимов А.Н., Анчишкин А.И. Куба планирует национальную экономику. М., 1963.

Кастро Ф., Рамоне И. Моя жизнь. Биография на два голоса. М., 2009.

⁴³ Documentos de la Revolución Cubana 1968 / J.B. Lara et all. La Habana, 2018. P. 95.

- Кокошин А.А. Размышления о Карибском кризисе в контексте проблемы стратегической стабильности. М., 2012.
- Куба в цифрах / отв. ред. А.Д. Бекаревич. М., 1972.
- Либерман Е.Г. Еще раз о плане, прибыли и премии // Правда. 20.IX.1964. С. 3.
- Либерман Е.Г. План, прибыль, премия // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. 420–432.
- Мартынов Б.Ф. Советско-кубинские отношения после Карибского кризиса, крах разрядки и уроки на будущее // Ибероамериканские тетради. 2022. Т. X. № 1. С. 38–52.
- Микоян С.А. Анатомия Карибского кризиса. М., 2006.
- Платошкин Н.Н. Че Гевара. М., 2017.
- Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. М., 2006.
- Хейфец В.С., Хейфец Л.С. Между Гаваной и Москвой: кубинская революция и раскол латиноамериканских левых по вопросу о партизанской борьбе // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 52–67.
- Хейфец В.С., Хейфец Л.С. Традиция интернационализма в идеологии и практике кубинской революции // Латинская Америка. 2020. № 8. С. 60–76.
- Язов Д.Т. Карибский кризис. 50 лет спустя. М., 2015.
- Blight G., Brenner Ph. Sad and Luminous Days: Cuba's Struggle with the Superpowers after the Missile Crisis. Lanham, 2007.
- Boti León R. El Plan de Desarrollo Económico de 1962 // Cuba Socialista. 1962. № 4. P. 19–32.
- Castro F. Informe plan económico 1962 // Bell J., López D.L., Caram T. Documentos de la Revolución Cubana 1961. La Habana, 2008. P. 517–548.
- Cheng Y. Sino-Cuban relations during the early years of the Castro regime, 1959–1966 // Journal of Cold War Studies. 2007. Vol. 9. № 3. P. 78–114.
- Documento de la constitución de la OLAS // 1966 Año de la organización y las luchas campesinas. In: Informe al Pleno Nacional del Partido Socialista. Santiago, 1966. P. 60–62.
- Friedman J. Shadow Cold War: The Sino-Soviet Competition for the Third World. Chapel Hill, 2015.
- George A.L. Awaiting Armageddon. How Americans Faced the Cuban Missile Crisis. Chapel Hill; London, 2003.
- Gleijeses P. Conflicting Missions. Havana, Washington, and Africa, 1959–1976. Chapel Hill; London. 2002.
- Gompert H. La República Democrática Alemana en el punto de viraje de su desarrollo // Cuba socialista. 1963. № 28. P. 94–108.
- Guevara E. El diario del Che en Bolivia. La Habana, 2007.
- Guevara E. Reuniones bimestrales. 5 de diciembre de 1964 // Che en la Revolución cubana. T. VI. Ministerio de industrias / compilador O. Borrego Díaz. La Habana, 2015. P. 409–440.
- Hillstrom L.C. The Cuban Missile Crisis. Detroit, 2015.
- Kennedy R.F. Thirteen days. A Memoir of then Cuban Missile Crisis. New York, 1969.
- Lechuga C. In the Eye of the Storm: Castro, Khrushchev, Kennedy and the Missile Crisis. Melbourne, 1995.
- Man and Socialism in Cuba / ed. B. Silverman. New York, 1971.
- Pericás L.B. Che Guevara y el debate económico en Cuba. La Habana, 2014.
- Rodríguez García J.I. Estrategia del desarrollo económico en Cuba. La Habana, 2016.
- Svik P. Civil Aviation and the Globalization of the Cold War. London, 2020.
- Tablada C. Acerca del pensamiento económico de Ernesto Che Guevara. La Habana, 1987.
- The Cuban Missile Crisis. A Critical Reappraisal / eds R.L. Scott, G. Hughes. New York, 2015.
- White M.J. The Cuban Missile Crisis. Hampshire; London, 1996.
- Yaffe H. Che Guevara and the great debate, past and present // Science and Society. 2012. 76 (1). P. 11–40.
- Yaffe H. Ernesto “Che” Guevara: Socialist Political Economy and Economic Management in Cuba: PhD Thesis, London, 2007.

References

- Arabadzhyan A.Z. Poziciya Ernesto Gevary v ekonomicheskoy diskussii na Kube v 1960-h gg. [Ernesto Guevara's position in the economic discussion in Cuba in the 1960s] // Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. 2022. T. 79. № 2. S. 136–151. (In Russ.)
- Borodaev V.A. Poziciya kubinskogo rukovodstva vo vremya Karibskogo krizisa [The position of the Cuban leadership during the Caribbean crisis] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Bulletin of the Moscow University. Series 25. International relations and world politics]. 2013. № 1. S. 13–43. (In Russ.)
- Documentos de la Revolución Cubana 1968 / J. Bell Lara et all. La Habana, 2018.
- Efimov A.N., Anchishkin A.I. Kuba planiruet nacional'nyuy ekonomiku [Cuba plans the national economy]. Moskva, 1963. (In Russ.)

- Esin V.I.* Strategicheskaya operaciya "Anadyr". Kak eto bylo [Strategic operation "Anadyr". As it was]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Fursenko A., Naftali T.* Bezumnnyj risk: sekret'naya istoriya Kubinskogo raketnogo krizisa 1962 g. [Mad Risk: the secret history of the Cuban missile crisis 1962]. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Gevara E.* Rech' na vtorom ekonomicheskom seminare solidarnosti stran Azii i Afriki [Speech at the Second Economic Seminar of Solidarity of Asian and African countries] // Stat'i, vystupleniya, pis'ma [Articles, speeches, letters]. Moskva, 2006. S. 462–475. (In Russ.)
- Gromyko A.A.* Pamyatnoe [Memorable]. Kn. I. Moskva, 1990. (In Russ.)
- Hejfec V.S., Hejfec L.S.* Mezhdubavanoi i Moskvoy: kubinskaya revolyuciya i raskol latinoamerikanskikh levyykh po voprosu o partizanskoj bor'be [Between Havana and Moscow: the Cuban Revolution and the split of the Latin American Left on the issue of partisan struggle] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2018. № 6. S. 52–67. (In Russ.)
- Hejfec V.S., Hejfec L.S.* Tradiciya internacionalizma v ideologii i praktike kubinskoj revolyucii [The tradition of internationalism in the ideology and practice of the Cuban Revolution] // Latinskaya Amerika [Latin America]. 2020. № 8. S. 60–76. (In Russ.)
- Kastro F., Ramone I.* Moya zhizn'. Biografiya na dva golosa [My life. Biography for two voices]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Kokoshin A.A.* Razmyshleniya o Karibskom krizise v kontekste problemy strate-gicheskoy stabil'nosti [Reflections on the Caribbean crisis in the context of the problem of strategic stability]. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Kuba v cifrah [Cuba in numbers] / otv. red. A.D. Bekarevich. Moskva, 1972. (In Russ.)
- Liberman E.G.* Eshche raz o plane, pribyli i premii [Once again about the plan, profits and bonuses] // Pravda. 20.IX.1964. S. 3. (In Russ.)
- Liberman E.G.* Plan, pribyl', premiya [Plan, profit, premium] // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya [Historical and economic research]. 2016. T. 17. № 3. S. 420–432. (In Russ.)
- Martynov B.F.* Sovetsko-kubinskie otnosheniya posle Karibskogo krizisa, krah razryadki i uroki na budushchee [Soviet-Cuban relations after the Caribbean crisis, the collapse of detente and lessons for the future] // Iberoamerikanskije tetradi [Iberoamerican notebooks]. 2022. T. X. № 1. S. 38–52. (In Russ.)
- Mikoyan S.A.* Anatomiya Karibskogo krizisa [Anatomy of the Caribbean crisis]. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Platoshkin N.N.* Che Gevara [Che Guevara]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Yazov D.T.* Karibskij krizis. 50 let spustya [The Caribbean crisis. 50 years later]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Blight G., Brenner Ph.* Sad and Luminous Days: Cuba's Struggle with the Superpowers after the Missile Crisis. Lanham, 2007.
- Boti León R.* El Plan de Desarrollo Económico de 1962 // Cuba Socialista. 1962. № 4. P. 19–32.
- Castro F.* Informe plan económico 1962 // Bell J., López D.L., Caram T. Documentos de la Revolución Cubana 1961. La Habana, 2008. P. 517–548.
- Cheng Y.* Sino-Cuban relations during the early years of the Castro regime, 1959–1966 // Journal of Cold War Studies. 2007. Vol. 9. № 3. P. 78–114.
- Documento de la constitución de la OLAS // 1966 Año de la organización y las luchas campesinas. Informe al Pleno Nacional del Partido Socialista. Santiago, 1966. P. 60–62.
- Friedman J.* Shadow Cold War: The Sino-Soviet Competition for the Third World. Chapel Hill, 2015.
- George A.L.* Awaiting Armageddon. How Americans Faced the Cuban Missile Crisis. Chapel Hill; London, 2003.
- Gleijeses P.* Conflicting Missions. Havana, Washington, and Africa, 1959–1976. Chapel Hill; London, 2002.
- Gompert H.* La República Democrática Alemana en el punto de viraje de su desarrollo // Cuba socialista. 1963. № 28. P. 94–108.
- Guevara E.* El diario del Che en Bolivia. La Habana, 2007.
- Guevara E.* Reuniones bimestrales. 5 de diciembre de 1964 // Che en la Revolución cubana. T. VI. Ministerio de industrias / compilador O. Borrego Díaz. La Habana, 2015. P. 409–440.
- Hillstrom L.C.* The Cuban Missile Crisis. Detroit, 2015.
- Kennedy R.F.* Thirteen days. A Memoir of then Cuban Missile Crisis. New York, 1969.
- Lechuga C.* In the Eye of the Storm: Castro, Khrushchev, Kennedy and the Missile Crisis. Melbourne, 1995.
- Man and Socialism in Cuba / ed. B. Silverman. New York, 1971.
- Pericás L.B.* Che Guevara y el debate económico en Cuba. La Habana, 2014.
- Rodríguez García J.L.* Estrategia del desarrollo económico en Cuba. La Habana, 2016.
- Svik P.* Civil Aviation and the Globalization of the Cold War. London, 2020.
- Tablada C.* Acerca del pensamiento económico de Ernesto Che Guevara. La Habana, 1987.
- The Cuban Missile Crisis. A Critical Reappraisal / eds R.L. Scott, G. Hughes. New York, 2015.
- White M.J.* The Cuban Missile Crisis. Hampshire; London, 1996.
- Yaffe H.* Che Guevara and the great debate, past and present // Science and Society. 2012. 76 (1). P. 11–40.
- Yaffe H.* Ernesto "Che" Guevara: Socialist Political Economy and Economic Management in Cuba: PhD Thesis, London, 2007.

DOI: 10.31857/S013038640025107-5

© 2023 г. А.В. Короленков

НОВЫЕ КНИГИ О ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

Рец. на книгу: А.Ю. Прокопьев. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА. СПб.: Наука, 2020. 388 с.

Короленков Антон Викторович — кандидат исторических наук, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).*E-mail: sallust@list.ru**Scopus Author ID: 57212917129; ORCID: 0000-0002-3628-2754; Researcher ID: AAZ-7526-2021*

A.V. Korolenkov

NEW BOOKS ON THE THIRTY YEARS' WAR

Rec. ad op.: A.Ju. Prokopjev. THE THIRTY YEAR'S WAR. Saint-Petersburg: Nauka, 2020. 388 s.

*Anton Korolenkov, State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia).**E-mail: sallust@list.ru**Scopus Author ID: 57212917129; ORCID: 0000-0002-3628-2754; Researcher ID: AAZ-7526-2021*

В 2020 г. увидела свет обобщающая монография заведующего кафедрой средних веков Санкт-Петербургского государственного университета доктора исторических наук, проф. А.Ю. Прокопьева, которая является расширенным и переработанным вариантом соответствующих разделов его книги «Германия в эпоху религиозного раскола»¹.

Автор сразу дает понять, что взгляд на Тридцатилетнюю войну как на общеевропейскую его, как и многих немецких историков, не устраивает, поскольку «далеко не все монархии [Европы] находились в состоянии войны, многие конфликты начались задолго до 1618 г. и продолжались вне прямой зависимости от Тридцатилетней войны» (с. 6). После 1648 г. все чаще о ней говорили как о «немецкой» или даже «лютеровской» войне, но со временем под влиянием античной и ренессансной риторики ее стали именовать Тридцатилетней, что призвано было отразить масштаб конфликта (с. 8–11).

Автор называет следующие причины войны. Продолжались религиозные распри, которые вовсе не остановил Аугсбургский мир 1555 г. Католики требовали вернуть церкви земли, утраченные ею в ходе «ползучей» Реформации уже после 1555 г. Династии германских государств рвали прежние связи, предпочитая теперь заключать браки по конфессиональному признаку и забывая о давнем

родстве из-за религиозной вражды. На «кризис согласия» накладывался паралич институтов Империи — из-за разногласий на почве религии утратили дееспособность имперский суд и рейхстаг. Этот вакуум восполнила «инициатива снизу», когда в 1608–1609 гг. в результате спора вокруг Донауэвэрта возникла Евангелическая уния и в ответ — Католическая лига, сторонники же мирного диалога оказались слабы. Таким образом, констатирует А.Ю. Прокопьев, войну породила «сама Империя со всеми своими особенностями», тогда как конфликты и кризисы в других уголках Европы на ее развязывание не повлияли. В то же время, отмечает автор, война не была неизбежной, острые ситуации (борьба за Кёльнское архиепископство в 1583 г., за наследство герцогства Юлих-Берг в 1614–1619 гг.) удавалось разрешать (с. 36–58). «Опасными должны были быть вспышки по близости, способные вызвать цепную реакцию. Так, очагом войны стала Богемия: страна, связанная ленными узами с Империей, но с самобытным религиозным и общественным укладом» (с. 58).

Суждения автора интересны, но отнюдь не бесспорны. Довольно странно звучит оценка восстания в Чехии как «вспышки по близости» — Чехия была частью Империи, так что речь может идти в крайнем случае о событии на окраине последней, но все же в пределах ее границ. Важно то, что повстанцы противопоставили себя императору, объявив о детроизации Фердинанда и пригласив на

¹ Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2008. С. 350–467.

чешский трон Фридриха Пфальцского. И хотя войны, как не без оснований пишет А.Ю. Прокопьев, никто не хотел, должной осторожности стороны не проявляли. А вот это уже нельзя считать случайным, и потому рано или поздно конфликт должен был разразиться. Кроме того, Чехия являлась частью Империи, но не Германии, и потому считать Тридцатилетнюю войну лишь «немецкой» и сосредотачивать внимание почти исключительно на внутригерманских событиях едва ли правомерно. Не убеждает и тезис о том, что не все монархии Европы участвовали в конфликте — во всяком случае, это делали почти все ее ведущие державы: Империя, Испания, Франция, Швеция, Дания, неучастие окраинных Англии и Польши удивления не вызывает. Борьба за Вальтелину, через которую испанские деньги поступали в Империю, имела прямое отношение к Тридцатилетней войне, но из-за того, что этот район не являлся частью ни Германии, ни Священной Римской империи, схватка за нее не упоминается. Но есть и более серьезное упущение — Голландия, которая до 1648 г. юридически являлась частью Священной Римской империи. И если уж А.Ю. Прокопьев подробно остановился на событиях в Чехии, то непонятно, почему он не сделал того же в отношении Голландии. При этом дается сравнительно подробное описание войны за Мантуанское наследство (с. 140–142), которую частью Тридцатилетней войны автор не считает². Ее значение в этом смысле сводится, по мнению автора, к оттягиванию части сил Империи из Германии, что усилило недовольство курфюрстов и германских сословий, но не упоминается о вызванной ею ссоре императора с папой и углублении раскола между католиками³.

Если говорить об описании боевых действий, то они, что вполне естественно, даны в тесной увязке с политической ситуацией. Перед нами предстают чередой походов, сражений, осад. Автор не просто излагает боевые операции, но и обращает внимание на особенности тактики тех или иных военачальников: склонность Тилли к фланговым атакам, Конде — к лобовым, Валленштейна, Галласа и Пикколомини — к неспешной осторожности. Правда, некоторые суждения А.Ю. Прокопьева вызывают вопросы. Так, он пишет, что Галлас и Пикколомини предпочитали «противопоставить сильному противнику сильную оборону и ждать резервов. Но как это сделать, когда следует приказ настичь и уничтожить? И особенно, когда нет резервов, а под рукой лишь горсть людей? И Галлас и Пикколомини вынуждены были играть несвойственную им роль» (с. 250). Однако здесь впору говорить не о «несвойственной» для обоих военачальников роли, а о нелепости приказов сверху, при отдаче которых не учитывалась их невыполнимость. Другой случай — характеристика

Конде, чье имя даже не попало в указатель. Автор охотно рассуждает о потерях его армии в битвах при Фрайбурге и Алерхайме (действительно тяжелых) и очень невысоко оценивает герцога Англенского как военачальника: «Как полководец он сложился лишь одной победой (sic. — А.К.) при Рокруа», Фрайбург и Алерхайм «были по сути повторением старого сценария» (с. 309). Между тем битва при Лансе повторением Рокруа не являлась, да и потери французов в ней оказались не столь тяжелыми, но А.Ю. Прокопьев, игнорирующий внегерманские фронты, о ней не упоминает, создавая у неосведомленного читателя превратное впечатление об одном из самых выдающихся французских полководцев XVII в.

Рассмотрению хода и результатов сражений препятствует то, что автор не приводит разных вариантов данных о численности войск, потерях сторон и анализа сведений о них⁴ (увы, это свойственно очень многим работам о Тридцатилетней войне), а иногда эти данные приводятся так, что сделать какие-либо выводы вообще невозможно. Так, при описании упомянутой битвы при Фрайбурге сообщается, что выбыла из строя почти треть армии Конде, тогда как «баварцы потеряли едва ли две тысячи». Только их уход позволил герцогу Англенскому «объявить себя победителем» (с. 255)⁵. Если французы действительно понесли столь тяжелый урон, то непонятно, почему баварцы не попытались добить их, а отступили. Вероятно, неверны сведения о потерях баварских войск (а возможно и французов). Данные о силах сторон накануне битвы также могли бы прояснить ситуацию, но автор их не приводит, да и вообще не задается вопросом о причинах отступления баварцев.

В то же время весьма интересны указания А.Ю. Прокопьева на изменения, произведенные событиями 1618–1648 гг. в военном деле, и особенности боевых операций. Тридцатилетняя война способствовала унификации вооружения и обмундирования, выросла роль полевой артиллерии, все меньше использовались доспехи. Отмечается важность флангового давления в ходе битв 1618–1648 гг. При этом представления о Густаве II Адольфе как о военном реформаторе, по мнению автора, требуют корректировки — многие перемены, приписываемые шведскому королю, происходили почти во всех европейских армиях (с. 300–309).

Немалое внимание уделяет автор влиянию войны на баланс власти в Империи. После разгрома восстания в Чехии в силу объективных обстоятельств

⁴ Вообще анализ источников в книге практически не представлен, что, видимо, объясняется ее жанром обобщающей монографии.

⁵ Впрочем, это еще «умеренная» оценка исхода битвы, которую до сих пор иногда считают поражением французов (см.: *Munkler H. Der Dreißigjährige Krieg: Europäische Katastrophe, deutsches Trauma 1618–1648*. Berlin, 2017. S. 776), явно исходя из заниженных данных о потерях баварцев, которым следует и А.Ю. Прокопьев.

² Впрочем, еще Р. Квацца высказывал иную точку зрения: *Quazza R. Il periodo Italiano della guerra dei trent'anni // Rivista Storica Italiana*. 1933. Vol. 50. P. 64–89.

³ См. *Веджсайд В. Тридцатилетняя война*. М., 2012. С. 271–272.

император Фердинанд II был вынужден опираться на Католическую лигу, хотя и не доверял ей. Но уже через несколько лет ему удалось подчинить ее, расширенные ассамблеи сословий и рейхстаг больше не собирались, император ограничивался встречами на курфюршеских коллегиях и сессиях надворного совета; впрочем, такая политика уже имела прецеденты в прошлом. Однако Эдикт о реституции вызвал сопротивление как протестантов⁶, так и католиков. Особые опасения у них вызывала армия Валленштейна, которая должна была гарантировать проведение эдикта в жизнь — результатом этого могло стать непомерное усиление власти императора, да и сам Валленштейн воспринимался как «высочка», чье стремительное возвышение нарушало традиционный баланс в рядах элиты. Версию о будто бы подготавливавшейся Валленштейном измене А.Ю. Прокопьев отвергает, считая, что тот «стал своего рода персональной мишенью все-сословного протеста». Раздражала не только его головокружительная карьера, но и самостоятельная позиция — он не желал помогать баварцам, считая более важной защиту Чехии, и объединять свои силы с испанскими, так как считал (и, заметим, не без оснований), что сближение с Испанией «сделает войну бесконечной, а саму Империю превратит в заложницу испанских интересов» (с. 180—181).

Пражский мир 1635 г., как отмечает А.Ю. Прокопьев, в целом воспроизводил условия Аугсбургского мира 1555 г., сохраняя и его главный изъян — кальвинисты в Империи по-прежнему оставались изгоями, что, очевидно, повлияло на дальнейший ход войны. Кроме того, амнистия для опальных дворян являлась выборочной, а многие из тех, кто получил прощение, правом на реституцию могли воспользоваться лишь после унизительной процедуры. Тем не менее согласие большинства элит было достигнуто. Но платой за это (здесь автор принимает мнение Г. Шмидта) стало усиление олигархического характера Империи, равновесие в которой обеспечивал теперь союз императора и курфюрстов, рейхстаг же по-прежнему оказывался отстранен от дел (впрочем, и о «тирании» императора говорить не приходилось). Кроме того, и это главное, вопрос о продолжении войны зависел от внешних сил, «которые так и не были допущены к переговорам. Момент был упущен, и война продолжалась» (с. 197—198). Однако не стоит преувеличивать — сами по себе переговоры еще ничего не решали: куда важнее готовность сторон к соглашению, но вопрос о том, имелась ли она у них, А.Ю. Прокопьев

не рассматривает. Даже после тяжелых поражений 1640-х годов Империи понадобилось три года, чтобы согласиться с условиями мира. А в 1635 г. уступчивости от нее ожидать не приходилось — как и от Швеции, которая рассчитывала на вступление в войну Франции.

Кризис «пражской системы», как отмечает А.Ю. Прокопьев, начался уже в 1638 г., а в 1640 г. в Регенсбурге впервые после 1613 г. был созван рейхстаг, вместе с ним произошло возвращение «к обычному механизму распределения власти: император со всей Империей, а не только со своей клиентелой. В 1640 г. закончился эксперимент длиной в четверть века. Империя вдруг ощутила желание жить» (с. 236). Последний тезис, однако, нуждается в конкретизации — неужели до того она выказывала желание умереть?

Своеобразно подходит автор к вопросу о тяготах войны. Он заявляет, что нет нужды вновь писать о хорошо известных бедствиях селян и горожан, и обращает внимание на то, как повлияла война на бытие высших классов. Герцоги Мекленбургские, например, «отсиживались в Любеке», герцог Вюртембергский «прозябал в Страсбурге», а «убогие торжества» при дворе саксонского курфюрста «фиксировали крушение принятого стандарта повседневноности» (с. 238—239).

Конгресс, предшествовавший заключению Вестфальского мира, А.Ю. Прокопьев не считает общеевропейским, поскольку на нем не присутствовали представители Англии, а сам мир должен был стать «прежде всего немецким миром» (с. 270) и, как следует из дальнейшего изложения, по мнению автора, стал. Первый тезис не выглядит убедительным, поскольку для признания конгресса общеевропейским не обязательно присутствие представителей *всех* ведущих держав, второй же отчасти верен, так как автор все-таки признает, что Вестфальский мир стал немецким лишь «прежде всего», но не полностью (думается, далеко не полностью), — была окончательно признана независимость Голландии и Швейцарии, приращения получили Франция и Швеция. Оценивая последствия Вестфальского мира, автор пишет: «Вестфальский мир не породил нового права. В отношении Империи он лишь откорректировал статьи 1555 г., выработал механизмы разрешения споров, но оставил их замкнутыми традициями и ценностями сословного общества. Лишь в очень большой перспективе его можно считать предтечей нового европейского порядка и тем более секулярных идей» (с. 327).

Война унесла 5 млн жизней, и восполнить эти потери удалось не ранее рубежа XVII—XVIII вв., а в иных местах и позже. Село, естественно, пострадало куда больше города. В экономике события 1618—1648 гг. не привели к резким переменам, лишь притормозив или усилив процессы, наметившиеся еще до ее начала. Война вынудила людей стать веротерпимыми, наконец-то были признаны права кальвинистов. Наряду с «реанимацией рейхста-

⁶ Против использования этого термина недавно были высказаны серьезные возражения (см.: *Давыдов И.П., Фадеев И.А.* Первоначальный смысл термина «протестантизм»: историко-философское исследование // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 5—25; ответные возражения см.: *Исаев С.А.* «Протестантизм»: значение термина в исторической науке и религиоведении // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 5—18).

га» начала восстанавливаться система имперской юстиции, накануне войны почти парализованная (с. 293–300). Главный же итог войны видится автору в том, что ее бедствия «наложили колоссальную печать (sic! — А.К.) на генетическую память последующих поколений немцев. Большие в Германии внутренних смут, подобных тридцатилетней, не повторялись» (с. 327).

Не обошел стороной А.Ю. Прокопьев и влияние войны на культуру Европы. К несчастью, в разделе, посвященном литературе, о ней самой говорится очень мало, основное внимание уделено литературным обществам и судьбам писателей. Более удачен раздел о живописи и гравюре, где отмечены особенности творений на батальные темы Маттеуса Мериана, Питера Снайерса, Жака Куртуа; А.Ю. Прокопьев склонен согласиться с теми учеными, которые видят в гравюрах Жака Калло не призыв к гуманизму, а «дидактику сильной власти» (с. 309–315). Однако следует иметь в виду, что восприятие зрителя (к тому же меняющееся со временем) может отличаться от авторского замысла — «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется».

И, наконец, память о Тридцатилетней войне. До сих пор в Германии она занимает первое место «среди главных трагедий немецкой истории, оставляя позади даже катастрофу двух мировых войн. ... Сегодня, говоря о прошлом своих семей, сельские и горожане часто обозначают рубеж, делят свою историю на “до” и “после” 1648 г.» (с. 320).

Таким образом, перед нами многоплановое полотно, воссоздающее картину одного из важнейших событий европейской истории. Учитывая позицию А.Ю. Прокопьева, правильнее было бы назвать монографию «Германия и Тридцатилетняя война». О недостатках такого подхода уже говорилось, однако профессионализм автора несомненен, и при крайней скудости отечественной историографии по данной теме выход в свет такой книги можно только приветствовать. Но в качестве постскриптума невозможно не сказать о таком немаловажном для восприятия работы аспекте, как ее язык. Вызывает вопросы передача иностранных имен — св. Вацлав превращается в св. Венцеля, швед Юхан Банер — в Иоганна (очевидно, сказался германоцентризм автора), канцлер Оксеншерн — в Оксенштирну⁷, а император Матиас, или Матвей (равно как и Маттеус Мериан) — в Матфея. Еще более смущают прегрешения против стиля: «исходному толчку оказались причастны и большие политики» (с. 18); «война ... обнажила трагичные “ножницы” между “политической” и “культурной” нацией» (с. 22); «если одной своей стороной споры замкнулись глобальными концептами, то другой — “провалилась” вниз и оказалась (sic. —

А.К.) на этажах антропологических опытов» (с. 23); «в начале нашего века споры о войне приобрели вид впечатляющих ножниц. Одним лезвием они достигли высот глобализации, другим низверглись до глубин размышлений отдельного современника» (с. 24); «потеря отчих гнезд неизбежно становилась трагичной отметиной» (с. 103); «удар, который в случае успеха, несомненно, венчал бы его воинский гений» (с. 225); «мысль вонзится острую занозу в тело Империи перевешивала сомнения» (с. 228); «имперские структуры познали сильную встряску» (с. 291); «поместья Валленштейна, ... забурлившие производством одежды, пороха и оружия» (с. 300). Подобные примеры, увы, можно умножить.

Но в целом книга состоялась. Будем надеяться, что в обозримом будущем появятся и другие отечественные монографии на тему мало известной российскому читателю Тридцатилетней войны.

Рец. на книгу: VOR 400 JAHREN. DER DREIßIGJÄHRIGE KRIEG / Hrsg. R. Rebitsch, L. Höbelt, E.A. Schmidl. Innsbruck: Innsbruck University Press, 2019. 243 s.

Rec. ad op.: VOR 400 JAHREN. DER DREIßIGJÄHRIGE KRIEG / Hrsg. R. Rebitsch, L. Höbelt, E.A. Schmidl. Innsbruck: Innsbruck University Press, 2019. 243 s.

Предлагаемый сборник представляет собой материалы международного симпозиума «400 лет назад. Тридцатилетняя война», состоявшегося в Вене 27–28 февраля 2018 г. В нем приняли участие ученые из Германии, Швеции, Польши, Чехии и Австрии.

Книга состоит из введения и 14 статей. Во введении (с. 7–14), написанном ответственными редакторами издания Робертом Ребичем, Лотаром Хёбелтом и Эрвином Шмидлем, дается краткий очерк истории войны, а также комментарии по поводу политической, дипломатической и конфессиональной ситуации в 1618 г. В частности, указывается, что решающую роль играли в политике Священной Римской империи и ее устройстве конфессиональные вопросы, так что можно говорить о «политическом конфессионализме». И в ходе самой войны больше ощущался конфессиональный, нежели религиозный аспект (тезис, традиционный для немецкой историографии). Противостояние между католиками и протестантами играло все меньшую роль: лютеране-саксонцы воевали на стороне католической Империи; католическая Франция поддерживала лютеран-шведов, а главным ее врагом являлась католическая Испания; Густав II Адольф выступал как защитник протестантов, в действительности сражаясь за господство Швеции на Балтике.

Георг Шмидт в своей статье (с. 15–26) отмечает, что главные протагонисты католицизма, Фердинанд II и Максимилиан, «боролись не за Германию без протестантов, но хотели уменьшить их число и значимость настолько, чтобы те утратили возможность налагать вето в [делах] Империи». Если же выйти за конфессиональные рамки, то «Фердинанд

⁷ Его фамилия действительно пишется Oxenstierna, но произносится иначе. Русский вариант «Оксеншерн» тоже не совсем точен, но куда ближе к оригиналу и к тому же прочно закрепился в отечественной традиции.

II желал править в Богемии, а позднее по возможности и в Священной Римской империи германской нации как монарх, т.е. ограничить участие в управлении имперских сословий» (с. 17). Далее автор переходит к проблеме восприятия войны с точки зрения воли Бога. Большое влияние в этом смысле оказала на современников гигантская комета, появившаяся в небе в ноябре 1618 г., ее изображение даже чеканили на монетах. Естественно, в ней увидели предвестие апокалипсиса. Происходит любопытная метаморфоза в толковании божественной воли. Многие католики в начале войны видели причину ее в недостаточной борьбе с еретиками, протестанты также считали, что воюют за Бога, но в 1630-х годах из уст проповедников и придворных духовников зазвучали иные речи — планы Бога неизвестны, и в помощи людей для их осуществления он не нуждается. Отсюда следовал вывод, что люди должны взять собственную судьбу в свои руки. Интересны суждения Шмидта о картине Жоржа де ла Тура «Иов и его жена». Иов должен преодолеть свою пассивность, даже и против воли Бога. Не хочет ли сказать художник, что Бог помогает лишь тем, кто помогает себе сам? Не имеется ли в виду, что ему угодно, когда крестьяне нападают на своих мучителей и убивают их? Если война оставила какое-то наследие, то оно состоит прежде всего в идее ответственности человека перед самим собой.

Роберт Ребич останавливается на типологии ведения войны в 1618—1648 гг. Обычно в крупных битвах участвовало от 15 до 35 тыс. человек с каждой стороны. По подсчетам Г. Лангера, произошло 33 больших сражения, т.е., казалось бы, не так много, учитывая длительность конфликта. Но в то время считалось, что лучше избегать сражений, вытесняя противника в районы, где трудно снабжаться. Несмотря на то, что произошло более 30 масштабных батальи, ни одна из них не стала решающей наподобие Ватерлоо или Садовой. Их реконструкция — дело непростое, на исход многих боев влияли случайные факторы. Кавалерия в них решающей роли не играла, зато немало новшеств произошло в построениях пехоты, ее формации стали меньше и мобильнее, нечто подобное имело место и в артиллерии, прежде всего в шведской, — ее калибры уменьшились, орудия стали подвижнее. Р. Ребич обращает внимание на такой вид войны, как осады, о которых применительно к 1618—1648 гг. пишут куда меньше, чем о битвах. Он останавливается на обороне Брюнна в 1645 г. от шведов, и неудача под его стенами стала крупнейшим фиаско в полководческой карьере Л. Торстенссона.

Другой важнейший аспект войны — «диктатура логистики», поэтому, как верно отмечает Д. Паррот, военачальники нередко оказывались скорее заложниками обстоятельств, нежели господами положения. В этом смысле исключение представлял Валленштейн, умело решавший вопросы снабжения армии. Показал он себя и мастером войны на изматывание, примером чего является «лагерь Валленштейна» (16-километровая укрепленная

линия во Франконии) в ходе противостояния Густаву II Адольфу в 1632 г. И хотя его тактика сработала лишь наполовину, шведский король лишился ореола непобедимости. Наконец, останавливается Р. Ребич и на таких двух взаимосвязанных формах боевых действий, как рейды («диверсии») и опустошение территории неприятеля.

В заключение автор пишет: «Военные теоретики охотно описывали шаблоны и идеальные представления, но практика показывает, что решающее влияние на ход войны оказывали человеческие поступки, таланты, навыки, способность к рассуждению, установки сознания, опыт» (с. 54).

Лотар Хёбельт предлагает свой ответ на вопрос, почему так долго продолжалась Тридцатилетняя война (с. 55—68). Заключению мира немало препятствовало то, что удовлетворение всех участников коалиции представляло собой непростую задачу. Но основное внимание автора сосредоточено на финансовой стороне: война стоила очень дорого (во многом из-за роста численности армий), и срабатывал принцип «кто платит, тот и заказывает музыку». Испанские и французские субсидии для Империи и Швеции соответственно покрывали лишь меньшую часть имперских и шведских расходов, хотя в определенные моменты они играли решающую роль. В 1640—1641 гг. сепаратный мир с императором был для шведов возможен, но под давлением французов им пришлось отказаться от него. Автор прибегает к парадоксальной формулировке: война продолжалась, потому что никто не мог ее себе позволить⁸. Смысл ее в том, что в случае прекращения войны пришлось бы в достаточно сжатые сроки выплачивать долги по жалованию наемникам — это и произошло после Вестфальского мира. Даже для достаточно платежеспособной Голландии роспуск наемников представлял собой немалые трудности. «Редко когда несоответствие финансовых ресурсов и требований военных было столь огромным, как во времена Тридцатилетней войны» (с. 68).

Анушка Тишер рассматривает обеспечение мира как проблему имперской политики в 1640—1650-х годах (с. 63—83). Она отмечает, что завершение войны в 1648 г. еще не означало установления прочного мира, процесс этот требовал времени. К тому же договоры в Мюнстере и Оснабрюке, предполагавшие мир для всех участников противостояния, принесли его (да и то не сразу) только Германии — Франция продолжала войну с Испанией, хотя важнейшая идея вестфальских соглашений состояла в прекращении войны всеми ее участниками. Угроза Вестфальскому миру исходила не только извне, но и изнутри, поскольку многие конфликты в самой Империи не были урегулированы. При взаимных гарантиях в случае общего мира, при котором никто

⁸ Хёбельт выносит эти слова как цитату из самого себя (*Höbelt L. Ferdinand III. Friedenskaiser wider Willen. Graz, 2008. S. 42*) в заглавие статьи, что представляется не вполне корректным.

не чувствовал бы себя побежденным, существовала возможность создания системы европейской безопасности (думается, в условиях XVII в. такое было невозможно в принципе). Однако этого не произошло, хотя Вестфальский мир и заключал в себе инструментальный для его гарантирования. Но что бы ни было, при активной политике имперских сословий он стал не просто соглашением, а именно миром. Этому способствовали вырванные ими у Леопольда I обещания перед избранием на императорский трон строго соблюдать Вестфальский мир и не втягивать Империю во внешние конфликты, а также создание надконфессиональной Рейнской лиги.

Франц Фельбербаур рассматривает военно-технические аспекты Тридцатилетней войны (с. 85–106). Он отмечает, что в начале ее пикинеры составляли более 50% войска, но чем дальше, тем больше их число уменьшалось, тогда как мушкетеров становилось все больше. Особых изменений в производстве и использовании холодного и древкового оружия в 1618–1648 гг. не произошло. Мало менялись и калибры ружей, но в целом прогресс в развитии стрелкового оружия был значительным, осуществлялся переход от тяжелых ружей к легким, фитильным, колесцовым и кремневым. Чем дальше, тем больше происходила унификация снаряжения, проводниками которой выступали командиры полков.

В артиллерии исчезли калибры более 24 фунтов, для полевых орудий обычно применялись ядра весом от 3 до 6 фунтов. Появились многоствольные орудия. Пушки стало удобнее заряжать. В то же время Густаву II Адольфу пришлось отказаться от внедрения так называемых «кожаных» орудий. Рассказ о развитии артиллерии ведется «на фоне» экспонатов замка Форхтенштайн, где сохранилось 11 лафетов Тридцатилетней войны (аналогов им нет, ибо все остальные лафеты той эпохи дошли до нас не целиком). В архиве замка сохранилось руководство по артиллерии князя Павла I с важнейшими данными об орудиях, от 0,5- до 96-фунтовых. Большую роль сыграло появление гранат — например, именно благодаря им удалось отбить штурм Брюна 15 августа 1645 г. В итоге возник особый род пехоты — гренадеры.

Изменения в военной технике повлияли на переход к регулярной армии — прежде всего во Франции, а затем и в Империи. Рескуп солдат в конце года и новый набор их «с нуля» в начале следующего становился все более невыгодным.

Михаэль Вайзе освещает вопрос об участии в Тридцатилетней войне кроатов (хорватов) (с. 107–115). Их начали нанимать в имперскую армию уже в 1619 г. Валленштейн прежде всего из них набирал свою легкую кавалерию. Бесчинства со стороны кроатов обычно объясняют тем, что им как солдатам нерегулярных частей не платили жалования, но это верно только для первого генералата Валленштейна. После битвы при Заблате, в которой участвовало 1500 кроатов, большая часть их, несмотря на успешный исход боя, дезертировала, а другие разграбили

южнобогемский городок Розенберг. «Прославились» они своими бесчинствами и в 1625 г. в Баварии и Саксонии, но зато в 1626 г. хорошо показали себя в битве при Дессау. В последующие годы от них жестоко пострадали Гессен-Кассель и Шампань. Недаром появилось слово «Croatesca», аналогичное по способу образования слову «Soldateska» (солдатня).

Детлев Плайс (с. 117–127) рассматривает вопрос о пребывании финских солдат на зимних квартирах в Германии в 1630–1650 гг. (той же теме посвящена диссертация автора). В шведской армии они составляли треть, что отражало соотношение численности обоих народов. Как показали новейшие исследования, в 1630–1648 гг. в Финляндии призвали скорее 30, а не 25 тыс. человек, как считалось раньше, и потери среди них составили не 90%, а 50–60%. Финны, как и лапландцы, нагоняли страх на немцев — власти Липшгтада оправдывали сдачу города без боя тем, что среди осаждающих находились финны и лапландцы. Финские солдаты проводили большую часть службы в Германии в домах местных жителей. В 1630–1650 гг. число ночевок финнов у немцев превысило 30 млн. Население обеспечивало солдат, помимо жилья, провиантом, одеждой, лошадьми, а то и оружием. Те в свою очередь должны были защищать его от нападений, зачастую от отрядов своей же стороны, а также сопровождать на вверенной им территории товары и путешественников. Финские отряды, стоявшие в Восточной Франконии, Вестфалии, Гарце, обходились дешевле и с ними было связано меньше проблем, чем с другими войсками в тех же краях.

Йенни Оман анализирует вопрос о военной добыче, захватывавшейся в ходе Тридцатилетней войны шведами (с. 129–139). Автор обращает внимание на трофеи особого рода — книги, которые в таком количестве, как шведы, не присваивал никто из остальных участников конфликта, — в одном только Вюрцбурге было захвачено 800 томов. Это объясняется как нехваткой книг даже в университетах Швеции, так и общей линией поведения шведской короны и дворянства, которое стремилось обустроить свой быт на европейском уровне. Дело, конечно, не ограничивалось книгами. В 1632 г. Густав II Адольф разграбил собрание произведений искусства в Мюнхене, нарушив договор, гарантировавший защиту собственности. Это, по мнению автора, явилось актом личной вражды короля с Максимилианом Баварским. Более спорно предположение автора, будто Густав II Адольф мог таким образом отомстить за передачу Максимилианом Палатинской библиотеки из Гейдельберга папе, — думается, король исходил из куда более практических соображений. Самую большую добычу шведы захватили в 1648 г. в Праге (скульптуры Адриана Вриса, полотна Джузеппе Арчимбольдо и др.). И хотя многое пропало в пути, немало предметов из пражской добычи (правда, их идентификация порой вызывает вопросы) и поныне хранится в музеях, замках, храмах, частных собраниях Швеции. Впрочем, не только

из нее — экспонатом Шведского исторического музея в Стокгольме является знаменитый реликварий Елизаветы, захваченный в Вюрцбурге, а в библиотеке собора в Стренгнесе до сих пор хранятся 368 книг из собраний Чехии и Моравии. Иногда встает вопрос о реституции, но дело кончается лишь обсуждениями. Впрочем, многие шведские музеи предоставляют трофейные предметы искусства музеям других стран для временного экспонирования.

Несколько статей посвящено позиции некоторых стран, не участвовавших в Тридцатилетней войне. Анна Землевская обращается к вопросу о роли Речи Посполитой в годы общеевропейского конфликта (с. 141–148). Сигизмунд III и его сын Владислав IV вынашивали планы возвращения себе шведской короны, на которую, как они считали, имели права, однако знать не хотела воевать за это. Сигизмунд рассчитывал на помощь Империи и в 1613 г. заключил договор с императором Маттисом о взаимопомощи в случае мятежа подданных. С началом восстания в Чехии в 1618 г. он потребовал от богемских и силезских сословий подчинения императору, угрожая интервенцией, но угрозой дело и ограничилось. В 1620-х годах Испания рассчитывала на возвращение Сигизмундом III шведского трона, что позволило бы рассчитывать на ее помощь в морской войне против Голландии, но престол Швеции остался за Густавом II Адольфом, и все ограничилось лишь планами. Затем последовал конфликт со Швецией, закончившийся Альтмаркским перемирием 1629 г. Сигизмунду не удалось вернуть шведский трон. Последовавшую затем Смоленскую войну порой считают частью Тридцатилетней, так как Россия являлась союзницей Швеции. Владислав IV пытался продолжать попытки вернуть шведскую корону с помощью Габсбургов. Однако нежелание знати воевать подтолкнуло его к сотрудничеству с Францией, которой было позволено набирать в Польшу солдат. Это в свою очередь вызвало ухудшение отношений с Империей.

В центре статьи Клаудии Райхль-Хам — вопрос о причинах неучастия Турции в Тридцатилетней войне (с. 149–164). В первой половине XVII в. Османскую империю поразил кризис власти, породивший политическую и экономическую нестабильность. Армия уже не соответствовала требованиям времени. Усиление политической роли наемных войск, прежде всего янычар, вело к напряженности не только на высшем, но и на локальном уровне. В 1620-х годах Турции пришлось вести войну с Польшей, Крым попытался ослабить свою зависимость от Порты, имел место кризис в Месопотамии. В 1623 г. началась война с Персией. Неудивительно, что в таких условиях Османская империя не вступила в Тридцатилетнюю войну. И это при том, что обстановка на границе с Габсбургами, несмотря на все мирные соглашения, напоминала малую войну. Турция, учитывая трудные обстоятельства, в которых она находилась, старалась избежать эксцессов. Трансильванские князья Бетлен Габор и Дьёрдь I Ра-

коши почти не пользовались ее поддержкой в ходе их борьбы с Габсбургами. Тем не менее успехи в войнах с Персией и Венецией показывают, что со смертью Сулеймана I в 1566 г. Османская империя еще не миновала пору расцвета.

Наконец, Ханс Рудольф Фурер останавливается на позиции Швейцарии в 1618–1648 гг. (с. 165–188). Гриммельсгаузен называл ее «земным раем» посреди бедствий войны. Накануне последней предугадать дальнейшие действия Швейцарии было трудно. С 1499 г. она обладала особым статусом. В первой половине XVI в. там стала брать верх Реформация, но начавшаяся позднее рекатолизация привела к размежеванию конфессий. Тем не менее ни католики, ни протестанты не поддались на просьбы о поддержке единоверцев извне. Швейцария представляла немалый интерес для воюющих сторон — это и возможность набирать там наемников, и экономические ресурсы, и альпийские перевалы. Ее нейтралитет оказался в интересах обеих сторон конфликта. Присоединение Швейцарии к одной из них или ее превентивный захват не казались возможными или обещавшими успех. В 1647 г. кантоны заключили договор в Виле — первое общеконфедеративное военное соглашение на случай нападения на их территорию.

Ян Килиан посвятил свою статью (с. 189–197) дневнику хрониста Михеля Штюлера, кожевника из Граупена (ныне Круппа в Чехии). Автор писал его не для публикации — в нем слишком много компрометирующих сведений о местных жителях. Как показывает Килиан, дневник Штюлера (оригинал его не сохранился) не только представляет собой интересный источник по локальной истории, но и отражает взгляды, опыт и переживания образованного горожанина эпохи Тридцатилетней войны.

Вальтер Калина рассматривает такую интересную тему, как «серия Пикколомини» — картины из Венского военно-исторического музея, прославляющие имперского фельдмаршала Оттавио Пикколомини (с. 199–222). Последний заказал нидерландскому художнику-баталисту Питеру Снайерсу 12 полотен на эту тему. Они украсили принадлежавший ему замок Наход в Чехии. Эти картины — не только произведения искусства, они обладают и определенной документальной ценностью, поскольку Пикколомини давал художнику подробные указания относительно расположения войск в изображаемых битвах. В картинах «серии Пикколомини» нашли отражения многочисленные детали военного быта — например, на полотне «Битва при Лютцене» мы видим и командующего, и солдата, перевязывающего ногу, и обозного мальчишку, ловящего собаку, и даже мать, кормящую грудью младенца. Детали отличаются точностью. Перед нами «настоящее социальное исследование» реалий Тридцатилетней войны. То же, думается, можно сказать и о других картинах серии. Снайерс не стремится строго следовать глорифицирующей тенденции, согласно которой полководцы, нередко изображавшиеся в позах античных героев, занима-

ли видное место на картинах.

Завершает сборник, составленный Р. Ребичем, обзор новых (преимущественно немецких) исследований по Тридцатилетней войне (с. 223–239). Это работы самого разного содержания — книга о предыстории войны Х. Духхардта; считающаяся эталонной объемистая история войны Х. Мюнклера; рассмотрение событий от битвы при Нёрдлингене до сражения при Янкове Л. Хёбеля; монография Ф. Майда «Тридцатилетняя война в немецкой барочной литературе»; анализ битвы при Лютцене П. Уилсона, и другие. В заключение автор дает библиографические рекомендации и для тех, кто хочет узнать о войне поподробнее, но из книг малого объема, и для тех, кому интересен более детальный подход на основе новейших исследований.

В заключение остается сказать, что сборник интересен многоплановым подходом. В нем, правда, нет анализа собственно батальных сюжетов, в которых еще много неясного, но выбор темы — право авторов. Думается, со своей задачей они справились, и интересующиеся историей Тридцатилетней войны с немалой пользой для себя ознакомятся со статьями сборника.

Библиография

Веджвуд В. Тридцатилетняя война. М., 2012.

Давыдов И.П., Фадеев И.А. Первоначальный смысл термина «протестантизм»: историко-философское исследование // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 5–25. DOI: 10.31857/S013038640006341-3

Исаев С.А. «Протестантизм»: значение термина в исторической науке и религиоведении // Новая и новейшая исто-

рия. 2021. № 2. С. 5–18. DOI: 10.31857/S013038640009040-2

Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2008.

Höbelt L. Ferdinand III. Friedenskaiser wider Willen. Graz, 2008.

Münkler H. Der Dreißigjährige Krieg: Europäische Katastrophe, deutsches Trauma 1618–1648. Berlin, 2017.

Quazza R. Il periodo Italiano della guerra dei trent'anni // Rivista Storica Italiana. 1933. Vol. 50. P. 64–89.

References

Davydov I.P., Fadeyev I.A. Pervonachal'nyi smysl termina "protestantizm": istoriko-filosofskoe issledovanie [Initial Sense of the Term "Protestantism": A Historical and Philosophical Study] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2019. № 5. S. 5–25. DOI: 10.31857/S013038640006341-3 (In Russ.)

Isaev S.A. "Protestantism" znachenie termina v istoricheskoi nauke i religiovedenii ["Protestantism" as a concept: Its meaning in historical and religious studies] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 2. S. 5–18. DOI: 10.31857/S013038640009040-2 (In Russ.)

Prokopjev A.Ju. Germany during the Religious Split. Sankt-Peterburg, 2008. (In Russ.)

Wedgwood C.V. Tridsatiletinnia voina [The Thirty Years' War]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Höbelt L. Ferdinand III. Friedenskaiser wider Willen. Graz, 2008.

Münkler H. Der Dreißigjährige Krieg: Europäische Katastrophe, deutsches Trauma 1618–1648. Berlin, 2017.

Quazza R. Il periodo Italiano della guerra dei trent'anni // Rivista Storica Italiana. 1933. Vol. 50. P. 64–89.

DOI: 10.31857/S013038640023158-1

© 2023 г. Д.В. Родин

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В «БАЛКАНСКОМ ЛАБИРИНТЕ» НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рец. на книгу: О.И. Агансон. В ПОИСКАХ РАВНОВЕСИЯ. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И «БАЛКАНСКИЙ ЛАБИРИНТ», 1903–1914 гг. СПб.: Алетейя, 2022. 362 с.

Родин Денис Валерьевич — научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: enigma9307@mail.ru

Scopus Author ID: 57951433900; Researcher ID: 10283531

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-59-18007.

D.V. Rodin

GREAT BRITAIN IN THE “BALKAN LABYRINTH” ON THE EVE OF THE GREAT WAR

Rec. ad op.: O.I. Aganson. IN SEARCH OF EQUILIBRIUM: GREAT BRITAIN AND THE “BALKAN LABYRINTH”, 1903–1914. Saint-Petersburg: Aletheia Publishing House, 2022. 362 p.

Denis Rodin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: enigma9307@mail.ru

Scopus Author ID: 57951433900; Researcher ID: 10283531

The reported study was funded by RFBR and National Science Foundation of Bulgaria (NSFB), project № 20-59-18007.

История Балкан неразрывно связана с многочисленными конфликтами самого разного уровня, от локального до мирового, отчего в умах обывателей они тесно связаны с известным метафорическим определением: «Пороховой погреб Европы». Подобные историографические «клише» неплохо схватывают некий ключевой паттерн в отношении тех или иных фактов, событий и процессов, однако не могут передать всей сложности и многомерности явления. Действительно, Юго-Восточная Европа знала как периоды войн, так и периоды мира; зачастую что одни, что другие являлись следствием не эндогенных, а экзогенных факторов: оказавшись на пересечении путей с Запада на Восток, Балканский полуостров значительную часть своей истории находился в составе или испытывал влияние великих держав и империй, стремившихся достичь выгодной для себя геополитической позиции в регионе с крайне пестрой этнической структурой¹. В этом отношении Балканы, по словам одного специалиста Белградского университета, являются «символической репрезентацией нашего мира»².

Подобная роль Балкан объясняет неизменный интерес исследователей к региону и политике как локальных акторов, так и великих держав, боровшихся за контроль над «мостом между Западом и Востоком». По случаю столетнего юбилея Великой войны в последние годы особой популярностью пользуются сюжеты, связанные с рубежом XIX–XX вв. и истоками Первой мировой войны, из которой «вышла уже другая Европа, по всем основным параметрам существенно отличавшаяся от своего аналога образца 1914 г.»³. При этом основное внимание отечественные историки уделяют политике самих балканских стран и Османской империи⁴,

России⁵, Австро-Венгрии⁶. В то же время политика иных великих держав на Балканах оказывается как бы в тени австро-русского соперничества за регион.

Тем большее значение имеет изданная в мае 2022 г. монография Ольги Игоревны Агансон, посвященная весьма неординарной проблеме — выработке и реализации британского внешнеполитического курса на Балканском полуострове накануне Первой мировой войны. Автор поставила перед собой смелую исследовательскую задачу: определить отношение Лондона к сложному клубку балканских противоречий и выявить «базовые установки английской политики на Балканах в условиях дестабилизации в регионе и перегруппировки сил в мире» (с. 11). Взяв за основу богатейший состав источников, в том числе британские и отечественные архивные материалы, опубликованные дипломатические документы из Великобритании, России, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Османской империи, Болгарии и Сербии, парламентские дебаты, а также самые разнообразные источники личного происхождения и публицистические сочинения, автор предложила интересную схему рассмотрения целого ряда проблем, связанных с международными процессами на юго-востоке Европы в первые годы XX в.

Основой этой схемы является представление Юго-Восточной Европы в виде лабиринта, выход из которого искала британская дипломатия на протяжении всего предвоенного десятилетия. Под «выходом» в данном случае следует понимать позицию «лидерства» в многополярном мире, означавшего

¹ См., например: Родин Д.В. «Балканское Локарно» во внешней политике Великобритании в 1925–1926 годы // Новая и новейшая история. 2020. № 6. С. 106–120.

² Косик В.И. Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX — начало XXI вв.). М., 2014. С. 5.

³ Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. М., 2014. С. 696.

⁴ Искендеров П.А. Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013; История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.). М., 2017.

⁵ Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010; Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М., 2010; Каширин В.Б. Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014; Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос. Идеинная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017; Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020.

⁶ Пахомова Л.Ю. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М., 2021.

«способность влиять на международные процессы в нужном для себя ключе без принятия излишних обязательств и вовлеченности в конфликты» (с. 14). «Балканский лабиринт», в свою очередь, олицетворял собой «мучительные поиски равновесия, к которому так стремились великие державы, а балканский контекст создавал причудливые коридоры, придававшие их движению неожиданные изгибы» (с. 20). Подобные метафоры создают образ деятелей Форин офис, пытающихся в сложных условиях конфликтного взаимодействия между различными участниками международных процессов на Балканском полуострове выстроить выгодный для себя баланс сил, позволяющий без лишних «затрат» обеспечить интересы Лондона в Восточном Средиземноморье, в первую очередь поддержку имперских коммуникаций и недопущение крупной войны, способной поставить под угрозу само существование Британской империи.

Однако представленная схема требует уточнения: система международных отношений не является статичной и подвержена постоянным изменениям, причем периферия любой системы (в том числе международной) менее стабильна, чем ее центр⁷. Это определяет большую подвижность и изменчивость политической карты периферии и баланса действующих в ней сил. Соответственно, британская дипломатия была вынуждена действовать в постоянно меняющемся лабиринте, чьи контуры и коридоры находились в состоянии перманентной трансформации в связи с действиями как локальных акторов, так и великих держав, стремящихся к реализации своих стратегических целей.

Как достоинство работы стоит отметить то, что представленный автором «балканский лабиринт» на проверку оказывается многоуровневым. На первом уровне представлены отношения Лондона с Османской империей, балканскими странами (прежде всего с Сербией и Болгарией) и движениями, игравшими важную роль в переформатировании политического пространства на Балканах в начале XX в. (например, Внутренняя македонско-одринская революционная организация — ВМОРО). На втором уровне Балканы рассматриваются как отдельная подсистема международных отношений, за влияние в которой боролись политические империи — Австро-Венгерская и Российская. Следовательно, решение основных проблем и поддержание региональной стабильности в условиях «перехода саморазрушающих факторов (национализма и экспансионизма) из латентного состояния в активное» (с. 25) было невозможно без взаимодействия Великобритании с каждой из названных держав. Наконец, на третьем уровне автор сочленяет балканскую проблематику с общими проблемами кризиса Венской системы международных отношений, рассматривая действия англичан на юго-востоке Европы в тесной

связи с противостоянием двух военно-политических блоков: Антанты и Тройственного союза.

Избранные автором хронологические рамки с 1903 по 1914 г. представляются полностью оправданными. Они позволяют проследить роль Великобритании в регионе с момента, когда решение балканских проблем в политике Туманного Альбиона оказалось неразрывно связано с «большой стратегией», направленной на сдерживание роста германского могущества в Европе и мире, и до начала Великой войны, обусловленного попыткой Берлина и Вены разрубить gordiev узел балканских противоречий с выгодой для себя. Равным образом логичным представляется и разделение рассматриваемого периода на три этапа.

На протяжении 1903—1908 гг. британская дипломатия на Балканах действовала в условиях нарастающего кризиса региональной стабильности, опиравшейся на австро-русское соглашение 1897 г., которое, по словам российского министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского, было призвано «поставить Балканы под стеклянный колпак»⁸. Постепенное ослабление Османской империи и рост национально-освободительного движения в регионе ярко проявились во время Илинденского восстания 1903 г. и подтолкнули Форин офис к поиску новых инструментов поддержания британского влияния на юго-востоке Европы. Следствием этого, по мнению автора, стал определенный «элемент импровизации» в балканской политике Великобритании (с. 95) — использование «мягкой мощи» при выстраивании отношений с балканскими национально-освободительными движениями: активная деятельность британских корреспондентов и радикальных общественных деятелей в Македонии позволяла наладить контакт с ВМОРО и поднять престиж Англии среди комиталджей и в стоявшей за ними Болгарии, которая рассматривалась в качестве «ключевого фактора развития политической ситуации на Балканах» (с. 120—121).

Война с Японией и революция 1905—1907 гг. привели к временному ослаблению русских позиций на Балканах, что грозило смещением регионального баланса в пользу Австро-Венгрии, являвшейся союзником Германской империи — основного геополитического противника Англии. В этих обстоятельствах британские дипломаты выступили с радикальными требованиями коренных преобразований в Македонии — основном эпицентре повстанческой деятельности в регионе. Объяснение данной тактики, предложенное О.И. Агансон, четко выявляет основные детерминанты балканской политики Форин офис: реализация подобных реформ неизбежно столкнула бы интересы великих держав и вынудила бы их обратиться к Великобритании как арбитру, что не только позволило бы ей «зафиксировать свои ведущие позиции в “европейском концерте”», но и продемонстрировать народам полуострова готовность

⁷ Birgersson S.M. After the Breakup of a Multi-Ethnic Empire: Russia, Successor States, and Eurasian Security. Westport (Connect.); London, 2002. P. 23.

⁸ Дипломатическая подготовка балканской войны 1912 г. // Красный архив. 1925. № 1 (8). С. 3.

Лондона к принятию ответственности за их судьбу и выполнение обязательств, связанных с Берлинским трактатом 1878 г. (с. 148). Обратной стороной данной политики являлась дальнейшая дестабилизация на полуострове, которую в Форин офис надеялись использовать в качестве «инструмента поддержания баланса сил на Ближнем Востоке в целом», а также ухудшение англо-турецких отношений вследствие демонстративного отказа Лондона от курса на сохранение целостности Османской империи (с. 166–167).

На следующем этапе 1908–1911 гг. британские дипломаты столкнулись с последствиями младотурецкой революции. С одной стороны, приход к власти в Турции либерального правительства был благожелательно воспринят в Лондоне, где у власти с 1905 г. находилась Либеральная партия. В связи с этим британская дипломатия временно отказалась от требований углубления реформ в Македонии и вернулась к поддержке Турции как «одного из оплотов своей политики на Ближнем Востоке» (с. 176).

С другой стороны, как верно подмечает автор, после подписания англо-русского соглашения 1907 г. Форин офис должен был считаться с балканскими и ближневосточными интересами Петербурга, и в новых условиях роль Турции в стратегических планах Лондона «переставала быть определяющей» (с. 179). Как следствие, по мере укрепления в Османской империи германского влияния, проводником которого, в частности, являлась партия «Единение и прогресс», Лондон склонялся к возвращению к тактике «интернационализации вопроса о статусе европейских вилайетов», что в свою очередь закрепляло в сознании турецкой элиты стереотип о «коварном Альбионе», договорившемся с вечным противником Порты — Россией, и подталкивало правительство Турции к дальнейшему расширению сотрудничества с Германией (с. 219).

Другим итогом младотурецкой революции стал Боснийский кризис 1908–1909 гг., в результате которого Австро-Венгрия, по словам Г. Киссинджера, «нарушила зыбкое равновесие ненависти», существовавшее между нею и Сербией (а косвенно и Россией)⁹. В кризисе отчетливо проявилось «пересечение европейской и балканской осей конфликта» (с. 198). Рассматривая роль британской дипломатии в решении трех основных вопросов, связанных с боснийскими событиями, — аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, провозглашении независимости Болгарии и пересмотра статуса Черноморских проливов — автор наглядно демонстрирует, как стоявшие перед британской дипломатией глобальные задачи поддержки союзника по Антанте сталкивались с региональной задачей поддержания стабильности и мира на Балканском полуострове. Если в болгарском вопросе англо-русское сотрудничество приобретало «черты блокового взаимодействия», то в вопросе о проливах, затрагивающем интересы Порты, где у власти находилось англофильское правительство, «англо-русская Антанта продемон-

стрировала свой неформальный характер и отсутствие у партнеров четких обязательств по отношению друг к другу» (с. 189). Одновременно проявленные Лондоном «сочувствие и моральная поддержка» по отношению к Белграду (с. 194), объясняемые признанием за балканскими государствами субъектности в международных отношениях, привели к ухудшению англо-австрийских отношений и еще большему сближению между Веной и Берлином (с. 196–199).

В последние предвоенные годы (1912–1914) британская дипломатия видела главными задачами локализацию Балканских войн и недопущение их перерастания в полномасштабный европейский конфликт, а вслед за этим — поддержание нового статус-кво на юго-востоке Европы в тот момент, когда в Берлине «постепенно утверждались в мысли о невозможности невоенными методами достичь преимуществ в сложившейся системе»¹⁰. Большое значение имеет отмеченная О.И. Агансон связь между попытками Англии выступать «медиатором» в урегулировании противоречий между балканскими государствами и проводимым в это время Форин офис курсом на политику «разрядки» с Германией (с. 265). Пребывая в убеждении, что после Балканских войн малые страны смогут самостоятельно поддерживать стабильность на юго-востоке Европы (с. 292–293), а также демонстрируя Берлину готовность отказаться от безоговорочной поддержки интересов России в том регионе, Лондон надеялся на взаимное сдерживание австрийских устремлений и снижение риска большой войны.

Однако на Вильгельмштрассе действия англичан были истолкованы иначе: посылаемые из-за Ла-Манша сигналы были восприняты как подтверждение нейтралитета Великобритании в потенциальном конфликте на континенте (с. 323–324). Само же столкновение становилось неизбежным, поскольку по мере обретения Балканским регионом определенной самостоятельности в рамках Венской системы международных отношений под угрозой оказывалось положение Австро-Венгрии, чье геополитическое пространство являлось базой для осуществления германской *Weltpolitik* (с. 327). Как следствие, опасение перед ослаблением союзника в сочетании с демонстративным дистанцированием Англии от австро-сербского конфликта стало одной из причин проведения Берлином и Веной крайне жесткой линии во время июльского кризиса 1914 г., что привело к началу Великой войны.

Разумеется, сосредоточение исследователя на конкретных проблемах приводит к тому, что отдельные сюжеты оказываются освещены сильнее, а иные — слабее. К числу последних можно, например, отнести взаимодействие Англии с Италией, которая, как отмечал Ю.А. Писарев, в ходе войны с Турцией 1911–1912 гг. приступила «к более актив-

⁹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 172.

¹⁰ Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг. М., 2008. С. 301.

ной балканской политике»¹¹, что означало вхождение итальянцев в число ключевых игроков на Балканах. Однако путник, ищущий выход из лабиринта, не ставит своей целью заглянуть за каждый угол и изучить каждый из тупиков — его целью является эффективный поиск самого быстрого и короткого пути к намеченной цели. С этой задачей автор справляется блестяще: перед взором читателя предстает цельное произведение, не только раскрывающее ключевые положения балканской стратегии Великобритании в начале XX в., но наглядно демонстрирующее пестроту, сложность и многоуровневость международных отношений на юго-востоке Европы накануне Первой мировой войны.

Ознакомление с трудом Ольги Игоревны Агансон представляется крайне полезным и даже насущным в современных условиях. С одной стороны, он позволяет читателям приблизиться к пониманию внешнеполитической логики Туманного Альбиона. С другой — он является своеобразным предупреждением о последствиях приверженности внешнеполитическому курсу, опирающемуся на неверное восприятие обстановки и поведения остальных участников системы международных отношений. Неоднократно упоминаемая в работе «ловушка Фукидида» является прекрасным примером того, как соперничество великих держав, в равной степени опасавшихся мощи друг друга, способно поставить мир на грань войны и в ряде случаев привести к переходу этой тонкой грани.

Библиография

- Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683—1914. М., 2010.
- Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912—1913 гг. М., 2020.
- Дипломатическая подготовка балканской войны 1912 г. // Красный архив. 1925. № 1 (8). С. 3—48.
- Искендеров П.А. Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013.
- История Балкан. На переломе эпох (1878—1914 гг.). М., 2017.
- Каширин В.Б. Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
- Косик В.И. Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середины XIX — начало XXI вв.). М., 2014.
- Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос. Идеальная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017.
- Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908—1914). М., 2010.
- Пахомова Л.Ю. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878—1908). М., 2021.
- Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. М., 2014.
- Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.
- Родин Д.В. «Балканское Локарно» во внешней политике Великобритании в 1925—1926 годы // Новая и новейшая история. 2020. № 6. С. 106—120.
- Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898—1914 гг. М., 2008.
- Birgerson S.M. After the Breakup of a Multi-Ethnic Empire: Russia, Successor States, and Eurasian Security. Westport (Connect.); London, 2002.
- ### References
- Diplomaticeskaya podgotovka balkanskoy vojny 1912 g. [Diplomatic preparations for the Balkan War of 1912] // Krasnyy arkhiv [Red archive]. 1925. № 1 (8). S. 3—48. (In Russ.)
- Gusev N.S. Bolgariya, Serbiya i russkoe obshchestvo vo vremya Balkanskih voyn 1912—1913 gg. [Bulgaria, Serbia and Russian society during the Balkan Wars of 1912—1913]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Iskenderov P.A. Serbiya, Chernogoriya i Albanskiy vopros v nachale XX veka [Serbia, Montenegro and the Albanian question at the beginning of the 20th century]. Sankt-Peterburg, 2013. (In Russ.)
- Istoriya Balkan. Na perelome epoch (1878—1914 gg.) [The history of the Balkans. At the turning point of the epochs (1878—1914)]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Kashirin V.B. Dozornye na Balkanah: Russkaya voennaya razvedka v stranah Balkanskogo poluostrova nakanune i v gody Pervoy mirovoy vojny [Sentinels in the Balkans: Russian military intelligence in the countries of the Balkan Peninsula on the eve and during the First World War]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Kissinger H. Diplomatiya [Diplomacy]. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Kosik V.I. Balkany: “Porvalas’ tsep’ velikaya...” (seredina XIX — nachalo XXI vv.) [The Balkans: “The great chain has broken...” (mid-19th — early 21st centuries)]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Kostrikova E.G. Geopoliticheskie interesy Rossii i slavyanskiy vopros. Ideynaya bor’ba v rossiiskom obshchestve v nachale XX veka [Russia’s geopolitical interests and the Slavic question. Ideological struggle in Russian society at the beginning of the 20th century]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Luneva Yu.V. Bosfor i Dardanelly. Tajnye provokatsii nakanune Pervoy mirovoy vojny (1908—1914) [The Bosphorus and the Dardanelles. Secret provocations prior to the brink of the First World War (1908—1914)]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Paхомова Л.Ю. Balkanskiy lakmus. Avstro-vengerskaya politika v Bosnii i Gercegovine i rossiyskaya diplomatiya (1878—1908) [Balkan litmus. Austro-Hungarian politics in Bosnia and Herzegovina and Russian diplomacy (1878—1908)]. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Pervaya mirovaya vojna i sud’by evropejskoj civilizatsii [The First World War and the fate of European civilization]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Pisarev Yu.A. Velikie derzhavy i Balkany nakanune pervoy mirovoy vojny [The great powers and the Balkans on the brink of the First World War]. Moskva, 1985. (In Russ.)
- Rodin D.V. “Balkanskoe Lokarno” vo vneshnei politike Velikobritanii v 1925—1926 gody [The “Balkan Locarno” in the UK Foreign Policy in 1925—1926] // Novaya i Novejschaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2020. № 6. S. 106—120. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013038640012695-2
- Romanova E.V. Put’ k vojne: razvitie anglo-germanskogo konflikta, 1898—1914 gg. [The path to war: the development of the Anglo-German conflict, 1898—1914]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Vinogradov V.N. Dvuglavyy rossiyskiy orol na Balkanah. 1683—1914 [Double-headed Russian eagle in the Balkans. 1683—1914]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Birgerson S.M. After the Breakup of a Multi-Ethnic Empire: Russia, Successor States, and Eurasian Security. Westport (Connect.); London, 2002.

¹¹ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 36.

DOI: 10.31857/S013038640025108-6

© 2023 г. О.А. Туминская

МУЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ. ИСТОКИ

Рец. на книгу: В.Г. Ананьев. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ КАК ЦЕНТР МУЗЕЕВЕДЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПЕТРОГРАДА – ЛЕНИНГРАДА КОНЦА 1910-х–1920-х гг. СПб.: Нестор-История, 2021. 408 с.

Туминская Ольга Анатольевна — доктор искусствоведения, заведующая сектором эстетического воспитания Государственного Русского музея (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: olgmorgun@yandex.ru

Scopus Author ID: 57207856839; ORCID: 0000-0003-0160-8299; Researcher ID: P-5399-2016

О.А. Tuminskaya

MUSEOLOGICAL THOUGHT: THE ORIGINS

Rec. ad op.: V.G. Ananyev. INSTITUTE OF ART HISTORY AS A CENTER OF MUSEOLOGICAL THOUGHT OF PETROGRAD – LENINGRAD OF THE LATE 1910s–1920s. Saint-Petersburg: Nestor-History, 2021. 408 p.

Olga Tuminskaya, The State Russian Museum (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: olgmorgun@yandex.ru

Scopus Author ID: 57207856839; ORCID: 0000-0003-0160-8299; Researcher ID: P-5399-2016

В 2021 г. в свет вышла книга доцента кафедры музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета доктора культурологии В.Г. Ананьева, где впервые в поле зрения специалистов гуманитарной науки оказались вопросы, связанные с неординарной практикой познания и трансляции музееведческих знаний, представленные Институтом истории искусств (Зубовский институт) в бурную эпоху предреволюционных событий и первых лет формирования культурной политики нового государственного строя.

В 2022 г. исполнилось 100 лет Российскому институту истории искусств, который был первым в России образовательным учреждением, созданным по образу и подобию Академии изящных искусств во Флоренции. Начало институту положил потомок екатерининского вельможи граф Валентин Платонович Зубов (1884–1969), который в своем петербургском особняке на свои средства основал Институт истории искусств, сохранивший статус одного из ведущих мировых центров изучения истории и теории искусств до сих пор. 2 марта 1912 г. было получено официальное разрешение от петербургского градоначальника на открытие библиотеки и курсов при ней под названием Института истории искусств. В 1916 г. институт был объявлен специальным высшим учебным заведением с трехлетним сроком обучения. А его директором стал В.П. Зубов.

При изучении институциональной и культурной истории Зубовского института четко определя-

ются два пути эпистемологии: музейное источниковедение и социологический метод.

Вклад сотрудников института и приглашенных к сотрудничеству специалистов в развитие научной и общественной жизни России 1910–1920-х годов весомый. Указанное время охватывает перелом социально-исторической системы, в результате которого наука обрела градации дореволюционной и послереволюционной эпох, что и поставило ее развитие в усложненные условия, добавив к непосредственному изучению музейных модулов еще и широкую просветительскую направленность. Следует указать, что музейная секция Института истории искусств смело шла на эксперименты, привлекая сотрудников к реализации задуманных проектов, рождавшихся в спорах, поддерживала связи с разными городами имперской и советской России. В дебатах зародились и конкретные мысли, приведшие к фундаментальным делам: создание и функционирование комиссии по музейному делу и охране памятников археологии, художественной старины и изобразительного искусства. Вопросы, обсуждавшиеся на комиссиях в конце 1910-х годов, были делегированы в новое время и стали предметом научной дискуссии с акцентом на охрану памятников от всяческих разрушений: временных, природных, исторических и, примета времени — социально-общественных, связанных с проведением политики секуляризации или уничтожения церковных материальных ценностей.

Основной мотив публикационной и, что особенно важно в исследовании В.Г. Ананьева, протоколно-документальной части архивного наследия Института истории искусств — формирование платформы научного музееведения в разных сферах его воплощения — соотнесения «инструкции» и ее толкования. В книге представлена реконструкция важнейшего пласта формирования эпистемологических суждений — нематериального, вербального, дискуссионного момента «исторической памяти», того объема прений, рассуждений, высказывания разделительных или консенсуальных позиций, которые и формируют основную феноменологию гуманитарных исследований. Никогда прежде в исследованиях теоретико-искусствоведческого направления не была заявлена эта методологическая проблема так ясно, четко, взвешенно и продуманно. Изучая содержательный потенциал книги об Институте истории искусств, важно провести параллели с формообразующими событиями тех лет, чтобы понять, насколько важен тезис автора о социологическом методе как инструменте познания архивного документа в дескрипторах «документ исторической памяти» и «документ научно-информационного дискурса»¹.

Различные (иногда соперничающие) художественные объединения 1910-х годов издавали свои журналы. Активно печатали критические статьи с просветительской целью А. Белый, А.Н. Бенуа, А.А. Блок, М.А. Волошин, Вяч. Иванов, М. Горький, И.Э. Грабарь, В.В. Кандинский, В.С. Малевич и др. Наблюдается активное участие России в зарубежных выставках. Проведен Всероссийский съезд художников (декабрь 1911 — январь 1912 г.). Открывал его Д.В. Айналов — один из основоположников изучения археологии и искусства в России, определивший две основные тенденции культурной и художественной жизни 1910-х годов: «историзм и современность» (возросшее внимание к изучению своего исторического наследия и перевод известного содержания в искусство в новые формы современности, эксперименты изобразительного языка).

Обсуждение дальнейшей судьбы художественно-культурного наследия отечественного искусства ставило «вечные вопросы». Дискуссия вокруг них довольно активна. Анализ публичных заседаний о тактике музейного дела на основе обнародования документов (стенограммы, циркуляры, приказы, объяснительные и др.) становится доказательством формирования «духа времени», вводится в практику формирования «тезауруса» музейных тем, связанных с изобразительным искусством.

Книгу открывает глава «Проект “Министерства искусства” и работа подкомиссии по охране памятников и музейному делу (1917 г.)», в которой отражены аспекты становления научного языка и

теоретических подходов к изучению музееведческих практик в системе советской гуманитарной науки, дано описание институциональной истории государственного руководства музеями в указанный период.

Немаловажно: автор обращает внимание на расширенные полномочия лиц, которыми ставились вопросы сугубо музееведческого ведения. Основной род деятельности служащих непосредственно с музеем не связан, но, являясь знатоками своего дела и равнодушными членами общественных союзов по сохранению культурно-исторического наследия страны в условиях перехода от одной формации к другой, эти деятели манифестировали основные темы музееведческой науки. Корпус документов такого рода (отчеты заседаний, резолюции, постановления, доклады, статьи, письма и др.) может быть отнесен к материальному пластику изучения нематериального. Социология, эмпирика становятся доказательными в случае анализа фиксации протокольных документов. Социологический метод сыграл ключевую роль в эпистемологии искусствознания начала XX в. Возникающая идея обговаривается, предъявляется на обсуждение и спустя некоторое время формируется как основное руководство к действию. Высказанная мысль может трансформироваться в систематическую линию работы страны, а может сойти на нет, перевоплотиться в схожую формулировку. В любом случае обращение внимания автора книги на роль и значение вербального способа формирования категорий искусствovedческого знания верно и своевременно. Сопоставив способ фиксации устных высказываний представителей гуманитарной науки начала XX в. с сегодняшним днем, понимаем разницу и сходство приемов оповещения аудитории. Протоколы заседаний и стенограммы конференций (съездов, совещаний) аналогичны современным аудио-, видео-, компьютерным формам трансляции основных идей. Обмен мнениями наших предшественников сохранился в письменной форме на бумажных носителях. Сегодня аудиозаписи мобильных устройств, чаты, видеоконференции становятся доказательством формирования коллективного мнения, идейной платформы социума. А именно коллективный вывод является условием создания программы действий для любых важных решений. Коллективное мнение специалистов кладется в основу законодательных актов, должностных инструкций и составляет главную идею рабочей атмосферы научной организации. Но проблема коллективного мнения довольно дискуссионна. Если коллектив немногочисленный, идея только озвучивается, может остаться на уровне «эскиза», «черновика», не умаяя своего значения для развития художественно-эстетических знаний общества. Интересен и показателен путь развития высказанной впервые идеи. Именно этот эмоционально-рефлексивный, индивидуально-творческий контекст представлен в монографии В.Г. Ананьева. Фиксация «чувственной памяти» — редкий, но необходимый способ сохранения ареала эпохи.

¹ Андреева И.В. Документ как культурная форма и эпистемология музейности // Вестник культуры и искусств. 2020. № 2 (62). С. 66.

Следующая глава «Музейное дело и охрана памятников в работах Института первой половины 1920-х гг.» описывает опыт реконструкции публичных дискуссий второго десятилетия XX в. о положении и перспективах развития музееведения в новых условиях жизни Страны Советов. Это частный случай полемики сотрудников Института истории искусств о музейных возможностях в деле сохранения и пропаганды художественно-исторических знаний в публичном пространстве.

Обсуждение вопросов культуры не могло состояться без участия таких видных музейных работников, как О.Ф. Вальдгауер, И.Э. Грабарь, П.И. Нерадовский, Н.П. Сычев, Д.А. Шмидт, которые являлись сотрудниками института и яркими лекторами, ратовавшими за обучение публики в эстетическом и художественном концепте. Проведение художественно-исторических экскурсий, лекций, семинариев в музейных залах, походы в реставрационные мастерские, краеведческие поездки в малые города России, организация курсов «экскурсионистов» стали поистине новым, важным и этапным достижением культурной политики нового государства. Параллельно со спорами «управленцев» о задачах в музейном деле начинают говорить искусствоведы.

Проблематика, связанная с эстетическим воспитанием, педагогическим образованием на материале музея всегда была важной частью обсуждений и дел института. Его сотрудники совмещали служебные обязанности с работой в Русском музее. «Характерным был полиморфизм форм разработок, активное обращение к адаптационным механизмам, позволяющим продолжать развитие выбранной темы в данных конкретных условиях посредством отбора наиболее адекватных и в заданных условиях форм: комиссий, курсов, обществ, профильного отдела, техникума» (с. 213).

Примеры погружения слушателей в практику «лицезрения» объектов художественного значения становятся одним из методов ведения занятий в институте и на курсах аналогичного профиля. Музейная практика в Петергофе летом 1924 г. и в Гатчине для многих учащихся стала важнейшим событием не только учебной, но и будущей профессиональной деятельности.

Обучение в Zubовском институте, а затем работа женщин в «интеллигентной» творческой профессии является заметным позитивным примером: «Институт определялся как «высшее частное специальное учебное заведение для лиц обоего пола»» (с. 194). Так, художница А.А. Лепорская вела исследовательскую работу в фондах Zubовского института.

Раздел «Эстетическое воспитание в трудах института» второй главы знакомит читателей с предложением совета института принять решение по составу комиссии по организации Художественно-педагогического отдела из числа членов совета института и совета Художественно-педагогического общества. «После получения согласия вышестоящих инстанций начались работы по комплектованию преподавательского состава нового отдела...

Определены были и преподаваемые дисциплины... по новому отделу были избраны... Экскурсоводы-практики Б.П. Брюллов и Н.Д. Флиттнер — «Методика ведения экскурсий»» (с. 209).

Во второй главе уделено внимание такому педагогическому опыту, как проведение занятий со слушателями непосредственно в залах ведущих художественных музеев Петрограда — Ленинграда. «Начались переговоры с музеями о возможности проведения занятий на их территории. Непосредственный контакт обучающихся с подлинными предметами, визуализация изучаемого материала были важными и прогрессивными для своего времени чертами преподавательской стратегии» (с. 201).

«Накопленный методический опыт, теоретические разработки в области эстетического воспитания» получили реализацию на «трехнедельных каникулярных курсах для преподавателей и преподавателей средних и высших начальных учебных заведений» (с. 199—211).

«Так создавался мыслительный коллектив института и подготавливался переход к качественно новому этапу его музееведческой деятельности, связанному с формированием уникального институтского стиля мышления, выражением которого стала деятельность Музейной секции Комитета социологического изучения искусств, развернувшегося в 1925 г.» (с. 239).

Заключительная глава «Музейная секция Соцкома и проблемы музейного строительства Ленинграда середины 1920-х гг.» описывает события, связанные с организацией и деятельностью музейной секции Социологического комитета института. Автор обращается к вопросу изучения работы по формированию музейной аудитории 1920-х годов. В поле зрения В.Г. Ананьева попадают деятельность музейной секции, планы и перспективы работы, сотрудничество с другими организациями, формы и методы организации восприятия искусства посредством музейных экспозиций, персоналии профессионального сообщества отечественной музеологии.

Раздел этой главы «Изучение музейной аудитории» (с. 308—317) относит читателя ко времени экспериментов экспозиций художественных музеев и изучения понимания выставок в среде «нового зрителя». Основное внимание автора здесь сосредоточено на докладе сотрудницы Русского музея В.Ф. Белявской «Вопросы учета восприятия музейного посетителя», представленного на заседании секции по просветительской работе 20 апреля 1926 г. Итог обсуждения привел к выделению трех методов работы: «1) метод непосредственного наблюдения; 2) метод точного учета реакций, посредством графиков и хронометражи; 3) метод анкетирования» (с. 310). С 1920-х годов в Русском музее действовала Комиссия по изучению зрителя, в работе которой и были успешно применены теоретические наблюдения. «При этом следует отметить, что Русский музей стал вторым музеем страны (после

Третьяковской галереи. — О.Т.), обратившимся к изучению своей аудитории, на три года опережая в этом Исторический музей» (с. 311).

В следующем разделе этой же главы «Опыт зарубежных музеев» (с. 317–339) развивается основная идея В.П. Зубова об изучении «живых законов эстетического генезиса». Он видел превращение «в России истории искусства в самодовлеющую научную дисциплину», как «пространство транснациональных связей» (с. 318). Материал раздела — обсуждение доклада О.Ф. Вальдгауера (хранитель Отделения древностей в Эрмитаже) на открытом заседании музейной секции 15 октября 1925 г. и «домашняя беседа» на квартире А.А. Починкова (заведующий институтской библиотекой) с «проекционным фонарем, лампой и экраном». Вопрос восприятия опыта зарубежных музеев остался открытым, а равенство на «зарубежный опыт к середине 1920-х гг. начало вызывать неодобрительное отношение властных структур» (с. 339).

Продолжение анализа обстоятельств времени и общественных запросов осуществлено в заключительном разделе главы «Эрмитаж» (с. 339–361), из которого видно, что «круг вопросов был достаточно широк», но единства мнений не наблюдалось, а «сам Институт, и музейное дело в стране в целом, существенно изменились», к сожалению, не в лучшую сторону. Вместе с тем важность проведенного В.Г. Ананьевым исследования на материале 1910–1920-х годов спустя 100 лет имеет очевидную востребованность и актуальность.

В.Г. Ананьев² и в других трудах обращает внимание на исследование музеелогических рефлексий и на обработку методик выявления эмпирически-описательной стадии развития науки. По сути он является новатором в деле создания методик обнаружения, систематизации и оформления в научную теорию корпуса незафиксированных до сих пор и не поддающихся фиксации на бумажном носителе вербальных аналогов мыслительного процесса. Бытовавшие в кругу единомышленников и существенно влияющие на обстановку культурного развития социума изречения, попадающие под категорию

«меморативность рефлексий», «память чувств», невербальная оценка происходящего составляют новый и важный пласт науковедения.

В поле зрения В.Г. Ананьева попадают деятельность музейной секции, планы и перспективы работы, сотрудничество с другими организациями, формы и методы организации восприятия искусства посредством музейных экспозиций, персоналии профессионального сообщества отечественной музеологии. Словом, вопрос об изучении фактора «социологии в искусствоведении» уже был для автора «на повестке дня».

В заключение следует отметить важность настоящей книги для современной российской истории и истории искусств. Отличительным признаком построения данного печатного труда является демонстрация обсуждения любой из искусствоведческих тем в русле исторической эпохи, при этом на каждый из вынесенных для обсуждения вопросов В.Г. Ананьев предоставляет архивный материал стенографического характера (отчеты заседаний, протоколы, постановления, журналы заседаний и др.) как «подстрочник», давая читателю максимум документальной достоверности, проецируя приметы времени, предлагая сегодняшнему читателю продолжение дискуссии на темы освоения ментальной картины мира.

Библиография

Ананьев В.Г. «В России следует подумать государству об искусстве»: Министерство искусств в дискуссиях революционной эпохи (1917 г.). Ч. 1 // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 1 (45). С. 173–181.

Ананьев В.Г. Эрмитаж между «музеем нового искусства» и «музеем быта»: проект И.И. Жарновского в контексте проектов революционной эпохи // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 3. С. 656–664.

Ананьев В.Г., Фомкина М.И. Пространство художественных музеев в международных проектах 1920–1930-х гг.: теория практики в музеологической мысли межвоенного двадцатилетия // Человек. Культура. Образование. 2018. № 2 (28). С. 58–72.

Андреева И.В. Документ как культурная форма и эпистемология музейности // Вестник культуры и искусств. 2020. № 2 (62). С. 59–70.

Ananiev V. The Institute of Art History and the Problem of Aesthetic Education in Russia in the First Quarter of the 20th Century // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. 2016. Vol. 2. P. 9–20.

References

Ananiev V. "V Rossii sleduet podumat' gosudarstvu ob iskusstve": Ministerstvo iskusstv v diskussiyah revolyucionnoy epohi (1917 g.). Ch. 1 ["In Russia, the state should think about art": The Ministry of Arts in the discussions of the Revolutionary era (1917). Pt. 1] // Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. 2016. № 1 (45). S. 173–181. (In Russ.)

Ananiev V. Ermitazh mezhdú "muzeem novogo iskusstva" i "muzeem byta": proekt I.I. Zharnovskogo v kontekste proektov revolyucionnoy epohi [Hermitage between the "Museum of New Art" and the "Museum of Everyday Life": I.I. Zharnovsky's project in the context of projects of the revolutionary era] //

² Ananiev V. The Institute of Art History and the Problem of Aesthetic Education in Russia in the First Quarter of the 20th Century // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. 2016. Vol. 2. P. 9–20; Ананьев В.Г. «В России следует подумать государству об искусстве»: Министерство искусств в дискуссиях революционной эпохи (1917 г.). Ч. 1 // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 1 (45). С. 173–181; Его же. Эрмитаж между «музеем нового искусства» и «музеем быта»: проект И.И. Жарновского в контексте проектов революционной эпохи // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 3. С. 656–664; Ананьев В.Г., Фомкина М.И. Пространство художественных музеев в международных проектах 1920–1930-х гг.: теория практики в музеологической мысли межвоенного двадцатилетия // Человек. Культура. Образование. 2018. № 2 (28). С. 58–72.

Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities]. 2018. Vol. 160. № 3. S. 656–664. (In Russ.)

Ananiev V., Fomkina M.I. Prostranstvo hudozhestvennykh muzeev v mezhdunarodnykh proektakh 1920–1930-h gg.: teoriya praktiki v muzeologicheskoy mysli mezhoennogo dvadcatiletiya [The space of art museums in international projects of the 1920s–1930s: theory of practice in the museological thought of the interwar twentieth anniversary] // Chelovek. Kul'tura.

Obrazovanie [Man. Culture. Education]. 2018. № 2 (28). S. 58–72. (In Russ.)

Andreeva I. Dokument kak kul'turnaya forma i epistemologiya muzejnosti [Document as a cultural form and epistemology of museology] // Vestnik kul'tury i iskusstv [Bulletin of Culture and Arts]. 2020. № 2 (62). S. 59–70. (In Russ.)

Ananiev V. The Institute of Art History and the Problem of Aesthetic Education in Russia in the First Quarter of the 20th Century // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. 2016. Vol. 2. P. 9–20.

DOI: 10.31857/S013038640023042-4

© 2023 г. И.Ю. Хрулёва

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Рец. на книгу: К.В. Минкова. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1943–1947 гг. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2021. 504 с.

Хрулёва Ирина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: irinakhruleva@mail.ru

Scopus Author ID: 57224399651; ORCID: 0000-0001-8888-9091

I.Yu. Khruleva

ECONOMIC CAUSES OF THE COLD WAR

Rec. ad op.: K.V. Minkova. ECONOMIC ORIGINS OF THE COLD WAR: SOVIET-AMERICAN ECONOMIC RELATIONS IN 1943–1947. Saint-Petersburg: Scythia-print LLC, 2021. 504 p.

Irina Khruleva, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: irinakhruleva@mail.ru

Scopus Author ID: 57224399651; ORCID: 0000-0001-8888-9091

Холодная война определяла основные контуры мировой политики и международных отношений на протяжении как минимум четырех с половиной десятилетий XX в., ее наследие упорно продолжает сказываться в наши дни, а ожесточенные споры о ней имеют не только научное, но и общественно-политическое звучание.

Одной из фундаментальных проблем историографии холодной войны является выявление ее причин, анализ тех событий, которые привели к нарастанию конфронтации между СССР и США в середине — второй половине 1940-х годов. Обращаясь к данной проблематике большинство ученых, как отечественных, так и зарубежных, сосредотачивает свое внимание на изучении политических и идеологических разногласий, возникавших между Москвой и Вашингтоном на заключитель-

ном этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Это, безусловно, очень важно, однако не менее важным представляется рассмотрение противоречий и конфликтов, имевших место в советско-американских отношениях в экономической сфере. Очевидно, что для Советского Союза, понесшего в ходе войны колоссальные материальные потери, для которого восстановление народного хозяйства стало первоочередной задачей, данная сфера была очень чувствительна. Чувствительна, хотя и по другой причине, она была и для Соединенных Штатов, стремившихся сохранить и упрочить лидирующие позиции в мировой экономике, занятые в военные годы. К сожалению, историки реже обращают внимание на «экономические истоки» холодной войны. О них упоминается в ряде общих работ, однако специальных исследований на

эту тему очень мало, причем как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Так, исследователями, занимающимися историей возникновения холодной войны, практически не рассматриваются те советско-американские переговоры 1944–1947 гг., в ходе которых обсуждались экономические вопросы, чрезвычайно важные и значимые для обеих стран. Прежде всего речь идет об определении порядка послевоенных поставок в рамках соглашения о ленд-лизе и урегулировании связанных с этим спорных моментов; предоставление Соединенными Штатами кредита Советскому Союзу для восстановления экономики; вступление СССР в члены Международной торговой организации (МТО) и его участие в работе институтов Бреттон-Вудской системы — Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР).

Вышеперечисленные сюжеты затрагиваются лишь в нескольких монографиях американских историков¹. Однако данные авторы работали в 1960–1970-е годы и опирались исключительно на американские документы, в силу чего их видение экономической составляющей советско-американских отношений военных и первых послевоенных лет было весьма однобоким.

Монография старшего преподавателя Санкт-Петербургского государственного университета к.и.н. К.В. Минковой в значительной степени восполняет заметный пробел, имеющийся в историографии возникновения холодной войны.

Автор поставила цель «установить причины провала советско-американского экономического сотрудничества в двустороннем и многостороннем формате и определить значение этого провала в нарастании советско-американской конфронтации в первые послевоенные годы» (с. 10). Для этого автор определила ключевые проблемы советско-американского сотрудничества в 1943–1947 гг.; восстановила хронологическую последовательность развития советско-американских отношений в экономической сфере в рассматриваемый период; проанализировала представления руководства СССР и США о послевоенном мироустройстве; выяснила, какую роль внезапное прекращение поставок по ленд-лизу сыграло в нарастании конфронтации между Советским Союзом и Соединенными Штатами; установила, насколько СССР был заинтересован в участии в переговорах по разработке Устава Международной торговой организации; рассмотрела эволюцию взглядов советского руководства на целесообразность членства в Бреттон-Вудских институтах; выявила роль факта неполучения Со-

ветским Союзом американского долгосрочного кредита на выработку позиции советского руководства относительно участия в послевоенном валютно-финансовом и торговом сотрудничестве; проанализировала позицию правительства СССР в отношении участия в плане Маршалла в условиях нарастания конфронтации между Советским Союзом и США. Помимо этого, К.В. Минкова рассмотрела отношение американского общества к экономическому сотрудничеству с СССР.

Основу монографии составил широкий круг малоизвестных или вообще не введенных в научный оборот советских и американских документов — отчетов, меморандумов, докладных записок, внутренних документов наркоматов СССР и правительственных агентств США. Следует особо подчеркнуть, что К.В. Минкова провела серьезные изыскания как в российских, так и в американских архивохранилищах. Важным источником, умело использованным автором, являются документы личного происхождения — дневники и мемуарная литература.

Несмотря на то что в работе отсутствует отдельный историографический обзор (автор справедливо замечает, что «историография холодной войны представляет собой тему отдельного большого исследования», с. 8), К.В. Минкова демонстрирует прекрасное знакомство с литературой, связанной с тематикой исследования. Ею было привлечено большое количество общих и специальных работ отечественных и зарубежных авторов, от классических трудов по истории холодной войны до новейших публикаций.

К.В. Минкова анализирует важнейшие события начального этапа холодной войны и процессы, предшествовавшие ее началу, с точки зрения международной политэкономии. Это новый подход к данной проблеме, однако он представляется оправданным, поскольку холодная война действительно не ограничивалась военно-политическим противостоянием двух блоков, но проявлялась и в конкуренции экономических систем.

Нельзя не согласиться с утверждением автора о двойственности внешнеполитической позиции Советского Союза в рассматриваемый период. Москва пыталась принять участие в формировании послевоенной торгово-финансовой системы в рамках ООН и при этом сохранить систему государственного регулирования торговли. В то же время «советское руководство постоянно находилось перед дилеммой: нужно или нет жертвовать долгосрочными политическими целями... во имя получения краткосрочной экономической выгоды» (с. 14–15).

Ключевые события советско-американских отношений 1939–1947 гг., изложенные в первой главе монографии, создают политический контекст, в который далее вписываются экономические вопросы. Автор приводит выдержки из американских документов, формировавших политику Белого дома в отношении

¹ Paterson T.G. *Economic Cold War: American business and economic foreign policy 1945–1950*. Berkeley, 1968; *Idem*. *Soviet-American Confrontation: Post-war Reconstruction and the Origins of the Cold War*. Baltimore, 1973; Herring G.C. Jr. *Aid to Russia, 1941–1946*. New York, 1973; *Marcel L. Lend-Lease, Loans and the Coming of the Cold War: A Study of the Implementation of Foreign Policy*. Boulder (Col.), 1979.

СССР, а также указывает на роль отдельных фигур в ее выработке. Детально рассматривается эволюция системы правительственных агентств, отвечавших за разработку внешней политики Вашингтона (с. 31–33).

Во второй главе работы К.В. Минкова анализирует ряд важных советских и американских документов, формировавших внешнеполитические установки СССР и США и оценивавших основные направления развития их внешней политики. Среди этих документов выделяются малоизвестные в отечественной историографии: записка И.И. Майского «Об экономической политике Соединенных Штатов Америки после войны» (1945), меморандумы Дж. Кеннана «Россия семь лет спустя» (1944) и «Международная позиция России к моменту окончания войны с Германией» (1945). Вводится в научный оборот интереснейший меморандум о советско-американских отношениях заместителя главы Внешнеэкономического управления США О. Кокса (1945).

В третьей главе монографии показано сотрудничество СССР и США в рамках программы ленд-лиза. В последние годы в отечественной историографии появились новые яркие работы, основанные на новых архивных данных, однако ни в одной из них не реконструируются события мая и августа 1945 г., когда американская сторона дважды без предупреждения прекращала поставки в Советский Союз.

К.В. Минковой убедительно доказано, что в администрации ленд-лиза и в других правительственных агентствах США, участвовавших в реализации программы ленд-лиза, не было единого мнения относительно принципов оказания помощи СССР, и именно эти разногласия во многом обусловили внезапное прекращение поставок. Автор подчеркивает, что в мае 1945 г., наряду с усилиями членов Правительственной закупочной комиссии СССР, ключевое значение в возобновлении поставок имели действия отдельных американских чиновников, прежде всего Дж. Йорка, О. Кокса, Э. Стеттиниуса. В этой главе также приводятся интересные данные, что в августе 1945 г. поставки в СССР были прекращены до официального заявления об окончании Второй мировой войны и даже до объявления о капитуляции Японии. Затем последовало распоряжение о возобновлении поставок, которое было отменено и затем снова возобновлено. Автор справедливо отмечает, что «хаос и путаница, возникавшие после обнаружения соответствующих директив и в мае, и в августе 1945 г., свидетельствуют о недостаточном качественном прогнозировании последствий их реализации» (с. 167).

Завершая третью главу, автор исследует вопрос о начальном этапе советско-американских переговоров по урегулированию расчетов по ленд-лизу. К.В. Минкова подчеркивает, что изначально американская сторона намеревалась рассматривать урегулирование расчетов исключительно в комплексе с другими вопросами экономического характера, что практически парализовало переговоры. Лишь в сентябре 1946 г. дело двинулось с мертвой точки,

однако «ситуация усугубилась диаметрально противоположными взглядами советского руководства и администрации Трумэна на возврат остатков по ленд-лизу» (с. 169–170).

Большой интерес представляет четвертая глава монографии, посвященная проекту создания Международной торговой организации (МТО) и предполагавшемуся участию СССР в ее работе. Следует подчеркнуть, что данный вопрос особенно скудно освещен в отечественной историографии. Анализируя внутренние документы наркомата внешней торговли и наркомата иностранных дел, оценивавших предложения американской стороны о принципах деятельности МТО, К.В. Минкова отмечает, что «замечания советских экспертов не имели принципиального характера и в целом не противоречили предложениям американской стороны». Далее делается вывод, что «при наличии доброй воли со стороны США и готовности советского руководства пойти на уступки в ряде вопросов Советский Союз даже в конце 1946 г. мог включиться в систему международной торговли» (с. 191).

В пятой главе подробно рассматривается участие советской стороны в разработке принципов деятельности Бреттон-Вудских институтов — Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития. На основе обширного архивного материала автор анализирует позицию СССР на переговорах по выработке уставов этих организаций. К.В. Минкова доказывает, что в ходе обсуждений 1944 — начала 1945 г. и СССР, и США были готовы на значительные уступки ради выработки удобных обоим сторонам принципов работы деятельности МВФ и МБРР.

К.В. Минковой продемонстрировано, что советское руководство рассматривало участие в этих институтах как «серьезную политическую поддержку инициативы США» и надеялось получить взамен крупный правительственный кредит. На момент отказа от вступления в них Москва была уверена, что «главные союзные державы сами предпримут меры к дополнительному приглашению Советского Союза участвовать в этих организациях». Автор убедительно доказывает, что «в конце 1945 г., в совершенно иных политических условиях... советское руководство сохраняло представления конца 1943 г. о значимости участия СССР в американских проектах международной кооперации для успешного развития последних» (с. 244–246).

В шестой главе монографии приводятся интересные данные о советских усилиях по получению у правительства США крупного кредита в 1944–1945 гг. Эта тема также до настоящего времени не нашла достаточного освещения в работах отечественных авторов. Исследователь изучила большой массив архивных документов, в которых высказываются позиции советской и американской сторон в отношении выделения такого кредита. К.В. Минкова справедливо отмечает, что в отказе Вашингтона от предоставления Москве кредита остается много неясного: «американская сторона не только

предполагала, но и точно знала, какое значение имел кредит для Москвы. При этом она не только не пошла навстречу бывшему союзнику... но и не воспользовалась сложным положением Советского Союза в своих интересах». Автор подчеркивает, что неполучение кредита стало причиной резкого ужесточения советской позиции в вопросе о репарациях и в целом очень негативно отразилось на отношении Кремля к сотрудничеству с США (с. 313).

В седьмой главе работы рассматривается план Маршалла и перспективы участия в нем советского руководства. Опираясь на соответствующие документы, К.В. Минкова доказывает, что на момент начала парижского совещания по плану Маршалла американская сторона не имела никакого четкого представления о реализации программы помощи. Выключение Советского Союза из плана Маршалла имело несколько причин: США необходимо было завершить оформление международного экономического порядка под их руководством и сформировать выгодную для них экономическую, торговую и финансовую среду. Кроме того, по мнению американского руководства, следовало использовать ресурсы Германии не для выплаты репараций Советскому Союзу и тем вошедшим в орбиту его влияния странам, которые также имели на них право, а для восстановления других стран Западной Европы — в этом интересе Вашингтона совпадали с интересами Лондона и Парижа. В то же время интересы Великобритании, как справедливо отмечает автор, частично совпадали с интересами Москвы, которая видела в плане Маршалла второй ленд-лиз (с. 324, 367–369).

В последней главе монографии приводятся и анализируются данные опросов американского общественного мнения в отношении сотрудничества с СССР в экономической сфере. К.В. Минкова указывает, что по ряду вопросов «мнение американской общественности порой шло вразрез с действиями Вашингтона». Автор объясняет это недостаточной информированностью общества, поскольку «и администрация обоих президентов, и госдепартамент нередко откладывали публикацию определенных новостей по собственным политическим соображениям» (с. 381).

В заключении работы К.В. Минкова делает ряд интересных выводов. В частности, автор утверждает — и с этим сложно не согласиться, — что «в СССР и в США холодная война началась в разное время, поскольку стороны в разное время пришли к осознанию конфронтации, которая происходи-

ла в разных сферах и в разное время проявлялась по-разному». Среди причин, повлиявших, по мнению автора, на неспособность СССР и США найти компромисс в решении вопросов международного экономического сотрудничества, отметим «разницу в представлениях советского и американского руководства о роли СССР в послевоенном мире» и отсутствие у СССР и США «четко сформулированных внешнеполитических установок в отношении их сотрудничества» в критически важный для дальнейшего развития их отношений период — с мая по октябрь 1945 г. Отдельного внимания заслуживает вывод автора, что провал советской политики в отношении участия в международной торгово-финансовой системе во многом объясняется уверенностью Кремля в том, что переговоры между США и СССР пойдут по британскому сценарию, когда в обмен на членство в Бреттон-Вудских институтах и МТО Лондону был предложен значительный кредит (с. 383, 385, 387–388).

Не подлежит сомнению общий итоговый вывод, что благодаря действиям США к началу 1946 г. СССР фактически оказался в полной изоляции от процессов создания ряда важнейших международных экономических институтов — в первую очередь Международной торговой организации и институтов Бреттон-Вудской системы.

Особо хотелось бы отметить высокую исследовательскую культуру автора работы, внимание и уважение к деталям, тщательность проработки исторического фона рассматриваемых событий. Монография К.В. Минковой представляет собой фундаментальное междисциплинарное исследование, по-новому освещающее одну из «вечных» проблем новейшей истории, которое несомненно будет востребовано как специалистами, так и всеми интересующимися феноменом холодной войны. Эмпирический материал и теоретические обобщения, содержащиеся в данной работе, будут способствовать проведению последующих научных исследований в рассматриваемой области.

Библиография / References

- Herring G.C. Jr.* Aid to Russia, 1941–1946. New York, 1973.
Martel L. Lend-Lease, Loans and the Coming of the Cold War: A Study of the Implementation of Foreign Policy. Boulder (Col.), 1979.
Paterson T.G. Economic Cold War: American business and economic foreign policy 1945–1950. Berkeley, 1968.
Paterson T.G. Soviet-American Confrontation: Post-war Reconstruction and the Origins of the Cold War. Baltimore, 1973.

DOI: 10.31857/S013038640025109-7

© 2023 г. В.Л. Черноперов

ГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА В ОТРАЖЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Рец. на кн.: Б.Л. Хавкин, К.Б. Божик. РОССИЙСКОЕ ЗЕРКАЛО ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ. XX век. М.: Новый хронограф, 2021. 384 с.

Черноперов Василий Львович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета (Иваново, Россия).

E-mail: vlchernoperov@rambler.ru

Scopus Author ID: 57188661103; ORCID: 0000-0001-5887-7807

V.L. Chernoperov

GERMAN HISTORY OF THE TWENTIETH CENTURY IN THE REFLECTION OF RUSSIAN HISTORICAL MEMORY

Rec. ad op.: B.L. Khavkin, K.B. Bozhik. THE RUSSIAN MIRROR OF GERMAN HISTORY. XX CENTURY. Moscow: New Chronograph, 2021. 384 p.

Vasily Chernoperov, Department of General History and International Relations of the Institute of Humanities of Ivanovo State University (Ivanovo, Russia).

E-mail: vlchernoperov@rambler.ru

Scopus Author ID: 57188661103; ORCID: 0000-0001-5887-7807

Авторы книги «Российское зеркало германской истории. XX век» Борис Львович Хавкин и Кристина Богдановна Божик. Профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета д.и.н. Б.Л. Хавкин, автор и соавтор более 200 научных и методических работ (включая 6 монографий), давно заслужил признание отечественных и зарубежных специалистов, занимающихся новейшей историей Германии и советско/российско-германскими отношениями. Его соавтором выступила молодой преподаватель Института международных отношений Московского государственного лингвистического университета, автор трудов по немецкой истории после 1945 г. к.и.н. К.Б. Божик. Их соавторство не случайно. К.Б. Божик — последняя аспирантка известного отечественного историка-германиста д.и.н., проф. Ильи Семеновича Кремера. Именно с ним Б.Л. Хавкин в 2018 г. задумал написать книгу «об отражении в зеркале исторической памяти общности судеб России и Германии — причудливого и разнотелого на триста лет процесса, который немцы называют Schicksalgemeinschaft (сообщество с единой судьбой)» (с. 7). Осуществить задуманное единомышленникам-коллегам не удалось. В 2020 г. И.С. Кремер ушел в Вечность. Но планы сохранились. К их воплощению Б.Л. Хавкин и привлёк К.Б. Божик. Авторы в знак особой признательности свой труд посвятили светлой памяти И.С. Кремера.

Архитектура книги имеет все атрибуты научного издания. Открывает ее краткое введение, в котором обозначена магистральная линия работы: «авторы на основе российских и германских источников и литературы показывают, как важные, но мало изученные проблемы и события русско-германской истории XX в. отразились в зеркале российской исторической памяти» (с. 7).

За введением следуют 11 глав и заключение. Завершает книгу профессионально составленный и информативный именной указатель. Введение, заключение и главы с первой по десятую написаны Б.Л. Хавкиным. Перу К.Б. Божик принадлежит 11 глава. Большая часть материалов книги в той или иной степени знакома специалистам по публикациям Б.Л. Хавкина в ведущих журналах — «Новая и новейшая история», «Российская история», «Историческая экспертиза» и др. Фундаментом большинства публикаций выступают источники, выявленные Б.Л. Хавкиным в Архиве внешней политики РФ, Государственном архиве РФ, Российском государственном архиве социально-политической истории, Российском государственном военном архиве, Архиве Президента РФ, Российском государственном архиве новейшей истории, Федеральном архиве ФРГ.

Открывает книгу глава «Особые пути России и Германии, их отражение в культуре памяти». Здесь сконцентрированы многолетние историософские

размышления Б.Л. Хавкина о развитии немецкой и российской цивилизаций в новое и новейшее время¹. Борис Львович создает масштабное полотно, в котором восприятие целого требует внимательного рассмотрения деталей. Перед читателями на протяжении XVIII–XXI столетий в очный/заочный диалог/спор вступают десятки российских и немецких политиков (И.В. Сталин, В.М. Молотов, М.С. Горбачев, А. Гитлер, Й. Геббельс, В. Брандт, А. Меркель и др.), литераторов и поэтов (И.А. Гончаров, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, М.А. Шолохов, К.М. Симонов, Д.А. Гранин, Т. Манн, Г. Бёлль и др.), философов, историков и публицистов (Н.М. Карамзин, Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, Л.З. Копелев, А.И. Борозняк, Г. Рюккерт, Л.Л. Регельсон, Г. Манн, Д. Гайер, Л. Люкс, Э. Нольте, А. Хильгубер, Х. Моммзен, Ф. Фишер, Ю. Хабермас, М. Броснат, Н. Фрай и др.). Автор своих героев нередко характеризует русо- и германофилами (М.И. Цветаева, А. фон Хакстхаузен, Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлецер) или русо- и германофобами (К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. Дидель, М. Гесс, А. Розенберг). Описывая многоуровневое взаимодействие россиян и немцев, Б.Л. Хавкин особое внимание обращает на представления этих народов о собственной исторической миссии и друг о друге.

В следующей главе показаны жизнь и роль в российско-германских связях И.Л. Гельфанда, более известного как А. Парвус. Перед читателями разворачивается известная и одновременно мало знакомая история, приведшая к большевистскому перевороту 1917 г.: издание газеты «Искра» (с. 57), сотрудничество А. Парвуса с Л.Д. Троцким в Санкт-Петербургском Совете рабочих депутатов в 1905 г. (с. 58), поддержка немцами российских социалистов, прежде всего ленинцев, в годы Первой мировой войны (с. 60–78).

В главе «Германия и судьба царской семьи в 1917–1918 гг.» Б.Л. Хавкин разбивает тезисы о причастности германских дипломатов и военных к убийству Николая II, его супруги, детей и приближенных, а также о «сверхусилиях» кайзера Вильгельма II по спасению Романовых (с. 84). Как отмечает историк, помимо большевиков к трагедии прямое отношение имели австро-венгерские военнопленные, перешедшие на сторону советской власти (с. 88–89). Кайзер же «встретил известие об убийстве своего русского августейшего родственника спокойно и холодно. Его волновала лишь сложившаяся в этой связи политическая ситуация» (с. 114).

Глава существенно отличается от одноименной статьи автора 2019 г.² В книге подробно рассказано об усилиях кайзеровского посла в Советской России графа В. фон Мирбаха-Харфа, предпринятых

им для сохранения жизни Николая II, его семьи и ближайшего окружения (с. 88, 104); дана всесторонняя критика мифа о ритуальности убийства Романовых в духе пресловутых «Протоколов сионских мудрецов» (с. 88–93); добавлен материал из монографии Ю.И. Сенина «Подлинная судьба Николая II» об участии бывшей великой княгини Елизаветы Федоровны, также принявшей мученическую смерть, в контактах Романовых с правительством Германии (с. 97); введены факты из работы американских журналистов А. Саммерса и Т. Мангольда по истории царевубийства (с. 99); приведены практически полностью копии документов, которые 9 сентября 1921 г. германский дипломат и философ К. Ритцлер передал следователю Н.А. Соколову, занимавшемуся екатеринбургским преступлением (с. 105–110).

Очередная глава повествует о получении Москвой через сеть агентов Коминтерна речи А. Гитлера от 3 февраля 1933 г., в которой лидер нацистов обнародовал программу внутренней и внешней политики на средне- и долгосрочную перспективу. В этой части книги Б.Л. Хавкин показывает не только историю появления у советских спецслужб сверхсекретного документа, но и мотивы, подтолкнувшие людей из разных политических и социальных страт (графиню Р. фон Майенбург, генерал-полковника К. фон Хаммерштейн-Экворда с детьми, выходца из галицийской семьи еврея-торговца Л. Рота) помогать СССР.

В центре внимания главы «Письма Эрнста Тельмана И.В. Сталину и В.М. Молотову. 1939–1941 гг.» трагедия руководителя компартии Германии. Э. Тельман — верный сталинист, поддержавший все решения «вождя народов», был предан своим кумиром и его окружением. Резолюция, начертанная на письмах Тельмана с просьбой о помощи, «В архив. И. Сталин» была равносильна смертному приговору. «Сталину не нужен был Тельман в Москве; политически выгоднее было, считал он, оставить его в нацистском застенке. Сталин предпочел Тельману Гитлера» (с. 137).

«Еврейский вопрос» и проблема антисемитизма в межвоенное и военное время рассматривается в главе «Проект Биробиджан и план «Мадагаскар»». Речь идет о планах переселения евреев Советского Союза в Приамурье, а их собратьев в Польшу — на остров Мадагаскар. Б.Л. Хавкин отмечает: «Биробиджанский проект с мадагаскарским при их различиях (первый был проектом добровольного переселения в пределах территории СССР, второй — планом принудительной высылки из Польши) объединяла идея территориального решения «еврейского вопроса»» (с. 147). При этом «политическая цель германских и польских (а также, добавим, французских. — В. Ч.) государственных антисемитов совпала: «выдавить» евреев из своих стран, предварительно лишив их собственности» (с. 161).

Б.Л. Хавкин, рассматривая план «Мадагаскар», опирается на документы верхушки Третьего рейха — А. Гитлера, А. Розенберга, Г. Гиммлера, Г. Радемахера (с. 166–168). Его выводы подтверждают мнение профессора университета Северной Каролины К.Р. Брай-

¹ См., например: *Хавкин Б.Л.* «Особые пути» России и Германии в XX веке: «преодоления прошлого» в культуре памяти // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 3. С. 26–43.

² *Хавкин Б.Л.* Германия и судьба царской семьи в 1917–1918 гг. // Российская история. 2019. № 2. С. 130–141.

нига, видевого в данном проекте «пример геноцида в чистом виде», «серьезный шаг» на пути окончательно-го решения «еврейского вопроса» (с. 154).

Самая объемная глава (50 страниц) «Советско-германские документы 1939–1941 гг. в исторической памяти» и по содержанию, пожалуй, самая необычная. На первый взгляд, историк в этой части работы следует своему заявлению о ее источниковедческом характере. Действительно, неискушенный читатель без труда найдет в главе «внешнюю критику» («историю происхождения») и «внутреннюю критику» («историю содержания») соглашений СССР с нацистским государством 1939–1941 гг. Однако по мере изложения убеждаешься, что в центре внимания Б.Л. Хавкина отнюдь не источниковедческие штудии. Они лишь повод для рассмотрения других проблем. Во-первых, сверхзакрытости советской системы, что укрепляло настроения всеобщей подозрительности и недоверия (изъятие секретных документов у В.М. Молотова в 1952 г., с. 190). Во-вторых, неготовности властвующей советской элиты раскрывать темы, которые могли поставить под сомнение ее правоту («путешествия» копий секретных документов между ЦК КПСС и МИД СССР с их дальнейшим уничтожением, нежелание высшего руководства обнаружить тайные соглашения, с. 191–192). Даже самоликвидация СССР не привела к прорыву, к подлинной научной и общественной открытости. Обнародование в 1992 г. подлинников секретных советско-германских документов, подчеркивает историк, «было связано не столько с научными, сколько с политическими интересами», с торжеством победы Б.Н. Ельцина «над бывшим Президентом СССР М.С. Горбачевым, который так и не решился публично признать существование» иско-мых источников (с. 181, 195).

В следующей главе автор умело вписывает в контекст международного взаимодействия/противостояния союзников по антигитлеровской коалиции и внутренних процессов в немецком обществе историю Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров.

В очередной главе Б.Л. Хавкин на примере генерала Х. фон Трескова доказывает, что с конца 1930-х годов в Германии реальной силой Сопротивления, которая могла бы сместить А. Гитлера, были только военные, тесно связанные «с консервативной политической оппозицией» (с. 253). Эти офицеры «по этическим мотивам первоначально никоим образом не отрицали Гитлера, нацизм, войну» (с. 256). Более того, приветствовали приход фюрера к власти, служили ему и даже прямо или косвенно соучаствовали в массовых преступлениях. Их позиция стала меняться лишь под влиянием поражений на советско-германском фронте.

Буквально по часам восстановлена хронология выступлений жителей ГДР против политическо-го руководства страны 16–17 июня 1953 г. в главе «Берлинское жаркое лето 1953 года». Читатель

вслед за историком, как в документальном фильме, наблюдает перерастание экономических протестов в политические, фиксирует провокационную работу РИАС — радиостанции американского сектора Берлина, отмечает переезд восточногерманского руководства из мятежного Берлина в Карлсхорст под защиту Группы советских войск в Германии (ГСВГ). Обращаясь к истории подавления протестов, Б.Л. Хавкин отмечает, что «в основном по своим соотечественникам стреляли бойцы казарменной народной полиции ГДР» (с. 299). Характеризуя действия ГСВГ, Борис Львович приводит высказывание Верховного комиссара США в Германии Дж. Конзанта, который сообщал в Вашингтон, что советские войска во время выступлений проявляли «сдержанность в применении силы», «продемонстрировали чрезвычайно высокую дисциплину, самообладание и выдержку, что явилось неожиданностью для всех, но в первую очередь для восточных немцев» (с. 299).

Завершает книгу глава «Горбачев и германский вопрос», подготовленная К.Б. Божик. Ее содержание полностью соответствует названию. Причем, согласно К.Б. Божик, первым в СССР о желательности и даже необходимости воссоединения немцев в одном государстве заговорили отнюдь не политики, а отечественный историк В.И. Дашичев (с. 321). У лидера КПСС и СССР М.С. Горбачева «решение начать активные действия в германском вопросе созрело не сразу» (с. 323), а под влиянием контактов с политиками стран социалистического лагеря и ФРГ. Особенно в 1987–1988 гг. В ряду встреч, описываемых К.Б. Божик, внимание привлекают переговоры М. Горбачева и Ф.-Й. Штрауса «за два дня до наступления 1988 года» (с. 326–327). Тот факт, что между Генеральным секретарем ЦК КПСС и лидером баварского ХСС, которого советская пропаганда обычно называла «реваншистом», было достигнуто взаимопонимание по большинству вопросов, лучше всего свидетельствовало о действительно глубинных изменениях в позиции СССР по международным делам. Эту линию закрепили встречи М.С. Горбачева с канцлером Г. Коелем, на которых с обеих сторон возобладало «стремление “на высшем уровне” говорить как человек с человеком», причем «с максимальной открытостью» (с. 328–331).

Молодая исследовательница, опираясь на изучении «фактора Горбачева» в объединении Германии на труды авторитетных германистов-международников В.Н. Павлова и И.Ф. Максимычева, приходит к заключению: лидер СССР «избавил немцев от страха перед вмешательством внешней силы — мощной советской военной группировки в Центрально-Восточной Европе» (с. 338), а начатая им «перестройка подорвала одну из главных опор режима в ГДР, которая состояла в убеждении людей по обе стороны германской границы в безусловной поддержке СЕПГ со стороны Москвы» (с. 341). Итогом укрепления и развития этих тенденций стало объединение Германии в октябре 1990 г.

Рецензируемая книга видится нам ответом на риторический вопрос, который Б.Л. Хавкин поставил перед читателями и перед собой в статье 2021 г.: «Мы все сделали правильно?»³. Вопрос вызван тревогой в связи с укреплением в современной России политической конъюнктуры в оценках прошлого (с. 30–31, 146, 161, 174, 198 и др.). Вердикт историка суров: «Нынешняя российская историческая политика, “откатываясь в прошлое”, говорит о нем полуправду» (с. 209).

Не менее опасен, по мнению Б.Л. Хавкина, поиск «особого пути» развития страны, охвативший часть российского научного сообщества и широкой общественности. Ученый показывает, что подобные поиски уже имели место в истории Германии и России XIX–XX вв. В их основе лежали рассуждения интеллектуалов обеих стран (славянофилов, Р.М. Рильке, А. Мёллера ван ден Брука, Т. Манна и др.) о ведущей роли государства в становлении страны и управлении ею, примате верховного правителя над гражданским обществом, представления о культурном наследии своей страны как противоположности западному прагматизму и о позитивном взаимовлиянии россиян и немцев в противостоянии бездуховности коллективного Запада (с. 9–10, 16–17, 19–22). Однако, предупреждает Б.Л. Хавкин, приверженность таким ценностям при отсутствии «своего» Нюрнберга над «своим» Освенцимом (Архипелагом ГУЛАГ) чревата тем, что «наш “особый путь” опять ведет в прошлое» (с. 53), причем в прошлое тоталитарное.

Остановить опасные тенденции, по мнению авторов, можно лишь на пути «преодоления исторического прошлого» — переосмысления новой и особенно новейшей истории. Именно эта мысль пронизывает все главы книги и связывает их.

Примером «преодоления прошлого» является современная Германия, где политики и историки признали ответственность своей страны «за преступления Третьего рейха, за Вторую мировую войну и Холокост» (с. 175), что стало моральным условием «выздоровления нации» и позволило выстроить страну, основанную на демократических ценностях (с. 39–47). Истоки, приведшие к такому результату, историк диагностирует уже в движении Сопротивления (с. 252).

Несомненным достоинством книги Б.Л. Хавкина и К.Б. Божик является ее «читабельность». Текст работы сочетает глубокую историософию, интригу детектива и свободу эссе. Это порождает эмоции, свойственные скорее художественному произведению. Например, искреннюю грусть при чтении страниц о коммунисте и разведчике Л. Роте, которого в СССР по доносу арестовали и в ноябре 1937 г. расстреляли (с. 127). Другой пример — судьба Х. фон Трескова. Чувство сожаления вызывает не

только самоубийство генерала, но более то, что ему и его сторонникам не удалось отстранить от власти Гитлера в сентябре 1938 г. Тем более что, как показано в книге, шанс был (с. 267). Случись это, история, возможно, пошла бы иным путем...

Завершая рецензию, следует сделать несколько замечаний. В череде отечественных специалистов, занимавшихся изучением германского опыта «преодоления прошлого», Б.Л. Хавкин правомерно выделяет А.И. Борозняка (с. 41–43, 50, 52), жизненный и творческий путь которого ему хорошо известен⁴. При всем уважении к этому исследователю отметим, однако, что в России авторов, поднимающих проблему «переосмысления прошлого», много больше. В 2000-е годы на этом поле плодотворно потрудились Западносибирский центр германских исследований, созданный по инициативе профессора Кемеровского государственного университета Ю.В. Галактионова и его коллеги из Урского университета, директора — основателя Германского исторического института в Москве Б. Бонвеча⁵. Кстати, А.И. Борозняк регулярно участвовал в научных форумах этого центра.

Представляется также, что Б.Л. Хавкин и К.Б. Божик несколько сужают проблемы, возникающие в России на пути заимствования немецкого опыта «преодоления исторического прошлого». Несомненно, на этот процесс негативно влияет политическая конъюнктура и готовность части историков ей следовать. Но дело не только в этом. Проблема глубже.

Во властвующей и частично интеллектуальной элите России, а также массе населения осознают, что принятие курса на «преодоление прошлого» означает перевоспитание себя и принятие комплекса вины. Но, во-первых, значительная часть (если не большинство) россиян не считает справедливым принятие ответственности за ленинско-сталинские преступления, которые историк В.М. Лавров называет «социальным расизмом и геноцидом» и наказание за которые не имеет «срока давности»⁶. Во-вторых, многие в России видят в заимствовании немецкого опыта геополитические риски. Ведь «переосмысление прошлого» привело немцев не толь-

⁴ *Вашкау Н.Э., Хавкин Б.Л.* Александр Иванович Борозняк: историк и время // Новая и новейшая история. 2017. № 4. С. 129–140; *Хавкин Б.Л.* Рец. на книгу: А.И. Борозняк. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург, 2004 // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 215–216.

⁵ См., например: Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии. Материалы Международной научной конференции, посвященной 10-летию объединения Германии, Кемерово, 19–22 сентября 2000 г. / отв. ред. Б. Бонвеч, Ю.А. Галактионов. Кемерово, 2001; Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления. Материалы Международной научной конференции, Кемерово, 18–20 сентября 2001 г. / отв. ред. Б. Бонвеч, Ю.В. Галактионов. Вып. 3. Кемерово, 2003.

⁶ *Лавров В.М.* Православный взгляд на ленинский эксперимент над Россией. М., 2020. С. 34, 58, 94.

³ *Хавкин Б.Л.* Мы все сделали правильно? Советско-германские договоры 1939 года // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2021. № 1–2. С. 241–249.

ко к отказу от собственной культуры и принятию англо-американских ценностей, но и к лишению себя «самостоятельности в области внешней политики»⁷. Следует также учитывать, что массированная и не всегда продуманная пропаганда «преодоления прошлого» чревата обратным эффектом — не отторжением, а, наоборот, оправданием тоталитарной политики. Тем более что примеры подобной реакции в нашей стране известны⁸.

Авторы связывают надежды на возвращение в повестку дня дискурса о «переосмыслении прошлого» с сохранением диалога историков России и Германии (с. 347). Мы их в этом поддерживаем. Но ограничиваться этим недостаточно. В настоящее время отечественное сообщество историков фрагментировано настолько, что его разные лагеря часто не хотят слышать друг друга. Поэтому возвращение темы «преодоления прошлого» следует начинать с признания профессионалами необходимости спокойной, не ангажированной, плюралистической дискуссии, нацеленной не на осмеяние и уничтожение оппонента, а на выслушивание его аргументов и на диалог с ним. Мы убеждены, что лишь такое взаимодействие позволит историку решить задачу своего служения — «показать, как, собственно, дело было».

В целом рецензируемая книга Б.Л. Хавкина и К.Б. Божик — удачный пример сплава опыта и молодости. Заявленная авторами мозаичность их произведения (с. 7) сродни калейдоскопу, в котором разноцветные стеклышки складываются в целостную, объемную, яркую и неповторимую картинку. Работа отражает новейшие достижения мировой исторической науки. Она, несомненно, найдет своего вдумчивого и благодарного читателя и пробудит у него желание заглянуть в новые отражения российско-германских связей.

Библиография

Хавкин Б.Л. «Особые пути» России и Германии в XX веке: «преодоления прошлого» в культуре памяти // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 3. С. 26–43.

Хавкин Б.Л. Германия и судьба царской семьи в 1917–1918 гг. // Российская история. 2019. № 2. С. 130–141.

Хавкин Б.Л. Мы все сделали правильно? Советско-германские договоры 1939 года // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2021. № 1–2. С. 241–249.

Вашкау Н.Э., Хавкин Б.Л. Александр Иванович Борозняк: историк и время // Новая и новейшая история. 2017. № 4. С. 129–140.

Хавкин Б.Л. Рец. на книгу: А.И. Борозняк. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург, 2004 // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 215–216.

Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии. Материалы Международной

научной конференции, посвященной 10-летию объединения Германии, Кемерово, 19–22 сентября 2000 г. / отв. ред. Б. Бонвеч, Ю.В. Галактионов. Кемерово, 2001.

Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления. Материалы Международной научной конференции, Кемерово, 18–20 сентября 2001 г. / отв. ред. Б. Бонвеч, Ю.В. Галактионов. Вып. 3. Кемерово, 2003.

Лавров В.М. Православный взгляд на ленинский эксперимент над Россией. М., 2020.

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебник / под ред. А.К. Соколова. М., 2004.

References

Germaniya i Rossiya v XX veke: dve totalitarnye diktatury, dva puti k demokratii. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 10-letiyu ob'edineniya Germanii, Kemerovo, 19–22 sentyabrya 2000 g. [Germany and Russia in the 20th century: two totalitarian dictatorships, two paths to democracy. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 10th anniversary of the Unification of Germany, Kemerovo, September 19–22, 2000] / otv. red. B. Bonvech, Yu.A. Galaktionov. Kemerovo, 2001. (In Russ.)

Istchnikovedenie novejshej istorii Rossii: teoriya, metodologiya, praktika: uchebnik [Source studies of the modern history of Russia: theory, methodology, practice: textbook] / pod red. A.K. Sokolova. Moskva, 2004. (In Russ.)

Khavkin B.L. “Osobyie puti” Rossii i Germanii v XX veke: “preodoleniya proshlogo” v kul’ture pamyati [“Special ways” of Russia and Germany in the 20th century: “overcoming the past” in the culture of memory] // Novoe proshloe [The New Past]. 2019. № 3. S. 26–43. (In Russ.)

Khavkin B.L. Germaniya i sud’ba carskoj sem’i v 1917–1918 gg. [Germany and the fate of the royal family in 1917–1918] // Rossijskaya istoriya [Russian History]. 2019. № 2. S. 130–141. (In Russ.)

Khavkin B.L. My vse sdelaali pravil’no? Sovetsko-germanskie dogovory 1939 goda [Did we do everything right? Soviet-German treaties of 1939] // Forum novejshej vostochnoevropeskoj istorii i kul’tury [Forum of Modern Eastern European History and Culture]. 2021. № 1–2. S. 241–249. (In Russ.)

Khavkin B.L. Rec. na knigu: A.I. Boroznyak. Proshloe, kotoroe ne uhodit. Ocherki istorii i istoriografii Germanii XX veka. Ekaterinburg, 2004 [Book review: A.I. Boroznyak. A past that doesn’t go away. Essays on the History and Historiography of 20th century Germany. Yekaterinburg, 2004] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2005. № 6. S. 215–216. (In Russ.)

Lavrov V.M. Pravoslavyj vzglyad na leninskij eksperiment nad Rossiej [Orthodox View of Lenin’s Experiment on Russia]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Totalitarnyj mentalitet: problemy izucheniya, puti preodoleniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Kemerovo, 18–20 sentyabrya 2001 g. [Totalitarian mentality: problems of studying, ways of overcoming. Proceedings of the International Scientific Conference, Kemerovo, September 18–20, 2001] / otv. red. B. Bonvech, Yu.A. Galaktionov. Vyp. 3. Kemerovo, 2003. (In Russ.)

Vashkau N.E., Khavkin B.L. Aleksandr Ivanovich Boroznyak: istorik i vremya [Alexander Ivanovich Boroznyak: a historian and time] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2017. № 4. S. 129–140. (In Russ.)

⁷ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебник / под ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 277.

⁸ Там же. С. 278.

DOI: 10.31857/S013038640023114-3

© 2023 г. А.М. Фомин

НА ГРАНИ И ЗА ГРАНЬЮ ВОЙНЫ. КОНФЕРЕНЦИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ

Фомин Александр Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; Междисциплинарная научно-образовательная школа Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» (Москва, Россия).

E-mail: almif@list.ru

Scopus Author ID: 57955229300; Researcher ID: AAK-2004-2020

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии. Грант № 20-59-18007.

A.M. Fomin

ON THE BRINK AND BEYOND THE BRINK OF WAR: A CONFERENCE AT THE FACULTY OF HISTORY OF MOSCOW STATE UNIVERSITY

Alexander Fomin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: almif@list.ru

Scopus Author ID: 57955229300; Researcher ID: AAK-2004-2020

The publication was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the National Science Foundation of Bulgaria. Grant № 20-59-18007.

20–21 октября 2022 г. на историческом факультете МГУ состоялась международная научная конференция «Causus belli в международных отношениях XIX–XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления», прошедшая при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Национального научного фонда Болгарии. Соорганизатором конференции выступил исторический факультет Софийского университета им. Св. Климента Охридского (СУ).

В конференции приняло участие более 60 докладчиков, представлявших 25 научных и научно-образовательных организаций из шести стран мира (России, Болгарии, Белоруссии, Мали, Турции и Узбекистана). Она проходила в смешанном (очно-дистанционном) формате. Участники конференции в докладах затрагивали множество вопросов и проблем, связанных с войной, с политической, экономической, дипломатией и идеологией. Работа велась в рамках шести секций.

В первой секции рассматривалась проблематика войны как фактора становления и разрушения системы международных отношений в XIX — первые десятилетия XX в. Заседание открыл доклад А.В. Лазаревой (МГУ). Она на материале немецкой публицистики конца XIX — первой половины XX в. показала, как историческая память о Тридцатилетней войне XVII в. способствовала складыванию немецкой «национальной идеи» через представление

об этой войне как о «национальной катастрофе» и через поиск виновников этой катастрофы. Германскую тему продолжили Н.А. Власов (Санкт-Петербургский госуниверситет, СПбГУ) и А.М. Ипатов (Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина). Н.А. Власов сравнил роль О. Бисмарка и Г. Мольтке в генезисе австро-прусской войны 1866 г. — весьма непопулярного в немецком обществе конфликта, который называли даже «немецкой гражданской войной». А.М. Ипатов отметил мастерское использование Бисмарком фактора общественного мнения для создания casus belli в ходе «объединительных» войн, в первую очередь с Данией и Австрией. А.В. Бодров (СПбГУ) проанализировал «объединительные войны» Бисмарка с позиции французов. Он показал как в ходе предвоенного кризиса 1870 г. дипломатия Второй империи, изначально не желавшая компромиссов с Пруссией, быстро перешла от стремления «переиграть» соперника к тактике эскалации конфликта во многом под влиянием уже запущенной военно-мобилизационной машины и ограниченности времени, отведенного на принятие решений. А.В. Хорошева (Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН) рассказала, как тот же самый кризис 1870 г. сказался на политике Бельгии. Статус постоянного и гарантированного нейтралитета помог королевству избежать вовлечения в войну, что создало прецедент, надежда на который оказалась

напрасной в 1914 г. Тема бельгийского нейтралитета получила развитие в докладе Е.В. Романовой (МГУ). Она проследила эволюцию британских подходов к защите бельгийского нейтралитета на протяжении нескольких десятилетий перед Первой мировой войной — от желания под благовидным предлогом отказаться от обязательства по его защите до использования этого обязательства в качестве удобного повода для вступления в войну против Германии, если это будет соответствовать британским интересам.

Участники конференции не могли не уделить внимания теме Первой мировой войны. Б.С. Котов (ИВИ РАН) представил реакцию русской либеральной и консервативной прессы на Сараевское убийство и последующий международный кризис, вина за который целиком возлагалась на Австро-Венгрию и ее антиславянскую политику. Г.Ф. Матвеев (МГУ) на примере Польши показал избирательность и непоследовательность применения принципа самоопределения после войны. Возникшая благодаря этому принципу Польша сама не желала применять его к своим периферийным территориям и в первые годы существования не менее четырех раз провоцировала военные конфликты, каждый раз находя для этого совершенно произвольный *casus belli*. И.Э. Магадеев (Московский государственный институт международных отношений (Университет), МГИМО-У МИД РФ) рассказал о механизмах предотвращения военных конфликтов, которые рассматривались британскими государственными деятелями в 1920-е годы. Помимо Лиги Наций, которая уже тогда считалась недостаточно эффективной, большое внимание уделялось, например, созданию демилитаризованных и нейтрализованных зон.

Схожие проблемы затрагивались и на второй секции, посвященной участию империй в войнах XIX — начала XX в. Заседание секции открыл доклад В.Н. Истратова (МГУ), который на нескольких красноречивых примерах показал, как Британская империя при необходимости легко создавала удобный *casus belli* для колониальных войн в Азии. В ином аспекте британскую тему продолжил доклад Е.Ю. Сергеева (ИВИ РАН). Он проанализировал несколько критических моментов («военных тревог») в российско-британских и советско-британских отношениях, которые вполне могли стать *casus belli*, но завершились урегулированием конфликта. Автор показал общие черты и различия этих кризисов.

Несколько выступающих посвятили доклады политике Российской империи. Ю.А. Швецов (Уральский федеральный университет) рассказал о тесной взаимосвязи между войнами, дипломатическими контактами и другими внешнеполитическими акциями и процессом обеспечения «общей безопасности» в России в период правления Александра I и отметил, что тогда еще не существовало четкого разделения между органами политического

сыска и контрразведки. П.К. Романов (СПбГУ) проанализировал корреляцию фактора *casus belli* с происходившими изменениями в российском денежном обращении в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в. и курсом финансового управления Российской империи. И.А. Хвостова (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, НИНГУ) представила свой взгляд на дипломатическое мастерство С.Ю. Витте на мирной конференции 1905 г. в Портсмуте по окончании русско-японской войны. Тому же событию был посвящен и доклад Л.В. Байбаковой (МГУ), которая отметила роль посреднической миссии президента США Т. Рузвельта в успехе этой конференции. Дальним предпосылкам и истокам русско-японской войны был посвящен доклад М.В. Медоварова и Ю.В. Соколова (оба — НИНГУ). Авторы показали реакцию русской прессы на события японо-китайской войны 1894—1895 гг., выявив различия между консервативными газетами (однозначно антияпонская позиция) и либеральными (у которых не было устоявшегося единого мнения). О.А. Чернов (Самарский государственный социально-педагогический университет) исследовал взгляды российского дипломата Н.В. Чарыкова (он в начале XX в. некоторое время занимал посты российского посла в Османской империи и заместителя министра иностранных дел) на причины и происхождение международных конфликтов и войн.

Политика Османской империи была в центре внимания гостей из Турции. Серкан Кечеджи (Университет Докуз Эйльюль, Измир) рассказал о попытках Высокой Порты создать в XIX в. в своих балканских владениях систему военных поселений (колоний) с целью усиления контроля за этими провинциями со стороны центральной власти. Эффект оказался обратным ожидаемому. Насажение таких поселений только усиливало враждебность местных жителей и провоцировало восстания. Мустафа Танрыверди (Стамбульский университет) рассказал о неудачных планах Османской империи в период Крымской войны перенести военные действия на российскую территорию с опорой на действовавших против России местных горцев.

Работа третьей секции была посвящена природе конфликтов и путям их разрешения на пороге нового тысячелетия. Заседание открыло выступление Дарины Григоровой (СУ), в котором на материалах донесений болгарских дипломатов освещалась ситуация на Украине в начале 1990-х годов. Уже тогда прочитывались многие фундаментальные проблемы этого молодого государства — большое влияние агрессивных националистов, своекорыстные прозападной элиты, оторванной от нужд населения, давление на национальные меньшинства, в том числе и на местных этнических болгар. А.П. Косов (Белорусский госуниверситет) проследил эволюцию позиции США по отношению к конфликтам на территории Грузии (абхазский и южноосетинский) от момента их зарождения до «пятидневной войны»

2008 г. Изначально США приветствовали миротворческие усилия России, признавая Закавказье сферой ее интересов. Однако уже при Э. Шеварднадзе наблюдается заметный «дрейф» Тбилиси в сторону партнерства с США, ставший совершенно необратимым после «революции роз» 2003 г. В вооруженном конфликте 2008 г. Россия одержала чисто военную победу, но потерпела «информационное» поражение. М.А. Кокорев (МГУ) провел сравнительный анализ «афганских войн» СССР (1979–1989) и США (2001–2022), отметив, что для обеих держав вовлечение в этот конфликт изначально было «вынужденным» (недопустимые, по мнению лидеров, угрозы национальной безопасности), а итог — плачевным. Доклады А.Е. Кутейникова (СПбГУ) и А.И. Сквозникова (Тольяттинский госуниверситет) были посвящены международно-правовым вопросам, связанным с понятием *casus belli* на современном этапе, а также проблеме правомерности применения военной силы в международных отношениях.

Четвертая секция объединила историков, чьи интересы так или иначе касаются происхождения Второй мировой войны, а также причин и последствий кризиса Версальской системы в 1930-е годы.

Заседание открыл доклад А.А. Вершинина (МГУ), в котором автор проанализировал политическое и стратегическое измерение советско-французского пакта о взаимопомощи 1935 г. А.В. Хорошева (МГУ) рассмотрела чрезвычайно интересную тему: как деятели коммунистических и социал-демократических партий Европы в 1933–1936 гг. пытались объединить усилия для противостояния тому пропагандистскому успеху, к которому неизбежно привело бы проведение Берлинской олимпиады 1936 г., и создать «народный фронт в спорте». А.Е. Кузмичева (МГУ) попробовала разобраться в истории появления подложного политического завещания Ю. Пилсудского после его смерти в 1935 г. М.С. Павлова (Институт международной экономики и международных отношений РАН) подробно проанализировала один из необычных эпизодов дипломатической истории 1938 г., когда Польша, угрожая Литве войной, добилась, чтобы та установила с ней дипломатические отношения, что означало отказ от территориальных претензий на Виленскую область. Е.В. Корунова (МГУ) показала шведскую версию политики «умиротворения» во время Второй мировой войны — постоянные уступки формально нейтральной Швеции гитлеровской Германии. Отчасти это объяснялось традиционными симпатиями к Финляндии (с 1941 г. — союзницы Германии), отчасти прогерманскими настроениями короля Густава V, но главным образом элементарным страхом перед возможностью германского вторжения.

Несколько докладов были посвящены политике великих держав на Балканах и на Ближнем Востоке накануне и во время Второй мировой войны. А.Ю. Тимофеев (Белградский университет, Сербия) рассказал о постепенном подчинении Балканского

полуострова державам «оси» — начиная с захвата Албании итальянцами и заканчивая вторжением Гитлера в Югославию и Грецию. О.И. Агансон (МГУ) подробно остановилась на болгарском факторе в балканской политике великих держав, в первую очередь Великобритании и Германии, накануне Второй мировой войны. А.В. Болдырев (Институт востоковедения РАН) проанализировал внешнюю политику Турции в начальный период войны, прежде всего в связи с заключением ею 16 октября 1936 г. союзного договора с Великобританией и Францией. А.М. Фомин (МГУ) показал различие в подходах Великобритании и Франции к идее создания «нейтрального блока» на Балканах в период «странной войны». Е.Б. Сафаров (ВС Узбекистана, Военная академия генштаба РФ) представил планы военно-политического руководства СССР и Великобритании в отношении Ирана в 1941 г. — именно в этой стране, как известно, была осуществлена первая совместная военная операция держав антигитлеровской коалиции.

Большой интерес у присутствующих вызвали выступления некоторых гостей конференции, позволившие взглянуть с неожиданного ракурса на историю и предисторию Второй мировой войны. Доклад В.Н. Прямыцина и А.А. Гаврилова (оба — Военная академия генштаба РФ) был посвящен взаимодействию гидрометеорологических служб СССР и Германии, которое продолжалось до самого последнего предвоенного дня. В выступлении нашла отражение политика СССР в области военной гидрометеорологии во время Великой Отечественной войны. М.В. Карпова (Музей Калининского фронта, Тверь) рассказала о становлении и развитии служебного собаководства и почтового голубеводства в военных целях в СССР накануне и во время Второй мировой войны, отметив, что огромное значение в этих областях играло взаимодействие соответствующих государственных органов с собаководами и голубеводами-любителями.

Пятая секция была посвящена конфликтам и кризисам эпохи bipolarного мира и холодной войны. Открыл заседание секции доклад Война Божинова (Институт исторических исследований Болгарской академии наук) с интригующим названием «Была ли на самом деле холодная война?». По его мнению, «холодной» она была только в Европе, где непосредственно противостояли друг другу два военно-политических блока. Однако множество локальных конфликтов в других регионах мира, в которые прямо или косвенно были вовлечены СССР и США, придавали этому противостоянию черты перманентной конвенциональной войны с эпизодическими военными действиями исключительно на периферии. Р.Ю. Червяков (МГУ) продемонстрировал, каким образом советская карикатура объясняла решение правительства Великобритании и Франции начать вторжение в Египет в 1956 г. (Суэцкий кризис) и в какой мере эти объяснения соотносились с общим пропагандистским

фоном советской периодической печати. Д.В. Родин (МГУ) рассмотрел взаимодействие стран-участниц НАТО на примере одного из конфликтов периода деколонизации. Во время индийского вторжения в португальские колонии Гоа, Даман и Диу в 1961 г., несмотря на обращения со стороны Лиссабона, его союзники по НАТО, в частности США и Великобритания, отказались от прямого вмешательства в индо-португальский конфликт. Л.Р. Хлебникова (Институт стран Азии и Африки МГУ) исследовала ключевые факторы, приведшие к началу вторжения Израиля на территорию Ливана в 1982 г. Докладчик раскрыла последствия этой операции для самого еврейского государства. «Израильский Вьетнам», как нарекли этот конфликт в Израиле, стал самым противоречивым и драматичным событием для страны в тот период.

В рамках этой же секции с докладами выступили и профессиональные военные специалисты. Амади Шеикне Кулибали (ВС Республики Мали, Военная академия генштаба РФ) рассказал о военном конфликте между Мали и Республикой Буркина Фасо в 1985 г., известном как Агашерская война. Как и многие подобные конфликты в Африке, эта война была вызвана несогласованностью постколониальных границ и наличием ценных минеральных ресурсов на спорной территории. В выступлении были проанализированы замыслы сторон, дана сравнительная характеристика их сил и средств, оценена эффективность форм и способов военных действий, представлены военно-политические результаты конфликта и освещен процесс его урегулирования под эгидой Организации африканского единства. А.А. Кузнецов и Е.В. Бей (оба — Военная академия генштаба РФ) показали историю создания системы противовоздушной (противоракетной) обороны США в годы холодной войны и ее влияние на военную, геостратегическую и научно-техническую составляющие политики Вашингтона. Само наличие такой системы (якобы эффективной на 99,9%) серьезно увеличивало политический «вес» США на мировой арене и улучшало их переговорные позиции в отношениях с Москвой.

Шестая секция объединила историков, изучающих конфликты на Балканах — в «пороховом погребе» Европы.

В докладе О.А. Дубовик (МГУ) были рассмотрены внешнеполитические взгляды Стефана Стамболова — болгарского политического деятеля конца XIX в., прозванного за прагматизм «болгарским Бисмарком», и его планы военно-политических союзов с Австро-Венгрией, Османской

империей и соседними балканскими странами. Доклад, который представил Я.В. Вишняков (МГИМО-У МИД РФ), был посвящен психологическим аспектам «милитаризации повседневности» в Сербии начала XX в. Реакции русской прессы на Вторую балканскую войну 1913 г. уделил основное внимание Н.С. Гусев (Институт славяноведения РАН), показавший, насколько болезненно эта война, разрушившая «славянское единство», была воспринята в русском обществе. Схожей теме, но уже в чисто болгарском аспекте, было посвящено выступление Е.К. Трифионовой (Сыктывкарский госуниверситет им. Питирима Сорокина). Вторая балканская война практически уничтожила идею славянского единства, но перед Первой мировой войной, а также во время нейтралитета Болгарии в этой войне (1914—1915) эта идея еще жила. Ее последним носителем оставалось Славянское благотворительное общество. Д.В. Добрынин (Кубанский госуниверситет) рассмотрел характер русско-болгарских отношений накануне Первой мировой войны, уделив особое внимание месту этой темы в русской публицистике.

Как показала конференция, события XIX—XX вв. дают богатейший материал для исследований и обобщений по истории войн и военных конфликтов. За это время человечество проделало путь от чугунных ядер до ядерного оружия. Начало войны во все времена было политическим решением, и механизм принятия этого решения (или отказа от него) определялся характером политического строя государства, представлениями его лидеров о государственных интересах своей страны, а также о вероятном противнике — его целях, возможностях, сильных и слабых сторонах. Конечно же «черта», после которой дипломатические средства представлялись исчерпанными, часто проводилась произвольно, в соответствии с субъективными представлениями облеченных властью людей, что допустимо или недопустимо для державы, возглавляемой ими. Соотношение объективного и субъективного факторов в истоках и причинах войн и конфликтов — вопрос, на который вряд ли может быть дан общий и исчерпывающий ответ. В каждом конкретном случае требуется глубокое изучение всего доступного исторического материала.

DOI: 10.31857/S013038640025110-9

© 2023 г. А.В. Лазарев, Н.В. Боркунов

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АФРИКАНИСТОВ

Лазарев Алексей Вячеславович — аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

E-mail: brazzavill@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6372-854X

Боркунов Никита Валерьевич — аспирант Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: ni.mainacc@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2904-7067

A.V. Lazarev, N.V. Borkunov

ALL-RUSSIAN CONFERENCE OF AFRICANISTS

Aleksei Lazarev, State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: brazzavill@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6372-854X

Nikita Borkunov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: ni.mainacc@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2904-7067

14—15 декабря 2022 г. на базе Института всеобщей истории (ИВИ) РАН была проведена Всероссийская научная конференция «Источники по истории Африки: проблемы, тенденции, перспективы изучения и использования». Конференция была приурочена к юбилеям Г.В. Цыпкина, И.И. Филатовой и А.С. Балезина. Наряду с сотрудниками Центра африканских исследований ИВИ РАН в ней приняли участие представители научных коллективов Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Ярославля и Парижа. Конференция проходила в смешанном формате.

В первый день работы конференции было представлено 12 докладов. Открыл конференцию руководитель центра академик А.Б. Давидсон выступлением «Давний опыт поиска источников», в котором рассказал, с чего начались его поиски источников о начальном этапе советско-африканских связей. Первые сведения были найдены им в архиве Коминтерна. Удивительно, но волею случая он получил возможность работать в архиве еще в 1960-е годы, когда все материалы по этому направлению были засекречены. Особенную ценность представляли архивные документы, связанные с деятельностью Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) и Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП) при нем.

Д.и.н., проф. И.И. Филатова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», НИУ ВШЭ) в докладе «С чем и с кем довелось иметь дело в эти последние полвека: источники для наработанного» проследила, какие

источники использовались ею в исследованиях и что они привнесли уникального в ее работу. Было выделено пять типов источников: мемуаристика, художественная литература, официальные документы, интервью и архивные материалы. Каждый тип источников обладает своими особенностями и дает уникальные сведения, без которых невозможно было бы написание той или иной работы. Ирина Ивановна подчеркнула важность комплексного использования всех типов источников для исторических исследований.

Д.и.н., проф. А.С. Балезин (ИВИ РАН) в докладе «Мои поиски источников до и после 1991 г.» проанализировал основные этапы работы с источниками: сначала в студенческие годы, потом уже состоявшимся исследователем в зарубежных архивах ГДР, Намибии, Танзании, ФРГ и Франции, а в последние годы в российских архивах (Российском государственном архиве новейшей истории, Архиве внешней политики (АВП) РФ, Государственном архиве (ГА) РФ). Рубежным этапом в исследованиях Александра Степановича стал именно 1991 г., когда ему впервые удалось попасть в Намибию и поработать в местных архивах. Он поделился трудностями, с которыми пришлось столкнуться для того, чтобы попасть в Африку в то время, и призвал молодых африканистов не пренебрегать изучением африканских языков.

К.и.н. А.В. Воеводский (НИУ ВШЭ, ИВИ РАН) в выступлении «Оцифрованные архивные коллекции в сети Интернет: новые возможности в изучении истории Африки XX в.» проанализировал свой опыт использования архивных источников

в оцифрованном формате и показал, как это может помочь в преподавательской и научной деятельности. Выступление сопровождалось презентацией информации о британских, американских и южноафриканских архивах, с которыми автору довелось работать.

Д.и.н. Н.Л. Крылова (Институт Африки (ИА) РАН) в докладе «Женская эмиграция в Африке. Особенности работы с автодокументальными источниками» на основе эмигрантской литературы, в первую очередь автодокументалистики — мемуаров и автобиографий, проследила судьбу русских эмигрантов в странах Африки. Она показала, каким образом воспринималась африканская действительность русской эмиграцией на примере автодокументальных источников трех русских женщин-эмигранток.

Доклад «Материалы посольств и представительств СССР как источник формирования имиджа Советского Союза в Африке» представила к.и.н. Л.В. Иванова (ИВИ РАН). Автор рассказала, как пропагандистские материалы советских посольств и ведомств влияли на умонастроения африканцев в 1960—1970-е годы, остановившись на основных методах пропагандистско-агитационной деятельности советских представительств и посольств. Изучив дипломатические отчеты, Л.В. Иванова отмечает, как важно историкам-африканистам отделять мнения самих африканцев от мнений африканцев, конструируемых иностранцами. Доклад вызвал активную дискуссию, некоторые из участников конференции дополнили выступление комментариями об успехах и провалах пропаганды советских посольств в странах Африки и возможных путях продолжения исследований в этом направлении.

К.и.н. А.С. Зданевич (Санкт-Петербургский государственный университет, СПбГУ) в докладе «Особенности работы с открытыми источниками в контексте изучения развития африканских государств на современном этапе» отметил важность открытых источников, призвав при этом тщательно проверять их достоверность, надежность и информативность. Открывшаяся по итогам выступления дискуссия завершилась примирительным решением о важности использования всех видов источников для исследований.

Д.филос.н. И.Г. Татаровская (ИА РАН) в докладе «Мифология как источник для изучения философских идей у народов Тропической Африки» через сравнение нескольких схожих сюжетов греческой и африканской мифологий предположила, что философия активно черпала свои идеи из мифологии и впоследствии конструировала новые мифы. И.Г. Татаровская считает, что мифы есть воплощение представлений людей о социальном и природном устройстве мира.

Манирагена Валенс (СПбГУ) в докладе «Источники по истории в странах устной культуры передачи знаний на примере Руанды» выделил основные типы устных источников по истории Руанды: исторические рассказы и генеалогии, отметив часто встречающееся в них умышленное искаже-

ние исторических данных. Выступавший констатировал постепенную деидеологизацию руандийской истории, исключение из нее мифических сюжетов и вымышленных фактов времен монархического правления.

Свой опыт комплексного использования источников описал Э.Г. Цветков (средняя школа № 4, Ярославль) в докладе «Советские специалисты в странах Тропической Африки в 1960—1970-е годы: опыт сочетания архивных данных и источников личного происхождения». Для исследования темы советско-африканских связей и профессиональной деятельности советских специалистов в странах Африки автор привлек источники личного происхождения (мемуары, воспоминания и др.), интервью и архивные материалы (московских и региональных архивов). Сочетание источников позволяет всесторонне осветить тему исследования.

Об опыте работы с семейными воспоминаниями представителей русской послереволюционной эмиграции рассказала к.и.н. В.В. Грибанова (ИА РАН) в докладе «Исторические факты и их интерпретация в семейных воспоминаниях (по материалам полевого исследования в Намибии)». На примере семьи Крафтов, эмигрировавших из России после Октябрьской революции, был проведен сравнительный анализ воспоминаний потомков семьи и тех исторических фактов, что давали информацию о Крафтах и их деятельности в Российской империи и за рубежом.

Завершил работу первого дня доклад к.и.н. Н.Е. Хохольковой (ИА РАН) «Исторические источники в контексте изучения памяти о колониальном прошлом в Танзании», в котором были проанализированы способы функционирования источников в границах исторической памяти о колониализме в Танзании. Автора интересовала проблема взаимодействия категорий «исторический источник» и «источник конструирования исторической памяти». Особое внимание было уделено роли вещественных и визуальных (прежде всего архитектурных) источников в процессе формирования представлений о прошлом у молодых танзанийцев.

Во второй день конференции было заслушано девять докладов. Заседание открыл доклад д.и.н. А.Г. Пондопуло (Институт восточных языков и цивилизаций, Париж) «Писатель как собеседник историка: романы Тьерно Моненембо в деле создания транснациональной истории футболь». Кратко осветив основные страницы биографии неизвестного российским читателям и исследователям гвинейского писателя Т. Моненембо, автор сосредоточилась на анализе его романа «Футболь», отметив, как осваиваются исторические источники африканскими литераторами. На примере романа было продемонстрировано, как литературный источник может стать материалом для работы историка и какую роль играет литературный нарратив Т. Моненембо в создании транснациональной истории народа футболь.

Развитие нигерийской мемуаристики, начиная с Воле Шойинка и Чинуа Ачебе и заканчивая такими современными авторами, как Т. Фалола, проа-

нализировала д.и.н. Т.М. Гавристов (Ярославский государственный университет) в докладе «Мемуары нигерийцев как исторический источник: эволюция жанра?». Автор подчеркнула актуальность исследования мемуаров количественными методами по темам: Гражданская война в Нигерии (1967–1970), история городов и жизнеопытия, а также «эйдети́зм» мемуаристики, т.е. связь образов мышления с исторической реальностью.

Продолжил тему африканских мемуаристов А.В. Козвонин (МИД РФ) докладом «Воспоминания Фредерика Рандриамамундзи: история жизни малагасийского ученого, дипломата и политика». Автор исследовал мемуары, написанные на малагасийском языке, охватывающие широкий круг тем и значительный временной отрезок (1932–2013). Выступающий осветил основные события жизни мемуариста и подробно проанализировал его жизнь и службу на дипломатическом поприще в СССР.

Результаты своей работы с мемуаристикой как источником для изучения темы русской послереволюционной эмиграции представил д.и.н. А.В. Антошин (Уральский федеральный университет) в докладе «Мемуары Ольги Дроздовской как источник по истории русской эмиграции в Северо-Восточной Африке в 1920–1930-е годы». В условиях нехватки источников для изучения восприятия африканской реальности русскими эмигрантами в межвоенный период мемуары О. Дроздовской, собранные из ее интервью и изданные ее сыновьями, оказываются крайне ценным материалом для изучения опыта русских эмигрантов Эфиопии и Джибути. На основе анализа текста мемуаров прослеживаются причины, ход и последствия русской эмиграции в Африку, показано, что русские эмигранты не просто воспринимали, но и были включены в местные исторические процессы и события.

Завершило блок докладов, посвященных африканским мемуарам, выступление А.В. Мильто (Ярославский филиал Финансового университета при правительстве РФ) «Женские автобиографии как источник по социально-политической и идеологической истории Сомали». На примере текстов А. Харси, Ш.Р. Фазель и Ф. Корн были разобраны основные темы, которые затрагиваются в женских автобиографиях. Особое внимание было уделено социально-политическим и культурно-идеологическим проблемам: идентичности, гендерного неравенства, влияния глобализации на положение женщин в обществе. Доклад вызвал оживленную дискуссию среди участников конференции о роли и влиянии представленных автором мемуаров в самом Сомали.

В докладе «Материалы по гражданской войне в Нигерии (1967–1970) в АВП РФ» уникальным опытом работы в российских архивах поделился д.и.н. С.В. Мазов (ИВИ РАН). Судя по описям, он оказался первым исследователем, получившим доступ к этим документам. Особое внимание было уделено двум документам «Записка по Нигерии»

и «Записка посла в Нигерии Романова», без которых невозможно понять ни стратегию, ни тактику советской внешней политики по вопросу гражданской войны в Нигерии. Рассмотрев историю появления этих документов, докладчик показал, как они объясняют позицию, стратегию, тактику и действия СССР по вопросам внутривосточного кризиса Нигерии.

Аспирант А.В. Лазарев (Государственный академический университет гуманитарных наук) поделился результатами работы с архивными источниками в докладе «Документы ГА РФ о советских учителях в Танзании в 1960–1970-х годах. Проблемы, трудности и особенности работы с ними». Охарактеризовав особые и общие черты источников, автор остановился на основных трудностях при работе с документами: отсутствие некоторых отчетов советских преподавателей и недостаточность общей информации о самих специалистах. Выступавший отметил необходимость дальнейшего поиска источников для исследования темы пребывания советских специалистов в Восточной Африке.

В докладе «Немецкая журналистика и правительственные отчеты об инспекции Б. Дербурга (1907–1908) как источники о колониальном управлении в Германской Восточной Африке» аспирант Н.В. Боркунов (ИВИ РАН) проанализировал и сравнил две группы источников: тексты журналистов, сопровождавших руководителя министерства колоний Б. Дербурга, и правительственные отчеты, хранящиеся в Федеральном архиве ФРГ. Особое внимание было уделено церемониям встречи министра в Дар-Эс-Саламе и Букобе. Их сравнение позволило показать, как по-разному в них отражался колониальный порядок Германской Восточной Африки.

Аспирантка К.И. Попова (ИВИ РАН) в докладе «Научные исследования как источник для историографической работы: историческая африканистика в ГДР» показала актуальность и возможность использования научных исследований, написанных и изданных в ГДР, в качестве исторического источника. Основной фигурой, которой был посвящен доклад, стал Г. Штекер и изданная под его редакцией монография *Drang nach Afrika*, впоследствии переведенная на русский и английский языки. Был дан подробный текстальный анализ монографии, сыгравшей важную роль в развитии немецкой африканистики, и ее переводов. Доклад вызвал оживленную дискуссию, участники конференции поделились своим опытом работы в Германии, а также контактами с немецкими исследователями.

Завершило конференцию обращение президента Союза африканских диаспор к.филос.н. З.Т. Кинфу, в котором он подчеркнул важность подготовки к предстоящему саммиту «Россия – Африка», проведение которого намечено на лето 2023 г. в Санкт-Петербурге. З.Т. Кинфу отметил особенную актуальность привлечения африканских исследователей и студентов к деятельности Центра африканских исследований ИВИ РАН.

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте).
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта — 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200—230 слов) и ключевые слова (до 5—9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10—15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Ю.А. Рябчикова

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати 24.04.2023 г.
Дата выхода в свет: 10.05.2023 г.
Тираж 260 экз.

70•100¹/₁₆•
Зак. 11/2а.

Уч.-изд. л. 23.4
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

18+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22
ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»

Свидетельство о регистрации в Министерстве печати и информации РФ № 0110133 от 04.02.1993

Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1